

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

**GÉDÉON
TALLEMANT des RÉAUX**

HISTORIETTES

**ЖЕДЕОН
ТАЛЛЕМАН де РЕО**

**ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИИ**

**ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ:
А. Л. АНДРЕС, Э. Л. ЛИНЕЦКАЯ,
Т. Г. ХАТИСОВА, А. А. ЭНГЕЛЬКЕ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
ЛЕНИНГРАД · 1974**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*М. П. Алексеев, Н. И. Балашов, Д. Д. Благой,
И. С. Брагинский, А. Л. Гришунин, Л. А. Дмитриев,
Б. Ф. Егоров, Д. С. Лихачев (председатель),
А. Д. Михайлов, Д. В. Ознобишин (ученый секретарь),
Д. А. Ольдерогге, Ф. А. Петровский, В. И. Пуришев,
А. М. Самсонов (заместитель председателя),
Г. В. Степанов, М. И. Стеблин-Каменский, С. Л. Утченко*

Перевод и примечания А. А. ЭНГЕЛЬКЕ
Стихи в переводе Э. Л. ЛИНЕЦКОЙ

Ответственный редактор
А. Л. АНДРЕС

Жедеон Таллеман де Рео
ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

*Утверждено к печати
Редколлекцией серии «Литературные памятники» АН СССР*

Редактор издательства Б. Г. Друян. Художник М. И. Разуевич
Технический редактор Н. Ф. Виноградова
Корректоры Р. Г. Гершинская, А. И. Кац и Ф. Я. Петрова

Сдано в набор 11/IX 1974 г. Подписано к печати 26/XII 1974 г. Формат бумаги 70 × 90^{1/16}. Бумага
№ 1. Печ. л. 19^{1/4} = 23,10 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 23,79. Изд. № 5425. Тип. зак. № 1467. М-44680.
Тираж 50000. Цена 1 р. 78 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. Издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

Т $\frac{70304-502}{042(02)-74}$ 301-74

© Издательство «Наука», 1974

ОТ АВТОРА

Я оттого называю* этот сборник «Занимательными историями», что это всего только краткие записи, не имеющие между собою какой-либо связи. Я лишь отчасти соблюдаю в них последовательное течение событий, дабы избежать путаницы. Записывать я намерен все, что мне довелось и доведется впредь узнать приятного и достойного внимания, и собираюсь говорить и о хорошем и о плохом, не скрывая правды и не прибегая к тому, что можно почерпнуть в опубликованных исторических сочинениях и мемуарах. Поступаю я так с тем большей смелостью, что сии записки, по моему разумению, гласности не подлежат, хотя, пожалуй, от них может быть и некоторая польза. Я предназначаю их для друзей, которые давно меня о том настоятельно просят. Впрочем, я часто буду отсылать читателя к Мемуарам, которые хочу написать о регентстве Анны Австрийской — или, вернее сказать, о правлении кардинала Мазарини — и которые намерен продолжать, покуда он стоит у власти, ежели только смогу это сделать. Такие отсылки понадобятся мне, чтобы не повторять одно и то же: например, как только г-н Шабо, став герцогом де Роганом, войдет в сношение с королевским двором, я уже не смогу продолжать рассказ, озаглавленный его именем, ибо далее начинается история второй Парижской войны.¹ Таков мой замысел. Начну я с Генриха Великого и его Двора, дабы начать с чего-то поистине славного.

* В конце 1657 г. (Здесь и далее подстрочные примечания принадлежат автору, — А. Э.).

Генрих Четвертый

Родись этот государь королем Франции и царствуй он в мирное время, ему, должно быть, никогда не стать бы столь знаменитым: он погряз бы в сластолюбивых утехах, ибо не раз, невзирая на все препятствия, в погоне за удовольствиями забрасывал самые важные дела.*

После битвы при Кутра,¹ вместо того чтобы воспользоваться своим преимуществом, он предается шалостям с графиней де Гиш и показывает ей захваченные у врага знамена. Во время осады Амьена он волочится за г-жою де Бофор, немало не тревожась тем, что Кардинал Австрийский ** подступает к городу, спеша на выручку к осажденным.***²

Он был не слишком щедр и не очень-то умел быть благодарным. Он никогда никого не хвалил, а сам хвастался как гасконец. Зато не упомянуть государя более милостивого, который бы больше любил свой народ; впрочем, он неустанно заботился и о благе государства. Во многих обстоятельствах он доказал, что у него живой ум и что он понимает шутку.

Но вернемся к его любовным шалостям. Ежели, как утверждали некоторые, Себастьян Заме и в самом деле отравил г-жу де Бофор, он несомненно оказал этим немалую услугу Генриху IV, ибо сей славный государь намеревался совершить величайшее из всех возможных безумств;

* Я не стану ссылаться здесь на некую рукопись, озаглавленную «Любовные проказы Алькандра» (т. е. Генриха IV), ключ к которой мне известен, ибо в сих «Любовных проказах» она предстанет перед читателем вся целиком.³

** Кардинал Австрийский, впоследствии герцог Альберт.

*** Сигонь написал по этому случаю такую эпиграмму:

Я Генриха пою отвагу:
Сумев Испанца в дрожь вогнать,
Он нынче от попа дал тягу
И начал... атаковать.

и более того, он уже был на него готов.* Покойного Принца собирались объявить незаконным сыном.⁴ Граф Суассонский делался кардиналом, и ему давали ренту в триста тысяч эку различными бенефициями. Принц Конти был в ту пору женат на старухе,** которая не могла иметь детей. Маршал де Бирон собирался жениться на той дочери г-жи д'Эстре, которая впоследствии стала г-жой де Санзе. Г-ну д'Эстре*** пришлось признать эту дочь; она родилась в браке, но г-н д'Эстре к тому времени уже лет пять-шесть не жил с женою: та ушла к маркизу д'Аллегру и была убита вместе с ним в Иссуаре местными жителями, которые взбунтовались и перешли на сторону Лиги.⁵ Маркиз и его любовница держали руку Короля: и он, и она были заколоты и выброшены из окна.

Эта г-жа д'Эстре, в девичестве Ла-Бурдэзер, происходила из рода, который, пожалуй, был самым плодовитым во Франции по части женщин не строгого поведения;**** их можно насчитать двадцать пять, а то и двадцать шесть, монахинь и замужних, причем все они открыто принимали поклонение мужчин. Оттого-то про герб семейства Ла-Бурдэзер и стали говорить «виково семя», ибо в гербе этом, по забавному совпадению, есть рука, сеющая вику. Насчет их герба было написано такое четверостишие:

Благословенна будь рука,
Что вику сеять не устала,
Даруя нам, щедро, легка,
В посевах сем и шлях немало.'

Вот что мне привелось слышать от людей, хорошо осведомленных или полагающих себя таковыми. Некая бедная женщина, жительница Буржа, вдова прокурора или нотариуса, купила у старьевщика потертую куртку, за подкладкой которой нашла бумагу, где говорилось: «В подвале такого-то дома, на глубине шести футов под землею, в таком-то месте (оно было точно указано) зарыто столько-то золота в кувшинах» и т. д. По тем временам (добрых сто пятьдесят лет назад) сумма была весьма значительной. Вдова эта, зная, что генеральный наместник города тоже вдов и без-

* Причины этого можно найти в мемуарах г-на де Сюлли.

** Г-же де Монтафье, матери покойной графини.

*** Первый, кто носил это имя, Генерал-инспектор артиллерии (в ту пору это не было должностью королевского сановника), был славный малый, который преуспел. Он родился на пикардской границе; звали его по-пикардски Ла-Коссе (вместо Ла-Шоссе), и происходил он в какой-то мере из *dubia nobilitatis*.⁶ Но потом стал называть себя г-ном д'Эстре и утверждать, что происходит из знатного фландрского рода. Его сын благодаря покровительству г-жи де Бофор был тоже Генерал-инспектор артиллерии. Я слышал, будто он был латником в роте г-на де Рюампре и что он спас жизнь своему капитану, это помогло ему продвинуться. Его звали Длинный Жан де Ла-Коссе.

**** Одна из дам Ла-Бурдэзер похвалялась, что спала с папой Климентом VII в Ницце, с императором Карлом V в бытность его во Франции и с королем Франциском I.

детен, рассказала ему про клад, но дом не назвала и предложила, коли он согласен на ней жениться, раскрыть ему тайну до конца. Тот согласился, клад разыскали; генеральный наместник города сдержал слово и женился на вдове. Его звали Бабу. Он купил поместье Ла-Бурдэзьер. Это, как я полагаю, был дед матери маршала д'Эстре.

У г-жи д'Эстре было шесть дочерей и два сына: старший был убит при осаде Лаона; младший, по воле родителей ставший священником, получил Лионский епископат и сан кардинала, это ныне здравствующий маршал д'Эстре. Его кузен де Сурди добился кардинальской шляпы. Шесть дочерей г-жи д'Эстре — это г-жа де Бофор, воспитанница г-жи де Сурди, тоже из рода Ла-Бурдэзьер; г-жа де Виллар, о которой речь впереди; г-жа де Нан; графиня де Санзе; аббатиса де Мобюиссон и г-жа де Баланьи. Эта последняя — Делия из «Астреи».⁸ Она была несколько кривобока, зато любвеобильна необычайно. Это она родила покойному г-ну д'Эпернону дочь, ставшую впоследствии настоятельницей монастыря Сент-Клосин-де-Мец. Этих шесть дочерей и их брата прозвали «семью смертными грехами».

Г-жа де Невик, дама остроумная и запросто бывавшая у г-жи де Бар, написала на смерть г-жи де Бофор такую эпиграмму:

Я вижу явь страшнее снов:
Ведомы пастырским ублюдком,*
Шесть смертных, но живых грехов
Идут к погосту строем жутким
И, голоса «за упокой»,
Оплакивают грех седьмой.

Генрих IV, как поговаривают, был у герцогини не первым, и по этой причине он и не назвал г-на де Вандома старшего Александром, опасаясь, как бы его не стали титуловать Александром «Великим», ибо Великим или Главным называли г-на де Бельгарда, который, по-видимому, опередил Короля. Раз десять Король приказывал его убить,** но потом спохватывался, вспомнив, что сам же отбил у него возлюбленную; ибо

* Это — Баланьи, сын Монлюка, епископа Валанского. Он привел пятьсот всадников и восемьсот пехотинцев, набранных на свои средства, в распоряжение Генриха IV, когда тот не знал, как устоять против Великого командора Кастильского⁹ и г-на де Майенна, которые подходили, чтобы заставить Короля снять осаду с Лаона. Эта услуга была Генриху IV столь отрадна, что он сделал Баланьи маршалом Франции и выдал за него сестру г-жи де Бофор. Этот Баланьи был князем де Камбре; он овладел городом Камбре, примкнув к герцогу Алансонскому...

** Как-то г-н де Прален, капитан Лейб-гвардии, впоследствии маршал Франции во время Регентства, дабы помешать Королю жениться на г-же де Бофор, предложил ему застать Бельгарда с нею в постели. И вот однажды в Фонтенбло он будит Короля среди ночи; но когда они уже готовы были войти в апартаменты герцогини, Король сказал: «Ах! как бы это ее не рассердило!». Маршал де Прален рассказывал это одному дворянину, а тот — мне.

Генрих III, увидев, как г-н Бельгард танцует с м-ль д'Эстре, сказал: «Не иначе как они любовники».*

У Генриха IV было великое множество любовниц; но в постели он бывал не слишком расторопен, а потому всегда носил рога. Острили, что его и на раз едва хватает. Г-жа де Верней назвала его однажды «Капитан Хочет, да не Может», а в другой раз — ибо Королю доставалось от нее нещадно — она ему заявила, пусть, мол, радуется, что он Король, не то его вообще нельзя было бы выносить, до того разит от него падалью.

Покойный Король,¹⁰ желая прикинуться шутником, говаривал: «Это я в батюшку пошел; потом воняю».

Как-то Генриху IV доставили некую Фанюш, которую ему выдали за девственницу. Найдя дорожку достаточно проторенной, он принялся насвистывать. «Что это значит?» — спросила она. «А это я зову тех, — ответил он, — кто прошел здесь до меня». — «Жмите, жмите и нагоните», — откликнулась Фанюш.

Генрих Третий поступил с одной знаменитой куртизанкой куда хуже. Он провел с нею ночь; на следующий день она, напустив на себя важный вид, рассказывала всем и каждому, что провела ночь с богами. «А что, — спросил ее кто-то, — боги в этом деле лучше смертных?». — «Они лучше платят, — ответила она, — но, пожалуй, только это и умеют. Приходится терпеть: тысяча двести эку золотом на земле не валяются». Король, узнав про то, отправил к ней двенадцать Швейцарцев, имевших при себе по пять су на брата. «На сей раз — сказал он, — пусть похваляется, что ее изрядно утешили, но мало заплатили».

Полагаю, никто не одобрял поведения Генриха IV в отношении его жены, покойной Королевы-матери,¹¹ когда дело шло о его любовницах; ведь поселять г-жу де Верней у самого Лувра** и мириться с тем, что Двор из-за нее чуть ли не делится на два лагеря, было, по правде говоря, не политично и не слишком пристойно. Г-жа де Верней была дочерью г-на д'Антрага, женатого на Мари Туше, дочке Орлеанского булочника, но которая зато была любовницей Карла IX.*** Г-жа де Верней была умна, но и горда; она не питала никакого почтения ни к Королеве, ни к Королю; говоря с последним о Королеве, она называла ее «Ваша толстая баржа» и как-то на вопрос Короля, что бы она делала, если бы оказалась в порту Ньюлли в тот день, когда Королева едва там не утонула,¹² ответила: «Я бы стала кричать: Королева идет ко дну!».

В конце концов Король порвал с г-жой де Верней; она стала вести образ жизни наподобие Сарданапала или Виттеллия,¹³ только и помыш-

* Г-жа де Бофор жила вблизи Лувра. Говорили: «Капитанова девка у замковых ворот». Это стало пословицей.

** В замке Ла-Форс. Это можно прочесть в рукописи «Любовные проказы Аляндра».

*** Матерью покойного герцога Ангулемского Старшего.

ляла что о еде, об острых приправах и требовала, чтобы даже в спальне у нее стояла миска с едой. Она до того растолстела, что стала просто безобразна. Но ум никогда ее не покидал. Ее мало кто навещал. Детей у нее отняли; ее дочь воспитывалась вместе с королевскими дочерьми.

Покойная Королева-мать со своей стороны не очень-то старалась ладить со своим супругом, она придиралась к нему по любому поводу. Однажды, когда он велел выпороть дофина, она воскликнула: «С вашими ублюдками вы бы так не поступили!».

— Что до моих ублюдков, — отвечал он, — мой сын всегда сможет их высечь, ежели они станут валять дурака; а вот его-то уж никто не выпорет».

Я слышал, будто Король дважды собственноручно высек дофина: один раз, когда тот возымел отвращение к некоему придворному, да такое, что в угоду ему пришлось выстрелить в этого дворянина из незаряженного пистолета для виду, словно его убивают; в другой раз за то, что дофин разможил голову воробью; и поскольку Королева-мать рассердилась, Король сказал ей: «Сударыня, молитесь богу, чтобы я еще пожил; если меня не станет, он будет дурно обращаться с вами».

Кое-кто подозревал что Королева-мать причастна к смерти Короля: потому-то, мол, никто не видел показаний Равайака. Достоверно известно, что Король, когда Кончини (впоследствии маршал д'Анкр) отправился навстречу ему в Монсо, сказал: «Умри я, этот человек погубит мое государство».

Рассказывали только, будто Равайак так объяснял свое поведение: он де, понимая, что Король затевает большую войну и государство от этого пострадает, решил оказать великую услугу отечеству, избавив его от государя, который не желает сохранить в стране мир и к тому же не является добрым католиком.*

У этого Равайака борода была рыжая, а волосы чуть-чуть золотистые. В общем-то он был бездельник, который обращал на себя внимание лишь тем, что одевался скорее на фламандский манер, нежели на французский. Сбоку у него вечно болталась шпага; нрава он был унылого, но как собеседник приятен.

Генрих IV, как я уже говорил, отличался живым умом и добросердечием. Приведу несколько примеров.

В Ларошели среди простонародия прошел слух про некоего свечного мастера; он, мол, что называется, «охулки на руку не положит»: так обычно говорят про тех, кто ловко умеет вести свои дела. Генрих, бывший в ту пору лишь королем Наваррским, послал кого-то среди ночи купить свечу. Мастер встал с постели и продал свечу. «Видите, — сказал

* Те, кто хотел докопаться до причин смерти Короля, говорят, будто допрос Равайаку чинил президент Жанен в качестве государственного советника (он был председателем парламента в Гренобле) и Королева-мать избрала его как «своего человека». Говорили также, будто Коман упорствовала до самой смерти.

наутро Король, — этот человек охулки на руку не кладет. Он не упустит случая заработать, а это — верное средство разбогатеть».

Какой-то представитель Третьего сословия, опустившись на колени, дабы обратиться к Королю с речью, наткнулся на острый камень, причинивший ему столь сильную боль, что он крикнул: «Ядрена вошь!». Король, рассмеявшись, сказал ему: «Отменно! Вот самое лучшее, что вы могли сказать. Не нужно никаких речей; вы только испортите начало».

Однажды прислуживавший ему за столом дворянин вместо того, чтобы выпить пробу вина, как обычно, из крышки кубка, замечтавшись, выпил содержимое кубка; Король только и сказал ему: «Вы бы хоть за мое здоровье выпили, тогда вас можно было бы еще оправдать».

Раз Королю сообщили, что герцог де Гиз,¹⁴ ныне покойный, любит г-жу де Верней; он на это и ухом не повел и лишь заметил: «Надо же оставить им хоть хлеба краюху да добрую шлюху: и без того у них много чего отняли».

Проезжая как-то через деревню, где ему пришлось остановиться, чтобы пообедать, Король велел позвать какого-нибудь местного жителя, который слыл первым острословом. Ему сказали, что есть де такой, по прозвищу Забавник. «Так ступайте за ним!». Когда крестьянин пришел, Король велел ему сесть напротив себя, по другую сторону стола, за которым обедал. «Как тебя звать?» — спрашивает Король. «Да меня, государь, Забавником кличут». — «А далеко ли от бабника до забавника?». — «Да меж ними, государь, только стол стоит», — отвечает крестьянин. «Черт подери! — рассмеялся Король. — Вот уж не думал найти в такой маленькой деревушке такого большого острослова».

Когда он пожаловал цепь г-ну Ла-Вьевиллю, отцу того самого де Ла-Вьевилля, который дважды был суперинтендантом,¹⁵ тот, как это полагается, сказал ему: *Domine, non sum dignum*.¹⁶ «Я это знаю, — отвечал Король, — да меня племянник просил». Племянник этот был г-н де Невер, впоследствии герцог Мантуанский, у которого Ла-Вьевиль, незнатный дворянин, был дворецким. Ла-Вьевиль рассказывал об этом сам, опасаясь, быть может, как бы этого не сделал кто-нибудь другой, ибо был отнюдь не глуп и слыл любителем острых шуток.

Рассказывают, будто он посмеялся над неким удалцем, близким ко Двору, и этот удалец послал ему вызов на дуэль; тот, кто передал вызов Ла-Вьевиллю, добавил, что поединок назначен на завтра, в шесть часов утра. «В шесть? — переспросил Ла-Вьевиль. — Да я и по собственным делам так рано не встаю, стану я подниматься с петухами ради вашего приятеля». Так посланец от него ни с чем и ушел. Ла-Вьевиль тотчас же отправился в Лувр и первым рассказал там обо всем; и, поскольку путники были на его стороне, тот удалец остался в дураках.

Когда была наряжена Судебная палата для расследования деятельности чинов финансового ведомства,¹⁷ Король заметил: «Эх! Те, кого будут обвинять, разлюбят меня».

Король вместе с г-ном де Бельгардом, маршалом де Роклором и другими часто обедал у Заме* и в других кабачках. Когда очередь дошла до Маршала, тот заявил Королю, что не знает, где его угощать, разве только в кабачке «Трех Мавров». Король отправился туда. У сотрапезников его был один паж на двоих, а у Короля свой собственный. «Потому что мой камер-паж, — сказал он, — никому не станет прислуживать, кроме меня». Этим пажом был г-н де Ракан, оставивший нам прекрасные стихи.

Жители Эрнесе, в Шампани, поднесли Королю вина, уверив его, что лучшего нет во всем королевстве и что они готовы подтвердить свои слова *ad poenam libris*. «Мне доводилось слышать: *ad poenam libri*»,¹⁸ — сказал Король. — «Не мудрено, государь, — отвечал тот, кто держал речь, — от нашего вина такие „S“ порою выписывают».

Однажды Король отправился к принцессе де Конде, вдове принца де Конде Горбатого; там он обнаружил лютню, на обратной стороне которой было начертано двустишие:

В разлуке с ним томлюсь душой:
Мечтаю об одном — о смерти.

Он добавил:

Вы тетушке моей не верьте:
У ней в мечтах весь род мужской.

Дама эта была весьма любвеобильна. Она происходила из рода Лонгвиль.

Незадолго до сдачи Парижа, в то время как Король мучился бессонницей, оттого что никак не мог решиться порвать со своею верою, Крийон сказал ему: «Право же, государь, просто смешно ломать себе голову над тем, принимать ли веру, которая принесет вам власть!». А ведь Крийон был добрый христианин — однажды, молясь перед распятием, он вдруг возгласил: «О господи! будь я в ту пору там, никогда бы тебя не распяли!». Мне сдается даже, он обнажил при этом оружие, подобно Хлодвигу¹⁹ и его дружине во время проповеди святого Реми. Тот же Крийон, когда его стали обучать танцам, в ответ на слова: «Склонитесь, отступите», — воскликнул: «Отнюдь! Крийон ни перед кем не склонялся и никогда не отступал». Можно ли вообразить себе более истинного гасконца? Будучи полковником Гвардейского полка, он отказался убить г-на де Гиза. Когда же г-н де Гиз младший, в бытность свою губернатором Прованса, вздумал поднять гарнизон Марселя по ложной тревоге и, явив-

* Когда нотариус осведомился у Заме о его почетном звании, тот сказал ему: «Пишите: сеньер, владелец миллиона восьмисот тысяч экю».

пись к Крийону, вскричал: «Враги напали на город!», — Крийон, не дрогнув, сказал: «Вперед! Умрем храбрецами!». Потом де Гиз признался ему, что пошел на хитрость, дабы посмотреть, правда ли Крийон никогда ничего не боится. «Молодой человек, — резко ответил ему Крийон, — окажись вы свидетелем малейшей моей слабости, я бы вас заколол».

Когда г-н дю Перрон, тогдашний епископ в Эврэ, наставляя короля, заговорил о Чистилище, Генрих IV сказал ему: «Оставим это, не отбивайте хлеб у монахов».

Это мне напоминает того лекаря г-на де Креки, что прибыл в составе его посольства в Рим. Кто-то в Ватикане спросил этого лекаря, где папская кухня, на что он ответил со смехом: «В Чистилище». Его чуть было не привлекли к суду инквизиции, но, узнав, у кого он служит, не посмели.

В ту пору в Париж приехал Арлекин²⁰ со своей трупой; явившись на поклон к Королю, он, отличаясь необыкновенной бойкостью, выбрал время, когда Его Величество поднялся с трона, тотчас же уселся на его место и, обращаясь к Королю, как если бы тот был Арлекином, сказал: «Итак, Арлекин, вы прибыли сюда со своей трупой, дабы поразвлечь меня. Я очень рад; обещаю вам свое покровительство: назначаю вам такое-то содержание» и т. д. Король ни в чем ему не прекословил, но под конец сказал: «Ну, хватит! довольно вы играли мою роль, теперь дайте мне сыграть ее самому».

Попутно мне вспомнился один рассказ из английской жизни. Милорд Монтэю был недостаточно вознагражден за свои услуги королем Иаковом; и вот однажды, когда некий шотландский дворянин, коему Король под разными предложениями отказывал в аудиенции, явился просить его о награде, Монтэю сказал Королю: «Государь, на сей раз вам от него не уйти. Человек этот вас не знает, на мне ваш орден;²¹ я притворюсь Королем, а вы станете позади меня». Шотландец излагает свое прошение; Монтэю ему отвечает: «Вам не следует удивляться, что я ничего для вас не сделал, ведь я ничего не сделал еще и для Монтэю, который оказал мне столько услуг». Король Иаков шутку понимает и потому говорит: «Отойдите-ка в сторонку, хватит вам играть».

Генрих IV отлично понимал, что разрушать старый Париж означало бы, как говорится, назло самому же себе нос откусить; и в этом он был мудрее своего предшественника,²² который говаривал, что у Парижа слишком большая голова и ее нужно бы отрубить. Генрих IV пожелал все же, по понятным причинам, иметь какой-нибудь выход из города, дабы можно было покидать Париж незаметно; с этой целью он велел пристроить к Лувру галерею, которой в первоначальном плане не было, чтобы попадать через нее в Тюильри, вошедший в городскую ограду всего двадцать—двадцать пять лет назад. Г-н де Невер в это время строил для себя Неверский дворец. Генрих IV находил его черес-

чур пышным, чтобы выситься напротив Лувра, и однажды, беседа с г-ном де Невером и указывая ему на это здание, сказал: «Племянник, я переселюсь к тебе, когда твой дом будет закончен». Упомянутые слова Короля, а быть может, и недостаток денежных средств привели к тому, что строить дом перестали.

Однажды, обнаружив у себя много седых волос, Король воскликнул: «Право же, я поседел от торжественных речей, что произносились в мою честь со дня моего восшествия на престол».

Г-жа де Бар имела право приглашать в Лувр проповедников, но распевать псалмы там не разрешалось. Однажды, когда ее очень долго ждали, д'Обиньи, зная, что она беседует с Королем, входит в ее покои. «Что случилось?» — спрашивает Его Величество. «Герцогиню давно уже ждут, государь». — «Ну, что ж, — отвечает Король, — пусть себе попоют, ежели им скучно». Д'Обиньи, в восторге от того, что может подшутить над Королем, передает его слова собравшимся, а их довольно много, и все они начинают громко петь. «Что это?» — недоумевает Король. Ему объясняют. «Бог ты мой! — обращается он к сестре, — ступай же скорее туда, и пусть они немедленно замолчат».

Как-то, застав свою сестру, будущую г-жу де Бар, в задумчивой позе, Король спросил ее: «С чего это, сестрица, вы вздумали грустить? Нам по всему подобало бы воздать хвалу господу богу: дела у нас идут как нельзя лучше». — «У вас-то да, — отвечает она, — у вас все очень мило, а вот у меня милого нет как нет».²³

Однажды она велела поставить балет, в котором каждая фигура изображала букву имени Короля. «Ну как, Ваше Величество, — спросила она потом, — вы заметили, что все эти фигуры составляют буквы вашего имени?» — «Ах, сестрица, — отвечал Король, — либо вы плохо пишете, либо мы не умеем читать: никто не заметил того, о чем вы говорите».

В тот день, когда Генрих IV вступил в Париж, он отправился к своей тетке де Монпансье и попросил подать ему варенья. «Не иначе, — сказала она, — как вы спрашиваете его ради насмешки. Думаете, небось, что оно у меня все вышло». — «Да нет, — отвечал Король, — я попросту есть хочу». Она велела принести горшок абрикосового варенья и, положивши Королю, хотела, как полагалось, отведать первая. Король остановил ее и сказал: «Опомнитесь, тетушка!». — «Как? — воскликнула она, — мало я, по-вашему, натворила? Неужто вы меня не подозреваете?». — «Да ничуть не подозреваю, тетушка». — «А! — отозвалась она, — придется, видно, мне стать вашей служанкой!». И в самом деле, с тех пор она преданно служила ему.

При всей храбрости Короля говорят, будто стоило сказать ему: «Враги идут!», — как с ним приключалась медвежья болезнь и он, желая обратить это в шутку, объявлял: «Пойду-ка, постараюсь хорошенько для них!».

Рассказывают, будто в битве при Фонтэн-Франсэз²⁴ ему было несколько досадно видеть перед собою все того же Шапель-оз-Юрсена, впоследствии маркиза де Тренеля.

По натуре своей он был вороват и не мог не взять того, что попадалось ему под руку, но взятое возвращал. Он говаривал, что, не будь он Королем, его бы повесили.

Что до его внешности, представительностью он не отличался. Г-жа де Симье, которая привыкла видеть Генриха III, увидев Генриха IV, сказала: «Я видела Короля, но не видела Его Величества».

В Фонтенбло остался заметный след доброты этого Государя. В одном из садов можно увидеть дом, который как бы уходит в глубь сада и образует выступ. Частный владелец так и не пожелал продать этот дом Королю; и, хотя Король готов был дать за дом гораздо больше, чем он того стоил, принуждать владельца к продаже силою ему не хотелось.

Когда Король видел какой-нибудь обветшалый дом, он говорил: «Это, должно быть, принадлежит мне или церкви».

Маршал де Бирон младший

Этот Маршал был прирожденным воином: участвуя еще совсем молодым в осаде Руана,¹ он по какому-то поводу сказал отцу, что, ежели бы ему дали небольшой отряд людей, которого он добивается, он взялся бы уничтожить большую часть вражеского войска. «Ты прав, — ответил ему маршал, его отец, — для меня это так же ясно, как и для тебя; но надо еще списать себе уважение. На что мы будем годны, когда война кончится?».

Бирон младший был нагл и почти не считался с людьми. Он говаривал, что все эти принцы — . . ., годные лишь на то, чтобы их утопить, и что не будь его, Маршала, Королю бы не миновать тернового венца. Маршал был падок на похвалы, Король же хвалил только самого себя, а потому никогда слова не сказал о храбрости де Бирона, что выводило последнего из терпения. Он, впрочем, всегда полагал, что его заслуги вознаграждены недостаточно. Мы читаем, однако, что Генрих IV, посылая маршала де Бирона к королеве Елизавете, называет его в письме к ней «самым смелым пособником своих побед», да и после смерти Маршала Король достаточно доказал, как он его ценил: когда мать покойного Принца² объявила, что желает отправиться в Брюссель ради Спинолы, прозванного ею фламандским Бироном, от которого она ждала столь же преданной любви, какой была любовь Бирона французского, Король не мог перенести подобного сравнения и сказал, что весьма неуважительно по отношению к Маршалу ставить его на одну доску с этим торговцем.

Бирон был отнюдь не невежда. Рассказывают, что Генрих IV, будучи во Френе, близ Мо, попросил объяснить ему греческий стих, который

можно было увидеть в галерее. Несколько докладчиков Государственного Совета, которые, на свою беду, при сем присутствовали, сделали вид, будто не слышат слов Его Величества; Маршал, проходя мимо, объяснил, что сей стих означает, и поспешно скрылся: так ему было стыдно, что он знает больше, нежели судейские, ибо, чтобы приноровиться к веку, надлежало скорее прослыть грубым неучем, нежели человеком, обладающим познаниями в изящной словесности. В сражении при Арке³ пастор д'Амур стал призывать бога с величайшим рвением и страстной верой: «Господи, вот они, — причитал он, — приди, явись! Они уже повержены, бог предает их в наши руки», и т. д. «Как тут не сказать, — заметил Маршал, — что господу богу приходится повиноваться этим чертовым попам!».

Он был довольно милостив к своим слугам. Его управитель Сарро, отец советника и писателя, давно уже настоятельно просил его уменьшить штат прислуги и принес ему однажды список тех слуг, которые были для него бесполезны. «Вот, стало быть, те, — сказал Маршал, прочитав список, — без которых, по-вашему, я прекрасно могу обойтись, по надобно бы знать, обойдутся ли они без меня». И ни одного из них не прогнал.

Господин де Бельгард и многое о Генрихе Третьем

Люди, которые, подобно г-ну де Ракану, хорошо знали г-на де Бельгарда, говорят, что насчет него ходили слухи, и все неверные: во-первых, будто он трус, во-вторых, будто он весьма обходителен, и в-третьих, будто он очень щедр. Правда, он не искал опасности, но мужества отнюдь лишен не был; в дальнейшем мы увидим тому доказательства. Он отличался приятной манерой держаться, был хорошо сложен и весьма охотно смеялся. При первом знакомстве он нравился; но, за вычетом кое-каких любезностей, которые выходили у него довольно мило, все, что он говорил, ровным счетом ничего не значило. Слуги его вечно ходили оборванными, и, если только не предстоял какой-нибудь пышный выезд или нечто подобное, он не тратил и ломаного гроша; но в торжественных случаях тщеславие его вылезало наружу. В седле он красавцем отнюдь не выглядел, разве что в боевых доспехах, ибо они заставляли его держаться прямее; он был статен и силен и прекрасно умел носить оружие.

Одной знатной даме из Оверни, сестре г-жи де Сенетерр, из рода де Ла-Шатр, вздумалось во что бы то ни стало добиться благосклонности г-на де Бельгарда, о коем она была наслышана, и однажды, когда он проезжал неподалеку от тех мест, где она жила, дама эта пригласила его остановиться у себя в доме. Он заехал к ней; она прихорошилась

как только могла. Он провел с ней ночь и наутро уехал. Через тридцать лет они снова встретились в Париже; г-жа де Сенетерр ужас как изменилась; он поверить не мог, что это она, и опасался, как бы люди не усомнились в том, что эта женщина когда-то была совсем не дурна собою.

Излишне упоминать, что красивая внешность Бельгарда весьма помогла ему преуспеть, снискав внимание Генриха III. Известно, как ответил один из тогдашних придворных, когда его попрекнули, что он не продвигается при Дворе, как Бельгард: «Эка невидаль! — сказал он. — Ему о продвижении и думать не надобно; его достаточно подталкивают сзади». У Бельгарда был красивый голос, и он хорошо пел, но основным занятием своим пение так и не сделал, забросив его довольно рано.

Не было человека более чистоплотного; столь же чистоплотным он был даже в выборе слов.

Однажды, когда последний кардинал де Гиз, архиепископ Реймский, приехал весь в завитках* на обед к г-ну де Бельгарду, паж Ивранд шепнул на ухо г-ну Главному (так называли г-на де Бельгарда) следующее четверостишие:

Есть слух, что в давние года
Скромней прелаты наши жили:
Молились, и пажи тогда
Подстилкою им не служили.

Как-то, когда г-на де Бельгарда ждали в Нанси, куда он должен был отправиться от имени Короля, некий государственный советник герцога Лотарингского возвращался из небольшой поездки в девять часов вечера. Он подъезжает к городским воротам, дабы посмотреть, открыты ли ему, и говорит: «Едет г-н Ле-Гран».¹ Его принимают за г-на де Бельгарда. Раздаются звуки барабанов и труб, появляется множество факелов; люди спрашивают: «Где же господин Главный?». — «Вот он», — отвечают слуги. Ему передают приглашение Герцога пожаловать во дворец. Советник отправляется туда, весьма удивленный такими почестями, ибо знает, что в этот час никому ворот не открывают. Герцог спрашивает его: «Где же господин Главный?». — «Да это я, монсеньер. Меня зовут Ле Гран». — «Вы самый главный дурак», — сказал ему Герцог и вышел, сильно разгневанный оплошностью своей челяди.

Несмотря на большую чистоплотность г-на де Бельгарда, о которой мы уже говорили, у него лет с тридцати пяти стало течь из носу; со временем сие недомогание усилилось. Это весьма коробило покойного короля Людовика XIII, который, однако, не отважился сказать что-либо Бельгарду, ибо тот пользовался известным уважением. Король велел г-ну де Бассомпьеру побеседовать с ним. Но г-н де Бассомпьер отговорился. «Государь, — сказал он, — в первый же раз, как появится г-н де Бельгард, прикажите всем высморкаться». Король так и сделал, но г-н де Бель-

* Он умер, перестав причисываться.

гард догадался, кто дал такой совет, и сказал Королю: «Да, верно, Ваше Величество, я страдаю постоянным насморком, но вы отлично можете с ним примириться, коли миритесь с ногами г-на де Бассомпьера». А от ног г-на де Бассомпьера весьма попахивало. Постарались, чтобы размолвка эта дальше не пошла.

Я приведу здесь то, что герцог Ангулемский,² бастард французский, говорит о Бельгарде в своих Мемуарах, касаясь битвы при Арке:³ «Среди тех, кто особенно доказал свою доблесть, надобно упомянуть г-на де Бельгарда, Главного шталмейстера, коего храбрость сочеталась с такою скромностью и расположением к столь любезной беседе, что не было никого другого, кто бы являл большую твердость в бою и большую учтивость при Дворе. Он завидел всадника, разукрашенного перьями, каковой предложил обменяться с ним пистолетным выстрелом ради любви к дамам; а коль скоро г-н де Бельгард был их первым любимцем, он посчитал, что вызов касается его; и вот, без промедления, он устремляется на породистом испанском коне по кличке „Фрегуз“ и нападает на сего всадника столь же ловко, сколь и отважно; всадник выстрелил издалека в г-на де Бельгарда и промахнулся; тот же, наступив врага, перебил ему левую руку, так что всадник, обратив тыл, стал искать спасения в бегстве, примкнув к первому попавшемуся своему эскадрону».

Чтобы еще раз повторить, что г-н де Бельгард был отнюдь не лишен мужества, укажем на достойное его поведение в бою при Фонтэн-Франсэз⁴ и под Ларошелью.⁵ Его приставили к Месье,⁶ впоследствии герцогу Орлеанскому, дабы подавать советы этому Принцу, когда тот отправился испытывать свою удачу под Ларошель; г-ну де Бельгарду было приказано прежде всего воспрепятствовать боевым схваткам. Из Ларошели вышел отряд, г-н де Бельгард находился от него довольно далеко; пятьдесят молодых дворян устремляются на этих людей; те расступаются и охватывают их с флангов. Г-н де Бельгард, без доспехов, спешит на выручку, приводит своих людей в порядок и ведет назад. Отступая, он видит, что четыре ларошельца окружили какого-то кавалериста. Он вместе с ним вступает в бой, вдвоем против четверых, и выручает всадника.

Что до любовных увлечений г-на де Бельгарда, мне кажется, страсть к королеве Анне Австрийской была его последней любовью. Он то и дело повторял: «Ах, я умираю!». Рассказывают, будто однажды, когда он спросил королеву, как бы она поступила с тем, кто заговорил бы с ней о любви, она ответила: «Я бы его убила»: — «Ах, умираю!» — воскликнул он. И, однако, Королева отнюдь не убила Бекингема, который оттеснил нашего героя, царедворца Генриха III. Вуатюр написал по этому поводу следующее стихотворение:

Сверкнув звездой падучей,
Роже* разбился в пух,

* Бельгарда звали Роже.

И ныне ходят слух —
Его де с Луврской кручи,
Попав нежданно в случай,
Заморский сбил петух.

Однажды дю Мутье, художник, о котором речь впереди, застал г-на де Бельгарда в самом дурном настроении: он одевался и никак не мог найти желтой ленты в коробке, которую велел себе принести. «Вот они, всех цветов! — воскликнул он. — Нет только той, какая мне нужна сегодня. Ну не несчастный ли я человек? Никогда не могу найти то, что мне надобно». Г-жа де Рамбуи, которой рассказали об этом случае, заметила, что, судя по всему, Бельгарду это передалось от Генриха III, о котором г-н Берто, поэт, состоявший в ту пору королевским чтецом, а впоследствии епископ Сейский, говорил примерно то же самое. «Однажды, после полудня, — рассказывал он, — Генрих III лежал у себя на постели, с довольно грустным видом рассматривая изображение Богоматери в Часослове, переплет которого ему не нравился; а были другие Часословы, куда ему хотелось бы это изображение поместить. „Берто, — обратился он ко мне, — как бы нам переклеить эту Богоматерь в другой Часослов? Вырежи ее!“ Я трепеща взял ножницы и мысленно призвал на помощь всю свою ловкость и умение; однако, в двух-трех местах все же получилось неровно. „Ах! — воскликнул Король, — бедная моя картинка! Этот увалень мне ее испортил! Экий нескладный! И кто только мне его прислал?“». Чего он тут с досады не наговорил! Появляется г-н де Жуайез. Король пеняет ему на Берто: Берто ни на что не годен, его утопить мало. «И тут как раз, — добавляет г-н Берто, — прибывает посланник. — „До чего же несносен этот посланник! — воскликнул Король. — Вечно он некстати! Все же дайте мне мою мантию“. И он проследовал в аудиенц-зал. Вы бы сказали, что это какой-то бог: столько в нем было величия. Отсюда можно заключить, что государь сей был по природе своей слаб и изнежен, но в определенных случаях умел себя превозмочь. Он был щедр и шел на траты всегда охотно». Все тот же Берто явился к нему как-то на прием; но хотя, на его собственный взгляд, он был разодет весьма пышно, Король сокрушенно сказал: «Берто, ну как вы одеты? Сколь велико ваше содержание?». — «Такое-то, государь». — «Я вам его удвою, но извольте одеваться лучше».

По пути на Сен-Жерменскую ярмарку Генрих III заметил спящего юношу; в ту пору в одном из приходов освободилась довольно выгодная должность настоятеля и многие лица наперерыв добивались ее. «Я хочу отдать ее этому мальчику, — сказал Король, — пусть хвалится, что счастье ему во сне привалило». Юношу звали Бенуаз; * Король привязался к нему и назначил секретарем своего кабинета. На Бенуазе

* От него пошли парижские Бенуазы.

лежала обязанность держать всегда наготове отточенные перья, ибо Король писал довольно часто. Однажды, дабы попробовать, хорошо ли пишет перо, Бенуаз вывел наверху чистого листа: «Хранителю моей казны. . .». Король обнаружил этот лист и дописал: «Настоящим уплатите Бенуазу, моему секретарю, сумму в три тысячи экю» — и подписал. Бенуаз нашел это распоряжение и получил деньги.

Альбер де Гонди, впоследствии маршал и герцог де Рец, был первым камер-юнкером при Карле IX; когда на престол взошел Генрих III, он, будучи тонким придворным, сразу уразумел, что его принудят отказаться от этой должности, ибо она создана для людей, способных нравиться, и не подходит тому, кто неприятен лицом. И вот он является к Королю и подает ему прошение об отставке. Король назначил на эту должность г-на де Жуайеза, а на следующий день послал грамоту на герцогский титул г-же де Рец с любезной припиской, «что она из слишком хорошей семьи, чтобы не быть причисленной к рангу, к коему причислены менее знатные, нежели она». И это было гораздо более учтиво, чем ежели бы Король послал грамоту ее мужу. Г-жа де Рец была вдовой сына адмирала д'Аннебо. Ее мать, г-жа де Дампьер из рода де Вивон,* не сумев помешать дочери выйти замуж за г-на Реца, прокляла ее. Г-жа Дампьер была в свое время фрейлиной королевы Елизаветы.⁷ Рассказывают об одном весьма мудром ее поступке. Она сделала одну из своих племянниц фрейлиной королевы Луизы и, заметив в одно прекрасное утро, что Король больно уж ласков с молодой девушкой, посадила ее в карету и отправилась к отцу. Король не посмел ничего сказать. Даму эту весьма почитали, и все питали к ней уважение.

Г-жа де Рец, невзирая на материнское проклятье, имела множество детей. Маркиз де Белиль, ее старший сын, женился на девице из рода Лонгвиль, которая отличалась красотой и приятным сложением; она пожелала отомстить за смерть мужа, убитого в Мон-Сен-Мишеле,⁸ а потом постриглась в монахини, став настоятельницей в Фонтевро, а затем основательницей общины Кальвэр. Она ввела там новые реформы и умерла в святости.

Г-н де Бельгард велел учинить на своем надгробии надпись, что имел честь состоять в числе друзей покойного Графа.⁹

Кардинал де Ришелье сослал г-на де Бельгарда в Сен-Фаржо, где он пробыл лет восемь или девять. Покойный Принц,¹⁰ управлявший Бургундией, пожелал приобрести поместье Серр, которое г-н де Бельгард купил у г-жи де Меркер, дабы сделать из него герцогство, и дал ему свое имя.¹¹ Покупка была совершена так, чтобы земля перешла к брату г-на де Бельгарда, г-ну де Терму, и его сыновьям, которые были тогда еще живы. Г-н де Терм умер первым, оставив после себя единственную дочь, которую г-н де Бельгард выдал за г-на де Монтеспана (ныне г-на

* Дочь же была из рода Клермон-Таллар де Тоннер.

де Бельгарда) сына своей сестры. Итак, покойный Принц купил поместье Бельгарда, а г-н де Бельгард приобрел Шуази, в Орлеанском лесу, родовую землю семьи Лопиталь, и дал ей название Бельгард. Именно на этом основании нынешний г-н де Бельгард, сын его сестры, носящий фамилию Гондрен (поначалу Монтеспан), претендует на герцогский титул. У него детей нет, но у его братьев, маркизов д'Антен и Терм-Пардаян, они есть. Правда, умом эти отпрыски не отличаются. Архиепископ Санский тоже его брат.

При нас г-н де Бельгард вновь появился при Дворе после смерти кардинала де Ришелье и носил траур по этому правителю, который не переносил его насморка. Вскоре после этого, правда, г-н де Бельгард умер.

Принцесса де Конти

Принцесса де Конти была дочерью того герцога де Гиза, который по приказу Генриха III был убит в Блуа.¹ Но прежде, чем рассказывать о ее любовных связях, скажу несколько слов о шалостях ее прабабки и ее матери. Г-жа де Гиз,* мать Франциска, герцога де Гиза, убитого при осаде Орлеана Жаном Польтро, будучи влюблена в некоего придворного кавалера, дабы, наслаждаясь любовью, избежать огласки, требовала, чтобы его приводили ночью к ней в спальню с завязанными глазами и точно так же выводили. Один из друзей кавалера посоветовал ему отрезать кусок бахромы от покрывала постели, а затем посетить всех знакомых ему дам и посмотреть, не найдется ли где-нибудь подобной бахромы. Таким образом тот обнаружил, кто эта дама, и при первом же свидании сказал ей об этом, но его безрассудное любопытство положило конец их связи. Г-н д'Юрфе вывел героя этой истории в своей «Астрее»² под именем Альсиппа, отца Селадона, то есть отца самого г-на д'Юрфе; и это в самом деле вполне мог быть кто-то из его семьи, ибо то, что он говорит далее о вызволении своего друга, соответствует истине, и когда король Франциск I узнал об этом, он воскликнул: «Экий пайяр!»³ В дальнейшем тот же г-н д'Юрфе, который вызволил своего друга, в письме к одному из придворных игриво подписался: «Пайяр». Впоследствии кое-кто из этой семьи получил сие прозвище в качестве второго имени; по крайней мере я так слышал. Это напоминает мне об одном почтенном овернском роде, носящем фамилию д'Аше, — так во всяком случае подписываются его представители; истинная же их фамилия звучит весьма неприлично: «Мердезак»;⁴ говорят, будто это прозвище было дано одному из их предков в не знаю уж каком сражении, где, несмотря

* Ее звали Антуанетта Бурбонская. Она была порядочной женщиной; этот рассказ мало правдоподобен.

на случившийся с ним понос, он не покинул ратного строя и явил чуда храбрости.

Генрих «Меченый», отец принцессы де Конти, был гораздо незадачливее в браке, нежели его дед. Его жена * вела себя весьма дурно. Один его приятель, полагая, что он ничего не замечает, решил попробовать, можно ли ему об этом сказать; он заявил Герцогу, что у него есть друг, жена которого недостаточно блюдет его честь, и попросил у Герцога совета, открывать ли этому другу глаза. «Ибо я настолько в сем уверен, — добавил он, — что могу легко это доказать». «Меченый», который сразу почуял, в чем дело, ответил ему: «Что до меня, я заколол бы того, кто бы мне такое сказал». — «Клянусь честью! — откликнулся его приятель, — тогда я ничего не скажу и своему другу: у него, может статься, тот же нрав, что и у вас».

И все же, говорят, Герцог нагнал на жену страху; как-то раз, когда той немного нездоровилось, он, выказывая всем своим видом, что сильно чем-то удручен, заявил каким-то странным тоном, что ей надобно съесть бульону; жена отвечала, что потребности в сем не чувствует. «Извините, сударыня, вам надобно его отведать». И тотчас же послал на кухню за бульоном. Жена, у которой совесть не слишком была чиста, твердо решила, что муж хочет спровадить ее на тот свет, и стала слезно упрашивать его, чтобы он позволил съесть этот бульон хотя бы через полчаса. Рассказывают, будто она все эти полчаса готовилась к смерти, ничего, однако, о том не говоря, после чего поела принесенного ей бульону, каковой оказался самым обыкновенным.

Сен-Мегрен, коего считали отцом покойного г-на де Гиза только потому, что тот, как и Сен-Мегрен, был курносим, состоял ее любовником. Г-н де Майенн, не любивший шуток, приказал его убить. Точно так же он поступил с Сакремором, которого обвиняли в том, что тот живет с дочерью г-жи де Майенн.** Этот Сакремор был дворянином; ничего другого о нем мне узнать не удалось.

Г-н де Майенн, дабы обмануть свою жену, которая весьма тревожилась, что муж отлучается по ночам, сажал лакея в своем халате за стол, заваленный бумагами, будто работает над чем-то важным; лакей издали делал госпоже знак рукой, чтобы она шла к себе, и та почтительно удалялась.

За м-ль де Гиз, впоследствии принцессой Конти, ухаживали многие, в том числе и отважный Живри.*** Рассказывают, будто, назначив ему

* Она была из рода де Клев, младшая сестра г-жи де Невер, матери герцога Мантуанского.

** Г-жа де Майенн была наследницей земель Танда. Граф де Танд был бастардом Савойским. Она была вдовой г-на де Монпеза. Когда она вступила в права наследства, г-н де Майенн женился на ней.

*** Он был из рода д'Англиор.

свидание, она из озорства вздумала переодеться монахиней. Живри поднялся к ней по веревочной лестнице, но был настолько поражен, встретив вместо м-ль де Гиз монахиню, что никак не мог прийти в себя и поневоле вернулся не солоно хлебавши. Второго свидания он так и не добился; красавица прониклась к нему презрением, и дело завершился Бельгард.* В «Любовных проказах Алькандра»⁵ рассказывается о рождении этой любовной истории. Правда, опасаясь повторения неожиданного конфуза, м-ль де Гиз уже монахиней не переодевалась. Я слышал, будто все произошло на полу, в спальне самой г-жи де Гиз, которая лежала уже в кровати и, чувствуя, что ее клонит ко сну, велела задернуть полог, чтобы покрепче заснуть. М-ль де Витри, наперстница м-ль де Гиз, была Дариолеттой.⁶ Когда дело дошло до любовного поединка, у красавицы вырвалось: «Ух!». Мать, проснувшись, спросила, что случилось. «Да нет, ничего, — ответила наперстница, — просто Мадемуазель накололась за работой». Еще до этого, во время краткого перемирия, Бельгард и Живри пришли к воротам тюильрийского сада поболтать с г-жой и м-ль де Гиз. Г-н де Немур,** влюбленный в молодую принцессу,*** приказал по ним стрелять. Бельгард отошел, а Живри, более храбрый, крикнул ему: «Как, Бельгард, ты отступаешь перед этой красавицей!». Под конец, видя, что принцесса с ним порывает, Живри написал ей любовное письмо, которое я здесь приведу, ибо это одно из самых прекрасных любовных писем, какие только могут быть на свете:

Письмо г-на де Живри к м-ль де Гиз

«Услышав о моем конце, вы убедитесь, что я человек слова и говорил сущую правду, утверждая, что хочу жить лишь покуда вы оказываете мне честь вашим благорасположением. Ибо, узнав о перемене ваших чувств, я прибегаю к единственному доступному мне целительному средству и, должно быть, погибну: вас слишком любит небо, чтобы сохранить то, что вы желаете утратить, и только чудо может спасти меня от гибели, навстречу коей я устремляюсь. Смерть, коей я ищущ и которая ждет меня, заставляет прервать сии строки. Судите же, прекрасная принцесса, сколь почтительно мое отчаяние, какою силою обладает ваше презрение и заслужил ли я его».

* Бельгард нанял человека, который бежал из Парижа. Этот человек вручил ему карандашный портрет м-ль де Гиз. В пору написания портрета ей было всего пятнадцать лет. Именно с этого и началась любовь к ней Бельгарда. За шесть лет до смерти м-ль де Гиз снова обрела свой портрет и сказала о том г-же де Рамбуэ, навестившей ее в этот самый день; м-ль де Гиз была весьма обрадована.

** Тот, кто потом был тираном Лионским. Он был братом матери г-на де Гиза, убитого в Блуа. Их мать, дочь герцогини Феррарской, французская принцесса крови, вышла замуж за г-на де Гиза, а потом за г-на де Немура.

*** Г-н де Немур женился бы на ней, получи он церковное разрешение.

И в самом деле, во время осады Лаона он углубился столь далеко во вражеские ряды, что был сражен.* Ему, как я слышал незадолго до этого, предсказали, что он умрет *devant l'an*,⁷ а это могло означать и «до конца года», и «под Лаоном».

Еще скажу немного о г-не де Живри. Некогда он любил даму, имени которой я так и не мог узнать. Поскольку он был настойчив, ибо отлично видел, что дама его любит, она сказала однажды, тяжело вздохнув: «Знали бы вы, как я мучаюсь, вы бы меня пожалели. Я боюсь потерять вас, но когда б я согласилась дать вам то, о чем вы меня просите, я, кажется, умерла бы от печали». По тому, как это она говорила, и по ее слезам кавалер понял, что это не притворство, был глубоко тронут и, хоть и был уверен, что ему стоит лишь проявить упорство, и он добьется всего, — поклялся ей небом никогда более не говорить о своей страсти и любить ее с той поры, как сестру.

М-ль де Гиз вела себя впоследствии так, что один только принц де Конти способен был на ней жениться.**

В маленьком городке, через который проезжал Двор, судья, произнеся приветственную речь Королю, обратился затем с приветствием к принцессе де Конти, которую принял за Королеву. Король рассмеялся и во всеуслышание сказал: «Он не слишком-то ошибся: она бы ею стала, когда б вела себя добродетельно».

Рассказывают, будто, когда она стала просить г-на де Гиза, своего брата, не играть более в карты, ибо он много проигрывал, тот ответил: «Сестрица, я перестану играть, когда вы перестанете заниматься любовью». — «Ах, негодник! — воскликнула она. — Значит, он никогда не перестанет!».

Она была весьма неглупа и даже написала нечто вроде небольшого романа под названием «Приключения при Персидском Дворе»,⁸ где говорится о многом, случившемся в ее время. Она была добра и жалостлива, помогала сочинителям и оказывала услуги кому только могла. Правда, она бывала беспощадна к женщинам, коих подозревала в том, что они отбили у нее возлюбленных. Под конец жизни она стала несносно, совершенно помешавшись на величии своего рода, и настолько поглощена была этим, что вела себя иной раз довольно странно. Одержимая своими мыслями, она, проходя однажды с покойною графиней Суассонскою мимо ворот Малого Бурбонского дворца, выходящего на реку, указала ей, что на них еще заметны следы желтой краски, коею их выкрасили в ту пору, когда коннетабль Бурбонский бежал из Франции. «Надобно признаться, — ответила Графиня, — что наши короли проявили в свое время большую небрежность, не вымазав в желтый цвет ворота

* Канцлер де Шиверни, его зять, говорит в своих Мемуарах, что Живри, производя под Лаоном рекогносцировку вражеского фланга, на который он хотел навести пушку, был убит.

** Он был глуп.

Гизов».*⁹ Принцесса де Конти сказала как-то графине Суассонской: «Вы должны быть очень мне благодарны за то, что у меня не было детей». — «По правде говоря, — отвечала та, — меньше, чем вы думаете; мы совершенно уверены, что это не от вас зависело».

Когда кардинал де Ришелье сослал принцессу де Конти в графство д'Э, она по пути остановилась у некоего дворянина по имени Жонкер, близ Компьена, так как ее карета сломалась. В доме было трое-четверо юношей; это не помешало ей на следующий же день в их присутствии румяниться, набелить себе кисточкой грудь и плечи. В вечер приезда она, дабы развеять свое огорчение, спросила какую-нибудь книгу и с удовольствием прочла старого, засаленного «Жана Парижского»,¹⁰ найденного на кухне.

В Истории о г-не де Бассомпьере будет сообщено еще кое-что о ней.

Господин Депорт

Филипп Депорт был родом из Шартра и довольно низкого происхождения, но преуспел в учении. Он стал клерком у некоего парижского прокурора. У этого прокурора была довольно хорошенькая жена, которой молодой клерк нравился немного более, чем следует. Муж это заметил и однажды, когда Депорт отправился в город, взял его вещи, связал их в узел и повесил у входа на дверной колотушке с надписью: «Когда Филипп вернется, пусть забирает свои пожитки и уходит». Депорт берет свой узел и отправляется в Авиньон (быть может, Двор находился на пути туда),¹ на городской мост, где, как на ступеньках Дворца Правосудия в Париже, стоят те, кто хочет наняться в слуги. Он услышал, как какие-то молодые люди говорят: «Господину епископу дю Пюи надобен секретарь». Депорт идет к нему: епископ в то время, по-видимому, пребывал в Авиньоне. Физиономия молодого человека понравилась прелату. Находясь на службе у г-на дю Пюи, который происходил из рода Сенеттерр,** Депорт влюбился в его племянницу, сестру м-ль де Сенеттерр, о которой речь впереди. Эта возлюбленная зовется в его стихах Клеонис.²

Именно в пору своей службы у прелата Депорт постепенно становится известным благодаря стихотворной пьесе, начинающейся словами:

О ночь, ревнивая, . . . и т. д.

Он, разумеется, никому не говорил, что это всего лишь перевод из Ариосто или во всяком случае подражание ему. К стихам этим придумали мелодию, и все стали их распевать.*** Значительное свое состоя-

* Впоследствии с ними это произошло.

** Это от Сен-Нектер.

*** Незадолго до своей смерти он, к огорчению своему, увидел книгу, озаглавленную «Сходство Муз итальянских и Муз французских», где сонеты, заимствованные и переведенные им, помещены рядом с его собственными.

ние Депорт составил себе в пору милостивого расположения к нему г-на де Жуайеза, у которого был постоянным советником. Он получил четыре аббатства, присовившие ему более сорока тысяч ливров. Г-н де Жуайез сумел так расположить Генриха III к Депорту, что тот стал принимать большое участие в делах государства. Именно тогда он сделал немало для сочинителей и способствовал пожалованию им множества бенефиций.

Не знаю, Депорт ли определил к особе Короля некоего Отрона, услугами коего Его Величество пользовался для составления речей; однако никто не предупредил сего Отрона, чтобы он не позволял себе шуток со своим властелином; однажды в Сен-Клу Король, выпаривая венерин недуг, спросил Отрона, о чем говорят в Париже. «Государь, — ответил тот опрометчиво, — говорят, что в Сен-Клу очень жарко». Король осерчал и велел ему выйти вон.

Однако Депорт покинул стан Короля и перекинулся к Гизам, ибо полагал, что Королю не миновать поражения.³ Он отправился в Руан вместе с адмиралом де Вилларом, подле которого занял то же место, что занимал при г-не де Жуайезе. Все же впоследствии они с Адмиралом рассорились, и вот по какой причине.

У королевы Екатерины Медичи была фрейлиной м-ль де Витри, легкомысленная, привлекательная и остроумная. Как-то, когда она находилась в покоях Королевы, Депорт сделал ей дочку; говорят, будто однажды поутру она отправилась рожать в предместье Сен-Виктор, а вечером появилась на бале в Лувре, где даже танцевала; что с ней неладно, заметили по тому, что у нее открылось кровотечение. Она шутиливо говорила, что женщинам пояс святой Маргариты ни к чему: им-то ведь можно кричать до хрипоты, а носить его подобает девицам, которые даже ах! громко произнести не решаются. Впоследствии, как то часто бывает между любовниками, она охладела к Депорту и поссорила его с адмиралом де Вилларом, который, хотя де Витри была уже в годах, влюбился в нее без памяти. Она коварно внушила Адмиралу, что, ежели он всегда будет держать при себе Депорта, люди станут думать, будто он ни в чем не может обойтись без его советов и все делает по его указке, ибо только благодаря влиятельности Депорта де Виллар был сделан тем, кем он теперь является. Адмирал был от своей возлюбленной без ума — настолько, что в Пикардии, уже примирившись с Генрихом IV и отправляясь в бой, в котором он пал, стал целовать браслет из волос г-жи де Симье (так звали впоследствии эту даму) и сказал г-ну де Буйону, стыдившему его за это: «Воистину, я верю в нее, как в бога». И тем не менее он был убит.

Г-ну Депорту пришла довольно странная фантазия получить одному все отцовское наследство. У него были брат и шесть сестер, из коих три не пожелали продать ему свою долю. Им он не стал помогать. Трех остальных он помогал, но особенно брату.

Сатирический поэт Ренье, его племянник, зажил безбедно только после смерти Депорта, когда маршал д'Эстре выхлопотал для него аббатство, приносящее пять тысяч ливров дохода. К тому времени он уже имел доход по своей должности каноника в Шартре.⁴

Депорт был в таком почете, что все приносили ему на суд свои сочинения. Некий стряпчий принес однажды длинную поэму, которую Депорт попросил прочесть племянника, дабы избавить себя от сего утомительного занятия; в одном месте стряпчий писал:

Я взнудываю Аполлона...

Ренье сделал на полях приписку:

Лишь те, что разумом убоги,
Владыку Муз хотят взнудать:
Пойми, в узде не ходят боги,
Но вам, ослам, она под стать.

Через некоторое время приходит стряпчий, и Депорт отдает ему сочинение, говоря, что в нем много прекрасных мест. На следующий день стряпчий возвращается вне себя от гнева и, показывая Депорту это четверостишие, говорит ему, что непозволительно подобным образом насмехаться над людьми. Депорт узнает почерк Ренье, он вынужден признаться стряпчему, как все произошло, и просит не вменять ему в вину сумасбродство племянника. Дабы потом не повторяться, добавлю, что Ренье умер тридцати девяти лет в Руане, куда уехал лечиться от сифилиса у некоего лекаря по прозвищу «Звонарь». Когда его вылечили, он решил угостить своих целителей. Нашлось молодое испанское вино; лекаря, потворствуя Ренье, позволили ему выпить; разгоряченный, он схватил плеврит, и через три дня его не стало.

В царствование Генриха IV Депорт продолжал быть в чести; однажды Король со смехом сказал ему в присутствии принцессы де Конти: «Господин де Тирон (аббатство Тирон было его главным угодьем), вам бы следовало полюбить мою племянницу: * это разгорячит вашу кровь, и вы напишете прекрасные стихи, хотя уже и не молоды». Принцесса ответила довольно смело: «Я не против: он любил женщин и более высокой крови, нежели я». Она разумела королеву Маргариту, которую Депорт любил в те времена, когда та была еще только королевой Наваррской.

Именно Депорт способствовал возвышению кардинала дю Перрона, каковой был его ставленником. Когда тот стал Кардиналом, Депорт оказался в большом затруднении, как теперь обращаться к нему в письмах, ибо никак не решался титуловать Монсеньером человека, которого столь долго кормил. Все же он нашел выход и стал писать ему *Domine*.⁵

* Так Король называл принцессу де Конти, когда хотел ей угодить.

Депорт был весьма сластолюбив, и в одной из своих эпиграмм, довольно, впрочем, посредственной, он говорит, что в сорок лет проделывал кое-что шесть-семь раз кряду.

Господин де Сюлли*

Говорили и даже уверяли, будто он происходил от шотландца Бетена, а вовсе не из рода графов де Бетюнов фламандских, и будто существовал некий шотландец, архиепископ Глазго, коего он назвал своим родственником. Почитая себя в родстве с Гизами через семейство де Куси,¹ происходившее, по его словам, «из старинного австрийского рода» (словно ему казалось унижительным состоять в родстве с Императором и королем Испанским), он предложил свои услуги Гизам против графа Суассонского. Король велел передать ему через г-на дю Морье, гугенота, в дальнейшем посланника в Голландии, что он ему спеси поубавит и Гизы немного выиграют от его, Сюлли, поддержки; он де неблагодарный, ежели идет против принца крови, который его из грязи поднял, и предлагает свою помощь тем, кто пытался посягнуть на корону и жизнь его благодетеля. Г-н дю Морье не передал и половины того, что поручил ему сказать Король; тем не менее герой наш был так этим подавлен, что вызывал к себе жалость; ибо насколько он бывал заносчив в пору своего благоденствия, настолько оказывался труслив и не уверен в себе в дни невзгоды.**

Он хвалился тем, что поручил управление Провансом покойному г-ну де Гизу, против чего канцлер де Шиверни возражал.

Он хулит г-на д'О, который, однако, рук не замарал и, вместо того чтобы нажитья на управлении финансами, проел на этой должности свое состояние.

Он обходит молчанием г-на де Санси, словно тот никогда не управлял финансами. Санси прогнали за то, что при осаде Амьена, когда Король в присутствии г-на де Монпансье стал советоваться с ним относительно своей женитьбы на г-же де Бофор, он ответил, что, коли уж говорить о шлюхах, он предпочел бы дочь Генриха Второго, а не дочь госпожи д'Эстре, помершей в борделе; а еще за то, что, слушая рассказ Герцогини

* Я извлек большую часть изложенного здесь из рукописи, составленной покойным г-ном Марбо (бывшим в свое время секретарем г-на дю Плесси-Морне) по поводу Записок г-на де Сюлли, лживость коих он выявляет почти на каждом шагу относительно всего, что касается их автора. Я извлек из этой рукописи все, что не осмелятся опубликовать, когда ее напечатают.

** Впоследствии он повздорил с графом Суассонским из-за некоторых ассигнований, за кои грубо упрекал этого принца. Герцоги Гизы предложили Сюлли свою поддержку, дабы отплатить ему за услугу, чем Король был весьма разгневан. То же, что он рассказывает по поводу другой своей ссоры с Графом, неверно: Граф попросту пронзил бы его шпагой. Хотя Сюлли был губернатором в Пуату, он не пользовался там доверием.

о некоем помещике, ее соседе, который узаконил своих детей, женившись на их матери, он, Санси, заявил ей в лицо: «Все это годится для дворянина с пятью-шестью тысячами наследственного дохода, а вот зайдя речь о королевстве, той женщине никогда бы дела не сладить, и бастард всегда останется сыном шлюхи». Слова эти были, по правде говоря, несколько неучтивы; но Королю надлежало бы принять в соображение, что г-н де Санси человек порядочный и оказал ему множество важных услуг. Он на собственный счет нанял Швейцарцев и привел большой отряд их в распоряжение Генриха IV.² Умер он в бедности, с запретительным постановлением³ в кармане. Не раз случалось, что его забирали стражники; он давал им довести себя до ворот тюрьмы, затем предъявлял свое запретительное постановление и глумился над ними.*

Г-жа де Бофор не успокоилась, пока не добилась назначения на его место г-на де Рони. Он уж давно ухаживал за ней. Его первой должностью была должность контролера по проверке пропускных свидетельств во время осады Амьена. Потом его послали в податное ведомство для взимания всех денег, находившихся у сборщиков, и он проявил при сем отменную строгость. Той же строгости придерживался он при выполнении всех поручений. Поскольку он был весьма невежествен по части финансов, ему сопутствовал некий Анж Капель, сьер дю Люа, чудак, причастный к изящной словесности, который опубликовал гораздо позже, дабы польстить г-ну де Сюлли, книжицу, озаглавленную «Наперсник»⁶ и приведшую в сильнейшее раздражение г-на де л'Эдигьера. Дю Люа по-

* У г-на де Санси был сын, состоявший камер-пажом Генриха IV. Умаявшись носить факел пешим, он раздобыл себе иноходца. Король про то узнал и велел его выпороть. Сей паж всегда клялся *Pa la mort*, его прозвали Паламором.⁴ Это был довольно забавный юноша. Однажды на Орлеанской дороге он повстречал г-жу де Гимене, направлявшуюся в Париж. Ему надоело ехать верхом: погода была скверная; он сказал: «В долине Торфу водятся воры, позвольте вас сопровождать». — «Благодарю вас», — ответила дама. — «О, сударыня, — воскликнул он, — пусть же никто не скажет, что я покинул вас в беде!». С этими словами он опустил окошко и, как она ни возражала, влез к ней в карету. Как-то в Риме жена г-на де Бриссака, бывшего там в ту пору посланником, направилась взглянуть на виноградники Медичи. Паламор, совершенно голый, стал в одной из ниш, в которой не было статуи: там есть галерея, сплошь уставленная имп. Человек этот впоследствии сделался отцом-Ораторианцем,⁵ и его звали отец Паламор. В келье у него находились лишь изображения святых на коне, таких, как святой Маврикий, святой Мартин и другие.

Другой сын г-на де Санси, который был посланником в Турции, стал тоже отцом-Ораторианцем. Однажды он заехал по пути в Кармелитский монастырь, основанный кем-то из его рода; монахи оказали ему такой же прием, как любому другому. Он на это посетовал; когда на обратном пути он снова заехал в монастырь, настоятельно захотелось исправить свою ошибку; но и вручение ключей от ограды, и согласие приподнять свое покрывало были обставлены ею с великой таинственностью. Наконец покрывало приподнято. «Воистину, матушка, — сказал гость настоятельнице, узрев ее весьма желтую физиономию, — очень нужно было так ломаться, чтобы показать лицо цвета яичницы! Опустите, опустите покрывало!». И он повернулся к ней спиною.

садили в тюрьму. Когда приступили к допросу и спросили у него: «Обещаете ли вы говорить правду?» — «От сего воздержусь, — ответил он. — Я ведь страдаю-то потому, что правду говорил». Он высказывал весьма пагубные суждения и, среди прочих глупостей, говаривал, что де для восстановления Франции надобно лишь миндальное молоко: в ту пору как раз разбиралось дело о штрафах.⁷ Он опубликовал книгу, содержащую его пресловутые суждения, на титульном листе коей был изображен сам в виде ангела⁸ с крыльями и бородою, а в помещенных ниже стихах говорилось, что от человека у него и осталась только борода.

Г-н д'Энкарвиль, генеральный ревизор финансового ведомства, вовсе не был вором, как то утверждает Сюлли; он был честным и почтенным человеком.

Ссора Сюлли с г-жой де Бофор в ту пору, когда она должна была стать королевой, плохо согласуется с его рассказом о поездке в Клермон, где он, по приказу этой дамы, якобы бьет палкой кучера. Она бы его быстро прогнала.

Вот что произошло, когда г-жа де Бофор заболела. Она спешно послала к Королю дворянина Пюиперу, дабы сообщить о своем недомогании и умолить его позволить ей сесть в лодку и отправиться к нему в Фонтенбло. Она надеялась, что это заставит Короля тотчас же приехать к ней и, пока она еще жива, обвенчаться с нею ради детей. В самом деле, как только Пюиперу прибыл, Король приказал ему тронуться в обратный путь, дабы тот приготовил для него паром в Тюильри, на котором он хотел незаметно переправиться; а сам немедленно вскочил на коня и помчался так быстро, что нагнал Пюиперу и осыпал его жестокими упреками. Подле Жювизи Король повстречал канцлера де Белльевра, который сообщил ему о смерти Герцогини. Невзирая на это, он поскакал бы в Париж, дабы увидеть ее хотя бы бездыханной, ежели бы Канцлер не внушил ему, что сие недостойно Короля. Он сдался на эти доводы и возвратился в Фонтенбло.

Г-н де Сюлли говорит в одном месте, что Король сел в его карету; у него ее не было, хотя он уже стал Суперинтендантом финансов. В Лувр он ездил верхом и получил карету, только когда стал Генерал-инспектором артиллерии.*

* Король не желал, чтобы обзаводились каретами. Маркиз де Кевр и маркиз де Рамбуае были первыми молодыми людьми, кои приобрели их, последний — по причине плохого зрения; первый сослался на какую-то иную причину. Встречая Короля, они прятались. Бассомпьер говорил, что, когда шел дождь, они заезжали за знакомыми дамами, дабы наносить визиты вместе с ними. Арно Ле-Петё был первым холостяком в городе, у коего появилась карета, ибо женатые люди обзавелись ими прежде него. Покойный Король не одобрял, что Фонтене-Марей завел себе карету; ему доложили, что тот собирается жениться. Наконец кареты стали чем-то вполне обычным. Но что такое лошади-иноходцы, никто не знал; иноходец был только у Короля. Даже во времена Генриха IV дело обстояло именно так; за Королем трусили рыспой.

Когда Король назначил де Сюлли Суперинтендантом финансов, тот из бахвальства составил перечень своего имущества и вручил этот перечень Его Величеству, поклявшись, что намерен жить на одно жалование и на свою земельную ренту, которая в ту пору сводилась лишь к доходам с поместья Рони. Но тотчас же вслед за этим он начал делать большие приобретения, и все кругом стали посмеиваться над его пресловутым перечнем. Король довольно ясно показал, что он обо всем этом думает: однажды, когда г-н де Сюлли споткнулся во дворе Лувра, желая приветствовать Государа, стоявшего на балконе, тот, обращаясь к окружавшим его придворным, сказал, чтобы они сему не удивлялись, ибо ежели у самого выносливого из его Швейцарцев так шумело бы в голове от магарычей, он растянулся бы во весь рост.

Сюлли разрешает Ла-Варенну* титуловать себя Монсеньером. В те времена Суперинтенданта финансов «Монсеньером» не называли, а занимал он тогда только этот пост. Впрочем, Ла-Варенн был слишком горд, чтобы поступать таким образом. Это видно из того, что впоследствии он пишет Сюлли по поводу ссоры между их зятьями** в Бретани, возникшей из-за местничества. Ибо, хотя г-н де Сюлли был герцогом и узром, Ла-Варенн писал ему так: «Ссора меж нашими зятьями...». Наш Суперинтендант чуть не взбесился. Это мне напоминает тот случай, когда канцлер Сегье, дочь которого вышла замуж за внука г-на де Сюлли, написал Герцогу по поводу какого-то семейного раздора: «Ради сохранения мира меж нашими семьями». Сюлли на это сильно разгневался и сказал, что слово «семья» подходит здесь разве что для Кавиллера, который всего-навсего обыкновенный горожанин.

Не было дотоле Суперинтенданта финансов более неприветливого. Однажды пять-шесть самых знатных придворных, из числа тех, кто пользовался особой благосклонностью Короля, решили нанести г-ну де Сюлли визит в Арсенале. Взойдя в покои Герцога, они заявили, что пришли лишь затем, чтобы увидеть его. На это он ответил, что нет ничего проще; и, дабы его могли увидеть, повернулся к ним лицом, потом спиной, а затем ушел в свой кабинет и закрыл за собою дверь.

Некий Государственный казначей по имени Прадель, бывший дворецкий старого маршала де Бирона и человек, хорошо известный Королю, никак не мог добиться справедливости от г-на де Сюлли, который не платил ему жалованья. Однажды Герцог хотел вытолкать его от себя; но Прадель схватил с накрытого стола нож и сказал: «Прежде вы отнимете у меня жизнь! Я в доме Короля, вы обязаны блюсти закон». Наконец, после крупной перепалки Прадель направился к Королю, рассказал ему суть дела и объявил, что г-н де Сюлли довел его до полного отчаяния и ему все равно, пусть его повесят, лишь бы за себя отомстить. Ко-

* Главному своднику Короля.

** Г-ном де Роганом и графом де Вертю д'Авогуром.

роль сильно пожурил его; но как г-н де Сюлли ни жаловался, ему пришлось выплатить Праделю сполна.

Какой-то итальянец, возвращаясь из Арсенала, где он был дурно принят Суперинтендантом финансов, проходил по Гревской площади, когда там вешали нескольких злоумышленников. — «O beati impiccatis! — воскликнул он, — che non avete da far con quel Rosny».⁹

Его так ненавидели, что людям доставляло удовольствие рубить вязы, которые ради украшения он велел посадить вдоль больших дорог. «Это Рони, — говорили при этом, — сделаем из него Бирона».¹⁰ Он предложил Королю, который любил всяческое благоустройство, обязать частных лиц сажать деревья вдоль дорог, а когда увидел, что по приказу ничего не выходит, первый стал над этим смеяться.

На одной из страниц своих Мемуаров г-н де Сюлли сообщает, что г-н де Бирон и двенадцать наиболее блестящих царедворцев никак не могли справиться с балетом, каковой они задумали разучить, и что пришлось Королю повелеть г-ну де Сюлли взяться за это. Танцы были одной из его причуд. Каждый вечер лакей Короля играл на лютне танцы, бывшие в ту пору в моде, а г-н де Сюлли танцевал совершенно один, водрузив на голову какой-то нелепый колпак, который обычно надевал, сидя у себя в кабинете. Зрителями были Дюре, впоследствии президент де Шеври, и Ла-Клавель, впоследствии сьер де Шевиньи, которые вместе с несколькими женщинами дурного поведения паясничали с ним каждый вечер. Люди эти рукоплескали ему, хотя он был необычайно неловок. Он ездил иногда верхом во дворе Арсенала, но столь неизящно, что все над ним потешались.

Кстати о балетах: Принц¹¹ представил один из балетов, и Король повелел г-ну де Сюлли распорядиться о выплате ему денег. Г-на де Сюлли это взбесило, и он в насмешку приписал внизу: «В пользу бедных». Дабы взбесить его еще больше, Принц заставил выплатить себе двойную сумму на том основании, что половина ее идет в пользу бедных. Он отправился со всей своей свитой к г-ну Дарбо, казначею королевской казны, и ушел от него, лишь получив деньги. Король только посмеялся и сказал, что г-н де Сюлли вполне этого заслуживает.

У него самого был ключ от двери в зал с двойным рядом галерей, который он велел построить в Арсенале для танцев.

Взятки подносились секретарю Дюре, его своднику. Г-н де Сюлли говорит в своей книге о некоем Робене, которого он вытолкал за дверь, — должно быть, потому, что Робен обратился к нему самому, а не к Дюре.

Девиз Quo jussa Jovis¹² придуман Робером Этьенном, стряпчим: в гербе орел, держащий в когтях молнию.

Судебная палата была создана лишь затем, чтобы погубить г-на де Сюлли и раскрыть растраты вверенных ему сумм; и это делали те самые люди, коих он определил в финансовое ведомство. Он, как только мог, противился этим розыскам и сам входил в полюбовные соглашения с кон-

тролерами.¹³ Ходатаем за него выступил г-н де Бельгард; он так ловко повел дело, что все выгоды, извлекавшиеся из этих соглашений Суперинтендантом, выглядели на поверку пустяковыми; все это — дабы уверить Короля, будто ему подавались дурные советы и будто ради незначительной выгоды он потерял теперь благорасположение своих чиновников. Произошло это в 1607 году, и Король, будучи осведомлен о взятках г-на де Сюлли и полагая, что он получает свою долю процентов, выплачиваемых казначеем королевской казны, намеревался передать Управление финансами г-ну де Вандому по достижении им более зрелого возраста; и перед самой своей кончиной Его Величество уже готов был утвердить г-на де Вандома в этой должности.

Рассказы о триумфе, выпавшем на долю г-на де Сюлли под Иври,¹⁴ и о том, как он сумел извлечь из захваченных им пленных крупные суммы, составляют самые забавные места в его книге. Все эти сумасбродства изображены на стенах большого зала в Вильбоне, в Шартрских землях.¹⁵

Он был великий мастер говорить непристойности. Однажды пришел к нему обедать дворянин, не помню уж кто, весьма статного сложения. Г-жа де Сюлли, вторая жена Суперинтенданта финансов, здравствующая и поныне, не спускала с гостя глаз. «Признайтесь, сударыня, — сказал ей муж во всеуслышание, — здорово бы вы попались, когда бы у сего господина не оказалось бы...?». Он отнюдь не боялся стать рогоносцем и, выдавая деньги на расходы, говорил жене: «Столько-то на то, столько-то на се, столько-то на ваших...».

Наш Суперинтендант, спустя двадцать пять лет с лишним после того, как прошла мода на цепи и бриллиантовые знаки, каждый день, надевая их на себя для украшения, прогуливался в таком виде под портиками Королевской площади, находившейся неподалеку от его особняка. Все прохожие смеялись, с любопытством глядя на него. В Сюлли, куда он удалился на склоне дней, он держал пятнадцать или двадцать старых павлинов и не то семь, не то восемь старых рейтаров¹⁶ из дворян, кои по звону колокола выстраивались шпалерой и салютовали ему, когда он выходил на прогулку, а затем шли за ним; полагаю, что павлины тоже шли следом. Он держал при себе нечто вроде Швейцарской гвардии.

Г-н де Сюлли говорил, что можно спастись в любой вере, и желал быть похороненным в Святой земле. Один из слуг Канцлера, тесть внука г-на де Сюлли, рассказывая об этом, все перепутал и заявил, что г-н де Сюлли утверждал, будто в любой вере губишь свою душу.

Королева Маргарита

Королева Маргарита в молодости отличалась красотой, несмотря на то что у нее были слегка отвисшие щеки и несколько длинное лицо. Никогда, пожалуй, не было на свете женщины, более склонной к любовным

утехам. У нее была особая бумага, поля которой усеивали сплошь эмблемы побед на поприще любви; бумагой этой она пользовалась для любовных записок. Она изыскалась галантным стилем того времени, но была весьма неглупа. От нее сохранилось сочинение под названием «Плохо обставленный уголок спальни», по которому можно судить, какова была ее особая манера письма.¹

Она носила большие фижмы со множеством карманчиков, в каждом из коих находилась коробочка с сердцем усопшего любовника; ибо когда кто-то из них умирал, она тотчас же заботилась о том, чтобы набальзамировать его сердце. Фижмы эти она каждый вечер вешала на крюк за спинкой кровати и запирала на замок.

Со временем она ужасно растолстела, и при этом заставляла делать себе лиф и юбки гораздо шире, чем следовало, а по ним и рукава. Мерка ее была на полфута больше, чем у других. Она носила белокурый шиньон цвета отбеленного льна с желтоватым оттенком, ибо рано облысела. Посему на висках у нее были большие букли, тоже белокурые, которые ей время от времени подстригали. В кармане она всегда носила про запас волосы того же цвета, опасаясь, что в нужную минуту их не окажется под рукою; дабы придать себе большую статность, она вставляла себе в платье по бокам жестяные планки, расширявшие лиф. Через некоторые двери она не могла пройти.

На склоне лет она любила некоего музыканта Виллара. Этому Виллару приказано было всегда носить засученные штаны и привязные чулки, хотя никто уже так не одевался. Между собою его называли «Король Марго». У Королевы было несколько побочных сыновей; один из них, говорят, выжил и стал капуцином.² Наличие «Короля Марго» отнюдь не мешало нашей Королеве быть весьма набожной и богобоязненной, ибо она заказывала неисчислимое количество месс и вечерен.

Если не считать ее безудержного стремления к любовным утехам, она была весьма благоразумна. Она не пожелала согласиться на расторжение своего брака с Королем в пользу г-жи де Бофор. У нее был гибкий ум, и она умела приспособливаться к требованиям своего времени. Она наговорила множество льстивых слов покойной Королеве-матери,³ и когда г-да де Сувре и де Плювинель подвели к ней покойного Короля,⁴ воскликнула: «Ах, как он красив! Ах, как он хорош! Сколь же счастлив Хирон, воспитующий сего Ахилла!»⁵ Плювинель, который отличался изяществом ума не в большей мере, чем его лошади,* шепнул г-ну де Сувре: **«Говорил я вам, что эта злючка как-нибудь да обругает нас!».

* Он был вторым наставником дофина и Первым шталмейстером Большой конюшни.

** Сей де Сувре, по слухам, говорил «Буцефал» вместо «Цефал» там, где у Малерба сказано:

И если бы сравнение это
Когда-то сделал сам Цефал. . .

Г-н де Сувре и сам-то был не очень смышлен. В ту пору кто-то сочинил стихи, названные «Видением Двора», где говорилось, что от Хирона у него, Плювинеля, только и есть, что задняя часть. Этому Плювинелю пришла как-то в голову довольно забавная мысль. Он заявлял, что ничего так не желает, как присутствовать при баталии против челяди. И когда однажды г-н дез Ивето, наставник покойного Короля, разгневался на своего слугу, Плювинель послал к Ивето пажа с обещанием прислать для известной ему баталии одного из лучших скакунов королевской конюшни.

Генрих IV иногда навещал королеву Маргариту и всякий раз ворчал, что Королева-мать де недостаточно далеко вышла ей навстречу при первом посещении.

За трапезой у королевы Маргариты по ее просьбе неизменно разглагольствовал какой-нибудь сочинитель. Под ее покровительством находился Питар, писавший рассуждения о морали; его тоже она часто заставляла говорить.

Покойный Король задумал показать балет «Старый двор», где среди прочих персонажей была выведена и королева Маргарита в том забавном облике, какой был свойствен ей на старости лет. Намерение это было само по себе неразумно: не следовало, по крайней мере, выставлять на посмешище дочь стольких государей.

К слову о балетах. Однажды, когда в покоях королевы Маргариты представляли какой-то балет, герцогиня де Рец попросила Королеву приказать, чтобы впускали только приглашенных, дабы можно было посмотреть представление в свое удовольствие. Некая м-ль л'Уазо,⁶ хорошенькая и легкомысленная женщина, все же умудрилась пройти и сесть рядом с королевой Маргаритой. Увидев ее, Герцогиня возмутилась и попросила у Королевы позволения проучить эту женщину, задав ей один небольшой вопрос. Королева посоветовала ей ничего не предпринимать, предупредив, что у этой птички есть клюв и когти; но Герцогиня настаивала, и в конце концов Королева согласилась. Итак, м-ль л'Уазо подозвали, и она приблизилась с весьма непринужденным видом. «Мадемуазель, — обратилась к ней Герцогиня, — не будете ли вы столь любезны сказать мне, бывают ли у птиц рога?». — «О да, сударыня, — отвечала та, — например у дюков».⁷ Королева, услышав это, рассмеялась и сказала Герцогине: «Ну, как? Не лучше ли вам было послушаться меня?».

Я слышал о королеве Маргарите довольно забавную историю. Некий гасконский дворянин Салиньяк еще в ту пору, когда она была молода, безумно влюбился в нее, она же не отвечала на его чувства. Однажды, когда он корил ее за черствость, она спросила его: «А чем могли бы вы доказать мне вашу любовь?». — «Нет ничего такого, чего бы я не сделал», — отвечает он. — «Даже приняли бы яду?». — «Да, лишь бы вы позволили мне умереть у ваших ног». — «Я согласна!» — откликнулась она. Они назначают день; она велит приготовить для него сильно действующее слабительное. Он проглатывает его, и Королева запирает его

в комнату, поклявшись, что придет прежде, чем подействует яд. Там он оставался два часа, и лекарство подействовало столь основательно, что, когда отперли дверь, рядом с гасконцем невозможно было долго стоять. Этот дворянин, сдается мне, был потом послом в Турции.

Малерб

Франсуа де Малерб родился в Кане, в Нормандии, около 1555 года. Он происходил из рода Малерб Сент-Эньян, который после завоевания Англии герцогом Вильгельмом прославился более там, нежели у себя на родине, где он настолько захудал, что отец Малерба был всего лишь ассессором в Кане. Сей ассессор незадолго до смерти перешел в протестантство; сына его, коему было в ту пору только семнадцать лет, это так сильно огорчило, что он решил покинуть родные края и последовал за Великим приором¹ в Прованс, где тот был губернатором, и оставался при нем до самой его смерти. Этот Великий приор был побочным сыном Генриха II и братом графини Ангулемской, вдовы маршала де Монморанси.

В бытность свою в Провансе Малерб добился расположения дочери некоего президента парламента в Эксе Кариолиса, вдовы советника того же парламента, и женился на ней. Он имел от нее несколько детей, в том числе дочь, умершую пяти или шести лет от оспы, девочку, от которой он не отходил до самой ее смерти, и сына, убитого, к несчастью, в двадцатидевятилетнем возрасте, о чем мы расскажем в дальнейшем.

Самым примечательным событием в его жизни было то, что во время войн с Лигой,² он и некто Ла-Рок, который с приятностью писал стихи и умер, находясь в свите королевы Маргариты, гнали г-на де Сюлли целых два или три лье, да так усердно, что тот никогда этого не забывал; сие обстоятельство, по словам Малерба, и было причиной того, что он никогда не мог добиться чего-либо существенного от Генриха IV с тех пор, как г-н де Сюлли стал во главе финансового ведомства.

Однажды во время дележа захваченной добычи некий капитан грубо обошелся с Малербом. Принудив его с собою драться, Малерб сразу же пронзил ему грудь шпагой и сделал его небоеспособным.

После смерти Великого приора* Малерб был послан с двумя стами пехотинцев для обложения города Мартиг,³ в ту пору пораженного ка-

* Великий приор, побочный сын Генриха II, был убит неким Альтовити, капитаном галерного флота, в прошлом корсаром, после того как Приор похитил знатную девицу, красавицу де Рье Шатенеф, на которой собирался жениться Генрих III. Именно она сказала как-то Альтовити, пусть, мол, он говорит за себя вместо того, чтобы говорить за другого. Генрих III считал его шпионом при Великом приоре, который, узнав об этом, отправился к Альтовити с намерением вызвать его. Смертельно раненный Принцем, Альтовити нанес ему удар кинжалом, от коего тот умер. Правда, уже мертвому Альтовити была нанесена добрая сотня ударов, ибо люди губернатора набросились на него.

кой-то заразной болезнью; испанцы осаждали его с моря, а провансальцы с суши, дабы воспрепятствовать распространению болезни. Они столь тесно обложили город, перекрыв все пути сообщения, что вынудили последнего оставшегося в живых горожанина водрузить черный флаг на стене крепости, прежде чем сняли осаду.

Имя и заслуги Малерба стали известны Генриху IV благодаря лестному отзыву о поэте кардинала дю Перрона: однажды на вопрос Короля, не перестал ли он писать стихи, Кардинал ответил, что с того времени, как Король оказал ему честь, призвав к участию в делах государства, он совсем прекратил занятия поэзией, да и нет более смысла ею заниматься с тех пор, как появился некий нормандский дворянин, ныне живущий в Провансе, по имени Малерб.

Поэту было тридцать лет, когда он написал стихотворение, обращенное к дю Перье и начинающееся словами: ⁴

Ужели, дю Перье, вовек ты безутешен?*

Первые стихи его были беспомощны: некоторые из них я видел, в том числе элегию, начало коей звучит так:

Свой лик явила смерть, и Женевьевы нет.
Могильным сном объят ее весны расцвет.

Он был не так уж талантлив; поэтом сделали его склонность к размышлению и понимание искусства. На окончательную отделку стихов ему требовалось время. Рассказывают, будто он три года работал над одой для первого председателя суда в Вердене по случаю кончины его жены и будто Председатель успел уже жениться вторично, прежде чем Малерб вручил ему эти стихи.

В одном из своих писем Бальзак ⁵ приводит слова Малерба, что, написав сто строк стихов или два листа прозы, сочинитель должен десять лет отдыхать. Бальзак рассказывает также, что, исправляя одну только строфу, Малерб извел полстопы бумаги. Речь идет об одной из строф оды к г-ну де Бельгарду; начинается она так:

Так человек срывает розы,
А жизнь все близится к концу.

Король припомнил, что говорил ему в свое время кардинал дю Перрон; последний часто поминал Малерба г-ну дез Ивето, бывшему в ту пору наставником г-на де Вандома. Г-н дез Ивето не раз предлагал Ко-

* Однажды Великий приор, который имел честь писать дрянные стихи, обратился к дю Перье: «Вот сонет; если я сознаюсь Малербу, что его написал я, он скажет, что стихи никуда не годятся; скажите, что это вы их сочинили». Дю Перье показывает этот сонет Малербу в присутствии Великого приора. «Этот сонет, — говорит Малерб, — выглядит так, как если бы его написал Великий приор».

ролю вызвать Малерба: они были из одного города. Но Король был бережлив и не отваживался на сей шаг, опасаясь расходов на новую пенсию. Это и послужило причиною того, что Малерб попал на прием к Королю только через три или четыре года после того, как дю Перрон о нем рассказал, и то благодаря случаю. Малерб приехал в Париж по своим личным делам; г-н дез Йвето уведомил об этом Короля, и он тотчас же послал за поэтом. Произошло это в 1605 году, когда Король готовился к отъезду в Лимузен. Он заказал Малербу стихи по случаю этой поездки; тот их написал и поднес Королю. Начало этого стихотворения таково:

О боже благостный, ты нашим вял мольбам...

Король нашел стихи замечательными и пожелал удержать Малерба у себя на службе; но из бережливости, а вернее — из непонятной мне скаредности, он повелел г-ну де Бельгарду, в ту пору первому камерюнкеру, держать Поэта при себе, пока он, Король, не зачислит его в штат своих пенсионеров. Г-н де Бельгард назначил Малербу тысячу ливров жалованья, предложил ему свой стол и взял на себя расходы по содержанию для него лакея и лошади.

Здесь-то Ракан, который был в то время камер-пажом г-на де Бельгарда и начал уже заниматься стихосложением, познакомился с Малербом и извлек из этого знакомства столь великую пользу, что ученик сей почти сравнялся с учителем.

После смерти Генриха IV королева Мария Медичи назначила Малербу пенсию в пятьсот экю, и с той поры Поэт перестал быть на содержании г-на де Бельгарда. После этого он работал очень мало: остались лишь оды, посвященные Королеве-матери,⁶ несколько стихов к балетам, несколько сонетов покойному Королю,⁷ Герцогу Орлеанскому и некоторым частным лицам, а также его последние, написанные незадолго до смерти, стихи на осаду Ларошели.

Что до его внешности, он был высокого роста, хорошо сложен и по природе своей столь привлекателен, что про него, как и некогда про Александра Великого, говорили, будто даже пот его пахнет приятно.

Говорил он резко, разговаривал мало, но ни одного слова не произносил зря. Иногда он даже был груб и неучтив: примером может служить случай с Депортом. Ренье как-то привел его на обед к своему дяде; оказалось, что кушанье уже на столе. Депорт принял его как нельзя более учтиво и сказал, что хочет подарить ему экземпляр своих «Псалмов», только что вышедших из печати. С этими словами он собирается встать, чтобы тут же подняться за книгой в свой кабинет. Малерб грубо говорит ему, что он эту книгу уже видел, так что подниматься за ней не стоит труда, и что суп его, надобно думать, лучше его «Псалмов». Обедать он, однако, остался, но обед прошел в молчании, после чего они расстались и с той поры больше не виделись. Это привело к ссоре Малерба со всеми

друзьями Депорта, и Ренье, который был приятелем Малерба и которого тот ценил за его обличительные стихи наравне с древними авторами, написал на него сатиру, начинающуюся так:

Рапен, придворный шут, и т. д.

Депорт, Берто и даже дез Ивето находили недостатки во всем, что он писал. Его это ничуть не трогало, — он говорил, что стоит ему взяться за критику, и он только из их ошибок составит целые тома — потолще, нежели их книги. Он особо выделял Депорта, заявляя, что уж из его ошибок можно составить книгу, превосходящую по толщине все его стихотворные сборники.

Дез Ивето сказал ему, что в стихе «И вот прелестница мне в том не отказала» три слога «мне в том не», стоящие подряд, весьма неприятны на слух.

«Но вы-то, — возразил Малерб, — вы же ведь поставили подряд: не том мне том». — «Я? — переспросил дез Ивето, — вы не сможете это доказать». — «Разве не вы написали, — отозвался Малерб:

В огне том мне томиться...?»

Из всей этой стаи стихотворцев он ценил одного Берто, да и то не слишком. «Берто — говорил он, — постоянно хнычет; в его стансах хорош только фасад, а для того, чтобы придумать концовку поострее, он первые три стиха делает совершенно невыносимыми».

Он совсем не любил греков, в частности открыто объявлял себя врагом несуразиц Пиндара.

Вергилий не снискал его одобрения. Многое он осуждал. Между прочим, стих, где сказано:

... *Euboicis Cumarum allabitur oris* ⁸

казался ему нелепым. «Это все равно, — говорил он, — как если бы кто написал: „На французских берегах Парижа“». Не правда ли, прекрасное возражение!

Стаций представлялся ему значительно выше. Из других авторов он ценил Горация, Ювенала, Овидия и трагика Сенеку.

Итальянцы были ему не по вкусу; он говорил, что сонеты Петрарки написаны на греческий манер, точно так же как эпиграммы м-ль де Гурне. Из всех итальянских сочинений он признавал лишь «Аминту» Тассо.

Почти ежедневно, под вечер, у себя в комнате Малерб вел небольшие поучительные беседы с Раканом, Коломби, Туваном, Менаром и некоторыми другими. Однажды какой-то житель Орияка, где Менар был председателем суда, постучался в дверь и спросил: «Не у вас ли господин Председатель?». — Малерб порывисто, по своему обыкновению, встает и

говорит провинциалу: «Какого председателя вам нужно? Знайте, что здесь председательствую только я».

Ленжанд, который все же был довольно учтив, никак не желал мириться с замечаниями Малерба, говоря, что он тиран и подавляет чужой ум.

Генрих IV показал как-то Малербу поднесенные ему стихи. Начались они так:

Пусть будет повсечасно
Верна удача вам,
Пусть слава громогласно
О вас твердит векам.

Малерб тотчас же, не читая дальше, перевернул эти стихи так:

Носите повсечасно
Булатный ваш клинок
И помните: опасно
Скакать вам без сапог.

Засим он откланялся, так и не выразив своего мнения каким-либо иным образом.

В другой раз Король показал ему первое письмо, которое Дофин, впоследствии Людовик XIII, написал отцу. Заметив, что Дофин подписался *Loys* без *и*, Малерб задал Королю вопрос — действительно ли Дофина зовут *Loys*, а не *Louys*.⁹ Король осведомился, почему он об этом спрашивает. «Да потому, что он подписался *Loys*, а не *Louys*». Послали за тем, кто обучал молодого принца письму, дабы наставник указал принцу на ошибку, и Малерб после утверждал, будто это его, Малерба, заслуга, что Дофина зовут *Louys*.

Когда в Париже были созваны Генеральные штаты,¹⁰ между Духовенством и Третьим сословием возник большой спор, послуживший поводом для знаменитой речи кардинала дю Перрона. Поелику спор этот все разгорался, епископы пригрозили покинуть заседание и подвести Францию под Интердикт.¹¹ Г-н де Бельгард боялся отлучения от церкви; желая его утешить, Малерб сказал, что это могло бы оказаться ему весьма за руку, ибо, став черным, как все отлученные, он получит возможность открыто красить себе бороду и волосы.

В другой раз Малерб сказал г-ну де Бельгарду:

«Вы усердно ухаживаете за дамами, по-прежнему ли вы свободно читаете с листа?». На его языке это означало: быть всегда готовым к услугам дам. Г-н де Бельгард ответил утвердительно. «Право, — заметил Малерб, — этому я завидую больше, нежели тому, что вы герцог и пэр».

Поднялся горячий спор между теми, кто живет по ту сторону Луары, и теми, кто обитает по сю сторону реки; спорили о том, что правильнее: *une cueiller* или *une cueillere*.¹² Король и г-н де Бельгард, принадлежавшие к первым, стояли за *cueillere*, говоря, что поскольку слово это жен-

ского рода, ему надлежит иметь женское окончание. Вторые ссылались не только на обычай, но и на многие примеры, заявляя, что *perdris*,¹³ *met*¹⁴ *mer*¹⁵ — слова женского рода, а окончание у них тем не менее мужское. Король спросил у Малерба, какого мнения держится он. Поэт, по своему обыкновению, привел ему в пример крючников Пор-о-Фуэна; и так как Короля это не очень-то убедило, Малерб сказал ему приблизительно то, что некогда было сказано одному из римских императоров: «Как бы всевластные вы, государь, ни были, вы не в силах ни отменить, ни утвердить слово, ежели оно узаконено обычаем».

Кстати, однажды г-н де Бельгард послал к Малербу спросить, как лучше говорить: *depensé* или же *dependû*. Поэт тотчас же ответил, что *depensé* слово более французское, а что *pendû*, *dependû*, *repensû* и все производные сего низкого слова скорее присущи речи гасконцев.¹⁶

Около 1615 года,* когда Малербу было уже более пятидесяти восьми лет, он потерял свою мать; и так как Королева оказала Поэту честь, прислав к нему одного придворного, дабы его утешить, Малерб заявил оному, что у него нет другого способа отблагодарить Королеву за доброту, как молить бога о том, чтобы Королю привелось оплакивать ее кончину в столь же пожилом возрасте, в каком ему, Малербу, ныне приходится оплакивать смерть своей матери.

Однажды в салоне у Королевы¹⁷ не помню уж кто именно из мужчин, разыгрывавший из себя человека весьма добродетельного, стал расхваливать Малербу находившуюся тут же на правах фрейлины Королевы-матери маркизу де Гершевиль; ** рассказав ему про ее жизнь и про то, как она отвергла любовные домогательства покойного короля Генриха IV,

* Он был уже весьма пожилым, когда умерла его мать; он долго сомневался, уместно ли ему надевать траур, говоря: «Я склонен не делать этого. Недурным сиротинкою я бы выглядел, не правда ли?». В конце концов он все-таки облачился в траур.

** Так как наследство рода Ларош-Гийонов, одного из самых именитых во Франции, перешло в женские руки, наследница, вместо того чтобы выйти замуж за одного из сватавшихся к ней знатных сеньеров, отдала руку своему соседу — дворянину, г-ну де Сийи, который принял фамилию Ларош-Гийонов. Сын этого дворянина женился на девице из рода де Понс, это и есть г-жа де Гершевиль. Она овдовела совсем молодою, оставшись одна с сыном, покойным графом де Ларош-Гийоном. Генрих IV, будучи в Манте, расположенном неподалеку от этого поместья, упорно ухаживал за г-жою де Ларош-Гийон, женщиной красивой и порядочной. Он убедился, что она весьма добродетельна (см. «Любовные проказы Аляндра») и, в знак уважения к ней, сделал ее фрейлиною Королевы-матери, сказав при этом: «Вы всегда были дамой, чья честь заслуживает особого почтения; будьте же почетной дамою при Дворе». Побыв некоторое время вдовой, эта дама вышла замуж за г-на де Лианкура, первого шталмейстера Малой коюшниц, и из ложной скромности стала пазывать себя г-жою да Гершевиль, ибо г-жою де Лианкур звали в ту пору г-жу де Бофор. Граф де Ларош-Гийон умер бездетным, и г-н де Лианкур, доплатив нужную сумму деньгами, приобрел поместье Ларош-Гийон по условиям брачного контракта, оговоренным матерью покойного графа.

сей дворянин, указывая на Маркизу, закончил свой панегирик словами: «Вот, сударь, к чему приводит добродетель». Малерб, нимало не колеблясь, указал ему на жену коннетабля де-л'Эдигьера и сказал: «А вот, сударь, к чему приводит порок».

Желая проучить своего слугу, Малерб прибегал к довольно забавному способу. Поэт выдавал ему на день десять су, что по тем временам было вполне прилично, и платил двадцать экю жалования; а когда слуга, бывало, его сердил, он выговаривал ему в таких выражениях: «Друг мой, гневить хозяина значит гневить бога; а чтобы испросить у бога прощения, надобно поститься и раздавать милостыню. Посему из того, что вам причитается, я удерживаю пять су, которые, заботясь о вас, раздам бедным во искупление ваших грехов».

Ничего так не любил Малерб, как говорить самым близким друзьям — Ракану, Коломби, Ивранду и другим — о своем презрении ко всему, что ценится в свете. Он не раз заявлял Ракану, который происходил из рода де Бюэй, что хвастаться своим старинным дворянством неразумно; что чем оно стариннее, тем сомнительнее, и что достаточно одной похотливой бабы, чтобы испортить чистоту крови Карла Великого или Людовика Святого; что иной раз тот, кто воображает, будто ведет свой род от сих славных мужей, происходит, быть может, от какого-нибудь лакея или скрипача.* Завидев издали покойного Короля, который в ту пору был еще очень юн, он говорил иногда: «Взгляните на этого мальчишку, вокруг него теперь все суетятся; а вильни, зачиная его, Королева задом вкось, и он остался бы на простыне комочком слизи, от которого стопнило бы горничную, делающую постель».

Он и себя не щадил в том искусстве, в котором блистал, и нередко говорил Ракану: «Видите ли, любезный друг мой, коли нашим стихам суждено жить после нас, мы можем рассчитывать лишь на то, что о нас станут говорить как о двух искусных стихослагателях, кои весьма опрометчиво провели жизнь за столь мало полезным и для себя и для людей занятием, вместо того чтобы всласть повеселиться да подумать о том, как сколотить себе состояние».

Он испытывал глубокое презрение к людям вообще и, напомнив в двух-трех словах о смерти Авеля,¹⁸ добавлял: «Недурное начало, а? Их на земле всего только трое или четверо, а они уже друг друга убивают; что же после этого мог ожидать от людей господь, ради чего он так старался их сохранить?».

* Во дворец Рамбуэ привели однажды какого-то фокусника, который безо всякой боли вывихивал людям руки и ноги, а затем вправлял их. Ловкость его испробовали на лакее. Глядевший на все это Малерб сказал фокуснику: «Вывихните мне локоть». Боли он не почувствовал. Потом локоть ему вправили так же безболезненно. «И все-таки, — заметил он, — умри этот человек, пока у меня так вот был вывихнут локоть, все бы стали кричать, что я безрассудно любопытен».

Он говорил обо всем весьма простодушно; он не очень-то почитал науки, особливо те, что служат для услады, к числу коих он относил и поэзию. И когда однажды некий стихоплет¹⁹ стал жаловаться ему, что вознагражден бывает лишь тот, кто служит Королю как воин или как советчик в важнейших делах, и что слишком суровы к тем, кто искусен в изящной словесности, Малерб возразил, что глупо заниматься рифмоплетством, ожидая от него чего-либо, кроме собственного развлечения; и что искусный поэт не более полезен для государства, чем искусный игрок в кегли.

В пору заточения принца Конде, на другой день после того как принцесса, супруга его, разрешилась двумя мертвыми детьми по причине угара в своей комнате в Венсенском лесу,²⁰ Малерб зашел к Хранителю Печати г-ну дю Вэра и застал там одного из своих приятелей, провинциального советника, весьма опечаленным. «Что с вами?» — спросил он приятеля. «Могут ли порядочные люди веселиться, когда мы только что потеряли двух принцев крови?». Малерб ему на это ответил: «Ах, сударь, сударь, не подобает вам так кручиниться: старайтесь лишь хорошо служить, в хозяевах у вас недостатка не будет».

Отправляясь однажды на обед к человеку, который его долго об этом упрашивал, Малерб увидел у входа в дом слугу, стоявшего с перчатками в руках; было одиннадцать часов утра. — «Кто вы, друг мой?» — спросил Малерб. — «Я, сударь, повар». — «Боже правый! — воскликнул Поэт, поспешно ретируясь, — я не могу обедать у человека, чей повар в одиннадцать часов утра стоит на улице, собираясь уходить».

Когда Малерб с покойным дю Мутье и Раканом посетили Картезианский монастырь, дабы повидать там некоего отца Шазре, им сказали, что их не допустят до беседы с оным, пока каждый из них не прочтет «Отче наш»; после этого явился отец Шазре и принес свои извинения, сказав, что не может беседовать с ними. — «Прикажите вернуть мне мое „Отче наш“», — сказал Малерб.

Как-то Ракан застал его за подсчетом пятидесяти су. Он складывал монеты в кучки: десять, десять и пять, затем снова десять, десять и пять. «К чему это?» — спросил Ракан. «Дело в том, — отвечал Малерб, — что мне в голову запал известный станс:

Сколько терний, Любовь...

там идут два полных стиха и полустих, потом снова два полных стиха и полустих».

Однажды за обедом у г-на де Бельгарда подали фазана вместе с головой, хвостом и крыльями; Малерб взял оные и швырнул в камин. Дворецкий сказал ему: «Но его ведь могут принять за кашлуна». — «Черт возьми! — возразил Малерб, — так подвесьте ему уж лучше надпись, чем все это дерьмо!».

Как-то он снял с камина решетку, которая изображала толстых бородатых сатиров. «Проклятие! — вскричал он. — Эти жирные подлецы греются в свое удовольствие, а я помираю с холоду!».

Раз к Малербу приехал один из его племянников после девятилетнего пребывания в коллеже. Малерб захотел, чтобы тот ему истолковал два-три стиха Овидия, от чего юноша пришел в большое замешательство. Дав ему промямлить добрых четверть часа, Поэт сказал молодому человеку: «Послушайте, племянничек, будьте отважным воином; ни на что другое вы не способны».

Некий дворянин, родич Малерба, был обременен детьми. Поэт выразил ему по этому поводу сочувствие. Тот ответил, что для него дети никогда не могут быть в обузу, лишь бы они стали порядочными людьми. «Никак не соглашусь с вами, — ответил Малерб, — я предпочту съесть каплуна вдвоем с каким-нибудь вором, нежели с тринадцатью капуцинами».

На следующий день после смерти маршала д'Анкра²¹ он спросил г-жу де Бельгард, которую застал собирающейся к мессе: «Как, сударыня, неужто еще осталось о чем-нибудь просить у Господа бога после того, как он избавил Францию от маршала д'Анкра?».

В тот год, когда праздник Сретения пришелся на пятницу, Малерб рано поутру, часов в семь или восемь, решил поджарить остаток бараньего окорока, припасенного им еще с четверга. Входит Ракан и восклицает: «Как, сударь! Вы едите мясное, а ведь Владычица наша уже восстала с ложа своего!». — «Вы шутите, — отвечает Малерб, — наши дамы никогда не встают так рано».

Он часто навещал г-жу де Лож. Однажды он увидел у нее на столе толстую книгу, написанную г-ном Дюмуленом против кардинала дю Перрона; уже при одном только взгляде на заглавие его охватило вдохновение, и он, потребовав перо и бумагу, записал такие стихи:

Ученость вижу в томе этом,
Блеск в умственной его игре,
Но лучше следовать советам
И наставлениям кюре.
Сии доктрины очень модны,
Но лишь для вертопрахов годны;
А я, зови иль не зови,
За пастырем иду, смиренный:
Нам прав дозволен переменный
В одежде разве да в любви.

Г-жа де Лож, прочтя сии стихи, почувствовала себя задетой и почла делом чести ответить; вдохновившись, она взяла то же перо и на обратной стороне написала следующее:

О нет, благую добродетель
Отверг отнюдь не Дюмулен!

То вы — ваш стих тому свидетель —
 Сторонник модных перемен.
 Вы мните — перемены эти
 Спискать успех помогут в свете
 И женщин покорить... Увы!
 От женщин вас не ждет награда:
 Богаты лишь словами вы,
 А им совсем другое надо.

С г-ном де Мезериаком он обошелся не лучше, чем с Депортом. Однажды, когда сей почтенный человек принес Малербу свой перевод «Арифметики» греческого писателя Диофанта с примечаниями, кое-кто из их общих друзей стал расхваливать этот труд в присутствии автора и утверждать, что он будет весьма полезен для публики. В ответ Малерб только спросил их, улучшит ли этот труд вкус хлеба и вина. Он прозвал г-на де Мезериака г-ном де Мизериаком.²² Примерно то же Малерб заявил одному дворянину — гугеноту — в ответ на его ученые разглагольствования о вере: «Скажите, сударь, вино и хлеб в Ларошели в самом деле лучше, чем в Париже?».

Некоему человеку, который показал ему дрянную поэму, озаглавленную:

ПОЭМА КОРОЛЮ,

Малерб сказал, что остается лишь добавить:

«для подтирки задницы».

Некий председатель суда в Провансе начертал на своем камине какой-то несуразный девиз и, воображая, что изрек нечто изумительное, осведомился у Малерба: «Как вам это кажется?». — «Надобно было, — ответил тот, — поместить его только немного ниже — в огонь».

Когда ему случалось ужинать засветло, он приказывал закрывать окна и зажигать свечи. «Иначе, — говорил он, — это все равно, что дважды обедать».

Кто-то сказал ему, что г-н Гомен разгадал тайну пунического языка²³ и сложил на нем «Отче наш». — «А я, — откликнулся Малерб, — сей же час сложу вам на нем „Верую“». И тут же произнес десяток тарабарских слов, добавив: «Я утверждаю, что это „Верую“ на пуническом языке. Кто может со мною поспорить?».

У Малерба был старший брат, с коим он вечно вел тяжбу; и когда кто-нибудь ему говорил: «Что за тяжба между такими близкими людьми? Господи, какой дурной пример!», — он отвечал: «А с кем бы вы хотели, чтобы я тягался? С турками? С москвитами? С ними мне нечего делить».

Ему однажды указали, что в таком-то псалме он отступил от Давида²⁴ по смыслу. «А то как же? — воскликнул он, — что я в слуги к Давиду».

нанялся? Просто я заставил раба божия говорить по-иному, чем сказано у него».

Как-то раз Малерб прочел Ракану стихи и спросил его мнение о них. Ракан извинился и сказал ему: «Я их как следует не расслышал: вы половину проглотили». Это задело Малерба за живое, и он раздраженно отпарировал: «Черт подери! Ежели вы будете меня сердить, я их проглочу целиком. Они мои, сочинил их я и потому могу делать с ними все, что хочу».

Малерб не всегда бывал таким нелюбезным и говаривал про себя сам, что он Бормотун из Бормотании. Он читал вслух хуже чем кто-либо и, декламируя, портил свои прекрасные стихи: помимо того, что его почти не понимали из-за косноязычия, а также из-за его глухого голоса, он еще брызгал слюною по меньшей мере раз шесть, читая четырехстрочную строфу. Оттого-то кавалер Марино и заявлял, что еще никогда не видел человека, который источал бы столько жидкости и писал столь сухие стихи. Из-за того, что он ужасно плевался, Малерб и норовил всегда стать подле камина.

Он сердился на нищих, которые называли его «Мой благородный барин», и говорил ругаясь: «коли я барин, значит и благороден».

Г-ну Шаплону, который спрашивал у него совета, в какой манере ему следует писать, он отвечал: «Читайте то, что напечатано в книгах, и не повторяйте ничего, что там сказано».

Тот же г-н Шаплен застал раз Малерба лежащим на диване и напевающим:

Где была ты, Жанна?
Жанна, где была?

Встал он с дивана, лишь докончив песенку. «Я предпочел бы написать вот это, — заявил он, — чем все сочинения Ронсара».

Ракан сообщает, что он слышал, как Малерб говорил то же самое про другую песенку, которая кончается словами:

Что вы мне дадите?
Спящей притворюсь.

Он вычеркнул более половины стихов из своего издания Ронсара и изложил причины этого на полях. Однажды Ракан, Коломби, Ивранд и еще кое-кто из друзей Малерба перелистывали эту книгу, лежавшую на столе, и Ракан спросил хозяина, одобряет ли он то, что им не вымарано. «Не более, чем остальное», — ответил тот. Это дало повод собравшимся, в частности Коломби, сказать Малербу, что после его смерти те, кто найдет эту книгу, подумает, что он одобрял все невычеркнутое. «Вы правы», — отвечал Малерб и тотчас же вымарал все остальное.

Обстановка у него была довольно скудной, и снимал он обычно меблированную комнату, где стояло лишь семь-восемь соломенных стульев;

а поскольку его часто навещали любители изящной словесности, он, когда все стулья бывали заняты, запирает дверь изнутри и, ежели кто-нибудь стучал, кричал ему: «Подождите, стульев больше нет!» — заявляя, что лучше человека вовсе не пустить, чем заставить его стоять.

Он хвастал, что трижды выпаривал себе сифилис, с таким видом, будто хвастал, что выиграл три сражения, и рассказывал довольно забавно о том, как ездил в Нант, дабы разыскать человека, который лечил от этой болезни в особом кресле, должно быть, окуриванием. Пользуясь своим влиянием, Малерб упросил другого человека, уже получившего такое кресло, уступить его ему. Он писал потом, что добился профессорского кресла в Нанте, даром что там нет университета. У г-на де Бельгарда его прозвали «Отцом Сластолюбцем».

Малерб всегда был весьма неравнодушен к женщинам и в разговоре похвалялся своими успехами и всякими чудесами на этом поприще.

Он говорил, что знает толк в двух вещах: в музыке и в перчатках. Что может быть общего между тем и другим, не правда ли!

В своем «Часослове» он вычеркнул все литании, обращенные к отдельным святым мужам и женам, уверяя, что достаточно сказать: *«Omnes sancti et sanctae, Deum orate pro nobis»*.²⁵

Однажды после ужина, идя домой от г-на де Бельгарда со своим слугою, который нес перед ним факел, Малерб повстречал г-на де Сен-Поля, знатного дворянина и родственника г-на де Бельгарда, который остановил его, желая обсудить с ним какую-то пустячную новость. Малерб сразу оборвал его: «Прощайте, сударь, прощайте! Из-за вас мой факел сгорит на целых пять су, а то, что вы мне скажете, не стоит и гроша».

Покойный архиепископ Руанский* пригласил Малерба отобедать с ним, дабы потом повести его на свою проповедь, которую должен был произнести в ближайшей церкви. Не успел Малерб поесть, как заснул тут же на стуле, и когда Архиепископ попытался разбудить его, он взмолился: «Э, нет, пожалуйста, избавьте меня от проповеди; я и без нее посплю».

Однажды, войдя в Санский дворец, Малерб застал в зале двух человек, которые, поссорившись за партией в триктрак, посылали друг друга к черту, причем каждый клялся, будто выиграл именно он. Не подумав с ними поздороваться, Малерб воскликнул: «Приходи же, черт, приходи скорее, промашки не будет: один из двух наверняка твой!».

Когда нищие обещали Малербу молиться за него, он им отвечал, что сомневается, пользуются ли они большим влиянием у господ бога, коль скоро он позволяет им прозябать в столь жалком состоянии, и он, Малерб, предпочел бы, чтоб сие обещание дали ему г-н де Люин или Суперинтендант финансов.

* Де Арле.

Однажды, когда стояли сильные холода, он не только напялил на себя несколько фуфаек, но еще развесил на окне три-четыре локтя зеленого фризга, говоря: «Этот мороз, видно, полагает, что мне не из чего нашить себе фуфаек. Я докажу ему обратное».

В ту же зиму у Малерба оказалось такое количество чулок, главным образом черных, что, дабы не надевать на одну ногу больше, чем на другую, он, натягивая чулок, всякий раз бросал в миску небольшую блюдку. Ракан посоветовал ему вышить цветным шелком на каждом чулке букву и надевать чулки в алфавитном порядке. Малерб так и сделал; на следующий день он сказал Ракану: «Я уже до „z“ дотянул», — в том смысле, что на нем столько пар чулок, сколько букв от начала до середины алфавита. Как-то у г-жи де Лож он заявил, что на нем четырнадцать рубашек, фуфаек и различных поддевок. Все лето он одевался в бархат, но не всегда накидывал плащ на оба плеча.

По сему поводу он говаривал, что бог посылает стужу лишь для нищих или дураков, а те, у кого есть чем согреться и во что одеться, от холода страдать не должны.

Когда с ним говорили о государственных делах, он всегда приводил слова, кои написал в обращенном к г-ну де Люину вступительном Послании к сочинениям Тита Ливия: «Не надобно вмешиваться в управление кораблем, на коем ты всего лишь пассажир».

Однажды, заболев, Малерб послал за Тевненом, глазным лекарем, служившим у г-на де Бельгарда. Тевнен предложил ему прислать какого-нибудь другого врача, хотя бы г-на Робена: «Это еще что за Красивое семья?»²⁶ Не желаю я его!». — «Ну, так, может быть, вам угодно будет пригласить г-на Генбо?». — «Ну нет! Это же просто собачья кличка: Генбо, тубо! Генбо!». — «Может быть, тогда г-на д'Асье?»²⁷ Еще хуже: он, небось, пожестче железа». — «В таком случае, г-на Провена?». Малерб согласился.

Г-н Моран, казначей Королевской казны, родом из Кана, пообещал Малербу и одному из его приятелей, некоему дворянину, также уроженцу Кана, уплатить каждому, уж не помню за что, по четирист ливров, оказывая им тем самым великую любезность. Он даже пригласил их к обеду. Малерб не соглашался туда ехать, ежели за ним не пришлют карету. Наконец, упомянутый дворянин уговорил его отправиться верхом. После обеда им отсчитали деньги. По дороге домой Малербу взбрело в голову купить кованный сундук. «Для чего он вам?» — спрашивает приятель. «Чтобы деньги туда запереть». — «Да ведь он будет стоить половину ваших денег!». — «Неважно, — отвечает Малерб, — для меня двести ливров, что тысяча для другого». И пришлось ему такой сундук купить.

Патрис* как-то раз застал его за столом. «Сударь, — сказал Поэт, — у меня всегда было чем пообедать, но ни разу не было ничего такого, что можно было бы оставить на тарелке».

* Патрис — дворянин. Он из Кана, но родом из Лангедока.

И все-таки однажды он угостил обедом шестерых своих друзей. На стол было подано всего семь вареных каплунов, каждому по целой птице; иначе, заявил хозяин дома, ему придется угощать одного ножкой, другого крылышком, а он любит всех одинаково.

Желая по какому-то поводу выразить благодарность г-ну де Ла-Вьевилю, Суперинтенданту финансов, Малерб прибегнул к забавной хитрости. Дело в том, что стоило Суперинтенданту услышать: «Сударь, я вас...», — как он, воображая, что ему сейчас скажут «прошу», переставал слушать посетителя. Малерб явился к нему и сказал:

«Сударь, я поблагодарить вас пришел».

Вернемся к его поэзии. Ему случалось повторять одну и ту же мысль в различных своих стихах, и он хотел, чтобы в этом не видели ничего дурного. «Ибо, — говаривал он, — разве не могу я поставить на буфет картину, которая до того стояла на камине?». Но Ракан ему доказывал, что картина-то всякий раз находится лишь в одном месте, тогда как мысль оказывается одновременно в самых различных стихотворениях.

Малерба как-то спросили, почему он совсем не пишет элегий. «Потому что я пишу оды, — отвечал он, — а, надо думать, тот, кто умеет прыгать, сумеет и ходить».

Долгое время он упорно писал полусонеты.* Коломби никогда не писал и не одобрял их. Ракан написал один или два, и вскоре они ему наскучили, и как-то раз он сказал Малербу, что нельзя называть сонетом стихотворение, в котором не соблюдены правила сонета. «Что ж, — отвечал Малерб, — коли это не сонет, это сонетка». В конце концов, когда к нему перестали приставать, он, как и остальные, забросил полусонеты, и из всех его учеников один только Менар продолжал их пописывать.

Ему претил поэтический вымысел, если речь не шла об эпической поэме; читая Генриху IV элегию Ренье, где автор изображает, как Франция поднялась на воздух, дабы обратиться к Юпитеру и посоветовать на то жалкое состояние, в коем она обреталась во времена Лиги,²⁸ он вопрошал: где же Ренье мог это видеть; мол, он, Малерб, безвыездно живет во Франции вот уже пятьдесят лет, но ни разу не замечал, чтобы она трогалась с места.

Однажды г-н де Терм упрекал Ракана за стих, который тот впоследствии изменил, где о жизни земледельца говорилось:

Он рук не покладал, и процветает ныне.

Ракан ответил, что ведь у Малерба сказано:

Какое процветание, и т. д.**

Малерб, который при сем присутствовал, воскликнул: «Так что же, черт возьми! если я . . . , вы последуете моему примеру?».

* Их четверостишия построены на разных рифмах.

** Стих Малерба звучит лучше.

Некто показал Малербу свои анаграммы; дабы посмеяться над ним, Поэт попросил его составить анаграмму для одного из своих друзей по имени Оддо д'О.

Когда ему показывали стихи, где были слова, вставленные лишь для размера или для рифмы, он говорил, что это, мол, все равно что подвешивать конскую уздечку лентой для шнуровки корсажа.

Какой-то судейский весьма благородного звания принес Малербу довольно скверные стихи, сложенные им во славу некоей дамы, и сказал ему, что был вынужден написать их ввиду особых причин. Малерб прочел их с весьма удрученным видом и спросил автора: «Вам, что же, предложили на выбор: либо виселица, либо стихи? Ибо только это обстоятельство может вас извинить».

Однажды Менар, который жил с Малербом по соседству и трудился в ту пору над какими-то непристойными виршами, вбегаєт, запыхавшись, к нему в комнату и с ходу спрашивает, дескать, . . . это долго или кратко. Малерб на минуту призадумался, словно желая придти к определенному решению, потом говорит: «Со мною дело обстоит так: когда я был молод, у меня это выходило кратко, а теперь выходит долго».

Он почитал себя наставником всех других и был прав. Бальзак, которого он очень высоко ценил и о котором как-то сказал: «Этот молодой человек пойдет в прозе далее чем кто бы то ни было во Франции», — принес ему сонет Вуатюра, посвященный Урании, о котором впоследствии столько писали. Малерб удивлялся, что сей искатель приключений — таков его собственные слова, — который не воспитывался под его строгим началом, который не перевял от него ни сдержанности, ни порядка, добился столь великих успехов в области, к коей, по его выражению, он обрел ключ.

Малерб восставал против того, чтобы поэты писали стихи на иностранном языке, и утверждал, что мы не можем понять всех тонкостей языка, который не является для нас родным; по сему поводу, дабы высмеять тех, кто сочинял латинские стихи, он говорил, что, ежели бы Вергилий и Горацій родились заново, они высекли бы Бурбова и Сирмона.

Некий бретонский дворянин по имени Ларивьер, находившийся на службе у г-на де Беллгарда, желая отомстить женщине, от коей он не смог ничего добиться, послал Малербу стихи, сочиненные в отместку этой даме, где он называет ее «своею потаскушкою». Малерб отослал ему эти стихи обратно, тут же приписав внизу:

Не зови ее, злослов,
Потаскушкою негожей —
Чтоб поспать с ней, ты готов
Заболеть на месяц рожей.

Малерб писал г-же д'Оши, величая ее Калистою,²⁹ и сделал в конце приписку, что целует ей ноги. Зубоскалы утверждали: это, мол, потому, что ее имя сходно с именем Папы.³⁰

Когда Малерб сочинил прескверную песенку, начинающуюся словами:

Ах, дивной Анны прелесть... и т. д.,

Ботрю переделал ее таким образом:

Ах, дивен голос лирный,
Малерба тонок вкус —
Так подарите жирный
Певцу в награду кус.

В оправдание свое Малерб ссылался на то, что его де слишком торопили или что сделано это нарочно, дабы отучить тех, кто без конца пристаёт к нему со стихами к балетным представлениям; наконец, что ему пришлось написать так, чтобы приноровиться к мотиву, — и приходил в ярость, что никак не может привести разумного объяснения.

Переделали также и куплеты, где встречается реприза:

Это просто и несложно,

а затем:

Это просто невозможно.

Но куплеты эти написал г-н де Бельгард, а Малерб их только подправил. Пародия на них забавна; она напечатана в «Сатирическом Кабинете».³¹ Сочинил ее Бертело.

Учениками своими Малерб признавал Ракана, Менара, Тувана и Коломби.* Судил он о них различно и говорил, что Туван хорошо сочиняет стихи, не упоминая, однако, в чем он особенно хорош; что Коломби отменно умен, но что у него нет поэтического таланта; что Менар, из всех четырех, пишет наилучшие стихи, но что ему не хватает силы и он пристрастился к такому роду поэзии — Малерб имел в виду эпиграмму, — который был ему вовсе не свойствен, ибо он недостаточно остроумен; о Ракане он говорил, что сила у него есть, но что он не отделяет должным образом свои стихи; что нередко, желая выразить хорошую мысль, он допускает большие вольности, и что из двух последних, Менара и Ракана, можно было бы создать одного великого поэта.

Он говорил Ракану, что тот еретик в поэзии. Он порицал его за то, что тот совершенно безразлично рифмует слова с окончанием на *-ant* и на *-ent* и на *-ance* и на *-ence*. Он хотел, чтобы рифмовали не только для уха, но и для глаза. Он выговаривал Ракану за то, что тот рифмует простое слово со сложным того же корня, например *temps* и *printemps*, *jour* и *sejour*; он не хотел, чтобы рифмовали слова, несколько схожие или же противоположные по смыслу, такие как *montagne* и *campagne*, *offense* и *defense*, *pere* и *mere*, *toy* и *moy*; он не хотел также, чтобы рифмовали и производные одного и того же слова, такие как *admettre*,

* Последние два — не бог весть что.

commettre, promettre, которые все происходят от *mettre*, или же имена собственные одно с другим, скажем, *Thessalie* и *Italie*, *Castille* и *Bastille*, *Alexandre* и *Lisandre*; под конец он стал таким щепетильным касательно рифм, что с трудом допускал, чтобы рифмовали хоть сколько-нибудь похожие один на другой глаголы, вроде *abandonner, ordonner, pardonner*, и утверждал, что все они ведут начало от *donner*. В качестве довода он указывал на то, что лучшие стихи можно получить, скорее сближая слова, далекие по смыслу, нежели рифмуя слова, схожие между собою, ибо последние обладают почти всегда одним и тем же значением. Он старательно выискивал редкостные и пустые рифмы, полагая, что они способствуют новым мыслям; и еще он говорил, что большому поэту свойственно отваживаться на такие рифмы, которые до сей поры ни разу не употреблялись. Он не хотел, чтобы подбирали рифму ни к *bonheur*, ни к *malheur*,* потому, мол, что парижане произносят в них и как если бы эти слова писались *bonhur, malhur*,** а рифмовать их с *honneur* почитал неуместным из-за слишком близкого внешнего подобия. Он запрещал делать рифму на *flame*, потому что писал и произносил оное слово с двойным *m*: *flamme*, затягивая двойное «*m*», так чтобы слово могло рифмоваться только с *epigramme*.

Он упрекал Ракана за то, что тот рифмует *qu'ils ont eu* с *vertu* или *battu*, потому что, говорил он, в Париже произносят слово «*eu*» в два слога.***

Поначалу, когда Малерб только-только появился при Дворе, — а произошло это, как мы уже сказали, в 1605 году, — он еще не придерживался правила делать паузу после третьей строки в шестистрочных стансах, как то можно наблюдать в стихах, написанных Королем по случаю его поездки в Лимузен, где в двух-трех случаях мысль заканчивается лишь при переходе в четвертую строку, а также в стансе псалма: *Domine, Deus noster*.³²

И если в чем-нибудь есть у него нужда,
Ему отказа нет в щедротах никогда.
Веленю твоему безгласно повиноваться,
Моря и воздух и земля
Дары свои несут, в стараньях соревнуйся,
Украсить яствами застолье Короля.

Пока был жив Генрих IV, Малерб почти всегда придерживался этой своеобразной небрежности, как то видно еще по одному из стихотворений, которое он написал для Короля, когда тот был влюблен в принцессу де Конде:

Мои думы, довольно,
Вы так жалите больно...

* Это главным образом относится к сонетам, где требуются четыре рифмы.

** Жалкий довод.

*** Еще более жалкий довод.

Но в другом стихотворении, написанном для влюбленного Государя, он строго соблюдает правило, завершая фразу по смыслу к концу третьей строки; это:

Сколько терний, Любовь, ... и т. д.

Первым, кто заметил, что соблюдение вышеназванного правила необходимо в шестистрочных стансах, был Менар, и, быть может, именно поэтому Малерб почитал его французом, пишущим стихи лучше чем кто-либо. Ракан, который играл немного на лютне и любил музыку, пошел сперва на уступку музыкантам, кои не могли делать репризу в шестистрочных стансах при отсутствии паузы в конце третьей строки; но когда Малерб и Менар пожелали, чтобы в десятистрочных стансах делали остановку еще в конце седьмой строки, он воспротивился и почти никогда этого не соблюдал. Он исходил из того, что такие стансы никогда не поются и коли даже их стали бы петь, то не пели бы с тремя репризами; вот почему вполне достаточно одной в конце четвертой строки.

Малерб хотел, чтобы в элегиях стихи получали законченный смысл через каждые четыре строки, даже, по возможности, через каждые две. Ракан с этим так никогда и не согласился.

Малерб не желал, чтобы в стихах употребляли такие неопределенные числительные, как «сто» и «тысяча», например: «тысяча терзаний»; и, увидев слово «сто», в шутку говорил: «А быть может, было всего лишь девяносто девять?». Но он утверждал, что есть особая прелесть в употреблении чисел, когда это бывает надобно, как вот в таком стихе Ракана:

Вам триста лет, могучие дубравы...

Это также одно из тех суждений, с которыми Ракан не мог примириться: тем не менее он осмелился выступить открыто лишь после смерти Малерба.

Кстати о числе. Когда кто-нибудь говорил: «Его все лихорадки трясут», — Малерб спрашивал: «А сколько их, лихорадок-то?».

Он потешался над теми, кто утверждал, будто в прозе тоже есть свой счет; он говорил, что длинный ряд периодов — все равно что стихи в прозе. Это дало кое-кому повод предположить, что не он перевел «Послания» Сенеки, ибо периоды этого текста в какой-то мере построены на счете.

По одному из писем Малерба видно, что влюбленным он был довольно неотесанным. Он признается в нем г-же де Рамбуе, что, заподозрив виконтессу д'Оши (в его стихах она — «Калиста») в сердечной склонности к другому сочинителю и застав ее одну, лежащую в постели, ов левой рукою схватил ее обе руки, а правой принялся хлестать ее по щекам, пока она не стала звать на помощь. Увидев, что сбегаются люди,

он уселся в кресло, как ни в чем не бывало. Впоследствии он испросил у виконтессы прощения.

Ракан, бóльшую часть записок коего я прочел, рассказывает, что, когда он беседовал однажды с пожилым уже Малербом по поводу того, что им предстоит каждому выбрать себе достойную и знатную даму в качестве предмета своих стихов,* Малерб назвал маркизу де Рамбуе, а он — г-жу де Терм, в ту пору вдовешую. Случилось так, что обеих звали Катрин: одну — Катрин де Вивонн, а другую — Катрин Шабо. Малербу эта беседа доставила большое удовольствие, и ему захотелось написать эклогу или разговор двух пастушков, из коих одного зовут Мелибей (так он назвал себя), а другого Аркан,³³ то есть Ракан. Малерб прочел ему из этой эклоги более сорока строк. Однако среди бумаг его ничего похожего не нашл.

В тот же день, когда у него возник замысел этой эклоги, оба поэта до самого вечера обсуждали, как им изменить имя «Артениса», и переморачивали его на все лады, ибо Малерб боялся, что получится путаница, ежели обозначить сим именем обеих дам. Нашли они только такие: «Артениса», «Эресинта» и «Кариштея». Первое было признано самым красивым; но поелику Ракан вскоре воспользовался им в пасторали, Малерб, отказавшись от двух других, избрал для своей дамы имя «Роданта».

Г-жа де Рамбуе говорит, что она об имени «Роданта» никогда не слышала, но что Малерб однажды сказал ей: «О, сударыня, будь вы женщиной, способной вдохновить меня на стихи, я, переделав ваше имя, сделал бы из него самое красивое имя на свете». Она утверждает также, будто некоторое время спустя Малерб сказал ей, что весьма сердит на Ракана за то, что последний украл у него это прекрасное имя, и что он, Малерб, хочет написать стихи, кои будут начинаться так:

Ах, та, кого я звал прекрасной Артенисой...

дабы все знали, что придумал его он. Она говорит, что в той маленькой элегии, которая начинается словами:

Пусть нынче все быстрее клонюсь к закату лет
И гасит мрак ночной неяркой жизни свет...

Малерб в строках:

Пастушка, ты, кому, казалось, во владенье
Остаток лет моих вручило Провиденье...**

имел в виду ее.

* Ракан был влюблен в г-жу де Море, свою родственницу; в своих стихах он говорит о том, что она потеряла глаз или притворилась, будто потеряла его.

** В его «Письмах».

Она уверяла меня, что это единственные стихи, которые Поэт посвятил ей.

Г-жа де Рамбуйе рассказывала мне также, что однажды Малерб, не застав ее дома, вздумал побеседовать в ее покоях с какой-то девицей и что в это время на улице случайно выстрелили из мушкета, причем пуля пролетела между ним и этой молодой особой. На следующий день Малерб посетил г-жу де Рамбуйе, и она учтиво выразила ему сочувствие по поводу случившегося. «Я бы хотел, — сказал он, — быть убитым этой пулей. Я стар и достаточно пожил; да и к тому же, пожалуй, мне оказали бы тогда честь, заподозрив, будто в меня стреляли по приказу г-на де Рамбуйе».

Г-н де Ракан все же утверждает, что именно для нее Малерб написал песенку:

Ей, чаровнице, как святыне, и т. д.,

а также другую, которую Буайе положил на музыку:

Увы, не мне сияют ныне
Те очи, свет моей души, и т. д.

Ракан, который был на тридцать четыре года моложе Малерба, сменил свою возвышенную любовь на любовь невыдуманную и стал мечтать о законных узах. Это дало повод Малербу написать ему письмо, где приводились стихи, те самые, в которых говорится о г-же де Рамбуйе: он хотел отвлечь Ракана от его страсти, ибо узнал, что г-жа де Терм принимает ухаживание президента Виъне, за коего она вскоре и вышла замуж. Когда же Малербу стало известно, что Ракан решил жениться в родном ему Мэне, он тотчас же уведомил об этом г-жу де Терм письмом, которое теперь опубликовано.

Примерно в ту же пору погиб сын Малерба: его убили в Эксе, где он был советником.³⁴ Малерб не хотел, чтобы сын занимал эту должность, ибо полагал, что она его недостойна. Он дал согласие лишь после того, как ему привели в пример г-на де Фуа, назначенного архиепископом Тулузским, который до того состоял советником Парижского парламента, — а ведь г-н де Фуа находился в родстве со всеми правящими домами Европы. Вот как бедный малый был убит. Двое жителей Экса, поссорившись, уехали за город; им вослед поспешили их друзья. Поссорившиеся встретились в каком-то трактире; каждый вступился за своего приятеля. Сын Малерба держал себя нагло, его противники этого не стерпели, набросились на него и убили. Человека, коего в том обвинили, звали Пиль. Но он не один накинудся на Малерба, другие тоже участвовали в расправе. Тот же, за кого Пиль ввязался в драку, происходил, как полагали, из евреев, именно это и хочет сказать Малерб в сонете, написанном на смерть сына.* Сонет этот не напечатан.

* Пиль из рода Форсиа, а Форсиа происходят будто бы из евреев.

Малербу предложили пойти на мировую, и некий советник из Прованса, близкий его друг, заговорил с ним о десяти тысячах экю; он отверг это предложение. В дальнейшем друзья внушили ему, что месть, коей он жаждет, по-видимому, невозможна по причине влияния, коим пользовалась враждебная сторона, а потому, мол, ему, Малербу, не следует отказываться от небольшого вознаграждения, которое ему предлагают. — «Что же, — сказал Малерб, — я последую вашему совету и возьму эти деньги, раз уж мне навязывают, но, клянусь, не истрачу на себя ни гроша и употреблю их все на постройку мавзолея моему сыну». Он так и сказал — «мавзолея», вместо «надгробия», — оставаясь и тут до конца поэтом.

Впоследствии, поскольку сделка не состоялась, он нарочно отправился под осажденную Ларошель, чтобы добиться у Короля правосудия,³⁵ и, не получив при сем ожидаемого им удовлетворения, там же, в Нетре, во дворе штаб-квартиры Короля, заявил во всеуслышание, что желает вызвать г-на де Пиля на поединок. Капитаны Гвардии и другие лица, кои присутствовали при сем, усмехались, глядя на него: как человек столь пожилого возраста может говорить о дуэли; а Ракан, который находился там же, в Нетре, и командовал ротой латников маршала д'Эффа, по-дружески отвел его в сторону и сказал, что над ним смеются и нелепо в семьдесят три года желать драться с двадцатипятилетним; однако Малерб резко его оборвал, заявив: «Вот потому я так и поступаю. Я ставлю су против пистоля».

В поездке этой Малерб подхватил болезнь, от которой и умер по прибытии в Париж, незадолго до взятия Ларошели.³⁶

Он не очень-то верил в иную жизнь, и когда с ним говорили об аде и о рае, заявлял: «Жил я, как и все другие, умереть хочу, как все другие, и уйти туда, куда уходят все другие».

Его с трудом уговорили исповедаться; в оправдание свое он отвечал, что привык исповедоваться только на Пасху. Однако он довольно строго соблюдал все предписания церкви и ел мясное в субботу после Сретения разве только по недосмотру; он даже испрашивал обычно разрешение поест скоромного, когда ему бывало нужно, и ходил к мессе каждый праздник и каждое воскресенье. О боге и о всем святом Малерб говорил почтительно, и кто-то из друзей заставил его признаться в присутствии Ракана, что во время болезни жены он дал обет: ежели она выздоровеет, отправиться пешком и с непокрытой головою из Экса в Сент-Бом. Тем не менее ему случалось порою говорить, что религия государя -- это религия людей благовоспитанных.

Ивранд, один из учеников Малерба, бретонский дворянин, паж, возвращенный в свите Главного шталмейстера, окончательно убедил своего учителя исповедаться и причаститься, сказав ему: «Вы всегда придерживались правила жить, как другие, и умереть, как другие». — «Что вы хотите этим сказать?» — спросил Малерб. — «А то, — ответил Ивранд, --

что когда другие умирают, они исповедуются, приобщаются и сподобляются святых тайн». Малерб признал, что он прав, и послал за настоятелем церкви Сен-Жермен-л'Оксеруа, который напутствовал его в последние часы.

Говорят, что за час до смерти он проснулся, словно внезапно придя в себя после долгого забытья, и стал бранить свою хозяйку, ходившую за ним во время болезни, за какое-то слово, которое, по его мнению, звучало не совсем по-французски; а когда духовнику Поэта вздумалось его за это пожурить, он сказал, что не мог удержаться и до последней минуты желает поддерживать чистоту французского языка.

Маршал д'Эстре

Маршал д'Эстре — достойный брат своих шести сестер, ибо он всегда был человеком распутным и никогда не знал угрызений совести: говорят даже, что он переспал со всеми шестью. Дед его был гугенотом, и поскольку Екатерина Медичи из-за этого не хотела, чтобы ему дали какую-либо должность, он велел ей передать, что для его... и для его чести религия безразлична.

Еще будучи маркизом де Кевр, он едва не был убит близ Круа-дю-Тируар шевалье де Гизом, которого сопровождали четверо. Маркиз выпрыгнул из кареты и обнажил шпагу; на него набросились, но он даже не был ранен. Ему отдали под команду несколько войсковых отрядов в Вальтелине.¹ Он, сдается мне, был в ту пору в Италии, и, сочтя его, как видно, вполне подходящим, прибегнули к его услугам. Он разбил кардинала Баньи, который командовал войсками Папы, того самого Баньи, что всего два года назад был у нас нунцием. За этот подвиг Королева-мать² сделала Маркиза маршалом Франции, после чего он не смог справиться с наскоро укрепленным постоянным двором: вояка-то он не из важных. Немногим раньше его не пожелали сделать кавалером ордена Святого Духа.³

Он был посланником в Риме во времена Павла V и вызвал о себе множество толков, а когда Папа умер, немало способствовал своими происками и всякими недозволенными действиями избранию Григория XV. Новый Папа, когда Маркиз явился к нему, сказал: «Все это дело ваших рук; просите же у меня все, что вам угодно, не хотите ли кардинальскую шляпу? Вы получите ее в тот же день, что и мой племянник». Маркиз, будучи старшим в роде, отказался ее принять.* Впоследствии Ботрю, наблюдая, как Маркиз уже на склоне лет играет в карты без очков, говорил ему: «Господин Маршал, вы совершили большую ошибку: вам

* Его старший брат был убит при осаде Лаона, а сам он, получивший епископство Нуайонское и сан кардинала, вступил в военную службу; кардинальская шляпа досталась его кузену де Сурди.

следовало принять кардинальскую шляпу; было бы весьма назидательно увидеть, как декан Святейшей Римской коллегии пытается счастье в игре, не надевая очков». Он всегда играл безо всякого удержу. Порою его прислуга выглядела великолепно; порою же его люди бывали даже разуты. Он всегда позволял себе быть грубияном, а стоило ему проиграть, как он был готов уложить на месте любого, да и по сию пору ему случается бить стекла. Говорят, будто однажды, проиграв сто тысяч ливров, Маркиз тут же велел загасить у себя в доме свечу и сильно разбранил своего дворецкого за то, что тот так небрежлив; мол, свеча эта лишняя и он, Маркиз, ничуть не удивится, ежели его в конец разорят. Он большой тиран, и нет губернатора, который так чванился бы, как чванится он своим губернаторством в провинции Иль-де Франс. Когда он посылает куда-либо своих людей, то выдает каждому его дневной рацион. Ему идут все подати, и он распоряжается всеми ссудами. Сын его, маркиз де Кевр, будет справляться со всем этим, должно быть, столь же достойным образом.

Маршал был женат первым браком на м-ль де Бетюн, сестре графа де Бетюна и графа де Шарро. От этого брака у него трое сыновей: маркиз де Кевр, граф д'Эстре и епископ Лаонский.

Вторым браком он женился на вдове г-на де Лозьера, второго сына маршала де Темина; впоследствии его стали называть маркизом де Темином. От этого брака у Маркиза был сын, убитый под Валансьеном в 1656 году. Его звали маркизом д'Эстре. Ботрю говорил, что не было на свете еще такой знатной семьи, которая насчитывала бы так много именитых дворян, ибо она дала маршала д'Эстре, графа д'Эстре и маркиза д'Эстре.

Маршал, который вообще-то слывет человеком беспощадным, является, однако, примерным семьянином; он прекрасно жил с первой женой и живет в добром согласии со второю. В этом его старший сын похож на него — он весьма скорбел о своей умершей супруге, хотя та красотой отнюдь не отличалась; она была дочерью его мачехи.⁴ Маршал д'Эстре обладает одним хорошим свойством: его не так-то просто удивить. Ему присуща стойкость и известная проницательность в делах. Когда некто Кудре-Женье, быть может, чтобы попросить сунуть нос в чужое корыто, посмел сказать покойному Королю,⁵ будто на крестинах одного из детей господина де Вандома⁶ его собираются отравить с помощью полой вилки, куда будет вложен яд, который вытечет на подаваемое ему кушанье, господин де Вандом хотел тут же удалиться; Маршал удержал его и сказал, что, поскольку он не виновен, ему надлежит остаться и потребовать справедливого расследования. И в самом деле, Кудре-Женье поплатился за это головою.

Маршал совершил за свою жизнь кое-какие добрые дела. Когда кардинал де Ришелье учинил процесс против г-на де Ла-Вьевиля,⁷ маршал д'Эстре потребовал конфискации трех поместий у г-на де Ла-Вьевиля

и сохранил их за ним, направив ему потом милостивую королевскую грамоту. Г-н де Сен-Симон, получивший остальные земли, поступил иначе, и впоследствии было судебное разбирательство по поводу ущерба, который он этим угождам нанес.

Находясь в Провансе, Маршал согласился командовать уж не помню какими войсками, посланными туда Ришелье, не иначе как совместно с г-ном де Гизом.⁸ Он отказался взять на себя управление Провансом; обязанности эти принял маршал де Витри.

Будучи еще до рождения короля Людовика XIV чрезвычайным послом в Риме, он оставался там до тех пор, пока сильно не повздорил с семейством Барберини. У Маршала был конюший, звали его ле Рувре. Это был старый распутник, насквозь прогнивший от дурной болезни; от легкого укула булавкой у него делалась язва. Никогда не доводилось мне видеть такого наглеца и грубияна. Однажды, чтобы не пропало лекарство, приготовленное для упряжной лошади, которой оно не потребовалось, он принял его сам и едва не окошел. У этого человека был слуга, который держал игорный дом: такова привилегия конюших, находящихся на службе у посланников. Лакей что-то натворил; его забрал полицейский пристав, и он был приговорен к галерам. В то время как его туда отправляли со множеством таких же, как он, ле Рувре вместе с камердинером Маршала, вооруженные одними только ружьями и шпагами, обратили в бегство не то двадцать пять, не то тридцать стражников, каждый из коих может дать два-три выстрела, поскольку, помимо карабина, они носят пистолеты за поясом да вдобавок еще добрую кольчугу. Ле Рувре, оставшись таким образом победителем, освобождает всех каторжников. Неслыханное оскорбление для Барберини, Маршал спасает своего конюшего и, боясь, как бы в Риме с ним не вздумали расправиться, велит отправить его за пределы столицы, дав ему в качестве охраны восемь или десять французских солдат из тех, что находились на службе у венецианцев. Барберини прибегают к услугам знаменитого бандита по имени Джулио Пеццола, который посылает своих людей в окрестности того местечка, где находился ле Рувре; мне кажется, это происходило где-то во владениях герцога Пармского, в Капрароле или же в Кастро. Ле Рувре, будучи груб и своеволен, удирает оттуда и отправляется на охоту без охраняющих его солдат. Бандиты его подстерегают, убивают из засады и приносят его голову кардиналу Барберини. Маршал мечет гром и молнии. Дабы умиротворить его, Джулио Пеццола, который отнюдь не скрывает, что замешан в этом деле, отправляется к Кийе, неглупому малому, служащему у Маршала, и предлагает принести ему головы семи бандитов, участвовавших в нападении, и говорит: *Padron mio, è un piatto regalato, un piatto di sette teste: non se n'è mai servito un tale a nissun principe.*⁹

Наконец дело зашло так далеко, что Маршал выехал из Рима и отправился в Парму, где он подбил владетельного герцога,¹⁰ бывшего уже

и до того в больших неладах с Папою, на все то, что он потом совершил. Я слышал от Кийе, что во время славного похода, в котором они дошли до Римской Кампании, их драгуны отчаянно грабили крестьян и те молили их: *Illustrissimo signor dragon, habbiate pietà di me.*¹¹ Я нахожу, что во всем том, что было написано по приказу Папы против Маршала, Его Святейшество оказывал ему большую честь — на том основании, что имя его было Аннибал д'Эстре, о нем писалось: *Annibal ad portas*,¹² так что это имя заставило сочинителей наговорить немало глупостей.

Маршал долгое время не осмеливался возвращаться на родину, ибо кардинал де Ришелье не очень-то одобрял его поведение. Наконец он примирился с ним. Все остальное можно найти в «Мемуарах эпохи Регентства».

Когда Маршалу было лет семьдесят или около того, он как-то отправился навестить г-жу де Корнюэль, а той необходимо было в это время поговорить с кем-то другим; она оставила его с глазу на глаз с покойной м-ль де Бембо. Вернувшись, она увидела, что наш старик пытается задрать у этой девицы подол. «Ай, ай! — сказала она ему со смехом, — господин Маршал, что это вы собираетесь делать?». — «Помилуйте, — отвечал тот, — вы меня оставили с мадемуазель наедине; я с ней незнаком и не знал, о чем с ней говорить».

Мужья — рогоносцы по собственной вине

Некий купец из Бордо, имени которого я так и не узнал, влюбился в служанку своей жены и, дабы переспать с этой девицею так, чтобы жена не заметила, он велел одному из молодых приказчиков на одну ночь занять его место в постели, взяв с него предварительно обещание, что он до хозяйки не дотронется. Этот малый, по молодости своей, не смог удержаться и сделал даже больше того, что обычно делал муж. На следующий день жена, полагая, что это был ее супруг, ибо тот вернулся и лег подле нее незадолго до рассвета, подала ему чашку бульона и пару свежих яиц. Купец дивится необычному завтраку. «О, — говорит она, краснея, — вы его вполне заслужили». Тут-то тайна ему и раскрылась. Впоследствии он обвинил этого молодца в том, что тот его обокрал, и привлек к суду. Приказчик объяснил, почему хозяин его ненавидит, и по решению Бордосского суда жена была признана порядочной женщиной, а муж — естественно, с полным основанием — рогоносцем.

А вот другая история, несколько более трагичная. У некоего Босского дворянина, по имени Бэ-Сен-Леже, жившего между Дурданом и Этатпом, была очень красивая жена, а у жены столь же красивая горничная. Поскольку всем в конце концов пресыщаешься, муж влюбляется в эту служанку, неотступно преследует ее, она противится и наконец рассказывает все своей хозяйке. Та говорит: «Надобно его уличить. Через несколько дней притворись, будто ты согласна, и назначь ему свидание».

Меж тем случилось так, что в тот самый вечер, как Сен-Леже должен был идти на свидание с этой служанкою, к нему приезжает один из его лучших друзей. Дабы избавиться от него, Сен-Леже отводит его спать гораздо раньше, чем то обычно положено. У приятеля возникает подозрение, он хочет знать, в чем дело; хозяин ему во всем признается. Приезжий стыдит его и убеждает уступить ему место; гость идет на свидание вместо Сен-Леже. Там он встречает жену своего друга, которая затеяла всю эту игру, чтобы потешиться над своим мужем. Гость делает то, ради чего пришел. Впоследствии жена рассказывала, что она кусала себе губы, боясь рассмеяться. Дело было в саду, и ночь была безлунной. Приятель возвращается весьма довольный, а муж ложится подле жены. Рассказ приятеля весьма его раздражил, и он горит желанием удовлетворить свою прихоть. Жена говорит ему смеясь: «Бог мой, что это вы нынче вечером так разгулялись?». — «Что ты хочешь этим сказать?» — спрашивает он. «Ах! — отвечает она, — про сад вы, что, уже позабыли?». Бедняга тотчас же понял, в чем дело. Он и виду не показал, но это его так потрясло, что он вскоре умер. Она же после его смерти осталась совершенно одна и умерла от дурной болезни.

Граф де Сен-Поль, недавно умерший, оказался тоже пойманным своей женою, которая заняла место некоей девицы, но ничего не смог сделать. Видя это, она рассмеялась и сказала: «Ну, нечего сказать, хороши вы на свидании!». — «О, меня это не удивляет, — ответил он, — мой куцый почуял старую конюшню».

Рогоносцы благоразумные и равнодушные

Некий председатель парижской судебной палаты, о котором мне так ничего и не пожелали сообщить — ни имени, ни названия палаты, в коей он председательствовал, ни даже того, жив он еще или уже умер, так сильно боялись, чтобы я не узнал, о ком идет речь, — итак, некий председатель суда узнал от своего писца, что его жена живет с каким-то кавалером. «Подумай хорошенько, — сказал он этому писцу, — о чем ты говоришь». — «Сударь, — отвечал тот, — если вы сообразовалите вернуться из суда, как только я за вами пошлю, вы поймаете их с поличным». В самом деле, писец не преминул выполнить обещанное; и муж, взойдя один в спальню, застает там любовников. Кавалера он запирает в чулан, ключ берет себе и возвращается к писцу. «Послушай-ка, — говорит он ему, — там никого нет; ступай, посмотри сам». Писец глядит и не находит любовника. «Ты дурной человек, — говорит Председатель, — возьми то, что я тебе должен, и убирайся, чтобы я тебя больше не видел». Он выставляет его за дверь и возвращается к кавалеру. «Сударь, — говорит он, — виновата во всем моя жена; вы же ищите то, что плохо лежит; ступайте, но ежели вы мне еще раз попадетесь, я вам побую все

стекла». Жене же своей, когда они остались с ней наедине, муж сказал: он ее не понимает, на что та может жаловаться; по его мнению, у нее есть все, что ей требуется. Она заплакала, бросилась ему в ноги, стала просить прощения и обещала ему впредь быть самой примерной супругой. Он ее простил, и с той поры она не знала, чем только ему угодить.

Некий член Государственного Совета инфанты Клары-Эухении был женат на красавице, и хоть у них не было большого состояния, в доме их был полный достаток и они вкусно ели и пили, ибо красотка на это зарабатывала. Продолжалось это довольно долго, а муж так и не спрашивал, откуда у них такое изобилие. Жена, удивленная такой большой глупостью мужа, желая проверить, не подметил ли он чего-нибудь, стала мало-по-малу сокращать расходы на стол. Муж ничего не говорил и притворялся, будто ничего не замечает. В конце концов она урезала траты на стол до того, что свела обед к паре яиц. И тут терпение у мужа лопнуло; он взял яйца и, швырнув их об стену, вскричал: «Разве это обед для рогоносца?». Жена, убедившись, что он понимает шутку, со следующего дня вернула столу его прежнее обилие. Я слышал этот рассказ от одного француза и думаю, что рассказывают его во всех странах; но от этого он хуже не становится.

Однажды г-н Ги, знаменитый парижский трактирщик, когда в доме было полно народу, не видя своей жены и одного из своих старших слуг, стал повсюду искать и застал их в объятиях друг друга. «Фу ты черт! — воскликнул он, — смеетесь вы, что ли? Можно ли так попусту тратить время? Неужто вы не могли потерпеть, пока у нас будет поменьше дела?».

Кардинал де Ришелье

Отец кардинала де Ришелье принадлежал к почтенному дворянскому роду. Он был главным прево Королевского дома¹ и Кавалером ордена Святого Духа,² но, сильно запутавшись в долгах, едва не разорил семью. У него было три сына и две дочери. Старшая вышла замуж за дворянина из Пуату, по имени Виньеро, который был представителем *dubia nobilitatis*.³ Тем не менее он старался пробраться ко Двору и всегда водился со знатными сеньерами, играя в карты с г-ном де Креки и г-ном де Баскомьером. Другая дочь была выдана за маркиза де Брезе, впоследствии маршала Франции. Старший из сыновей был хорошо сложен и далеко не глуп; будучи честолюбив, он всегда стремился тратить больше, нежели мог; он жаждал сойти за одного из «Семнадцати сеньеров»: так в ту пору прозвали семнадцать самых блистательных придворных.

Говорят, его жена на вопрос портного, какого фасона шить ей платье, отвечала: «Сшейте его таким, как сшили бы для жены какого-нибудь из Семнадцати сеньеров». Но, хотя он вовсе корчил из себя

сеньера, да и в самом деле был хорошего происхождения, никто его за благородного человека не почитал; вот потому-то кардинал де Ришелье столь ревниво и относился к вопросу своего дворянства и происхождения. Этот г-н де Ришелье сумел расположить к себе Генриха IV, который всегда все хотел знать, сообщая ему, что происходит при Дворе и в городе, ибо усердно старался все это выведать. Он был убит на дуэли маркизом де Темнином, сыном маршала в Ангулеме, в ту пору, когда там пребывала Королева, и не оставил после себя детей. Второй сын был кардиналом Лионским, а последний — кардиналом де Ришелье.

Отец сумел добиться епископства Люсонского (это не бог весть что) для второго сына, но тот покинул свою епархию и сделался картезианцем. Третьего с самого начала предназначали для духовной карьеры, и он получил это епископство вместо своего брата. Еще проходя курс в Сорбонне, он отважился выступить с ученым диспутом, обойдя факультетское начальство; свои тезисы он посвятил Генриху IV и, невзирая на крайнюю молодость, в своем обращении к Королю обещал оказать ему важные услуги, ежели тот когда-либо привлечет его к себе на службу. Желание выдвинуться и стремление получить доступ к управлению государственными делами замечалось за ним во все времена.

Он отправился в Рим, где был посвящен в сан епископа. Папа⁴ спросил его, достиг ли он положенного возраста; юноша ответил утвердительно, а после церемонии стал просить у святого Отца прощения за то, что солгал ему, сказав, будто достиг положенных лет,⁵ хотя оных еще не достиг. Папа заметил тогда: «*Questo giovane sara un grand furbo*».⁶

Генеральные штаты, где он был депутатом, дали ему возможность создать себе имя. Он произнес там несколько речей, кои сочтены были превосходными; в ту пору в этом не очень-то разбирались.

После смерти Генриха IV Барбен, Суперинтендант финансов и большой друг г-на епископа Люсонского, сумел добиться назначения его Государственным секретарем при маршале д'Анкре.

Существует некий довольно скверный историк по имени Туссен-ле-Грен; он утверждает в «Истории регентства Марии Медичи», будто Король сказал г-ну де Люсону, которого после убийства маршала д'Анкра встретил первым во Дворцовой галерее: «Наконец-то я избавлен от вашей тирании, г-н де Люсон». Сделавшись всемогущим и узнав про сие, кардинал де Ришелье счел необходимым уничтожить эту «Историю». Он стал тщательно разыскивать экземпляры упомянутого труда, и поиски его привели к тому, что все стали эту книгу покупать и узнали из нее то, что, быть может, никогда бы не открылось, не получи она такой огласки.

Королева-мать была сослана в Блуа,⁷ а г-на де Люсона сослали в Авиньон, дабы лишить их всякого общения между собою. Но когда покойный г-н д'Эпернон отвез Королеву в Ангулем, г-н де Люсон отправился к ней туда. Там-то аббат де Руччелаи, флорентиец, и г-н де Лю-

сон в течение десяти или двенадцати дней оспаривали друг у друга благосклонность Королевы-матери, и аббат готов был одержать верх над епископом, но г-н д'Эпернон, будучи всевластным при этом маленьком Дворе, воспротивился изо всех сил благосклонности Королевы к флорентийцу.

Затем произошла смехотворная стычка при Пон-де-Се;⁸ барон де Фенест⁹ довольно едко отзывается о ней, да и название, которое дали этому бесподобному походу, достаточно подтверждает, что все это была пустая затея. Ботрю, к которому мы еще не раз вернемся, командовал пехотным полком, выступившим на стороне Королевы-матери; однажды он сказал ей: «Что до пехотинцев, Государыня, то людей, твердых на ногу, нам хватает, а вот пооди поищи таких, кто был бы тверд и духом». А когда была устроена свадьба м-ль де Пон-де Курле* с г-ном де Комбале, дабы скрепить дружбу между господами де Люином и г-ном де Люсоном, Ботрю говорил, что де пушки на стороне Короля грохочут «Камбале», а на стороне Королевы-матери — «Пон-де-Курле».

После смерти г-на де Люина, на которого отец Арну,** иезуит, бывший духовником Короля, сильно наговаривал Его Величеству, другой иезуит, отец Суфран, духовник Королевы-матери, нагнал такого страха на Короля, рассказывая ему о том, как обращались с Королевой-матерью, что тому начало казаться, будто дьявол уже ухватил его за шиворот; ибо не было человека, который бы столь мало любил бога и столь сильно боялся дьявола, как покойный Король. Итак, оба духовника вполне примирили мать и сына, и вот каким образом г-н де Люсон незаметно сделался вершителем дел и получил кардинальскую шляпу.

Когда по наущению Кардинала был арестован в Фонтенбло маршал д'Орнано, который препятствовал женитьбе Месье,¹⁰ понимая, что тогда дом Гизов возьмет над ним верх и он потеряет свое влияние при Дворе, — Месье, чьим воспитателем в свое время был этот маршал, придя в неистовство, в десять часов вечера устремился в покои Короля, изрядно напугав его, и пожелал узнать, кто подал ему такой совет. Король ответил, что сам был своим советчиком. Месье разыскал канцлера Алигра, который, дрожа всем телом, ответил, что он здесь не при чем. Месье вернулся во дворец и снова стал бушевать. Король, растерявшись, послал за Кардиналом, который уверенно, без всякого колебания, объявил, что это он посоветовал Королю арестовать маршала д'Орнано и что будет время, когда Его Высочество скажет ему за это спасибо. «Ну и сукин же вы сын», — сказал герцог Орлеанский и удалился.

* Это — Виньеро, ныне г-жа д'Эгийон.

** Г-н де Люин хотел заставить отца Арну, иезуита и духовника Короля, открыть ему тайну исповеди; отец Арну не пожелал на это пойти, хотя Конгрегация и хотела его к сему принудить. Старшины Ордена причиняли ему всяческие терзания и наконец заставили Короля взять себе нового духовника.

Канцлер Алигр

Расскажу попутно, что представлял собою канцлер Алигр. Родом он был из Шартра и далеко не знатного происхождения. Он состоял советником у г-на графа Суассонского-отца. Это был человек весьма трудолюбивый, с поистине чугунной задницей, ума довольно кроткого и достаточно застенчивый. После смерти своего господина он незаметно оказался в числе тех, кому можно было доверить пост Хранителя Государственной печати, и был назначен на эту должность. Кардиналу де Ришелье он пришелся не по вкусу, и он послал его в свой загородный дом Ла-Ривьер, подле Шартра.
Должность Хранителя печати получил г-н де Марийак.¹¹

Кардинал ненавидел Месье и, опасаясь, как бы корона не досталась герцогу Орлеанскому, поелику Король был слабого здоровья, задумал расположить к себе Королеву и способствовать ей в рождении дофина. Для достижения своей цели он постарался — но так, чтобы Королева об этом не догадывалась, — посеять раздор между нею и Королем, а также Королевой-матерью, и дело дошло до того, что и тот и другая стали весьма дурно обращаться с нею. Затем он передал Королеве через г-жу дю Фаржи, ее камеристку, что, ежели она того пожелает, он сумеет вывести ее из бедственного положения, в коем она обретается. Королева, которая никак не предполагала, что виновником дурного с нею обращения является Кардинал, подумала сперва, что он предлагает ей свою помощь из сострадания, разрешила ему написать себе и даже ответила на его письмо, ничуть не помышляя, что подобное общение означает нечто большее, чем обычная почтительная любезность. Кардинал назначал свидания с г-жою дю Фаржи у кардинала де Берюлля * в Фонтенбло и других местах, опасаясь встречаться с ней у себя дома во избежание огласки, а также потому, что Берюллер слыл святошей. Де Берюллер же полагал, что причина тому несколько иная.

Кардинал, видя, что дела его понемножку продвигаются, предложил Королеве через ту же г-жу дю Фаржи, ** позволить ему занять подле нее место Короля; ею же, пока она бездетна, всегда будут пренебрегать и, поскольку Король слаб здоровьем и долго не проживет, ее отправят назад

* Это по проискам Марийаков их друг де Берюллер стал кардиналом и министром. Покойный Король¹² говорил, что де Берюллер — самый уродливый франт во всем королевстве. Мальвиль утверждал, что за три недели, в течение которых он состоял при кардинале де Берюлле в Оратории, он навидался больше мошеннических проделок, чем за всю свою остальную жизнь. Берюллер был очень лицемерен: он проезжал на виду у всех в карете по аллее Кур-Ла-Рен¹³ с молитвенником в руке, — это он, который читал с трудом при ярком солнце по сильной близорукости.

** Он признался также в любви к г-же дю Фаржи и заставил ее принять свои условия.

в Испанию; тогда как, ежели у нее будет сын от Кардинала, а Король, что совершенно очевидно, в скорости помрет, она станет править вместе с ним, Кардиналом; ведь, будучи отцом ее сына, он всегда будет действовать в ее интересах; а что до Королевы-матери, он ее удалит, как только обретет благосклонность Королевы, о коей просит.

Королева решительно отвергла это предложение, однако окончательно оттолкнуть Кардинала не отважилась; он приложил все усилия к тому, чтобы хоть раз оказаться с нею в постели, но безуспешно. Все же он продолжал выказывать ей свою влюбленность; но в конце концов это внезапно прекратилось, когда Кардинал обнаружил, что Лапорт, один из офицеров Королевы, ездит за письмами, поступающими из Испании, и что герцог Лотарингский, переодетый, имел с нею беседу в монастыре Валь-де-Грас. Между ним и Королевой заметили и некоторый намек на нежные отношения. Кардинал велел арестовать Лапорта, и Хранитель печати Сегье учинил Королеве допрос в Валь-де-Грас. С тех пор Кардинал постоянно преследовал Королеву и, дабы ей досадить, велел поставить пьесу под названием «Мирам», где выведен Бекингем, которого любят больше, чем его, Кардинала, и где герой, т. е. Бекингем, оказывается им побит. (Демаре написал это по его распоряжению и против всяких правил). Кардинал заставил Королеву прийти посмотреть пьесу.*

Царствующая Королева призналась, что с нею можно было сыграть в этом случае скверную шутку, ибо она ездила в монастырь Валь-де-Грас, где испанский посланник Мирабель, невзирая на приказание не появляться более в Лувре, как он это делал прежде (а он бывал там постоянно, и поначалу Королева-мать привлекала его к участию в Совете), беседовал с нею, за что она ему была в какой-то мере признательна.

* Г-н де Ларошфуко говорит, что Кардинал был сильно влюблен в Королеву и в бешенстве хотел заставить Короля развестись с нею; но г-жа д'Эггйон этому помешала. Королеву обвинили в тайных сношениях с маркизом де Мирабелем, испанским посланником, и Хранитель печати Сегье не только допросил ее, но и в некотором роде обыскал ее, ибо он коснулся ее тела, дабы убедиться, не прячет ли она на себе писем; во всяком случае он заглянул ей за корсаж и поднес руку к ее груди. В полном отчаянии Королева решила бежать в Брюссель. Князь де Марсийак, двадцатилетний юноша, — впоследствии Ларошфуко, участник Фронды,¹⁴ — должен был увести ее на крупе своего коня; г-жа д'Отфор была с ними заодно; г-жа де Шеврез, уже сосланная в Тур, должна была бежать в Испанию, ежели переплет будет зеленый. Когда же Королева отказалась от своего намерения, г-жа д'Отфор, то ли случайно, то ли позабыв об условии, послала в Тур красный Часослов. Вследствие этого г-жа де Шеврез переоделась в мужское платье и отправилась к князю де Марсийаку, который выделил ей для охраны несколько человек; за это его продержали некоторое время в тюрьме. Впоследствии Кардинал проникся к нему добрыми чувствами и предложил Князю принять его в число своих друзей. Князь не посмел согласиться на это предложение без разрешения Королевы, которая это ему не позволила.

По поводу этого свидания с испанским посланником Королева говорила сперва немало глупостей: ее брат де отомстит за нее и т. д., — и всегда поддерживала с ним тайные сношения. Она не могла скрыть досаду, что пользуется всеми благами, предоставленными ей Францией, тогда как это ущемляло интересы ее родного дома.

Много злословили по поводу отношений кардинала де Ришелье, который был красивым мужчиною, с Королевой-матерью. В пору этой любовной интриги ей вздумалось, хоть она и была уже в годах, вернуться к игре на лютне; когда-то она немного играла на ней. Она берет к себе Готье, и вот все начинают играть на лютне. Ришелье тоже стал обучаться, и не было более забавного зрелища, чем вид Кардинала, берущего уроки у Готье.

Во время своей связи с Ришелье Королева-мать прониклась такой ревностью к королеве Анне, что в открытую порвала с Кардиналом и выгнала г-жу д'Эгийон, а также г-на де Ламейре, бывшего капитаном ее Гвардии. Королева-мать жаждала власти, и все воспитание, которое она дала Королю, было рассчитано на то, чтобы сделать его неспособным править самостоятельно (она ни разу не поцеловала сына за все время регентства); она боялась, как бы молодая Королева не имела на него духовного влияния, и, дабы помешать Государыне добиться привязанности своего мужа, приставила к ней г-жу де Шеврез и г-жу де Лавалетт, двух самых сумасбродных женщин, какие только были при Дворе. Она приказала также принцессе де Конти следить за всем, что делается у молодой Королевы; а этой принцессе, несмотря на преклонный возраст, все еще помышлявшей о любви, только и надо было, чтобы все вокруг занимались любовными интригами. Она-то и обучила кокетству молодую Королеву.

Той порою случилось довольно забавное происшествие. В тот самый день, когда Кардинал отправился в Люксембургский дворец,¹⁵ где между Королевой и им произошел разрыв, Генеральный прокурор Моле, которого он намеревался сделать Главным председателем судебной палаты, не застав г-на Кардинала дома, отправился в Люксембургский дворец, надеясь найти его там. На беду Кардинал, спускаясь по большой лестнице, увидел, как Моле поднимается по малой. Он подумал, что этот молодой человек только что предлагал свои услуги Королеве-матери, и разубедился в этом лишь долгое время спустя, когда сделал его Главным председателем палаты. Он ошибся в своем суждении относительно Моле и Мельяна. Этот Мельян, Председатель следственной палаты, пользовался более лестной репутацией, чем он того заслуживал. Кардинал сделал его Генеральным прокурором, а он оказался человеком совершенно неспособным, и наоборот — Генеральный прокурор Моле, которого он сделал Главным председателем судебной палаты, потому что тот якобы не подходил для более высокой судебной должности, показал себя более смышленным, чем то предполагали.

В это время как раз пошла речь о сватовстве будущей Королевы Английской. Граф Карлейл и граф Холланд, прибывшие во Францию для переговоров по этому поводу, уведомили королевского фаворита Бекингема, давно мечтавшего о подобном романе, что во Франции есть молодая и любезная Королева и что он мог бы одержать здесь блестящую победу; с той поры между Королевой и Бекингом завязалась переписка при посредстве г-жи де Шеврез, за которой волочился граф Холланд; таким образом, когда Бекингем прибыл для переговоров о замужестве будущей Королевы Англии, царствующая Королева Франции была готова принять его весьма благосклонно. Немало было галантных встреч; но более всего наделало шума их свидание в Амьене, куда направился Двор, чтобы быть поближе к морю; Бекингем очутился там наедине с Королевой в саду, где, правда, еще находилась некая г-жа дю Верне, сестра покойного г-на де Люина, камеристка Королевы, но она была в сговоре и отошла на почтительное расстояние.* Любезник повалил Королеву и расцарапал ей ляжки своими расшитыми штанами; но все оказалось тщетно, Королева стала звать камеристку и звала до тех пор, пока та, поначалу прикинувшаяся глухою, не была вынуждена поспешить ей на помощь.

Несколько дней спустя (царствующая Королева оставалась еще в Амьене, то ли по нездоровью, то ли потому, что ей необязательно было сопровождать Королеву Англии в поездке по морю, ибо это могло бы повлечь за собою лишние хлопоты) Бекингом, как и все, распростился с Королевою, но, проскакав уже три лье, вернулся к ней. Королева ни о чем таком и не помышляла — и вдруг увидела герцога стоящим на коленях у изголовья ее кровати. Он постоял так некоторое время, поцеловал край простыни и удалился.

Все эти галантные поступки Бекингема внушили Кардиналу подозрения, и он воспрепятствовал Герцогу вернуться во Францию в качестве чрезвычайного посла, на что тот поначалу рассчитывал. Не находя иного выхода, герцог появился у берегов Франции с эскадрой, дабы напасть на остров Рэ.** Подойдя к острову, он захватил в плен некоего

* Г-жу дю Верне за это прогнали; но поскольку она приобрела на этом кое-какое состояние, покойный г-н де Буйон-Ламарк женился на ней. Говорили, будто этот дю Верне был прежде скрипачом и обучал танцам пажей Коннетабля де Монморанси в Лангедоке. Однако его сделали губернатором Каде.

** На судах герцога имелись носилки и лошади для игры в кольца. От кардинала Спады, бывшего в ту пору нунцием во Франции, стало известно (он рассказал об этом г-ну де Фонтене-Марею, когда тот был посланником в Риме), что поскольку Франция и Испания готовы объединиться, чтобы напасть на Англию (на этом союзе настаивал кардинал де Берюль, бывший в ту пору генералом Оратории но еще не кардиналом), граф Оливарес уведомил о сем Бекингема, и это побудило герцога направиться к острову Рэ, начав экспедицию, не входившую сперва в его намерения. Испания желала, чтобы гугеноты по-прежнему сеяли смуту во Франции.

дворянина из Сентонжи, по имени Сен-Сюрен, человека ловкого и неглупого, хорошо знавшего Двор. Герцог обошелся с ним крайне учтиво, открыв ему свою любовь; он провел его в самую прекрасную каюту на своем корабле. Кюта эта была вся в позолоте, пол был устлан персидскими коврами, а на некоем подобии алтаря меж высоких светильников стоял портрет Королевы. Затем Бекингем отпустил Сен-Сюрена с условием, что тот отправится к Кардиналу и скажет ему: он де, герцог, готов уйти и отступить от Ларошели, короче говоря, сделать все, что Кардиналу будет угодно, пусть только пообещает принять его в качестве посла во Францию. Бекингем наказал также Сен-Сюрену поговорить от его имени с Королевой. Сен-Сюрен приехал в Париж и выполнил, что обещал. Он изложил все Кардиналу, который пригрозил отрубить ему голову, ежели он еще раз об этом заикнется. Впоследствии, когда Королева узнала о смерти Бекингема, она сильно была этим огорчена. Поначалу она не хотела верить и говорила: «Я еще намеренна получила от него письмо». У Кардинала было уже, по-видимому, на уме то, о чем я собираюсь рассказать.

Во время поездки в Лион, где Король так сильно занемог, Королева-мать стала умолять его, чтобы он прогнал Кардинала. Король обещал ей сделать это, как только будет заключен мир с Императором,¹⁶ но, мол, до тех пор Кардинал ему нужен. Поправившись, Король уезжает в Руан.¹⁷ Королева-мать остается в Лионе из-за того, что у нее разболелась нога. Из Руана Король пишет ей, чтобы она поправлялась, что он вскоре удовлетворит ее желание: мир с Императором заключен,¹⁸ и он посылает уже утвержденный договор.*

Королева-мать была столь обрадована сим известием, что на радостях велела тут же сжечь несколько вязанок хвороста наподобие фейерверка. Кардиналу сообщили об этом фейерверке, и он, заподозрив недладное, стал допытываться у Короля, в чем дело; Король во всем ему признался; Королева-мать прибывает в Руан. Кардинал, увидев ее в церкви, где она причащалась, подходит к ней и подает знак Сен-Жермену,** который, будучи священником, ведавшим подавниями, стоял поблизости, чтобы тот удалился. Тут он начинает умолять Королеву простить его; она отвергает его просьбы. «Государыня, — говорит он, — вместе со мною погибнет многое». Именно из-за этого произошел нелепый разрыв мирных переговоров в Ратисбоне.

* Из лицемерия он созвал Совет и сделал Сен-Шомона Государственным министром, ибо не хотел иметь подле себя людей сильной воли. Сен-Шомон, который полагал, что это воздаяние за его заслуги, весьма этому обрадовался. Встретив Горда, капитана Лейб-гвардии, он ему рассказал о своем назначении. «О, — воскликнул Горд, — да ты смеешься!». Хохоча во все горло, капитан входит к Королю и говорит: «Государь, Сен-Шомон утверждает, будто вы, Ваше Величество, сделали его Государственным министром; и какой дурак этому поверит».

** Тому самому, кто так много писал против Кардинала. Его зовут де Мурт, и родом он из Парижа.

В Лионе все, решительно все, готовы были вступить в сговор против Кардинала. По возвращении из Руана он велел арестовать маршала де Марийака. Хранитель печати был отправлен в Ангулем;¹⁹ должность Хранителя печати получил г-н де Шатонеф. Это чрезвычайно разгневало Королеву-мать. Кардинал несколько раз безуспешно пытался склонить ее к переговорам, а когда главный судья Вердена сказал ей, что Его Высочество из-за этого пять раз даже плакал, она ответила: «Что ж удивительного? Он плачет всегда, когда этого захочет». Бонней, представлявший посланников ко Двору, человек набожный, но который всегда восхищался правлением Первого министра и которого в насмешку прозвали «Придворным ханжою», также сказал Королеве-матери, будто он видел Кардинала столь подавленным и изменившимся в лице, что его просто было не узнать. Она возразила на это, что Кардинал меняется в лице, когда ему вздумается, и что ему случалось выглядеть веселым, а через какую-нибудь минуту казалось, что он вот-вот умрет. И все же, не знаю уж каким образом, между ними произошло примирение. Вскоре после этого возник тайный сговор, в котором приняли участие обе Королевы, Месье и все Гизы. Ришелье в отчаянии хотел было сложить с себя полномочия, но кардинал де Лавалетт вернул ему мужество. Г-н де Рамбуйе сумел убедить Месье; все уже полагали Кардинала погубленным, как вдруг Король стал на его сторону. Вот это событие и было названо «Днем одураченных». Произошло это в Мартынов день, после возвращения из-под Ларошели.²⁰

Маршал Марийак содержался под стражей в Рюэле,²¹ в собственном доме Ришелье. Г-н де Шатонеф доказал свою преданность Кардиналу: он велел огласить мнения членов суда лишь единожды, вместо того чтобы огласить их трижды, и затем сказал: «Вот приговор». Шатле хотел отречься от своих признаний. После этого Кардинал заявил: «Господа, надобно признать, господь умудряет судей познаниями, коими не умудряет остальных людей: я и не предполагал, что подсудимый заслуживает смерти». И в самом деле, над Марийаком чинили суд лишь на основании его приказов, которыми он вынуждал взыскивать определенные суммы с некоторых деревень Верденской округи за то, что избавлял их от военного постоя; утверждали, будто эти деньги он употребил на постройку Верденской цитадели, не получив на то никакого распоряжения. Впоследствии Шатонефу за все это хорошо заплатили. Дижонский советник Бретань был назначен за свои услуги Главным судьей в Меце. Его нашли сгоревшим: оставшись один, он свалился в горящий камин и, будучи немощным, не смог из него выбраться.

Г-жу дю Фаржи прогнали из-за ее интриг, а вовсе не из-за ее любовных похождения. Она примкнула к Вотье и Беренгену, ныне Первому шталмейстеру Малой конюшни. Некоторое время она скрывалась в окрестностях Парижа, но вскоре ее обнаружили, и ей пришлось уехать подальше.

Вотье

Расскажу здесь то, что узнал о Вотье. Поначалу он был бедным юношей, и некий монах Францисканец, по имени отец Крошар, который повсюду следовал за г-ном де Ларош-Гийоном, взял его к себе слугою. Г-жа де Гершевиль определила его лекарем ко Двору Королевы-матери на жалованье в триста ливров. И вот, во время пребывания Королевы в Ангулеме, когда де Лорм еще в Эгре бросил ее на произвол судьбы из-за того, что она, по его выражению, наговорила ему всяких кислых слов, еще более кислых, чем городок, где они были сказаны,²² ей понадобился врач. Другого лекаря не было, а о Вотье кто-то, кого он удачно пользовал, отозвался с большой похвалою. Он вылечил Королеву-мать от рожистого воспаления и после этого снискал к себе столь явное ее расположение, что ему удалось ладить с нею лучше чем кому-либо: отсюда и возникла великая ненависть к нему Кардинала. Вотье был хорошо сложен, но у него были слишком мускулистые плечи; он любил разгрызывать из себя умника. Происходил он из Арля; мать его была пряхой, и говорили, будто он ей совсем не помогает.

Кардинал де Ришелье, притворившись, что намерен сделать еще одну попытку примириться с Королевой-матерью, послал за Витре, ныне издателем книг духовного содержания, человеком здравомыслящим, который открыто заявлял о своей дружбе с Вотье, и сказал, что просит его быть посредником между ним и Королевой. Витре стал просить Кардинала избавить его от этого, сославшись на то, что нередко в угоду лицам могущественным и знатным в жертву приносят мелкую сошку. «Нет, — ответил Кардинал, — ничего не бойтесь». — «Поскольку вы желаете возложить на меня эту честь, — сказал Витре, — не заставляйте меня гадать; скажите мне все откровенно». — «Передайте Вотье то-то и то-то», — попросил Кардинал. Немало пришлось Витре походить взад и вперед; наконец, дело заметно продвинулось, и Кардинал передал через него Вотье, что де надобно им устроить у Витре свидание, но что во избежание ненужной огласки вместо Кардинала на это свидание пойдет отец Жозеф. Вотье подумал: «Это ловушка, ибо вслед за сим Кардинал уведомит об этих переговорах Королеву-мать и скажет ей, что я якшаюсь с ним или его людьми. Я не сумею, — заключил он, — помешать Королеве-матери отправиться в Компьен». На самом деле, Кардинал только того и хотел, чтобы Королева совершила эту неосторожность и поехала в Компьен, хоть и прикидывался, будто он против этой поездки; меж тем он сулил Вотье любые награды, вплоть до того, что обещал ему кардинальскую шляпу. Королева-мать хотела править: ей мало было раздавать высокие должности и бенефиции, имея столько денег, сколько она пожелает. Принцесса Конти, а с нею и все семейство Гизов и г-н де Бельгард неустанно уговаривали ее погубить Кардинала. И вот она едет в Компьен;²³ там ее арестовывают, а Вотье приказывают вернуться

в Париж. По пути туда его хватают и отвозят в Бастилию. Кардинал передает Витре, что весьма доволен его действиями и он может видеть своего друга столько, сколько ему будет угодно. Витре отвечает: «От этого я, пожалуй, воздержусь: сей человек имел несчастье впасть в немилость у Государя, я сумею быть ему полезным и не навеваю его». Кардинал велел передать Витре, пусть, мол, он прийдет к Вотье безбоязненно: ему нечего за себя опасаться; и тот отправился навестить друга. Вотье говорит ему: «Вот как я унижен; но придет день, и я стану лейб-медиком Короля». Слова его сбылись, но не совсем так, как он это предполагал, ибо он-то имел в виду покойного Короля; а стал он лейб-медиком короля, которого тогда еще не было на свете.²⁴ Нам довелось его видеть; у него была рента в двадцать тысяч экю, и жил он, как негодяй, взимая деньги с больных, которых пользовал. В конце концов он этого устыдился и начал лечить бесплатно.

Месье покинул пределы Франции вследствие происков семейства Гизов, герцога Лотарингского и Королевы-матери, но главным образом из-за того, что не было выполнено обещание в отношении его канцлера Леконье и Пюилорена. Г-н де Рамбуе во время переговоров с Леконье обещал ему должность Председателя суда — ее он как раз получил — и кардинальскую шляпу; Пюилорену была обещана грамота о возведении его в герцогское достоинство. В Рим по поводу кардинальской шляпы ничего не написали, грамота так и не была отправлена. Леконье и Пюилорен привели в раздражение своего повелителя и вынудили его уехать. Пюилорен намеревался жениться на принцессе Пфальсбургской, которая была вдовою. Сен-Шомон, осаждавший Нанси, который защищала принцесса Пфальсбургская, позволил принцессе Маргарите ускакать верхом на коне и по сей причине впал в немилость. Впоследствии эта дама вышла замуж за герцога Гастона Орлеанского во Фландрии.

Кардинал вел переговоры столь удачно, что заставил Месье вернуться. Вскоре после этого он выдал замуж трех своих родственниц за г-на де Лавалетта,* за Пюилорена и за графа де Гиша.

Поговаривали, будто Пюилорен был отравлен грибами, и еще — что грибы в Венсенском лесу весьма опасны. Но умер он, как и великий приор Вандомский и маршал д'Орнано, из-за сырости в некоей сводчатой камере, где так мало воздуха, что образуется селитра. Г-жа де Рамбуе говорила в шутку, будто камера эта богата своим запасом полноценного мышьяка, как мы бы сказали: «полноценного золота». Кардинал де Лавалетт не раз повторял ей эту острогу.

В довершение всего, что мне известно о Королеве-матери, добавлю, что даже в Брюсселе она не смогла оградить себя от хитроумных происков Кардинала, желавшего выжить ее оттуда, ибо она была весьма располо-

* Кардинал женил Лавалетта на своей родственнице с целью провести его. Г-н д'Эпернон за то, что жил плохо со своей женой, навлек на себя всевозможные бедствия.

жена плести козни против него. Он сумел ей внушить, что, ежели она порвет с испанцами, он позволит ей вернуться во Францию. Она сделала вид, будто собирается в Спа, и две тысячи голландских всадников явились ее сопровождать. После этого Кардинал перестал думать о ней. Говорят, что в ту пору у нее не было иной цели, кроме желанья любоваться видом Люксембургского сада и аллеей Кур-ла-Рен, которую она велела насадить, уже не вмешиваясь больше ни в какие государственные дела. Вот так опрометчиво она уехала из Брюсселя, где с нею прекрасно обхаживались испанцы, которые выдавали ей двенадцать тысяч экю в месяц, и сумма эта вполне ее обеспечивала; с момента же своего отъезда она была обречена на вечные странствования и на жалкое существование.

Сен-Жермен

Сен-Жермен ничего не знал о намерениях Королевы-матери. Кардинал-инфант был в этом уверен и, дабы обеспечить его существование, назначил его на должность прево, приносящую двенадцать тысяч ливров ренты; быть может, он хотел привлечь его на свою сторону, чтобы тот писал против кардинала Ришелье. После смерти Ришелье этот человек вернулся в Париж, ибо получал такие же доходы с другой должности прево, которую занимал в Провансе, и не захотел пользоваться деньгами по той должности во Фландрии, дабы никто не смог обвинить его в сношениях с врагом. Здесь он квартирует у своей сестры, которой платит двенадцать тысяч ливров в год. Он получает еще три тысячи ливров в другом месте, а когда ему удается выкроить кое-что из жалования (ибо он занимает не знаю уж какую там еще должность) или пенсии, распределяет эти деньги между двумя дочерьми своей сестры. Он ни за что не желает пользоваться доходами с двух должностей прево, говоря, что те, кто наделил его ими, действовали незаконно.

Кардинал де Ришелье, дабы прибрать к рукам Адмиралтейство и стать полноправным хозяином как на суше, так и на море, пустил слух, будто неподалеку от Байонны несколько испанских галионов²⁵ Вест-Индского флота потерпели крушение, и сообщил об этом Королю. В то же время несколько подосланных лиц убеждали Его Величество, что из-за отсутствия чиновника, ведающего делами, связанными с кораблекрушениями, может пропасть весь груз этих галионов и что необходимо создать должность суперинтенданта по мореплаванию; и тут же стали обсуждать кто бы мог надлежащим образом справиться с такой должностью; перебрав множество лиц, они сочли, что только Кардинал способен занять этот пост; итак, они внушили Королю, что ему следует переговорить с г-ном де Ришелье. Его Величество предложил эту должность Кардиналу; тот поначалу сказал, что и без того слишком занят, ему не снести на плечах такое бремя, — словом, заставил себя усиленно упрашивать, прежде чем дал согласие. Эта должность делала ненужной или излишней

должность адмирала, а посему г-н де Монморанси охотно согласился обсудить вопрос о должности адмирала Западного флота, которую занимал. Г-н де Гиз в вопросе о должности адмирала Восточного флота был менее уступчив и в итоге лишился званий и Адмирала и губернатора Прованса.

О всемогуществе Кардинала рассказывали историю, которую Буаробер потешал Его Высокопреосвященство. Полковник Хейлброн, шотландец, человек уважаемый, проезжая верхом по улице Тиктон, вдруг чувствует, что его подпирает. Он бросается в ворота дома какого-то горожанина и облегчается тут же на дорожке. Выбегает хозяин и поднимает шум; наш полковник крайне смущен. Тогда его слуга говорит горожанину: «Мой хозяин служит у г-на Кардинала». — «О, сударь, — отвечает горожанин, — коли вы служите у Его Высокопреосвященства, вы можете . . . где вам угодно».

Это тот самый полковник, который говорил на своем тарабарском наречии, что, ежели пуля свое назначение имеет, избежать ее никак невозможно. Отец Жозеф, показывая пальцем на карту, говорил: «Речку мы перейдем здесь». — «Но, господин Жозеф, — отзывался полковник, — ведь ваш палец не мост».

Кардинал устроил так, что Король обратил внимание на Лафолена, дворянина из Турени, и приказал ему, якобы без ведома Кардинала, ни на шаг не отходить от Его Высокопреосвященства, не допускать, чтобы его слишком утомляли, и требовать, чтобы с ним беседовали лишь в тех случаях, когда необходимо сообщить ему нечто весьма важное. Это было до того, как у Кардинала появился постельничий и учреждена была его личная охрана. Этот Лафолен был самым знаменитым едоком при Дворе. Другие говорили: «Эх, хорошо бы нынче поохотиться!». — «Эх, хорошо бы сейчас прогуляться!». — «Эх, хорошо бы сыграть в мяч, потанцевать!» и т. д., а он твердил одно: «Эх, хорошо бы нынче поесть!». Выходя из-за стола, он читал благодарственную молитву так: «Господи, будь милостив ко мне и дай переварить все, что я съел».

Наш д'Эпернон был одним из самых стойких людей, но и ему пришлось пойти на мировую, и он приехал верхом в Монтобан для свидания с Кардиналом. «Перед вами, — сказал д'Эпернон, — несчастный старик». Кардинал не мог ему простить, что, когда во время осады Ларошели кто-то застал д'Эпернона с молитвенником в руках, тот заметил: «Приходится волей-неволей заниматься чужим ремеслом, раз другие занимаются нашим». Сына своего он назвал кардиналом Валэ.²⁶ Зато он сильно напугал Ришелье в Бордо, явившись к нему в сопровождении двухсот дворян в то время, как тот был один и лежал в постели. Этого Кардинал никогда ему так и не забывал. Когда Кардинал был назначен генералиссимусом в Италии, д'Эпернон заметил в шутку, что Король оставил за собой одну лишь обязанность — исцелять от золотухи;²⁷ а когда г-н д'Эффиа был пожалован маршалом Франции, он заявил ему: «Вот, господин д'Эффиа,

вы и маршал Франции. В мое время маршалов делали мало, но, по крайней мере, они чего-то стоили».

Кардинал не мог переварить, когда его упрекали в незнатности происхождения, и ничто так не досаждало ему, как упоминание об этом.*

Великий приор де Лапорт, заметив, что кардинал де Ришелье у себя в доме не уступает дороги принцу Пьемонтскому, впоследствии герцогу Савойскому, громко заявил: «Подумать только, что внук адвоката Лапорта проходит впереди внука Карла VI!».

Когда Окенкур-отец, главный прево, попросил Кардинала назначить его Хранителем печати капитула Ордена Святого Духа,²⁹ Кардинал сказал ему: «Подумаешь, какая почетная должность!». — «А меж тем именно благодаря ей ваш отец стал рыцарем Ордена», — ответил тот. Тем не менее он остался в милости у Ришелье.

Памфлеты, которые печатались в Брюсселе против Кардинала, жестоко огорчали его. Он сильно был ими удручен, и они немало способствовали его решению объявить войну Испании; но пошел он на это главным образом для того, чтобы дать почувствовать, сколь он необходим. Более всего вывела его из себя известная сатира в тысячу строк, в которой немало огня, но не более того. Из-за этой сатиры Кардинал засадил в тюрьму множество людей, но так ничего и не смог узнать. Я вспоминаю, как, желая прочесть ее, люди запирали за собою двери: тирана этого страшно боялись. Я полагаю, что сатира исходила от кардинала де Реца; толком, однако, ничего неизвестно.

В тот год, когда неприятель занял Корби,³⁰ Кардинал находился в крайне стесненных обстоятельствах, хотя у казначея Моруа всегда хранилась небольшая неприкосновенная сумма в пятьсот тысяч экю. Старик Бюльон, Суперинтендант финансов, отправился к Ришелье. «Что с вами, Монсеньер? ** Вы чем-то опечалены?». В голосе его чувствовалась старческая ворчливость, но вместе с тем и твердость. «Да разве мало у меня для этого причин? — спросил Кардинал, — к нам вторглись испанцы,

* При осаде Ларошели г-н Ларошфуко, в ту пору губернатор Пуату, получил приказ собрать всех дворян своего края. Через четыре дня он собирает полторы тысячи дворян и заявляет Королю: «Государь, здесь нет ни одного, который не был бы моим родственником». Г-н д'Эстисак, младший брат губернатора, говорит ему: «Вы совершили грубую оплошность. Племянники Кардинала пока что только нищие, а вы хотите нос задирать. Будьте поосторожнее, губернатор!». В следующем же месяце Кардинал снял Ларошфуко с его поста и назначил губернатором человека, который не пользовался таким доверием. Это был Парабель.

Когда герцог Веймарский приехал в Париж, граф де Парабель, порядочный глупец, отправился к нему совершенно запросто и дошел в своей наглости до того, что спросил у герцога, почему тот дал битву при Нордлингене.²⁸ Герцог спросил на ухо у маршала де Ламейре: «Что это за хлыщ с голубой лентой через плечо?». Маршал ответил: «Да он форменный дурак; не обращайтесь внимания на то, что он говорит». — «За что же ему пожаловали голубую ленту?». — «В ту пору он не казался еще таким сумасбродом».

** Кардинал очень любил, когда его величали Монсеньером.

взяли несколько городов.* Графа Суассонского оттеснили на ту сторону Уазы, и у нас нет больше войск». — «Надобно снова набрать их, Монсеньер». — «А на что?». — «На что? Я дам вам денег на вербовку пятидесяти тысяч человек, да еще миллион золотом впридачу» (таковы были его собственные слова). Кардинал расцеловал его. Бюльон всегда хранил шесть миллионов у казначея Королевской казны Фьебе; ибо это был человек, на которого он более всего полагался.

Богач Ламбер

Отсюда и несметное богатство Ламбера, в свое время чиновника казначейства у Фьебе: он умело пользовался деньгами — ссудив кому-нибудь пятьдесят тысяч ливров, он затем умышленно начинал торопить его с уплатой долга, и тогда должник, дабы получить отсрочку, швырял ему на стол мешок с тысячью франков (этот Ламбер умер молодым и до того не щадил себя, накапливая состояние, что умер, так и не поживившись им. Он оставил сто тысяч ренты своему брату. Оба они — сыновья ревизора Счетной палаты). Кардинал все же находился в полном неведении относительно положения вещей, не зная, на что тратятся деньги и есть ли что-нибудь в запасе, — и все потому, что он хотел красть и давал красть другим.

В те времена он ездил по Парижу без охраны, но под кардинальской мантией носил надежную кольчугу, а в фартуке и спинке кареты вшита была сталь, и всегда кто-нибудь стоял на запятках. Он постоянно возил с собою маршала де Лафорса, ибо того любил народ. Король отправился в Шантийи и послал маршала де Шатийона, чтобы тот приказал сломать мосты на Уазе. Монтатер, дворянин из округа Лианкур, встретив Маршала, сказал ему: «А что же делать нам, кто живет по ту сторону реки? Сдается, вы обрекаете нас на разграбление». — «Пошлите, — ответил Маршал, — за охраной к г-ну Пикколомини; я дам вам к нему письмо, он мне приятель, мы так не раз поступали во Фландрии после сражения при Авене».³¹ Узнав про то, г-н де Лианкур и г-н д'Юмьер присоединяются к просьбе Монтатера. Маршал пишет Пикколомини письмо; тот посылает трех конвойных и велит сказать маршалу де Шатийону, что маршалу де Брезе он бы никакой охраны не дал. Пикколомини любил порядок: так, поселившись в доме некоего французского дворянина, он сберег ему все, даже садовые шпалеры, и велел выпороть пажа, который влез в сад через стену. Г-н де Сен-Симон, кавалер Ордена Святого Духа и комедант замка Шантийи, дабы выслужиться, доложил Королю, что в поместье Монтатера есть стражник; поместье, мол, расположено очень высоко, так что оттуда всегда можно увидеть, когда у Короля не-

* Кардинал был поражен, ибо полагал, что голландцы выступят; ему же хотелось разорить Франш-Конте.

большой эскорт и его легко захватить в плен, послав пятьсот всадников, ибо, говорил он, на реке есть броды. И тут на Короля нападает страх, он начинает клясть Монтатера, пусть, мол, через три дня ему отрубят голову, ведь это он подал другим дурной пример. Монтатер не показывается ему на глаза, хотя в сущности виноват был маршал Шатийон. Король сам дал повод к панике, которая овладела всей округой, повелев вывезти всю мебель из замка Шаптийи, расположенного по сю сторону реки и огражденного надежными рвами. Король гневался два дня, на третий Санген, личный дворецкий Его Величества, подал Королю группы, кои получены были им из поместья Монтатера. Король нашел их вкусными и спросил, откуда они. «Государь, — ответил с улыбкой дворецкий, — если бы вы знали откуда, у вас пропала бы охота их отведать. Кушайте, кушайте, я вам после скажу». А потом говорит Королю: «Мне принес их и велел вам подать тот самый человек, которого вы давеча так проклинали». Король рассмеялся и заявил, что он хотел бы получить от этих групп черенки. Наконец герцог Ангулемский примирился с Монтатером с условием, что тот не будет ни о чем говорить. В самом деле, Король сказал ему: «Монтатер, я прощаю тебя, но только никаких объяснений», — и повернулся к нему спиной. Было бы куда лучше, если бы Король, а то и Кардинал примерно наказали тех, кто так трусливо бежал из Парижа; ибо в ту пору Орлеанская дорога была запружена каретами людей, полагавших, будто в Париже оставаться небезопасно. Одним из них был Барантен де Шарон. Его-то надо было наказать для примера, присудив к выплате большого штрафа, — ведь он был богат и бездетен.

Желая создать герцогское поместье для рода Ришелье, Кардинал вознамерился приобрести имение Иль-Бушар, принадлежавшее герцогу де Ла-Тримуй;³² и для того, чтобы провести Герцога, он подослал к нему соглядатаев, кои донесли, что де Кардинал готов дать столько-то; это было больше того, что стоила земля; Герцог поверил. Кардинал спрашивает у него, желает ли он продать землю. Ла-Тримуй отвечает, что согласен и дает в том слово. «А я, — говорит Кардинал, — даю вам слово, что куплю ее; надобно, стало быть, посмотреть, — добавляет он, — во сколько она оценивается, ибо вы, должно быть, не станете дорожиться». — «О, мне сказали, — отвечает Герцог, — что вы дадите за нее, сколько с вас спросят». И все же Герцогу пришлось уступить. Один лес стоил сто тысяч экю, которые были ему уплачены за все. Герцог де Ла-Тримуй совершал еще более безрассудные сделки. Ламуссе, его шурин, извлек из Кентенского леса, который продал ему Герцог со всеми угодьями, пятьсот тысяч франков, сумму, в которую ему обошлась вся покупка. Герцог отдал лес с прилегающими землями за меньшую сумму, нежели та, в которую оценивался только лес.

Кардинал обменялся землями с Королем, предоставив ему поместье Шинон; и, дабы не иметь по соседству прекрасного замка, который неизбежно стал бы собственностью принца крови, поскольку принадлежал

Мадемуазель,³³ он заставил герцога Орлеанского, как ее опекуна, помянуть Шампиньи на Буа-ле-Виконт, а замок скрыть. Он хотел, чтобы снесли также тамошнюю Сент-Шапель, где находятся гробницы господ де Монпансье. Для этого он написал Папе (ибо Сент-Шапель состоит в непосредственном ведении Папы), будто часовне грозит обвал. Иннокентий X, в ту пору датарий³⁴ кардинала Барберини, папского легата во Франции, был послан осмотреть здание. Он нашел, что оно великолепно и находится в прекрасном состоянии, и в донесении своем опроверг то, что писал Ришелье, который все же не осмелился взорвать Сент-Шапель, сославшись потом на молнию. Впоследствии именно это и послужило причиною тому, что Мадемуазель пожелала вернуться в Шампиньи, о чем мы расскажем в «Мемуарах эпохи Регентства», и действительно туда вернулась. Судите же, как жалок был этот человек, ежели он, способный прославить самый глухой уголок Франции, полагал, будто, пристроив большое здание к дому своего отца, прибавит тем себе славы. Да и ежели оставить в стороне хлопоты, связанные с королевскими уделами и помещьем Шампиньи, само место это не отличалось ни красотой, ни здоровым климатом; и, несмотря на все старания Кардинала сделать его из ряда вон выходящим, к нему никак не привыкнешь. Он допустил там изрядные ошибки: главный жилой флигель получился слишком малым и слишком узким из-за того, что Ришелье вздумалось сохранить часть дома своего отца, где теперь показывают комнату, в которой Кардинал родился, и все лишь ради того, чтобы любой видел, что у отца его был каменный дом, крытый шифером, в краю, где все крестьянские дома точно такие же. Ему захотелось также оставить в углу садового партера довольно большую церковь по той причине, что там похоронены его предки. Двор очень приятен и уставлен многими статуями; ни в одном другом поместье не найдешь такой позолоты и таких прекрасных картин, как во внутренних покоях этого дома; но со стороны сада фасад жилого здания выглядит нелепо. Сюда подвели воду и соорудили великое множество фонтанов. В каналах течет прекрасная вода. Питает их небольшая речка, и рвы заполнены до краев. Парк и сад прекрасны. Ни в замке, ни в городе нельзя было сделать погреба, его сделали в конце сада.* Птичий двор очень хорош, городок очень мил, он словно сделан из картона; церковь весьма приятна; городские дома построены в одной и той же манере, все из тесаного камня. Они возводились теми, кто был причастен к финансам, к той или иной партии и к дому Кардинала. Ришелье был лишен удовольствия любоваться своим поместьем, он был слишком занят.

В Париже ему пришла в голову блажь сохранить комнату во дворце Рамбуйе,** и из-за этой прихоти он испортил главный жилой флигель.

* Лес там некрасив: дубы не так любят болотистую почву, как большие тополя. Он мог бы создать нечто куда более красивое в Иль-Бушаре.

** Нынешний дворец Рамбуйе принадлежал тогда г-ну де Пизани.

И в городе, и за его стенами он строил, как скупец. Надобно также сказать, поскольку это правда, что вначале у него не было столь больших планов и все делалось крайне необдуманно. Дабы получить место под постройку, он пожелал приобрести дом, на котором красовалась вывеска «Три девственницы». Поначалу он действовал по-хорошему и вел себя разумно; но горожанин, коему этот дом принадлежал, туго твердил, что, мол, дом этот — отцовское наследство. Кардинал в конце концов рассвирепел и, постыдно мстя владельцу, велел отнести его в налоговых списках к разряду зажиточных. После этого он получил дом, как того и добивался.

Как это видно из его завещания, он оставил Кардинальский дворец Дофину, дабы там жил он или хотя бы предполагаемый наследник Французской короны. Когда, вскоре после смерти покойного Короля, туда переселился Двор, его назвали «Пале Руаяль».⁵⁵ Было весьма нелепо изменять его название. В 1647 году г-жа д'Эгийон дождалась удобного случая и, объяснив, какой вред наносится тем самым имени ее дяди, добилась разрешения вернуть дворцу название «Кардинальский». В народе поговаривали, будто все дело в том, что Королева отдала сей дворец кардиналу Мазарини.

Г-жа де Рамбуэе сказала г-же д'Эгийон: «Сударыня, если бы Кардиналу угодно было обращаться с господином де Рамбуэе так же, как с его дворцом, он постарался бы придать его имени больше блеска». Услуга, которую г-н де Рамбуэе оказал Кардиналу, убедив Месье стать на его сторону в «День Одураченных», в самом деле того стоила.

Он обложил большим налогом и Барантена де Шарона, который не раз принимал его у себя в доме. Не то чтобы де Шарон этого не заслужил — он был очень богат, да и преглупо вел себя, подняв шум из-за какого-то свечного огарка, который прислонили к стене, где он закоптил невесть какую жалкую мазю; и не подумайте, что это было сделано с ведома Кардинала, который очень любил чистоту и никогда ничего не портил. Не было дома, который бы содержался с большей тщательностью и в большем порядке, нежели его собственный. Барантен был так глуп, что умер с досады, — вот до чего доходили его скупость и корыстолюбие. В оправдание Кардинала говорили, что два или три небольших недоразумения, вроде тех, какие произошли с Шароном, и нелюбезность некоторых из этих людей, не желавших уступить ему весь свой дом, хотя тот и не был слишком большим, дали Ришелье право обложить их налогом; а еще болтали, будто он опасался, как бы не стали кричать, почему де он щадит Барантена, когда люди с меньшим достатком и те должны платить. Однако в обществе к этому отнеслись неодобрительно.

В Рюэле, дабы сразу упомянуть о его зданьях, тоже нельзя найти ничего примечательного; но Кардинал кичился тем, что городок расположен вблизи Сен-Жерменского замка. Что же до Сорбонны, то это несомненно прекрасное строение, но племянница Кардинала не заканчивает там ал-

таря и пр., хотя и обязана была бы это сделать, точно так же как и не завершает сооружение его гробницы.

Отец Коссен, иезуит, заступивший место отца Арну, вместе с Лафайетт, фрейлиной Королевы, в которую, по своему обыкновению, был влюблен Король, стал строить козни против Кардинала. В этом принимал участие и г-н де Лимож, дядя фрейлины. Г-жу де Сенсе, близкую ее подругу, за это прогнали, а Лафайетт постригли в монахини. Вот как все раскрылось.

Герцог Ангулемский (побочный сын Карла IX), в ту пору вдовец, обратился к Кардиналу с просьбой разрешить некоей Вантадур, аббатисе монастыря в Нижней Нормандии, у которой Кардинал отнял аббатство за пасквили, сочиненные ею против него, поступить в какую-либо обитель в Париже, чтобы та не осталась без пристанища. Кардинал выполнил его просьбу; возвращаясь от него, Герцог заехал в Иезуитскую общину на улице Сент-Антуан, и там отец Коссен сообщил ему, будто Король, движимый состраданием к своему народу, решил прогнать кардинала де Ришелье, — это, мол, злодей из злодеев, и он, Король, остановил свой выбор на нем, Коссене, дабы сделать его кардиналом и поставить на место прежнего. Подумаешь, нашел тоже честного человека! Наш Герцог, хорошо знавший Короля, благодарит отца Коссена; тот уходит, начинает раздумывать, что же ему теперь делать, и решает наконец тут же переговорить с г-ном де Шавиньи. Шавиньи обнимает его и говорит: «Вы возвращаете нас к жизни! Вот уже полгода, как нельзя понять, что случилось с Королем». Не мешкая доле, Шавиньи скачет в Рюэль. Следом за ним туда отправляется Герцог Ангулемский. На следующий день они вместе с Ришелье едут к Королю. Кардинал смеясь говорит: «Государь, перед вами злой, бесчестный негодяй; на его место надобно поставить герцога Ангулемского». Король тоже рассмеялся, но несколько принужденно, и сказал: «С некоторых пор я замечаю, что бедный отец Коссен сдает разумом». За это граф д'Алэ получил пост губернатора Прованса.

Вскоре после этого герцог Ангулемский охотился с Королем на лань в Венсенском лесу. Король спросил его: «Видите ли вы вон ту башню, приятель? Ничто не помешало бы Кардиналу вас туда засадить». — «Клянусь богом, государь, — ответил наш Герцог, — значит я это вполне заслужил, иначе он вряд ли бы вам так посоветовал».

Отец Коссен умер несколько загадочно. Он немного занимался астрологией и предсказал, что умрет в такой-то день; и именно в этот день, не испытывая никакого недомогания, он ложится в кровать и умирает. — Королева-мать точно так же твердо верила в предсказания и чуть с ума не сошла от злости, когда ее уверили, что Кардинал проживет в добром здравии еще очень долго.*

* Королева-мать верила в то, что большие, громко жужжащие мухи понимают все, что говорится, и повторяют сказанное. Увидев хотя бы одну, она никогда не говорила ничего, что должно было оставаться в тайне.

Правительственные дела причиняли Кардиналу, разумеется, множество хлопот; поэтому он немало тратил на содержание шпионов. Король был нерешителен и ничего не осмеливался делать сам. Как-то он пожаловал одному священнику епископство, и все нашли, что с его стороны это необычайная смелость: речь шла о должности Манского епископа, оставшейся незанятой после смерти некоего Лавардена. Король узнал об этом раньше, нежели про то сообщили Кардиналу, и сказал придворному священнику по имени Лаферте, что он ему это епископство поручает. Лаферте отправился к Кардиналу и сообщил ему, дрожа всем телом, что Король поставил его во главе Манской епархии безо всякой просьбы с его стороны. «О, воистину! — воскликнул Кардинал. — Король препоручил вам Манскую епархию, это сразу видно!». Священник подумал было, что эту должность хотят у него отнять и что вместо нее ему дадут что-нибудь поскромнее. Но при первой же встрече с Кардиналом Король сказал: «Я отдал Манскую епархию Лаферте». Кардинал, услышав это, почтительно одобрил распоряжение Монарха, дабы не отменять то, что решил Король. Сей Лаферте был сыном Руанского советника, который не мог сделать его духовным советником в своем Парламенте, ибо сын этот был младшим. В Париже младший Лаферте получил должность священника, ведающего делами о подаяниях, которая приносила ему двадцать тысяч ливров; отец, хотя и не слишком расположенный к нему, дал на то свое согласие; сестра Лаферте, жившая в Париже, кормила его. Он проявил большое усердие, и Король любил его, не выказывая, однако, своего расположения.

Первой крепостью, которую взяли во Фландрии, была Геденская.³⁶ Генерал-инспектор артиллерии де Ламейре командовал одной штурмовой колонной, а Ламбер — другой; у Ламбера был инженер, который в свое время служил в Нидерландах; человек этот во всем соблюдал порядок и делал все, как подобает. Генерал-инспектор артиллерии не пожелал терпеливо ждать: он положил множество людей, но продвигался медленнее, нежели Ламбер. Наконец он посылает за инженером: «Сколько вам еще надобно дней?». — «Не больше и не меньше, сударь, чем до начала следующего штурма. Потребуется немало времени на то, чтобы перейти ров». Дабы предоставить Генерал-инспектору артиллерии честь взять крепость и сделать его тут же на месте маршалом Франции, пришлось в конце концов задержать атаку Ламбера. Именно тогда Генерал-инспектор артиллерии, испытывая острую нужду в деньгах, предложил Кардиналу назначить четырех интендантов фанансов и выплачивать каждому по двести тысяч ливров в год. Кардинал спросил его: «Господин Генерал-инспектор артиллерии, ежели бы вам сказали: „У вас есть дворецкий, он вас обкрадывает; но вы слишком важный вельможа, чтобы дать обкрадывать себя только одному человеку, возьмите еще четверых“, — последовали бы вы этому совету?». Еще как-то раз, в ту пору, когда должность заместителя

Главного судьи временно занимал Лафема, Генерал-инспектор артиллерии сказал Кардиналу, что он, Ламейре, знает человека, который даст за эту должность восемьсот тысяч ливров. «Не называйте мне его, — ответил Кардинал, — не иначе как он вор».

Росиньоль

Геден сдался бы на неделю позже, если бы не было перехвачено шифрованное письмо, в котором осажденные просили о помощи. Расшифровал его Росиньоль и ответил противнику посредством того же шифра от имени Кардинала-инфанта, что осажденным помочь невозможно и что им следует вступить в переговоры. Под Ларошелью Росиньоль также расшифровал письмо, которое приободрило Кардинала и подкрепило правительственность его намерения.*

Этот Росиньоль был бедный малый родом из Альби и обладал неплохими способностями по части разгадывания шифров. Кардинал держал его при себе и ради того, чтобы наводить страх на людей, и еще для других надобностей. Он преуспел и стал теперь старшим ревизиром Счетной палаты в Пуатье. Он сделался до того набожным, что даже бичевал себя. В 1653 году он получил четырнадцать тысяч экю — свой пенсioen за три года. Кардинал Мазарини решил, что он ему пригодится для шифров, хранимых в уме: ни он, ни кто другой не умели разгадывать их, разве только случайно; говорят, сам он за всю жизнь разгадал всего лишь один. В остальном Росиньоль был человеком более чем заурядным. Он просто-душно рассказывал кардиналу де Ришелье о почестях, которые ему, Росиньолю, оказывали в Альби: «Монсеньер, — говорил он, — они не смели подойти ко мне близко. Они смотрели на меня как на фаворита, я же держался с ними по-прежнему запросто. Все удивлялись моей учтивости». Кардинал на это лишь пожимал плечами, а когда Росиньоль вышел, сказал Демаре: «Пожалуйста, выведайте у него все толком». Демаре подходит к Росиньолю и говорит ему: «Вы давеча наговорили Монсеньеру всяких небылиц». — «Упаси боже, — отвечает тот, — вовсе нет: я ему и половины не рассказал; но вот вам расскажу все». И тут же начинает врать безо всякого удержу. «Надобно, однако, — добавляет он, — рассказать вам, какие я остроты отпущал. Был там судья, который вроде и подступиться

* (Вторая редакция на полях:) Во время осады Ларошели покойный принц Анри де Конде, видя, как трудно разбираться в шифрованных письмах, вспомнил, что видел когда-то в Альби молодого человека, по имени Росиньоль, у которого был талант по этой части. Он сообщил о нем Кардиналу и тот вызвал его. Росиньоль сразу же разыскал Кардинала и сказал Его Высокопреосвященству: «Надежда ларошельцев основана лишь на слухах. Они ждут помощи с моря; ее обещают им англичане». Кардинал весьма оценил эту науку и попытался, как только мог, внушить всем, что нет такого шифра, которого Росиньоль не разгадал бы. Это пошло ему на пользу, когда против него стали строить козни.

ко мне боялся; а я его обнимаю и говорю со смехом: „Вспомните-ка об Альберга“». Это был кабачок, где они когда-то вместе выпивали.

От маршала де Ламейре узнали, что какой-то человек, одетый на испанский манер, очень добивался свидания с кардиналом де Ришелье с глазу на глаз и что после долгих переговоров, поскольку тот настаивал, чтобы беседа проходила без свидетелей, его вынуждены были обыскать. Этот человек предложил Ришелье за двенадцать тысяч экую в месяц сообщать обо всем, что будет происходить в Государственном Совете Испании. Кардинал согласился, решив в первый месяц пойти на риск. А потом продолжил сделку. Деньги клялись в некую сточную трубу близ Фонтарабии³⁷ и оттуда же забирались донесения обо всем, что произошло. Не знаю точно, когда это началось и сколько времени длилось.

Когда герцог Лотарингский нарушил договор, который он заключил в Сен-Жермене с Королем,³⁸ Кардинал, дабы утешить Его Величество, предложил ему некоторую сумму из собственных сбережений (ибо для Короля не могло быть большего утешения) и, заподозрив, что десять тысяч пистолей, полученных Герцогом, находятся еще в Париже, отправил на розыски комиссара Куафье, обещав ему в награду шестьсот пистолей. Куафье случайно знал одного лотарингца, который был в довольно хороших отношениях с Герцогом; он идет к этому человеку и говорит ему: «Вас хотят арестовать за то-то и то-то». Лотарингец признается Куафье, что деньги эти у него. «Так отдайте их мне, и вас не арестуют, даю вам в том честное слово». Лотарингец отдает ему деньги; Куафье относит их Кардиналу, а Кардинал — Королю. Так были уплачены шестьсот обещанных пистолей.

Де Мев

Кардинал умел держать слово: это видно из того, что я сейчас расскажу. Был инженер де Мев, который однажды имел неосторожность сказать: «Надобно только купить два дома, один против другого, на улице Сент-Оноре, а под мостовой заложить мину и, когда будет проезжать Кардинал, поджечь фитиль». Судите, насколько это было осуществимо. Кардиналу донесли о его словах, а также о том, что человек этот знает секрет, как разрушать железо при помощи некоей жидкости. Кардинала это испугало, и он решил отделаться от Инженера. Де Мев имел доступ в Арсенал, и Генерал-инспектор артиллерии намеревался извлечь большую выгоду из его секрета, наводя панику на города, где имелись железные решетки для спуска сточных вод. Однажды Инженер пообещал кому-то заночевать в Сен-Клу; наступает вечер, и он, чтобы выполнить свое обещание, ухитряется разъять с помощью своего снадобья причальную цепь какого-то судна и берет с собою лакея с зажженным факелом, чтобы увереннее проплывать под мостами. В ту же самую ночь вспыхивает пожар на мосту Меньял. Вот и предлог: де Мева обвиняют в поджоге,

и притом в злонамеренном. Во главе своих комиссаров (все они советники Шатле,³⁹ кои судят поджигателей превотальным судом) Кардинал ставит г-на де Корда, человека, жизнь коего поистине достойна была описания, дабы, хоть и неподкупный сей судья судил вместе с другими, все же можно было впоследствии сказать: «Де Мев был осужден г-ном де Кордом». Кардинал стал думать, каким образом заполучить секрет де Мева: он послал за писцом г-на де Корда, по имени Ньеле, от коего мы и узнали про эту историю. Де Ньеле приносит ему снадобье, найденное у де Мева, когда того арестовывали. Кардиналу хочется увидеть, как оно действует; им натирают дверные петли шкафа; через четверть часа дверцы шкафа отваливаются. Видя это, Кардинал перестает настаивать на том, чтобы заполучить секрет, как он того ранее хотел, — «потому, — сказал он, — что тогда уже ни на что нельзя будет полагаться». Перед этим он потребовал от де Мева, чтобы тот открыл ему свой секрет, но Инженер ответил, что откроет его, только если ему пообещают сохранить жизнь. «Этого я ему не обещаю, — сказал Кардинал, ибо мне пришлось бы тогда сдержать слово, а я хочу, чтобы он умер». И в самом деле де Мева повесили. Подумайте, какая забавная щепетильность! Он не хочет нарушить данного слова и казнит невинного. Всякий политик, — или, вернее, тиран, — подобный ему, полагает, что нарушение слова позорит его доброе имя, а о том, что человека казнили несправедливо, узнают лишь немногие.

Некий лангедокский барон, имя которого я позабыл, родственник г-на де Кавауа, изобрел нечто вроде полых ядер, которые заполнялись пушечным порохом и с помощью фитиля, заживавшегося всякий раз, как пушка стреляла, взрывались, падая на землю, и оказывали такое же действие, как мина. Покойный король Людовик XIII велел провести испытание в Версале, где нарочно возведен был насыпной рavelин. Сент-У, генерал-лейтенант артиллерии, послал по злому умыслу негодный порох; барон пожаловался на это, Король рассердился. Сент-У явился и доставил хороший порох. Впечатление было значительное. Король представил Барона Кардиналу в Рюэле. Кардинал притворился, будто восхищен; но, поскольку это лишало артиллерию большой выгоды, уменьшая ее парк до четверти всех потребных фур, он добился того, что этот человек был уволен в отставку. Меж тем ничто так не годилось для разрушения земляных укреплений.

Де Валле

В Витре, провинции Бретань, жил адвокат по имени де Валле, имевший весьма незначительную практику. Человек сей обладал врожденной склонностью к языкам; он постигал их в кратчайший срок и по каждому составлял грамматику и словарь. Взяв пять-шесть уроков древнееврейского языка, он уже обучал ему других. Он утверждал, что нашел некий корен-

ной язык, который будто бы помогает ему уразумевать все остальные. Кардинал де Ришелье вызвал его сюда, в Париж, но тот поссорился с де Мюи, профессором древнееврейского языка, и с другим ученым, — возможно, то был Сионита, тот самый ливанец, что работал над Библией Леже.⁴⁰ Лепайер, один из приятелей де Валле, настоятельно просил его не задевать самолюбия этих ученых. Однажды Лепайер, увидев несколько оттисков сего труда, спросил, исправлены ли они, на что де Валле ответил: «Куда там, эти люди просто невежды». Де Мюи узнал об этом и стал всячески его чернить. Однако кардиналу де Ришелье захотелось, чтобы де Валле огласил все, что ему известно об этом коренном языке, но тот отвечал: «Вы добываетесь от меня, чтобы я открыл свою тайну, так дайте мне тогда средства к существованию». Кардинал не внял его словам, и тайна де Валле ушла вместе с ним в могилу.

Движимый самолюбием, Кардинал хотел примирить оба вероисповедания и с давних пор помышлял об этом. Он уже подкупил некоторых протестантских священников в Лангедоке, и тех, у кого водились деньги, и тех, у кого их не было, прельщая их различными выгодами. Он вознамерился устроить богословские прения и заставить в них выступить тех, коих он подкупил, чтобы они, продав свою веру, уговорили остальных сделать то же. С этой целью он избирает аббата Сен-Сирана, человека необычайной честности и пользовавшегося доброй славой, дабы поставить его во главе докторов богословия, предназначенных для диспута с протестантскими священниками. Сен-Сиран ответил Кардиналу, что тот оказывает ему большую честь, сочтя достойным быть во главе стольких ученых мужей, но что он, по совести своей, полагает себя обязанным сказать, что не таковы пути Святого Духа; что это скорее пути земные, пути плоти и крови, и что еретиков подобает обращать лишь добрыми примерами. Кардиналу отнюдь не понравился этот упрек, и сие послужило истинной причиною заключения Сен-Сирана в тюрьму.

В Лангедоке Кардинал послал однажды за одним из протестантских пастырей Монпелье, по имени Лефошер, родом из Женевы. Он хотел подкупить его, ибо тот пользовался хорошою славой, и послал ему десять тысяч франков. Пресвитер был сильно поражен: «К чему же посылать мне деньги?» — спросил он у того, кто ему их принес. «Господин Кардинал, — отвечает тот, — просит вас принять их как королевский дар». Лефошер и слушать о том не захотел. Кардиналу его поступок не понравился, и бедного пресвитера долгое время не допускали до богослужения, пока ему не разрешили выступить с проповедями в Париже. Один из его собратьев, по имени Местреза, вернул десять тысяч экю наследникам того человека, который дал их ему на хранение, причем ни они, ни кто бы то ни было ничего об этом не знали.

Кардинал, который в ту пору нуждался в содействии Римского Двора, велел епископу Шартрскому Валансе разыскать старого сорбоннского богослова, по имени Фильзак, и сказать ему от имени Его Высочайшего

щенства, что его просят изучить такое-то и такое-то дело и поразмыслить, чем можно было бы убогаторить Папу. Старец ответил ему: «Сударь, мне уже за восемьдесят; дабы изучить то, что вы предлагаете, мне потребуется шесть месяцев, ибо я должен буду просмотреть шесть толстых томов сочинений, кои вы здесь видите!». — «Хорошо, — ответил прелат, — я прибуду в указанный вами срок». По истечении срока епископ Шартрский приходит вновь. Старец говорит ему: «В мои годы не все идет гладко: я прочел лишь половину моих сборников». Прелат стал браниться и запугивать его. «Видите ли, сударь, — сказал ему старец, — я ведь ничего не боюсь: что от Бастилии, что от Сорбонны до рая расстояние одинаково. Вы же занимаетесь делом весьма недостойным для вашего сана и вашего рождения; вам бы следовало со стыда стореть. Ступайте, и чтобы ноги вашей никогда в моем доме не было».

Другому пресвитеру, по имени Рише, ректору коллежа кардинала Лемуана, досаждали еще больше. Ему запретили выходить из коллежа, который сделался для него тюрьмой. Потом в комнате отца Жозефа, у кардинала де Ришелье, его принудили подписать нечто такое, чего он не желал подписывать. После этого его хотели отправить домой в карете, так же как его доставили к Кардиналу, но он сказал, что хочет пройти пешком для моциона: на самом же деле он намеревался зайти к первому попавшемуся потариусу, которому изложил протест против учиненного над ним насилия.

Книга, озаглавленная *Optatus Gallus*,⁴¹ была написана доктором Арсаном * по уговору с папским нунцием, дабы доказать, что кардинал де Ришелье старается вызвать во Францию раскол.

Я узнал, что одним из поводов к реформе монастырей, в частности женских, оказалась сумасбродная выходка некоей г-жи де Фронтекак, монахини в Пуассе, которая, мало того что открыто водилась с мужчинами, еще вздумала станцевать балет с пятью другими монахинями и шестью кавалерами, любовниками этих шести дам. Они поехали в Сен-Жермен, где в ту пору находился Король. Сначала подумали, что этот балет привезен из Парижа; но уже на следующее утро все узнали, в чем дело, и в тот же день все шесть монахинь отправились в ссылку. До того у каждой из них был свой домик с садом и каждая обедала у себя, ежели того желала.

При всех знаниях Кардинала вывозила его иной раз только удача: ** доведя до крайности графа Суассонского, он бросает против него воистину

* Подлинное имя его Шарль Эрсан.

** Дурно осведомленный о том расположении, в коем находились каталонцы, он предоставил им свободу действий вместо того, чтобы получить ее от них; они готовы были скорее призвать Турка, если так можно выразиться, нежели покориться Испании. Эта ошибка обошлась Франции неизмеримо дорого, ибо Каталония вытянула у нас немало денег. Мы платили за все, как в трактире, и это княжество, а стало быть и Испания, наживались за наш счет.

хорошего военачальника, но весьма слабое войско. Генералу Ламбуа ничего не стоило разбить маршала де Шатийона.⁴² Да и, по правде говоря, разве для Кардинала не столь же важно было, чтобы Генерал-инспектору артиллерии выпала честь овладеть Эром, как и разгромить Графа? По сему поводу говорили, будто Кардинал уверен был, что Графа убьют в бою, но это выдумки: рано или поздно все бы открылось. Все полагают, что Граф, желая поднять забрало дулом пистолета, нечаянно выстрелил в себя; а ежели бы он себя не убил, что бы делал тогда Его Высокопреосвященство? Вся Шампань, губернатором которой был Граф, открыла бы ворота перед победителем. Все недовольные примкнули бы к нему; сам Король, быть может, порадовался бы случаю избавиться от министра, который был ему в тягость и которого он побаивался, ибо Кардинал не чета был нынешнему:⁴³ у него были истинные друзья и креатуры, которые никогда бы его не покинули в беде.

Узнав о поражении маршала де Шатийона при Седане, Кардинал направил приказ маршалу де Ламейре передать армию маршалу де Гишу и отбыть в Ретель навстречу последнему со своим кавалерийским полком, носившим имя Ламейре. Впоследствии приказ сей был отменен.

Засим герцог Буйонский заключил мир с Королем, как равный с равным. Завершая этот договор, Кардинал заметил: «Следует добавить еще одно условие: пусть герцогиня Буйонская полагает меня покорнейшим своим слугою». После этого герцог Буйонский глупейшим образом дает втянуть себя в заговор герцогу Орлеанскому и Главному шталмейстеру. Герцог Буйонский старший наказывал сыну держаться своего небольшого сторожевого отряда, а тот, начальствуя в Пьемонте, ввязывается в заговор. Его арестовали, когда он находился во главе армии, и его супруге пришлось, дабы спасти ему жизнь, пригрозить сдать Седан. В тюрьме он большой стойкости не проявил.

Граф Суассонский начертал на своих знаменах: «За Короля против Кардинала»; герцог Буйонский: «Друг Королю, враг Кардиналу»; г-н де Гиз велел изобразить опрокинутый стул, а поверх него красную шляпу, с такой надписью: *Deposuit potentem de sede*.⁴⁴

Принц Зиммернский, из Палатинского дома, находился в Седане, когда граф Суассонский отступил к сему городу. Возвратившись к себе на родину после Седанского сражения, Принц простодушно написал Графу следующее письмо: «Здесь ходят слухи, что вы выиграли сражение, но при этом убиты. Уведомьте меня о положении дел, ибо ваша смерть меня весьма бы опечалила». Граф де Руси говорил мне, что сам читал это письмо.

Сент-Ибар был причиною несчастья господина Графа: он вбил Графу в голову, что тот должен держаться стойко и свалить Кардинала.

Когда пришло известие о поражении маршала де Шатийона, Кардинал целых пять часов пребывал в полном отчаянии и пришел в себя, лишь когда ему сообщили о смерти Графа. В этом бою маркиз де Прален,

сын маршала, весьма сокрушался по поводу его кончины. Полагают, что он в свое время дал слово Графу и не сдержал его. Это был человек обязательный, но прескверный. Долгое время он разыгрывал из себя безбожника, а потом, желая вернуть себе доброе имя христианина, пустил слух, будто имел видение. Но кардинал де Ришелье лишь посмеялся над ним.

Это мне напоминает некоего ученого медика Сорбонны, по имени Патен, который пустил слух, будто один из его больных, с коего он взял обещание на смертном одре придти сказать ему, существует ли на самом деле чистилище, якобы явился к нему однажды утром, но ни слова не сказал: пришельцы с того света никогда не разговаривают.

Кардинал был скуп; не то чтобы он не позволял себе больших трат, но он любил прибрать чужое добро к рукам. Когда г-н де Креки был убит ядром в Италии, Кардинал пошел взглянуть на его картины, выбрал самую лучшую по цене, обозначенной в описи, и так ни гроша за нее и не заплатил. И это еще не все; когда, по его приказанию, Жилье, управляющий г-на де Креки, принес ему еще три картины из собственного собрания покойного и попросил принять одну из них в дар, Кардинал заявил: «Я хочу все три», — и остался должен по сю пору.

За девиц он платил не лучше, чем за картины. Марион де Лорм приходила к нему два раза.* При первом ее посещении он принял ее в рясе цвета небеленого полотна, затканной золотом и серебром, в сапогах и в шляпе с перьями. Она рассказывала, что его борода клином и нависающие на уши волосы производили презабавное впечатление. Он переспал с ней *due volte*.⁴⁵ После этих двух посещений он послал ей сто пистолей с Дебурне, своим камердинером, который играл во всем этом роль сводника. Она швырнула их ему обратно и посмеялась над Кардиналом.

Его часто видели с мушками на лице: одной ему было мало.

Однажды Кардинал попытался совратить принцессу Марию, ныне королеву Польскую. Она попросила у него аудиенцию. Он принял ее лежа в постели; ее провели к нему одну, и капитан его Гвардии велел всем прочим удалиться. «Сударь, — сказала ему принцесса, — я пришла, дабы...». Он прервал ее: «Сударыня, я вам обещаю все, что вы только пожелаете; я не хочу знать, в чем суть вашего дела. Какая вы опрятенькая! Никогда вы не были так хороши. А мне всегда как-то особенно хотелось вам услужить». С этими словами он берет ее за руку, она ее отнимает и хочет рассказать ему о своем деле. Он — за свое и снова хочет взять ее за руку; тогда она встает и уходит.

Кардинал любил женщин, но он боялся Короля, у которого был злой язык.

Ларивьер, который умер епископом Лангрским, рассказывал, будто у кардинала де Ришелье была привычка бить своих подчиненных, что он

* Я слышал, будто однажды она явилась к нему в мужской одежде, ему сказали, что это курьер. Она сама об этом рассказывала.

не раз бивал канцлера Сегье и Бюльона. Однажды, когда сей Суперинтендант финансов отказался подписать бумагу, коей было бы достаточно, чтобы отдать его под суд, Кардинал схватил каминные щипцы и сдавил ему горло, говоря: «Ах ты паршивец, вот я тебя удавлю», — на что тот ответил: «Душите, все равно не подпишу». В конце концов Кардинал отпустил его, а на следующий день Бюльон, сдавшись на уговоры друзей, убеждавших его, что иначе он погиб, подписал все, что было угодно Кардиналу.

Кардинал грубо обращался с подчиненными и всегда был в дурном настроении. Правда, он довольно легко себя сдерживал.

Говорят, будто в гневе ему случалось ударить Кавуа, капитана его личной Гвардии, да и других. Говорят, что Мазарини поступал так же с Ноаем, когда тот был капитаном его Гвардейцев.

Кийе

Кардинал иной раз довольно едко высмеивал людей, притом без достаточных оснований. Г-н де Шавиньи задумал назвать дворец Сен-Поля дворцом Бутейе и сделать соответствующую надпись над воротами. Кардинал де Ришелье высмеял его, сказав: «Все Швейцарцы станут ходить туда пьянствовать: они решат, что это значит *Дворец бутылки*».⁴⁶ Архиепископ Турский подписывался всегда ле Бутейе, притязая на то, что ведет свой род от графов де Санлис. На самом деле родоначальником семьи Бутейе был крестьянин из Турени, переселившийся в Ангулем. По женской линии они происходят от Равайака, вернее от одной из сестер Равайака; во всяком случае они состоят с нею в довольно близком родстве. Отец Архиепископа и Суперинтенданта был адвокатом в Париже и написал историю Марты Бросье, той девицы, что прикидывалась одержимой; впоследствии они пытались всеми силами утаить эту книгу.⁴⁷

Во время осады Арраса⁴⁸ мне как-то случилось написать послание в стихах маленькому Кийе, врачу маршала д'Эстре, он был в ту пору при Дворе, в Амьене; в нем шла речь о пресловутой Пармской кампании.⁴⁹ Пакет был отправлен на имя друга Кийе — Ботрю. По ошибке его отнесли Ножану, брату Ботрю, и тот ради собственного удовольствия вздумал его вскрыть, поскольку отдал за письмо четверть эку, а он был необычайно скуп. Желая посмешить Кардинала, Ножан отнес ему эту безделицу. Его Высокопреосвященство не преминул посмеяться (потому что некоторые стихи можно было отнести к г-ну де Бюльону: *.⁵⁰ тот, как и Кийе, был небольшого роста, толст, краснолиц и чревоугодник) и воспользовался случаем, чтобы подразнить Сенетерра, который состоял при Бюльоне присяжным льстецом; когда Сенетерр указал Кардиналу, что

* Бюльона звали «Толстым Гийомом в укороченном виде». Литераторы его ненавидели, ибо он открыто их презирал.

на пакете значится имя Кийе, тот сказал: «Эка важность, кому это адресовано: г-ну де Бюльону или врачу вашего друга! Ведь держать ответ придется вам», — и сунул письмо ему в руку. Тот потом передал его Кийе и просил его с весьма сокрушенным видом (ибо опасался, как бы все это не дошло до Бюльона) посоветовать своим друзьям, чтобы они, адресуя письма в те места, где пребывает Двор, не писали в них ничего такого, что может быть отнесено к другому лицу. Ежели бы отец мой узнал обо всем этом и его дела потом пришли бы в расстройство, он непременно стал бы уверять меня, что всему виною мои стихи.

В ту пору Кардинал как-то сказал, смеясь и указывая на Кийе, который родом из Шинона: «Видите этого человечка? Он родственник Рабле и, подобно ему, врач». — «Я не имею чести, — отозвался Кийе, — быть родственником Рабле». — «Но, — возразил Кардинал, — не будете же вы отрицать, что вы из того же края, что и Рабле». — «Признаюсь, Монсеньер, что я из края Рабле, — откликнулся Кийе, — но край Рабле имеет честь принадлежать Вашему Высокопреосвященству».

Мюло

Сказано это было довольно смело, но некий г-н Мюло из Парижа, которого Кардинал сделал каноником Сент-Шапель, говорил с ним еще смелее. По правде говоря, Кардинал был весьма обязан этому человеку; ибо в ту пору, когда Кардинал был сослан в Авиньон,⁵¹ Мюло продал все, что у него было, и принес ему три-четыре тысячи экю, в коих тот весьма нуждался. Ничто так не претило г-ну Мюло, как то, что его называли Капелланом Его Высокопреосвященства. Однажды Кардинал, желая позабавиться, ибо он нередко даже щекотал себя, чтобы засмеяться, притворился, будто получил письмо, на котором значилось: «Господину Мюло, канонику Его Высокопреосвященства», — и отдал ему это письмо. Мюло вскипел и заявил во всеуслышание, что тот, кто так написал, — глупец. «Ого! — воскликнул Кардинал, — а ежели это сделал я?». — «Ежели это сделали бы вы, — ответил Мюло, — это была бы не первая ваша глупость». В другой раз он стал укорять Кардинала, что тот не верит в бога и признался ему в том на исповеди. Однажды Кардинал велел подложить ему тернии под седло, и не успел бедный Мюло сесть на лошадь, как седло нажало на тернии и лошадь, почувствовав уколы, стала так сильно брыкаться, что славный каноник чуть не сломал себе шею. Кардинал смеялся, как сумасшедший; Мюло удается слезть с коня; кипя негодованием, он подходит к Кардиналу: «Вы злой человек!». — «Молчите, молчите! — отвечает Его Высокопреосвященство, — вот я велю вас повесить: вы разглашаете тайну исповеди». У этого г-на Мюло был такой нос, по которому сразу было видно, что его хозяин не гнушается вины. И в самом деле, он до того любил его, что не мог воздержаться от едких упреков по отношению к тем, у кого не водилось хороших вин; подчас, пообе-

дав у кого-нибудь, кто не угостил его добрым вином, он вызывал к себе слуг и говорил им: «Эх, и горемыки же вы, неужто не можете вы растолковать вашему хозяину, — тот-то, быть может, в этом ничего не смыслит, — как он вредит себе тем, что не может попотчевать своих друзей хорошим вином!». Мюло питал большую дружбу к г-же де Рамбуйе; прознав, что г-н Лизье, хотя и был человеком состоятельным, продолжает владеть небольшим участком земли, отданным ему когда-то в пожизненное владение свекром вышеназванной дамы, никак не мог с этим примириться и чуть ли не на каждом шагу норовил ему все высказать. Всякий раз, как он видел г-жу де Рамбуйе, первыми его словами были: «Сударыня, г-н де Лизье вернул вам земли?». В конце концов г-же де Рамбуйе пришлось встать перед ним на колени, чтобы добиться у него обещания никогда больше не говорить об этом. Г-н де Лизье давно позабыл, от кого он получил в подарок эту землю, или точнее говоря, позабыл, что ею владеет. Ни один человек не был так плохо осведомлен о собственных делах, как он.

На Кардинала довольно часто находили столь сильные приступы меланхолии, что он посылал за Буаробером и другими, кто умел его развлекать, и просил: «Развеселите меня, если знаете, как это сделать». И тут каждый дурачился, как мог, и когда у Кардинала становилось легче на душе, он снова принимался за дела.

Было замечено, что кардинал де Ришелье весьма сурово усмирил мятеж «Босоногих»⁵² в Нормандии потому, что эта провинция когда-то имела своих государей, что она кичится своей древностью более чем какая-либо другая провинция, что она соседствует с англичанами и, возможно, все еще склонна к тому, чтобы иметь своего герцога.

Было также замечено, что запрещение взвешивать пистолы оказалось большой ошибкой; ибо их стачивали до того, что стоимость их по весу упала до шести ливров, и, когда приходилось вывозить золото из Франции, Король много на этом терял; в конце концов у Кардинала открылись глаза. По правде говоря, он избрал верный путь, дабы пресечь это злоупотребление, — он сразу обесценил такие пистолы. Пришлось затем принять решение касательно тех, кто их стачивал. Мониторон выдавал всех виновников Королю и убеждал присудить их к возможно более высокому денежному штрафу. Мошенников оказалось столько, что в Королевстве не хватило бы веревки, чтобы их всех повесить. Из-за некоторых членов Государственного Совета, у коих водилось неполновесное золото, был издан нелепый указ, запрещающий взвешивать пистолы. Это заставило начать чеканку луидоров.

Кардинал выступил в Парламенте в присутствии Короля, и речь его, довольно пространная, наделала большого шума. Немало способствовал

сему и сам оратор, ибо в сущности его речь была не бог весть что.* Пошли разговоры о том, что ее надобно напечатать. Ришелье попросил кардинала де Лавалетта созвать кое-кого из людей сведущих; собрались у Ботрю. Пришли г-н Годо, г-н Шаплен, г-н Гомбо, г-н Гийе и г-н Демаре, которого Ботрю привлек по собственному побуждению. Речь читали крайне внимательно, как того хотел Кардинал. Сидели с десяти часов утра до вечера и отметили только самое главное; узнав, что речь изучали столь долгое время, Кардинал тотчас же передумал и решил ее не публиковать. Ботрю был против того, чтобы показывать Кардиналу все пометки, сделанные собравшимися, ибо пометок было множество и это могло бы рассердить Ришелье. Речь была полна ошибок в языке, точно так же как составленный им Катехизис или Христианское поучение. Он хорошо умел судить о вещах, но плохо развивал свою мысль. Когда же говорил кратко, то излагал ее превосходно и очень тонко. Перу его принадлежит только «Наставление приходским священникам», да и то здесь он взял отовсюду понемногу; в остальных же сочинениях содержание заимствовано у Леско, а французский язык у Демаре.

В дальнейшем он не был столь покорен; он считал, что пишет прозу лучше чем кто-либо на свете, но ценил только стихи. Он написал Катехизис, который был напечатан, где, между прочим, говорится: «Это все равно, как если бы кто-то пытался понять „Мавра“ Теренция без комментариев». Это свидетельствует о том, что Теренция он все же читал. Катехизис его был исправлен впоследствии г-ном Демаре, который привел его в тот вид, какой он имеет ныне.

Есть еще другие книги, написанные Кардиналом; первая называется «Совершенство Христианина». В предисловии он сообщает, что составил эту книгу во время беспорядков в Корби.⁵³ Это нелепое чванство. Будь это даже так, что совершенно неправдоподобно, ибо ему недоставало досуга и голова его была занята совсем другим, говорить об этом не следовало. Г-н Демаре, по распоряжению г-жи д'Эгийон, а также г-н епископ Шартрский Леско, который был его духовником, немного исправили это сочинение.

Вторая книга озаглавлена: «Трактат, указующий на самый легкий и самый надежный способ обращения тех, кто отпал от церкви».** Эту книгу

* Талон старший, товарищ прокурора, человек недалекий, стал по глупости расхваливать в Парламенте, в присутствии Короля, кардинала де Ришелье сверх всякой меры. Выходя оттуда, Кардинал сказал ему: «Господин Талон, вы не сделали сегодня ничего ни для себя, ни для меня».

** Многие полагали, что сие последнее сочинение принадлежит г-ну де Шартру, ибо стиль его достаточно сходен (насколько можно судить по имеющемуся образцу) с одобрительным отзывом, который этот прелат предносил книге. Кардинал заставлял работать над различными темами многих лиц; после этого он отбирал из них нужные и выбирал довольно удачно.

проверили г-н де Шартр и аббат де Бурзе. После этого г-жа д'Эгийон попросила г-на де Шаплена переделать некую «Мольбу к Святой Деве Марии». Он это выполнил, но она ничего не изменила в тексте, то ли по совестливости, то ли из уважения к своему дяде.

В этом человеке меня поразило еще одно: он никогда не читал Мемуаров о царствовании Карла IX.⁵⁴ Вот убедительное тому доказательство. Кто-то упомянул в беседе с ним о «Добровольном рабстве» Этьена де Ла-Бюэси; это один из трактатов, входящих в сии «Мемуары» (и такой трактат, если уж говорить все, что я о нем думаю, который представляет собою лишь расширенное ученическое сочинение и на долю которого выпала большая слава, нежели оно того заслуживает);⁵⁵ Кардиналу захотелось увидеть сие произведение; он посылает одного из своих дворян, дабы тот прошел по всей улице Святого Иакова, спрашивая книгу «Добровольное рабство». Книготорговцы в один голос отвечали: «Мы не знаем, что это такое». Они позабыли, что сей Трактат содержится в Мемуарах о царствовании Карла IX. В конце концов сын некоего Блэза, довольно известного книготорговца, вспомнил это и сказал отцу; и когда тот дворянин снова зашел к ним, он сказал ему: «Сударь, есть тут один любитель редкостей, у которого найдется то, что вы разыскиваете, но без переплета; и просит он за эту книгу пять пистолей». — «Неважно», — отвечает Дворянин. Хитрец выходит в заднюю комнату, возвращается с тетрадами, которые он расшил, и получает свои пять пистолей.

Кардинал оставил также записки, дабы по ним написать потом историю своего времени. Г-жа д'Эгийон впоследствии справилась об этом у г-жи де Рамбуйе, услугами которой она могла воспользоваться. Г-жа де Рамбуйе спросила на сей счет мнение г-на де Вожла, который назвал ей г-на д'Абланкура и г-на Патрю. С первым она не захотела иметь дело из-за его веры, а что до Патрю, побеседовать с коим она поручила г-ну Демаре, то он ответил, что для лучшего составления этой истории надобно отказаться от всего остального; что он, стало быть, будет вынужден расстаться с жизнью при Дворе, пусть, мол, ему пожалуют бенефицию, приносящую тысячу экю ренты, или же единовременную сумму. Г-жа д'Эгийон предложила ему должность Наместника округа Рিশелье. Он ответил, что даже за сто тысяч экю не согласен расстаться со своими парижскими друзьями и утратить их беседы. Впоследствии он мне клялся, будто был тогда в восторге, что его не поймали на слове, и что он пришел бы в ярость, ежели бы его заставили расхваливать тирана, который упразднил все законы и надел на Францию певыносимое ярмо. Всего каких-нибудь четыре года назад г-н де Монтозье полагал, что в какой-то мере способствовал назначению на вышеозначенную должность г-на д'Абланкура, ибо г-жа де Впжан, с коей он и Шаплен имели случай говорить, ушла в твердом убеждении, что различие в вероисповедании не может здесь служить препятствием и что г-жа д'Эгийон не могла сделать лучшего выбора. Но это ни к чему не привело, хотя с ним и расстались, на-

значив ему две тысячи пенсии. Поговаривали, что епископ Санси в Сен-Мало работает над историей и над Записками Кардинала, но они так и не появились. Когда этот дворянин из Сен-Мало был послом в Османской Порте, его секретарю, по имени Мартен, удалось устроить побег из Семибашенной Цитадели знатым полякам и некоей даме, которая обещала выйти за него замуж. Мартен спасся вместе с ними. Санси получил за это сто ударов палкой по пяткам. В ту пору он еще епископом не был.

После смерти Кардинала нашли то, что впоследствии было названо его «Дневником».⁵⁶ «Дневник» этот был опубликован. Из него видно, что многие из тех, кого Кардинал считал своими врагами, давали ему советы против своих же друзей.

Касательно Академии, которую Сен-Жермен назвал довольно колко «Псафоновым птичником»,⁵⁷ я не могу ничего добавить к тому, что сказал г-н Пелиссон в составленной им «Истории». Скажу только, что Кардинал бывал в восторге всякий раз, когда ему присылали решение какого-либо трудного вопроса. Он благодарил за это академиков и просил присылать ему такие решения почаще. Но разве его скупость при этом не была смехотворной? Ежели бы он назначил вознаграждение для Вожля, на которое тот мог бы безбедно существовать,* не занимаясь ничем, кроме Словаря, этот Словарь был бы составлен, ибо потом можно было бы ограничиться назначением членов комиссии, которые просмотрели бы вместе с ним каждую букву. Пришлось бы, разумеется, оплачивать и членов комиссии; но разве Кардиналу это что-нибудь стоило бы? Разве он платил людям из собственных средств? Это принесло бы Франции пользу и почет. Кардинал не подумал о том, чтобы построить здание для этой несчастной Академии.

Он был падок до похвалы. Меня уверяли, что во вступительном послании к некоей книге, которую ему посвятили, он вычеркнул слово «герой» и поставил «полубог».

Некий полоумный, по имени Лапер, додумался до того, что поместил на титульном листе одной из своих книг большое солнце, в центре коего был изображен Кардинал. От солнца отходили сорок лучей, на конце которых были начертаны имена сорока академиков. Канцлеру Сегье, как самому сведущему, достался прямой луч. Второй прямой луч, кажется, был отдан г-ну Сервьеу, в ту пору Государственному секретарю; за ним шел Ботрю и прочие — «по мере своих заслуг», пользуясь словами суперинтенданта де Ла-Вьевиля. Лапер поместил туда Шерель-Ботрю вместо комиссара Абера, хотя Шерель-Ботрю вовсе не был академиком. Последний был родом из Оверни и сочинял нелепые трактаты по хронологии.

* Он восстановил пенсию Вожля, равную тысяче двумстам эку; но Вожля так ничего и не получил.

Я уже упомянул, что Кардинал любил одни только стихи. Однажды, находясь вдвоем с Демаре, которого ввел к нему Ботрю, он спросил у него: «Как вы думаете, что доставляет мне наибольшее удовольствие?». — «Печься о благе Франции», — ответил Демаре. «Отнюдь, — отпарировал Кардинал, — сочинять стихи». Он бешено завидовал успеху «Сида» по той причине, что его пьесы Пяти Авторов⁵⁸ имели не слишком большой успех. В пьесах он писал только отдельные тирады; но когда он работал, то никого не принимал. Кардинал не терпел, чтобы его исправляли. Однажды л'Этуаль, менее снисходительный, нежели остальные, заметил как только мог мягче, что в одном из стихов надо кое-что переделать. В стихе этом было всего-навсего три лишних слога. «Полегче, господин де л'Этуаль, — сказал ему Ришелье, словно речь шла о каком-нибудь Указе, — пропустим его и так».

Однажды он набросал план театральной пьесы со всеми мыслями, которые желал бы развить в ней; он дал ее Буароберу в присутствии г-жи д'Эгийон, которая, выйдя вслед за Буаробером, попросила его, чтобы он как-нибудь помешал появлению этой пьесы, ибо нелепее ничего нельзя было себе представить. Несколько дней спустя, чтобы выполнить эту просьбу, Буаробер в разговоре начал было искать какую-нибудь лазейку. Кардинал смекнул, в чем дело, и приказал: «Принесите кафедру для дю Буа (я потом скажу, почему он так его называл), он собирается читать проповедь». Впоследствии г-н Шаплен по распоряжению Кардинала внес в план пьесы кое-какие исправления; все они были крайне безобидны. Его Высокопреосвященство разорвал пьесу, затем склеил обрывки (причем все это ночью, лежа в постели) и наконец решил о ней более не упоминать.

У него был довольно дурной вкус. Известно, что он несколько раз кряду заставлял играть для себя глупейшую пьесу в прозе, написанную Ла-Серром. Называлась она «Томас Мор». В одной из сцен Анна Болейн говорит Генриху VIII в ответ на обещание Короля вступить с нею в брак: «Государь, нынче даже маленькие девочки смеются над обещанием жениться». В другой сцене, поучительно рассуждая о бренности всего человеческого, она говорит Королю, что королевский трон — это трон из соломы. «Стало быть, — отвечает Король, — он из бриллиантовых соломинок». «Соломинкой» в бриллиантах называется пятнышко, которое считается изъяном.

К литераторам Кардинал обычно относился весьма учтиво. Он ни за что не желал в присутствии Гомбо сидеть в шляпе, потому что тот упорно оставался перед ним с непокрытой головой; положив свою шляпу на стол, Ришелье однажды сказал: «Мы только будем стеснять друг друга». Судите, однако, согласуется ли это с нижеследующим: он сел и заставил Гомбо читать комедию стоя, невзирая на то, что свеча, горевшая на столе (ибо дело происходило ночью), стояла слишком низко. Вот что значит

быть учтивым и неучтивым в одно и то же время.* Кардинала все же хвалили за то, что он умел быть внимательным, когда хотел.**

У Кардинала, по словам Ла-Менардьера, было намерение основать в Париже большую коллегия с пенсионным фондом в сто тысяч ливров, куда он хотел привлечь самых выдающихся людей нашей эпохи. Там должна была бы разместиться и Академия, которая и управляла бы этой коллегией. В Нарбонне, как говорит тот же Ла-Менардьер, Кардинал незадолго до своей смерти вызывал его семь или восемь раз, дабы поговорить о своем проекте; и, невзирая на болезнь и всякого рода дела, которые в ту пору обременяли его, он очень часто думал о нем. К тому времени, добавляет Ла-Менардьер, он уже купил какое-то здание для коллегии. Кардинал оставил довольно хорошую библиотеку, но скупость г-жи д'Эгийон и ее нерадливость в отношении этих книг обрекли их на жалкую участь. Покойный Фуриль, обер-квартирмейстер, когда Король поселился в Кардинальском дворце, пожелал во что бы то ни стало получить ключ от библиотеки. Впоследствии там оказалось книг на семь или восемь тысяч ливров. Нынче там живет пустой щеголь де Ла-Серр, который превратил помещение бог знает во что.

Просыпаясь иногда по ночам, Кардинал любил диктовать свои мысли. На сей предмет к нему приставили одного бедного юношу, по имени Шере, родом из Ножана-ле-Ротре. Юноша понравился Кардиналу, потому что он был прилежен и умел молчать. Спустя несколько лет некий человек был заключен в Бастилию; Лафемá, которому было поручено допросить узника, нашел в его бумагах четыре письма от Шере, в одном из которых юноша писал: «Я не могу прийти к вам, ибо мы здесь живем в страшной неволе и находимся в зависимости от величайшего тирана, который когда-либо жил на свете». Лафемá относит письма к Кардиналу, и тот велит немедленно позвать Шере. «Шере, — спрашивает он, — что у вас было, когда вы поступили ко мне на службу?». — «Ничего, Монсеньер». — «Напишите это. А что у вас есть теперь?». — «Монсеньер, — ответил бедный юноша, весьма удивленный, — мне надобно немного подумать». — «Ну, как? подумали?» — спрашивает Кардинал через некоторое время. — «Да, Монсеньер, у меня столько-то того, столько-то сего, и т. д.». — «Пишите». Когда все было написано, Кардинал спрашивает: «Это все?». — «Да, Монсеньер». — «Вы забываете, — добавил Ришелье, —

* С ним это почти никогда не случалось. Обычно он заставлял Демаре надевать шляпу, усаживал рядом с собою в кресло и требовал, чтобы тот называл его попросту «Сударь».

** Кардинал отвел герцогине Энгиенской маленькую комнату, где было шесть кукол: роженица, кормилица, почти как настоящая, ребенок, сиделка, повитуха и бабушка. М-ль де Рамбуйе, м-ль де Бутвиль и другие дамы играли с герцогиней в куклы. Каждый вечер кукол раздевали и укладывали спать, а на следующее утро снова одевали; их кормили, давали лекарства. Однажды она захотела их выкупать, ее с трудом от этого отговорили. «Ах, — воскликнула она, — о славный же малый Сен-Мегрен! Как хорошо он играет в куклы!».

о своей доле в пятьдесят тысяч франков». — «Монсеньер, я не получал этих денег». — «Я сделаю так, что вы их получите; это я заставил вас участвовать в этом деле». В итоге набралось добра на сто двадцать тысяч экю. После этого Кардинал показал ему письма. «Это ваш почерк, не правда ли? Прочтите! Ступайте, вы — негодяй и не показывайтесь отныне мне на глаза». Г-жа д'Эгийон и Генерал-инспектор артиллерии убедили Кардинала взять Шере обратно: быть может, он знал нечто такое, разглашения чего они опасались. Это отнюдь не значит, что Кардинала не боялись; но, по мне, на сей раз Его Высокопреосвященство был довольно милостив. Ныне Шере управляет Счетной палатой. Он пристроил к Генерал-инспектору артиллерии одного из своих братьев, который тоже, кажется, в чем-то провинился. Некий юноша, имени которого я так и не смог узнать, начинал уже входить у Кардинала в доверие. Но однажды тот заметил, что сей молодой человек читает бумаги, лежавшие на столе. Такое любопытство не понравилось Ришелье: он взглянул на него с неприязнью и на следующий день уволил его, не объяснив ему причины.

Шарпантье

У Кардинала был первый секретарь, человек несколько более порядочный, чем его патрон; звали его Шарпантье. Этот человек никогда не брал даже ничтожной доли конфискованного имущества, отказывался от подношений и довольствовался весьма малым.

Господин Главный

Настало время поговорить о Господине Главном. Кардинал, который был не очень-то доволен Луизой де Лафайетт и понимал, что надо чем-то развлечь Короля, обратил свои взоры на Сен-Мара, второго сына маршала д'Эффиа. Он заметил, что Король уже питает некоторую склонность к молодому сеньору, который был красив и хорошо сложен, и решил, что, будучи сыном его ставленника, тот станет послушнее ему, нежели кто-либо другой. Сен-Мар противился этому возвышению целых полтора года; он любил удовольствия и достаточно хорошо знал Короля; в конце концов он покорился своей судьбе. Король никогда никого не любил так горячо. Король называл его «любезным другом». При осаде Арраса, когда Сен-Мар находился там с маршалом де Лопиталем и пожелал стать во главе прикрытия военного обоза, ему пришлось писать Королю по два раза на дню; и однажды Государь даже заплакал, долго не получая от него вестей. Кардиналу хотелось, чтобы Сен-Мар докладывал ему обо всем до самых мелочей, а тот желал докладывать Кардиналу лишь о самом для него важном; их разлад впервые обнаружился, когда Господин Главный вознамерился присутствовать на Государственном Совете.

Кардиналу не понравилось также, когда Сен-Мар отказался от должности Первого шталмейстера Малой конюшни, выразив желание стать

Главным шталмейстером. Король в его присутствии говорил обо всем; он был посвящен во все дела. Кардинал указал Королю на все могущие последовать от сего неприятности; Сен-Мар де еще слишком молод. Это вывело Господина Главного из себя, и он добился того, что Король грубо обошелся со шпионом Кардинала Ла-Шене, своим первым камер-лакеем, и с позором его выгнал. Выгоняя его, Король сказал присутствующим: «Он-то, по счастью, не дворянин». Он обругал его негодяем и пригрозил побить палкой. Сен-Мар попытался по мере сил обелить себя в этом случае перед Кардиналом и сказал ему, что Ла-Шене, замыслив поссорить его, Сен-Мара, с Королем, помешал бы ему исполнить свой долг перед Кардиналом. Ламейре, свойственник Сен-Мара, предложил ему в Рюэле, где он всячески защищал молодого человека, подписать бумагу, в которой бы он обязался передавать Кардиналу все, что услышит от Короля. Сен-Мар ответил, что это значило бы подписать себе обвинительный приговор.

Более всего, по-видимому, настроил Сен-Мара против Его Высокопреосвященства некто Фонтрай; * он был бешено зол на Кардинала, и вот почему. Фонтрай, Рювиньи и другие находились в передней Кардинала в Рюэле; доложили о прибытии уж не помню какого посланника. Кардинал выходит к нему навстречу в переднюю и, застав там Фонтрая, говорит ему, пожалуй, чересчур насмешливо: «Станьте-ка в сторонку, господин де Фонтрай, и не попадайтесь на глаза: этот посланник не любит уродов». Фонтрай заскрежетал зубами и подумал: «Ну и шельма, ты вонзил мне в грудь кинжал, но я отплачу тебе, или мне не жить!». Вскоре Кардинал пригласил его войти и шутливо заговорил с ним, дабы загладить свои слова. Но Фонтрай так ему их и не простил. Быть может, именно эти слова и привели к большому заговору, от которого Кардинал едва не погиб.

Прежде чем рассказать об остальном, следует упомянуть о Каталонии и Русийоне, поскольку катастрофа произошла под Перпиньяном.⁵⁹ Поначалу Кардинал почти не уделял внимания Каталонии, ибо, как мне кажется, никогда не читал «Мемуаров Лиги», а также «Мемуаров о царствовании Карла IX» и не знал, что изгнать испанцев из Италии и Нидерландов надобно через Пиренеи, а не через Альпы; быть может, он и знал, но ему хотелось затянуть войну. Как бы то ни было, когда Ламотт-Уданкур через Ла-Вале, посланного Королем в армию, действующую в Каталонии, направил Кардиналу записки, из которых явствовало, что у него, Ламотт-Уданкура, большие связи в Арагоне и Валенсии, Ришелье, протягивая посланцу руку, сказал: «Заверьте г-на де Ламотта, что вскоре я доставлю в Испанию Короля собственной персоной». Мне думается, что, поскольку Король устал от войны, Кардинал на этот раз в самом деле выполнил бы

* Знатный человек из Лангедока, с горбом на груди и на спине, весьма некрасивый, но с далеко не глупой физиономией. Он очень низкого роста и толст.

свое обещание. С этой целью он уговорил Короля совершить поездку в лагерь под Перпиньяном. Во время осады сего города самые богатые люди Сарагосы удалились в Кастилию и другие провинции. Намерения Кардинала заключались в том, чтобы доставить Короля в Барселону во главе сорокатысячной армии, послать одного из лучших генералов с некоторой частью войск в Португалию и одновременно осадить Фонтарабию, взяв которую (ибо, по всей видимости, Испанский король не смог бы оказать здесь должный отпор), армия должна была пройти вдоль Пиренеев, дабы соединиться затем с войсками Короля. Во всей Наварре надобно было осаждать только Памплону. Королю эта затея пришлась весьма по вкусу, и он приказал привести в порядок дорогу на Монт-Серратскую обитель. В самом деле, на это потратили восемь тысяч ливров, а работы произвели более чем на сто тысяч франков, ибо крестьяне, узнав, что это делается для короля Франции, не хотели брать денег. Кольюр взяли до Перпиньяна, но только благодаря чистейшему случаю: замок, стоящий на скале и обнесенный стенами ужасающей толщины, не страшился ни ядер, ни подкопов. Маршал де Ламейре, однако, велел — без особого смысла — заложить минную галерею, и взрывом засыпало единственный колодец у осаждаемых. Таким образом, чтобы не помереть от жажды, им пришлось сдаться.

Сальс ценится гораздо выше. Покойный принц Конде⁶⁰ взял его. Ботрю говорил, что по этому поводу можно было бы выпустить внеочередной номер «Газетт»,⁶¹ поскольку до того Принц потерпел неудачу под Долем и Фонтарабией. Человек, знающий свое дело, может, сидя в Сальсе с пятьюстами солдат, погубить сорокатысячную армию. Эспенан ввел туда три тысячи человек, которые совершенно изголодались. Впоследствии этот город был застигнут нашими врасплох, когда шли на Перпиньян. Этот Эспенан был полнейшим невеждою: он разместил большое количество конницы в Таррагоне, а потом сдался неизвестно по какой причине. Умер он в должности коменданта Филипсбурга. В начале войны было нетрудно пробить себе дорогу; ежели кто знал воинское ремесло хоть понаслышке, перед ним уже заискивали, ибо этого ремесла не знал никто.

Отправляясь в Русийон, Кардинал узнал в Тарасконе, что Машо, советник по приему прошений, велел весьма неосмотрительно повесить в Нарбонне нескольких хлеботорговцев. Кардинал захотел узнать все подробности этого дела. Ему сказали, что в городе находится некий парижский адвокат, по имени Ланглуа (во Дворце Правосудия его звали Ланглуа «фехтмейстер», потому что его отец занимался этим ремеслом, дабы отличить его от других, носивших то же имя). Этот адвокат был когда-то Королевским прокурором в ведомстве Машо. Ланглуа приходит к Кардиналу и, излагая ему дело, все время называет его не иначе как «Сударь». Все, кто при этом присутствовали, шепчут ему: «Говорите „Монсеньер“». Тот продолжает по-прежнему говорить «Сударь». Кардинал давился от

смеха, видя, как стараются все эти льстецы, и слушал Ланглуа весьма внимательно. Адвокат, закончив свое изложение, сказал: «В суде, при обращении, мы всегда говорим только „Сударь“; я — судейский и другого обращения не знаю».

Но вернемся к Господину Главному. Адмирал де Брезе только что прибыл (было это перед Рождеством 1641 года), когда Кардинал, желавший отправиться в конце января под Перпиньян, сказал ему, что надлежит снарядить корабли, стоящие в Бресте, а затем, пройдя пролив, стать на якорь перед Барселоной, дабы воспрепятствовать оказанию помощи Перпиньяну. Несколько дней спустя Брезе вошел в спальню Короля: вы, разумеется, понимаете, что страж у дверей не заставлял его стучаться дважды. В это время Король и Господин Главный разговаривали в алькове, Брезе, не замеченный ими, слышит, как Господин Главный востро бранит Кардинала. Брезе удаляется; он хочет все обдумать наедине. Ему в ту пору не исполнилось еще и двадцати двух лет; он боялся, что ему не поверят. И он решает как можно чаще сопровождать Короля на охоте, а ежели случится встретить Господина Главного, отвести его в сторону и заставить обнажить шпагу. Однажды он встретил его весьма удачно; но, увидев какую-то собаку, подумал, что сейчас сюда явятся и люди. На следующий день Кардинал приказал Брезе отправляться через сутки в путь. Два дня Адмирал скрывался, велел привести в порядок свой экипаж. Его Высокопреосвященство узнал про то, послал за ним и сурово отчитал его. В конце концов молодой Брезе, не зная, как поступить, идет к г-ну де Нуайе, рассказывает о том, что слышал и что намерен сделать. Г-н де Нуайе говорит ему: «Сударь, лучше вам завтра еще не уезжать». Кардинал, узнав обо всем, вызывает де Брезе, благодарит его за усердие и отпускает, сказав, что сам наведет здесь порядок.

Когда разнесся слух, будто Сен-Мар созвал людей с целью убить Кардинала, герцог Энгиенский предложил Его Высокопреосвященству покончить с Господином Главным. Маркиз де Пьенн, узнав про угрозу, рассказал о ней Рювиньи, который посоветовал Сен-Мару сообщить обо всем Королю. На следующий день Господин Главный говорит Рювиньи: «Король сказал мне: „Возьми несколько моих гвардейцев, дорогой друг“». Рювиньи, глядя Сен-Мару прямо в глаза, спрашивает: «Так почему же вы их не взяли? Вы говорите неправду». Молодой человек покраснел. «По крайней мере, — добавил Рювиньи, — ступайте к г-ну Герцогу в сопровождении трех-четырех ваших друзей, дабы он убедился, что вы ничего не боитесь». Сен-Мар отправляется туда. Герцог играл, гостя приняли очень любезно и весьма оживленно беседовали с ним. Сопровождал Сен-Мара Рювиньи.

В дороге отношения обострились. Кардинал хотел, чтобы Господина Главного прогнали, Король не хотел, потому что этого хотел Кардинал, но не потому, как вы вскоре увидите, что по-прежнему любил Сен-Мара. Его Высокопреосвященство удаляется в Нарбонн под предлогом обычного

недомогания и оставляет Фабера — капитана Гвардии, любимчика кардинала де Лавалетта, к которому Король благоволил и даже сказал однажды, что желал бы воспользоваться им, дабы отделаться от Ришелье. Его выбрали как человека храброго и здравомыслящего. Г-н де Ту решил однажды распознать, что он за человек, желая перетянуть его на сторону Господина Главного. Фабер дал понять, что ему известно многое, и попросил де Ту не говорить ему ничего такого, о чем он, Фабер, обязан был бы сообщить. «Но вам за это ничего не платят, — сказал де Ту, — вашу должность капитана Гвардейской роты вы купили». — «А вам, — ответил Фабер, — разве вам не стыдно быть на поводу у молодого человека, который еще совсем недавно был пажом? Вы в худшем положении, нежели думаете».

Маршал де Ламотт, под предлогом того, что он якобы хочет помешать испанцам прийти на выручку Перпиньяну, нарочно распускает слух, будто таково намерение неприятеля, и продвигается вперед, оказавшись в тридцати милях от города. Маршал уведомил Кардинала, что продвинулся он ради того, чтобы услужить ему, и что дает слово прийти на помощь, когда тот пожелает, — он де готов похитить его у входа в Королевскую палатку, в его распоряжении тысяча солдат, за коих он отвечает, как за самого себя. Кардинал ответил, что восхищен находчивостью, проявленной Маршалом, и приказывает ему не продвигаться далее. Господин Главный, который был скорее умен, нежели рассудителен, догадался о замысле Маршала и уведомил о нем Короля.

А вот каким образом обнаружили, что Король не любит больше Господина Главного. Однажды в присутствии Короля зашел разговор о фортификации и об осадах. Господин Главный долго спорил с Фабером, который смыслил в этом несколько больше, нежели он. Покойный Король сказал: «Господин Главный, вы ничего еще не видели и потому напрасно желаете переспорить многоопытного человека», — а затем, немало наговорив Сен-Мару насчет его самомнения, сел в кресло. Господин Главный пришел в бешенство и неосмотрительно сказал, обращаясь к Королю: «Ваше Величество, вы могли бы и не говорить мне всего того, что сказали». Тут Король окончательно вышел из себя. Господин Главный удаляется и, выходя, шепчет Фаберу: «Благодарю вас, господин Фабер!» — словно обвиняя его во всем случившемся. Король пожелал узнать, в чем дело; Фабер ни за что не хотел говорить. «Он вам угрожает, быть может?» — спросил Король. «Государь, в вашем присутствии к угрозам не прибегают, а в иных обстоятельствах их не прощают». — «Я должен сказать вам все, господин Фабер. Вот уже шесть месяцев как меня от него тошнит (это подлинные слова Короля). Но дабы люди этого не знали, дабы они думали, что он по-прежнему занимает меня разговором, когда все расходится, — продолжал Король, — он еще остается полтора часа в моей гардеробной, читая Ариосто. Оба первых гардероб-лакея присутствовали при том, как он принимал святое причастие. Нет человека, более

погрязшего в пороках и более нетерпимого. Это самое неблагоприятное существо на свете. Он заставлял меня целыми часами ждать в карете, пока сам распутничал. На расходы его не хватило бы целого государства. У него сейчас не менее трехсот пар сапог.* На самом же деле Господину Главному наскучила нелепая жизнь, которую вел Король, и, быть может, еще хуже того его ласки. Фабер дал знать обо всем этом Кардиналу. Г-н де Шавиньи, которого тот прислал к Фаберу, не мог поверить собственным ушам. Но это приободрило Кардинала, который, видя, что после всего происшедшего Господин Главный хранит веселый вид, догадался, что его вдохновляет некий большой заговор; то был пресловутый договор с Испанией.

Прежде чем поделиться своими догадками о том, каким образом Кардинал о нем узнал, я расскажу, каково было его решение. Незадолго до этого Кардинал диктовал некий Манифест, рукопись коего впоследствии была сожжена. Он высказал желание удалиться в Прованс, уповая на поддержку графа д'Аля: он надеялся, что его друзья стекутся к нему. И в самом деле, он уехал, вынудив врачей заявить, что морской воздух ему вреден и он не поправится, ежели только не уедет от него подальше. И вместо того, чтобы отправиться сушею, он поплыл по озеру, чтобы добраться до Тараскона, утверждая, что от покачивания носилок ему становится плохо. Он собирался уже переправиться через Рону, когда ему сказали, что некий курьер, не застав его в Нарбонне, прибыл с пакетом от маршала де Брезе, вице-короля Каталонии; Маршал вкратце сообщал ему, что вблизи побережья потерпело какое-то судно и что на этом судне найден договор Господина Главного — или, вернее, договор Герцога Орлеанского — с Испанией, который он, де Брезе, ему посылает.

Вот какой был пущен слух, но он оказался ложным, как это мы увидим дальше. Поэтому маловероятно то, что о нем говорилось, и легковерны те, кто этому поверил. Кардинал (ежели верить словам Шарпантье, его первого секретаря, которого можно было обмануть, как и любого дру-

* Он поссорился с Королем по собственной вине, и всего за две недели до своего ареста. Это произошло во время разговора, в котором он поспорил о войне с Маршалом де Ламейре. Король сказал Сен-Мару, что ему, который ничего не видел, не пристало спорить с человеком, который воюет уже очень давно. «Государь, — ответил Сен-Мар, — когда обладаешь здравым смыслом и знаниями, понятно даже то, чего ты не видел». Хотя Рювиньи и уговаривал его, он пренебрег возможностью примириться с Королем; он очень рассчитывал на свой договор с Испанией. Он послал Монмора, родственника Фонтрая, к графу де Бриону, ибо никто не осмеливался из-за де Ларивьера обращаться непосредственно к брату Короля. На его несчастье, г-н де Брион присутствовал на свадьбе принцессы Бурбонской и г-на де Лонгвиля. Это помешало Сен-Мару получить ответ и предоставило ему время заключить договор с Испанией.

Принцесса Мария обещала выйти замуж за Сен-Мара, когда он займет более высокий пост; это обещание способствовало тому, что у него закружилась голова.

Покойный Король, приготавливая варенье, сказал: «Душа Сен-Мара была столь же черна, как дно этой кастрюли».

гого, и который рассказывал о крушении судна) был весьма изумлен и приказал, чтобы все, кроме Шарпантье, вышли. «Велите принести мне бульону, я в полном смятении». Шарпантье берет бульон у двери комнаты, которую тут же закрывает на ключ. Тогда Кардинал, воздев руки к небу, говорит: «О, боже, сколь милостив ты к нашему Королевству и ко мне. Прочтите это, — говорит он Шарпантье, — и изготовьте копии». Он тотчас же отправляет нарочного к г-ну де Шавиньи с приказанием прибыть к нему, где бы он ни находился. Шавиньи явился к нему в Тарасконе, ибо Кардинал почел необходимым переправиться через Рону. Шавиньи, получив копию договора, отправляется к Королю. Ришелье дает ему должные наставления. «Король скажет вам, что это подделка, но предложите ему арестовать Господина Главного; потом его легко будет освободить, ежели бумага подложна; но ежели враг вторгнется в Шампань, не так-то легко будет ему противодействовать». Король действительно страшно разгневался на г-на де Нуайе и г-на де Шавиньи, заявив, что Кардинал по злобе хочет погубить Господина Главного. Им стоило большого труда переубедить Короля; в конце концов он велел арестовать Господина Главного, а затем отправился в Тараскон, дабы выяснить все в беседе с Кардиналом.

Меж тем Фонтрай, заметив, что Король довольно долго остается в обществе г-на де Нуайе и г-на де Шавиньи, а Господина Главного туда не приглашают, сказал ему: «Сударь, пора вам спасаться». Господин Главный этого не пожелал. «Что до вас, — заметил Фонтрай, — вы, сударь, будете еще достаточно высокого роста и после того, как вам свесут голову с плеч, а я, право же, слишком мал для этого». Он бежал в одежде капуцина, как и в ту пору, когда ездил в Испанию по поводу договора.* Прежде чем ввязываться в интриги, Фонтрай хорошо припрятал свое добро. Он происходит из знатной лангедокской семьи, обладает двадцатью двумя тысячами ливров дохода с земельных угодий и не имеет долгов. Однажды, когда покойный Король показывал ему луидоры, он сказал довольно забавную фразу: «Государь, я люблю старых друзей и старые монеты». Он только не хочет, чтобы смеялись над его горбом; во всех остальных случаях он понимает шутку. Он принадлежит к тем вольнодумцам, что жили в Маре.⁶² Лет двадцать пять назад эти господа стали носить сапоги с узкими длинными носами, но не столь длинными, как носили впоследствии. Несколько капитанов Гвардии станцевали балет «узконосых»; Фонтрай вообразил, будто это выпад против него и его друзей, и уговорил графа Фиеско и Рювиньи драться вместе с ним на дуэли. Граф и его противник ранили друг друга. Фонтрай был сбит с ног вторым, Рювиньи обезоружил третьего. Эти господа, жившие в Маре, опол-

* Ежели бы Господин Главный не был ленив, он бы спасся; но вместо того, чтобы отправиться самому, он ограничился тем, что послал одного из своих слуг проверить, заперты ли городские ворота; они были только притворены, а его человек не осмотрел их с должным вниманием.

чилились на жуликов и наказали им позабыть о кражах в этой части города. Таким образом, на некоторое время Маре сделалось местом безопасным. Вопреки желанию Фонтрая, Эспенав, выслужившийся солдат, бывший в свое время сторожем у г-на Пернана, женился на сестре Фонтрая; он заручился расположением матери и младшего брата Фонтрая. Этот Эспенав стал пользоваться доверием после того, как выступил с показаниями против г-на де Лавалетта в деле о поражении при Фонтарабии. Фонтрай тщетно вызывал его несколько раз на дуэль. Младший брат был столь возмущен старшим, что послал ему вызов; Фонтрай пришел от этого в ужас и, по совету Рювиньи, рассказал об этом кому только мог. Младшего осуждали за это; он был убит во время войны в Каталонии.

Правда о том, каким образом заполучили договор с Испанией, пока еще не обнародована. Фабер заявил, что покойный Король был об этом осведомлен, точно так же как г-н де Шавиньи и г-н де Нуайе, и что, кроме них, знали об этом лишь Королева, герцог Орлеанский, кардинал Мазарини и он сам, но говорить об этом он, Фабер, отнюдь не намеревается. Однажды кто-то спросил у принца Конде, как ухитрились обнаружить договор. Принц ему ответил что-то на ухо; Вуатюр, который все это видел, сказал г-ну де Шавиньи: «Уж вы так мудрите с этой тайной, а меж тем Принц рассказал о ней такому-то». — «Принц этого не знает, — сказал Шавиньи, — да и знай он обо всем, он не осмелился бы об этом говорить». Из его слов Вуатюр заключил, что это, должно быть, исходит от Королевы; и в подтверждение сему заметили, что после долгих разговоров о том, чтобы отнять у нее детей, всяческие толки на сей предмет внезапно прекратились. На это можно возразить, что, ежели бы дело действительно обстояло так, г-жа де Лансак, которая занимала должность г-жи де Сенсе и которая в то же время была воспитательницей Дофина, не осмелилась бы внезапно отдернуть полог в спальне Королевы, дабы оскорбить ее язвительным сообщением об аресте Господина Главного. Это ничего не меняет, ибо ради того, чтобы ввести в заблуждение, все это, по-видимому, предоставили сделать г-же де Лансак — и, может быть, не без умысла. Со временем мы обо всем этом узнаем поподробнее.

Г-н Канцлер уверял Господина Главного, что де Король слишком его любит, чтобы погубить, что все сведется лишь к непродолжительному заключению в тюрьме, что Его Величество пощадит его молодость, и бедный Сен-Мар в какой-то мере поверил этому и признался во всем. Впоследствии, опасаясь пытки, которой ему пригрозили и которой бы его замучили до смерти, он твердо стоял на своем.

Что же до г-на де Ту, он не был сторонником заключения договора с Испанией, но всегда был смутьяном, и все его происки стали известны. Он был одним из самых беспокойных людей.* Господин Главный прозвал

* Будучи советником или чиновником по приему прошений, он отправился к кардиналу де Лавалетту в Майнц и принял участие в войне, с которой вернулся с простреленной рукой. Над ним посмеялись. Он привлек к себе внимание; в за-

его «Ваше беспокойство». Выходя из дому, он порою целый час топтался на месте, ибо не мог решить, куда ему идти. Стоило кому-нибудь впасть в немилость, как он из-за нелепого пристрастия к великодушию тотчас же стремился с ним познакомиться и предложить свои услуги.

Господин Главный был весьма мужествен, он не дрогнул перед столь жестоким ударом судьбы; напротив того, он написал весьма рассудительное и даже изящное письмо своей матери, г-же д'Эффиа. Он умер, как подобает порядочному человеку, а г-н де Ту прикинулся святошей. Он непрестанно спрашивал, нет ли тщеславия в его смиренности. Когда он жертвовал, то всегда учинял соответствующую надпись. Словом, он всегда действовал, как говорится, с величайшей оглядкой; и, слушая его разглагольствования, можно было подумать, что он хочет свыкнуться с мыслью о смерти. Я нахожу, что он умер как истый педант, а жил всегда как светский кавалер, ибо его судейская мантия ровно ничего не значила. Избаловали его знатные сеньоры и дамы, а также уверенность, что он ведет род от графов де Ту; а графам этим следовало бы довольствоваться тем, что они принадлежат к семье, снискавшей себе известность высокими постами и прославленными сочинениями. Ежели покопаться, то можно было бы обнаружить, что происходят они не бог весть от кого: насколько я слышал, от крестьянина из Атиса.

Сиприен Перро, советник Парламентской палаты, закадычный друг президента де Ту, историка, случайно нашел однажды некое свидетельство, из коего явствовало, что адвокат де Ту, от которого происходили этот Президент и первый президент Парламента, был сыном одного из жителей Атиса — деревни в часе езды от Парижа. Это рассмешило Перро, он отправил свидетельство Президенту и сообщил ему, что на основании этой бумаги он ясно докажет, что Президент происходит от графов де Ту: такова была вздорная уверенность семьи. Президент отнесся к этому, как то подобало, и только посмеялся; г-н Перро был одним из его душеприказчиков. Бумага эта была найдена в присутствии г-на Перро, сьера д'Абланкура. От него-то мы все и узнали.

Ришелье, который таскал за собою г-на де Ту по Роне, с трудом достиг Луары. Кардинала несли на огромных носилках и, дабы его не тревожить, проламывали стены домов, где он останавливался, а ежели было высоко, то со двора наверх сооружали сходни и вносили его через окно, выставив раму. Несли его посменно двадцать четыре человека. Как только он добрался до Луары, его пришлось доставлять с баркаса на берег к отведенному ему жилищу. Г-жа д'Эгийон следовала за ним на отдельном баркасе; многие другие сопровождали его таким же образом. Все вместе напоминало целую небольшую флотилию. Эскортом ему служили

нии интенданта армии он приютил у себя г-на Тюренна; он был влюблен в г-жу де Гимене. Говорят, будто после приговора он написал ей; по крайней мере он написал какой-то даме. Он был рыж и невзрачен.

две конные роты, одна по эту, другая по ту сторону реки. Пришлось прокладывать дороги в тех местах, где вода была низкой, что же до Бриарского канала, который почти высох, пришлось открыть там шлюз; сию почетную обязанность возложили на герцога Энгенского.

Кардинал отправился на целебные ванны в Бурбон-Ланси, но они ему не помогли. У Плиния вычитали, что два римских консула умерли от чирьев, которые, как и он, подхватили в Нарбоннской Галлии. Кардинал часто страдал геморроем, и Жюи однажды счел необходимым его прооперировать.

Вернувшись в Париж, Кардинал велел добавить к «Европе»⁶³ сцену, связанную со взятием Седана, которую он в пьесе назвал «Логово чудовищ». Этот замысел появился у него попутно с желанием уничтожить Испанскую монархию. Эту сцену и стихи написал г-н Демаре.

Пожелай Кардинал при своем всемогуществе творить добро — это было в его власти, — он стал бы человеком, чья память благословлялась бы вечно. Правда, Государственный совет доставлял ему изрядные заботы. Со смертью его мы немало потеряли, ибо он всегда ревностно пекся о Париже; а поскольку своими заботами он сумел достичь многого, было желательно, чтобы он пожил подольше, дабы одолеть Австрийский дом. Он был поистине помешан на великолении собственного рода.

Дабы дать представление о том, насколько докучал Кардиналу Государственный совет, достаточно упомянуть о тех горестных часах, кои доставил ему Тревиля. Он знал, быть может, из показаний Господина Главного, что Король, указав на Тревиля, сказал: «Господин Главный, вот человек, который избавит меня от Кардинала, как только я этого захочу». Тревиля командовал конными Мушкетерами, которых Король создал, дабы они сопровождали его повсюду — и на охоту и невесть еще куда, — и сам подбирал их. Среди последних были сыновья г-на д'Юзе; таким вот образом прокладывали себе дорогу ко Двору. Тревиля был беарнцем, который выслужился из младших чинов. Кардинал подкупил его кухарку; говорят, будто ей платили четыреста ливров пенсии. Кардинал ни за что не хотел оставлять подле Короля человека, которому Король так доверяет; г-н де Шавиньи был избран Кардиналом, дабы уговорить Короля прогнать Тревиля. Король весьма смиренно сказал ему: «Но, г-н де Шавиньи, поймите же, что это может пагубно отразиться на моей репутации: Тревиля хорошо мне служил, он носит на теле рубцы — следы этой службы, он мне предан». — «Но, Государь, — ответил г-н де Шавиньи, — поймите также и вы, что Кардинал тоже хорошо вам служил, что он предан, что он необходим вашему государству, что не подобает класть на одни весы Тревиля и его». — «Как, г-н де Шавиньи! — воскликнул Кардинал, которому тот докладывал о своей беседе, — и это все, чего вы добились от Короля? И вы ему не сказали, что это необходимо? У вас закружилась голова, господин де Шавиньи, голова у вас закружилась». Шавиньи тут же поклялся Кардиналу, будто он сказал Королю: «Государь, это не-

обходимо сделать». Кардиналу было отлично известно, с кем он имеет дело. Король опасался бремени ответственности и, кроме того, боялся, как бы Кардинал, занимавший почти все посты, не сыграл с ним скверную шутку. Словом, Тревиля пришлось прогнать.

Его Высокопреосвященство, казалось, оправлялся от своей болезни; подтверждением тому служат все его выпады против герцога Орлеанского. Он ненавидел и презирал его: он хотел, чтобы его объявили неспособным к царствованию, дабы по смерти Короля, которому недолго оставалось жить, Герцог не мог бы принять участие в управлении Государством.

Некоторые полагали, будто Кардинал намеревался управлять Королевою через кардинала Мазарини: ради этого он де и возвел его в кардинальский сан. Правда, г-н де Шавиньи немало постарался, дабы помешать возвести в этот сан г-на де Нуайе. Полагали даже, что Королева и кардинал де Ришелье теперь ладят между собой и что началось это с той поры, как он получил от нее договор с Испанией. Я слышал от Лионна, что когда кардинал де Ришелье впервые представил Мазарини Королеве (это произошло после Казальского договора),⁶⁴ он сказал ей: «Государыня, вы его полюбите: он чем-то похож на Бекингема». Не знаю, помогло ли это, но полагают, что Королева издавна была расположена к Мазарини, а кардинал де Ришелье то ли заметил эту склонность, то ли упомянутое сходство позволяло ему на нее надеяться.

Когда ставили «Европу», Кардинала на спектакле не было; правда, он несколько раз присутствовал на репетиции пьесы в костюмах, кои заказаны были на его счет; из-за своей большой руки он не смог приехать на премьеру. По возвращении из Рюэля он сказал племяннице, указывая ей на кардинала Мазарини: «Племянница, пока вы смотрели комедию, я обучал государственного министра». И говорят, будто он указал на Мазарини покойному Королю, а как-то в другой раз сказал: «Я знаю только одного человека, который может быть моим преемником, даром что он иностранец». Иные считают, что я перемудрил, говоря о намерении Ришелье управлять Королевою через кардинала Мазарини, и полагают, будто у него не было другого намерения, как ввести в Государственные дела человека, который, будучи иностранцем и его, Ришелье, креатурой, из благодарности, а также из нужды в поддержке окажется привержен его наследникам и его близким; но Кардинал ошибся — и не впервые. Он считал г-на де Шавиньи величайшим умом, а Морана, советника по приему прошений, — первым человеком среди судейских. В дальнейшем мы поговорим и о том, и о другом.

Арну, который служил в морском департаменте, говорит, что кардинал де Ришелье намерен был отправить кардинала Мазарини в Рим, дабы тот послужил Королю в Италии, и что он спросил Арну в присутствии Короля: «Господин Арну, через сколько времени вы сможете снарядить корабли, чтобы отвезти кардинала Мазарини в Италию?». — «Мон-

сеньер, — ответил Арну, — корабль будет готов через сутки». Мазарини отправился к Арну и стал упрашивать, чтобы тот повременил, а тем временем Кардиналу стало хуже. Мазарини так никогда и не вспомнил об этой услуге Арну.

Кардинал велел закрыть себе искусственный свищ, ибо рука его слишком быстро сохла. Это, вероятно, его и погубило; после того, как свищ закрыли, он прожил недолго.

Король навестил Кардинала лишь незадолго до его смерти и, застав его в весьма плохом состоянии, вышел заметно повеселевшим. Священник церкви святого Евстафия явился напутствовать Кардинала. Говорят, будто он сказал кюре, что у него не было иных врагов, кроме врагов Государства, и что когда г-жа д'Эгийон вбежала к нему, вся запыхавшись, и сказала: «Сударь, вы не умрете: одной благочестивой монахине, доброй кармелитке, было о том явление», — он ответил: «Полноте, полноте, племянница, все это смешно, надобно верить только евангелию».

Говорят, что смерть он встретил весьма мужественно. Но Буаробер утверждает, будто за два последних года своей жизни Кардинал сделался донельзя щепетильным и не выносил ни малейшего двусмысленного слова. Он добавляет, что кюре церкви святого Евстафия, с которым он об этом беседовал, отнюдь не говорил ему, что Кардинал умер столь мужественно, как то растрезвонили. Епископ Шартрский Леско не раз повторял, что не знает за Кардиналом ни малейшего греха. Клянусь, кто этому верит, может поверить и многому другому.

В «Дневнике» Кардинала часто упоминается о маленькой Лаво. Вот кто она была.

Инфанта Клара-Эухения прислала Королеве карлицу в клетке. Дворянин, который поднес ее Королеве, сказал, что это попугай, и предложил, не снимая с клетки покрывала (это де может напугать птицу), заставить сего попугая произнести приветствие на пяти-шести языках. В самом деле послышались поздравления на испанском, итальянском, французском, английском и голландском языках. Все тотчас же воскликнули: «Не может быть, что это попугай!». Сняли покрывало и увидели, что в клетке карлица. Она выросла достаточно, чтобы выглядеть очень маленькой женщиной, и ее выдали замуж за довольно высокого мужчину по имени Лаво-Ирлана, который находился на службе у Королевы. Жена его служила горничной и через несколько лет умерла родами.

У Мадемуазель⁶⁵ была карлица, самая маленькая из всех когда-либо виденных. В ней не было и двух футов росту. Она была соразмерно сложена, только нос у нее был слишком велик; вид ее внушал страх; средние куклы оказывались одного с нею роста. Кажется, она умерла.

У покойного короля Англии был очень маленький, но весьма ладно сложенный карлик, по имени Жофруа. У него же служил привратник, восьми футов росту; в те же времена обнаружили крестьянина, которому

было сто тридцать семь лет; так что упомянутый государь хвалился тем, что у него есть самый высокий, самый маленький и самый старый человек в Европе.

Г-н де Нуайе и епископ Мандский

Фамилия сеньора де Нуайе была Сюбле. Он доводился родственником господам де Ламотт-Уданкурам, второй из этой семьи был епископом Мандским и пользовался потом расположением кардинала де Ришелье: он-то и представил Кардиналу г-на де Нуайе. Расскажу все, что знаю о епископе Мандском. Это был человек деятельный и гордый, который желал, чтобы обещанное ему всегда выполнялось. Однажды г-н Бутийе, ревновавший Епископа, не разрешил ему войти в спальню Кардинала, сказав (и это соответствовало истине), что ему приказано никого не впускать и он де сейчас доложит Его Высокопреосвященству о приходе епископа Мандского. Дверь была полуоткрыта, епископ Мандский толкает ее; г-н Бутийе падает, Епископ стремительно входит в альков; Кардинал лежит в постели. «Монсеньер, — говорит Епископ, — я пахожу весьма странным, что г-н Бутийе захлопывает дверь перед моим носом; я уверен, что вы не давали ему приказания обходиться со мною таким образом». Кардинал ничего не отвечает. Епископ Мандский отправляется к себе в Пикардию и более ни о чем не беспокоится. «Ежели они меня оставят здесь, — говорил он, — я буду только доволен». Кардинал не мог обойтись без Епископа и послал за ним; именно он и ведал всем снабжением при осаде Ларошели.¹ Умирая, — а умер он во время осады, — он завещал похоронить себя в городе, когда тот будет взят. Это он побудил Баррада уйти с должности Первого шталмейстера Малой конюшни, потребовав за уход в отставку сто тысяч эку. Королю не терпелось отдать эту должность Сен-Симону. Кардиналу хотелось помедлить с выплатой вышеозначенной суммы и сделать так, чтобы со временем о ней позабыли. Епископ сказал ему: «Монсеньер, г-н де Баррада действовал, опираясь на данное мною слово, я скорее продам мои бенефиции, нежели нарушу свое обещание». Кардинал не смог противиться, и Баррада получил положенную сумму.

У г-на де Нуайе была настоящая лакейская душа. Монтрей, личный секретарь Герцогини Орлеанской, был секретарем и у покойной Мадам,² которая, будучи беременной, почиталась Королевой и возглавила при Дворе особую партию. Герцогиня выказывала Монтрею, в прошлом наставнику нынешнего Герцога де Гиза, свое доброе расположение. Однажды де Нуайе, который приходился Монтрею родственником, прогуливался вместе с ним. «А вы не боитесь, — спросил его смеясь Монтрей, — что такая вот прогулка со мною может вам повредить?». Де Нуайе тотчас расстался с Монтреем и с тех пор ни разу не заговорил

с ним до самой смерти Мадам. Правда, когда де Нуайе вошел в милость, он как-то вспомнил о Монтрее.

Этот невысокий человечек хотел все сделать сам и завидовал решительно всем. Он вредил всюду, где только мог, г-ну Демаре, который во многом знает толк и имеет склонность к архитектуре, ибо опасался, как бы Демаре чего-нибудь у него не отнял: ему немало хлопот доставляла его должность Суперинтенданта по строительным работам, а ему очень хотелось успеть закончить Лувр и позолотить галерею по всей длине так, как позолочен один из ее концов; именно он и приказал это сделать.

Его ханжество безобразно проявилось в том, что он сжег несколько весьма ценных полотен, изображавших обнаженных женщин и находившихся в Фонтенбло. При всем том он содержал надлежащим образом штат Королевского Двора. Он был смотрителем замка Фонтенбло. Маршал де Брезе, дабы вывести его из себя, вставлял всегда непристойности в письма, которые ему писал, вроде: «Идите вы на ... с вашими ... приказами!». — «И после таких мерзостей, — говорил маленький человек, — еще хотят, чтобы дела у Короля процветали!». Он ведал и Военным департаментом.

Однажды Кардинал хотел вызвать нотариуса. «Этого не надобно, Монсеньер, — сказал де Нуайе, — я Королевский секретарь и сделаю все, что нужно». Как-то Кардинал случайно сломал хорошенькую тросточку, которую очень любил. Наш коротышка взял ее, починил и привнес Его Высокопреосвященству. Говорят, что сам он не воровал, но позволял воровать нижестоящим. Овдовев, он дал обет вступить в Орден Иезуитов, но не был обязан носить рясу и жить иначе, чем миряне. Университету он напортил всем, что было в его силах. После себя он оставил простофилю сына.* Именно де Нуайе сообщил покойному Королю, что Кардинал хранит у Моруа пятьдесят тысяч экю. Его опала описана в «Мемуарах эпохи Регентства».

Сен-Прей

Это он, де Нуайе, был причиной смерти Сен-Прейя, и Сен-Прей верно сказал: «Это ханжа, никогда он меня не простит». Сен-Прей намыллил голову маленькому д'Обре, которого Нуайе поставил в Аррасе во главе финансового ведомства. Это не означает, что Сен-Прей не был вспыльчив, не походил на тирана; но он был порядочным человеком и много тратил. В процессе, опубликованном по его делу, хранится довольно не-

* Сын г-на де Нуайе, которого зовут Ла-Буассьер, ничуть не лишен ума; но это своего рода духовидец и скупердяй, который ведет уединенную жизнь и почти ничем не интересуется и ничем не озабочен. На него перевели участок земли Дангю, купленный его отцом, не обратившим достаточного внимания, заложена эта земля или нет; он потерял этот участок. В 1672 году он был еще жив.

лепое письмо покойного Короля, вот оно: «Честный и благородный Сен-Прей, живите взятками, ощипывайте курицу тишком; поступайте, как поступают такие-то и такие-то, делайте то, что делают многие другие в своих провинциях; все для вас, в вашей области вы полный хозяин; рубите, режьте — вам все дозволено!».

Людовик Тринадцатый

Людовика Тринадцатого женили еще мальчиком. Он пожелал послать кого-нибудь, кто мог бы доложить ему, как сложена Испанская инфанта. Он избрал для этого отца своего кучера, словно дело шло об осмотре лошадей.

Проявлять свои любовные чувства Король начал прежде всего к своему кучеру Сент-Амуру. Потом он почувствовал склонность к Арану, псарю. Великий приор Вандомский, командор де Сувре и Монпуйан-Ла-Форс, человек умный и мужественный, но некрасивый и рыжеватый (он погиб впоследствии, во время войны с гугенотами), были удалены один за другим Королевою-матерью. Наконец появился г-н де Люин. Ножан Ботрю, капитан стражи Королевских дверей, никогда, собственно говоря, не ходил в фаворитах; но Король к нему благоволил до того, как кардинал де Ришелье стал первым министром (Ботрю сильно выиграл). О других мы будем говорить по мере того, как они станут появляться в нашем рассказе.

Покойный Король¹ был неглуп; но, как я уже однажды сказал, ум его имел склонность к злословию; говорил он с трудом,* и поскольку в придачу он отличался робостью, то и держался, как правило, нерешительно. Он был хорошо сложен, довольно сносно танцевал в балетах, но почти всегда изображал смешных персонажей. Он прочно сидел в седле, мог при случае легко снести усталость и умел выстроить армию в боевой порядок.

Кардинал де Ришелье, который опасался, как бы Короля не прозвали Людовиком-Зайкой, пришел в восторг, когда подвернулся случай назвать его Людовиком Справедливым. Произошло это, когда г-жа Гемадек, жена Фужерского губернатора,² с плачем и причитанием бросилась к ногам Короля; это его ничуть не тронуло, при всем том, что она была очень красивой.** В Ларошели это прозвище закрепилось за Королем

* Г-н д'Аламбон сильно заикался. Король, увидевший его в первый раз, обратился к нему, заикаясь, с каким-то вопросом. Тот, как вы можете себе представить, ответил ему таким же образом. Это неприятно поразило Короля, словно этот человек желал посмеяться над ним. Подумайте только, как это все выглядело правдоподобно! И ежели бы Короля не уверили, что этот дворянин — заякка, Король, быть может, обошелся бы с ним дурно.

** Впоследствии Пон-де-Курле женился на дочери этой женщины. Это мать герцога Ришелье, ныне г-жа д'Оруа. Гемадеку отрубили голову: он забунтовался глупейшим образом.

благодаря милостивому обращению с ларошельдами. Кто-то шутя добавил «аркебузир»,³ и стали говорить: Людовик, «Справедливый аркебузир». Однажды, спустя уже много времени, Ножан, играя с Королем не то в мяч, не то в волан, крикнул ему: «Бейте, Государь!». Король промахнулся. «О! — воскликнул Ножан, — вот уж взаправду Людовик Справедливый». Король не рассердился.

Он был немного жесток, как и большинство замкнутых и малодушных людей, ибо правитель наш доблестью не отличался, хотя и желал прослыть отважным. При осаде Монтобана⁴ он безучастно взирал на тех гугенотов, которых Бофор⁵ велел оставить в городе; большинство из них были тяжело ранены и лежали во рвах замка Королевской резиденции (рвы эти были сухие, и раненых снесли туда, как в наиболее надежное место); Король так ни разу и не распорядился напоить их. Несчастных пожирала муха.

Долгое время он развлекался тем, что передразнивал гримасы умирающих. Узнав, что граф де Ларош-Гийон* находится при смерти, Король послал к нему дворянина, дабы справиться, как он себя чувствует. «Скажите Королю, — ответил граф, — что он сможет поразвлечься довольно скоро. Ждать вам почти не придется: я вот-вот начну свои гримасы. Не раз помогал я ему передразнивать других, нынче настает мой черед». Когда Сен-Мар был осужден, Король сказал: «Хотел бы я посмотреть, как он гримасничает сейчас на эшафоте».

Иной раз он довольно разумно рассуждал в Совете и даже, казалось, одерживал верх над Кардиналом. Быть может, тот незаметно для него нарочно доставлял ему это маленькое удовольствие. Короля погубило безделье. Некоторое время у власти стоял Пизьё, затем Ла-Вьевиль, Суперинтендант Финансов, который стал чем-то вроде министра еще до того, как наступило всемогущество Ришелье, и чуть было не взбесил решительно всех. Ему нравилось выводить из терпения дам, которые приходили к нему на прием. Когда у него просили денег, он протягивал руки вперед, словно для плавания, приговаривая: «Плыву, плыву, дна-то уже под ногами нет». Скапен⁶ пришел к нему однажды, не помню уж с какою просьбой; стоило ему появиться, как Ла-Вьевиль начинает паясничать. Скапен смотрит на него и наконец говорит: «Вы, сударь, все моим ремеслом занимаетесь, займитесь-ка теперь своим». Король, заставив Ла-Вьевилья поест моченого сена, дабы уподобить его лошади, на завтра вверяет ему Суперинтендантство финансов. Кто из них, по вашему, больше заслужил есть сено? Когда, наконец, маршал Орнано добровольно сел в Бастилию, дабы оправдаться в том, в чем, по его словам, он обвинялся, пошел слух, что причиной тому — Ла-Вьевиль. Слуги Месье⁷ вывели из себя своего хозяина, который ругался до тех пор, пока Ла-Вьевиль не был уволен в отставку; случилось это в Сен-Жермене; и

* Это был человек, который умел забавно говорить.

8 Жедсон Таллеман де Рео

в самый день его отъезда поварята, как говорят, устроили ему ужасающий кошачий концерт, дабы выставить его за дверь. Возмущенный разнузданным поведением Мулинье и Жюстиса, двух музыкантов придворной Капеллы, которые служили ему недостаточно ревностно, Король наполовину урезал им жалованье. Марэ, шут Короля, придумал, как им поступить, дабы вернуть себе утраченное. Они отправились вместе с ним на вечернюю аудиенцию Короля и станцевали там шуточный танец полудетскими: тот, кто был в куртке, не надел штанов. «Что это значит?» — спросил Король. «Это значит, Государь, — ответили они, — что люди, которые получают лишь половину жалованья, и одеваются лишь наполовину». Король засмеялся и вернул им свою милость.

Во время путешествия в Лион в небольшом городке Турнюсе (между Шалонем и Маконом) настоятель монастыря Францисканцев⁸ хотел уверить Королеву-мать,⁹ что Король, бывший здесь проездом, заставил заговорить немую наложением руки, словно желая исцелить ее от золотухи;¹⁰ Королеве указали эту девицу. Монах утверждал, что сам при сем присутствовал, а ему вторил весь город. По этому случаю отец Суфран устроил крестный ход с песнопениями. Королева берет монаха с собой и, догнав Короля, говорит ему, что он должен возблагодарить бога за ниспосланную ему милость совершить через него столь великое чудо. Король отвечает, что ему непонятно, о чем идет речь, а францисканец говорит: «Взгляните, как скромнен наш добрый Государь!». В конце концов Король заявил, что все это надувательство, и хотел было послать солдат, чтобы наказать обманщиков.

В ту пору он любил уже г-жу д'Отфор, которая была всего лишь фрейлиной Королевы. Подружки говорили ей: «Милочка, тебе ничего не перепадет: Король наш — праведник».

Г-жа де Ла-Флотт, вдова одного из господ дю Белле, обремененная детьми и заботами, вызвалась, хотя эта должность была и ниже ее достоинства, стать наставницей фрейлин Королевы-матери и добилась этого благодаря своей назойливости. Дочку своей дочери, как только той исполнилось двенадцать лет, она отослала Королеве-матери: эта девочка и стала г-жой д'Отфор. Она была красива. Король влюбился в нее, а Королева его приревновала, на что он не обращал никакого внимания. Молодая девушка, подумывая о замужестве, а может быть — желая дать Королю повод для беспокойства, стала принимать кое-какие знаки внимания от других. Неделю он был с нею очень хорош; следующую неделю он ее уже почти ненавидел. Когда Королеву-мать арестовали в Компьене,¹¹ г-жу де Ла-Флотт сделали статс-дамой вместо г-жи дю Фаржи, а ее внучка получила право на потомственное занятие должности своей бабки.

Не помню уж, во время какой поездки Король отправился на танцы в небольшом городе; в конце бала девушка, по имени Катен Го, встала на стул, дабы вынуть из деревянного пандала огарок свечи, но не сте-

ариновой, а сальной. Король заявил, что она это сделала так изящно, что он в нее влюбился. Уезжая, он велел дать ей десять тысяч экю за ее добродетель.

Король увлекся затем девицей де Лафайетт. Королева и г-жа д'Отфор стакнулись против нее и с той поры действовали заодно. Король вернулся к г-же д'Отфор, Кардинал велел ее прогнать; это, однако, не нарушило ее союза с Королевой.

Однажды г-жа д'Отфор держала в руке какую-то записку. Король хотел прочесть ее, она не давала. Наконец он решил отнять записку; г-жа д'Отфор, которая его хорошо знала, спрятала листок на груди и сказала: «Если хотите, возьмите записку отсюда». И знаете, что сделал Король? Взял каминные щипцы, боясь дотронуться рукою до ее груди.

Когда покойный Король начинал увиваться вокруг девицы, он говорил: «Отбросьте дурные мысли». С замужними женщинами он не церемонился. Однажды он придумал мотив, который ему очень нравился, и послал за Буаробером, чтобы тот написал слова. Буаробер сочинил куплеты, посвященные любви Короля к г-же д'Отфор. Король сказал: «Стихи подходят, но только надобно выкинуть слово „вождедею“, ибо я вовсе не „вождедею“». Кардинал заметил: «Эге, Буа, да вы в почете: Король посылает за вами». Буаробер рассказал, в чем дело. «О! знаете, что надо сделать? Возьмите-ка список мушкетеров». В списке значились имена беарнцев, земляков Тревпля, да все такие, от которых язык сломаешь; пользуясь ими, Буаробер написал куплеты, и Король нашел их замечательными.

Его любовные увлечения были престранными: из чувств влюбленного он взял одну ревность. С г-жой д'Отфор* он беседовал о лошадях, собаках, птицах и о других подобных предметах. Но к д'Эггив-Вассе он ее ревновал; пришлось его убеждать, что последний доводится красавице родственником. Король захотел проверить это у д'Озье; д'Озье знал, в чем дело, и подтвердил все, что требовалось. Этот г-н д'Эггив был человеком весьма тонкого обращения;** он долго выказывал свою любовь к Королеве с помощью поклонов, а этого для Королевы уже достаточно; Кардинал удалил его, потому что сей молодой человек ничего не боялся. Он пренебрежительно относился к генерал-инспектору артиллерии, ухаживая у него под носом за г-жой де Шале. Это был человек хладнокровный: он командовал галерой и, проявив чудеса храбрости в бою близ Генуи, который дан был после рождения Дофина и где он выразил свое неодобрение г-ну Пон-де-Курле, не желавшему атаковать неприятеля, получил мушкетную пулю в лицо, совершенно его обезобразившую. Жить он не захотел и перевязать себя не позволил.

* Король сделал ее статс-дамой по праву преемственности; она получила несколько дарственных грамот.

** Его звали красавцем д'Эггив.

У Королевы, судя по «Дневнику» Кардинала, был выкидыш из-за того, что ей поставили горчичник. До того, как она забеременела Людовиком XIV, Король спал с ней очень редко. Это называлось «класть подушку», ибо обычно Королева себе ее не клала. Когда Королю сообщили, что Королева беременна, он сказал: «Должно быть, это еще с той ночи». Из-за каждого пустяка он принимал подкрепляющее, и ему часто пускали кровь; это никак не улучшало его здоровья. Я забыл сказать, что лейб-медик Короля Эруар написал о нем несколько томов — его историю со дня рождения до осады Ларошели,¹² — где только и читаешь, в котором часу Король пробудился, позавтракал, плюнул, ходил по малой и большой нужде и т. д.*

В начале царствования Король был довольно жизнерадостен и недурно развлекался с г-ном де Бассомпьером. Порою Король говорил довольно забавные вещи. Сын Себастьяна Заме, погибший при Монтобанае в чине бригадного генерала (в те времена это был высокий чин), держал при себе Лаверня (ставшего впоследствии воспитателем герцога де Бресе), который интересовался архитектурой и кое-что в ней понимал. Этот Заме был человеком весьма степенным и всегда отвешивал чинные поклоны. Король говорил, что когда Заме отвешивает свои поклоны, ему так и кажется, будто позади стоит Лавернь и измеряет их своим аршином. Это он написал песенку:

Посейте семячко кокетства,
И пышно рогачи взойдут.

Баррада́

Король страстно любил молодого Баррада́; его обвиняли, будто он предавался с ним всяческим мерзостям. Баррада́ был хорошо сложен. Итальянцы говорили: *La bugerra ha passato i monti, passerá ancora il concilio*.¹³

Преследуя финансистов, Королева-мать была особенно беспощадна к Бомарше из-за его зятя, маршала де Витри. Чтобы спасти его, задумали сосватать дочь другого его зятя, м-ль де Ла-Вьевиль, за Баррада́, дав за нею восемьсот тысяч ливров. Короля это весьма порадовало. «Но,— сказал он,— уж надобно тогда дать круглую сумму, пусть будет миллион». Баррада́ рассказал об этом какому-то болтуну; кардинал де Ришелье, который не хотел, чтобы Ла-Вьевиль получил поддержку, и, быть может, желая угодить Королеве-матери, сказал Королю: «Государь, все это прекрасно, но Бомарше предложил мне (это была ложь) миллион за должность Королевского казначея, которая стоит вдвое больше». Это взбесило Витри и Ла-Вьевиль; сватовство расстроилось. К тому же Бо-

* Маре говорил Королю: «В вашем ремесле есть две вещи, к которым я никак не мог бы привыкнуть». — «Что же это?». — «Есть одному, а . . . в компании».

марше был повешен заочно¹⁴ во дворе Судебной палаты; он оставил огромные богатства. Ему принадлежали остров Эгийон, неподалеку от Ларошели, и шесть кораблей, кои он посылал в Индию. Он старался всех убедить, что источник его богатства в торговле.

Я слышал от г-на Баррада́, человека отнюдь не богатого, что кардинал де Ришелье и покойная Королева-мать сильно затуманили мозги покойному Королю. Они использовали подставных лиц, которые приносили письма, направленные против самых знатных придворных. Королева-мать писала Королю: «Ваша жена любезничает с г-ном Монморанси, с Бекингом, с таким-то и таким-то». Духовники, будучи подкуплены, говорили ему все то, что им приказывали. Баррада́ был по природе грубоват; он вскоре подал повод к кривотолкам на свой счет. Король не желал, чтобы он женился, а Баррада́, влюбленный в красавицу Крессиа, фрейлину Королевы, хотел во что бы то ни стало обручиться с нею. Кардинал воспользовался возмущением Короля, чтобы избавиться от его любимца. И вот Баррада́ сослал в собственное поместье. Его место занял Сен-Симон.*

Сен-Симон

Он был камер-пажом, так же как и Баррада́; но он и поныне остается человеком ничуть не привлекательным, который к тому же прескверно сложен. Этот фаворит продержался дольше, чем его предшественник, и опередил на два-три года Господина Главного; он разбогател, стал герцогом, пэром и членом Высшей Судебной палаты. Кардинал и на этот раз воспользовался неудовольствием Короля, ибо не хотел, чтобы эти любимчики пускали слишком глубокие корни.

После этого г-н де Шавиньи, которому Баррада́ не поклонился, уж не помню где, из-за того, что тот позволил себе при встрече с ним какую-то неучтивость, старается его устранить. Баррада́ посылают приказ отправиться в отдаленную провинцию. Король сказал: «Я его знаю, меня он слушается». Пристав, который явился к Баррада́, узнав, что тот желает изложить свой ответ королю лично, предпочел получить его в письменном виде, и Кардинал сказал, что пристав поступил благоразумно; но он выбрал г-на де Шавиньи, заявив ему: «Вы этого хотели, г-н де Шавиньи, вы этого хотели, сами и расхлебывайте». Дело так ничем и не кончилось, и во время осады Корби¹⁵ Баррада́, получив разрешение на Королевскую аудиенцию, предложил графу Суассонскому арестовать Кардинала, для чего просил пятьсот всадников: он де отправится в сопровождении своих друзей и близких и станет ждать Кардинала в горном про-

* Король привязался к Сен-Симону, как говорили, потому, что этот юноша постоянно доставлял ему новости, связанные с охотой, а также потому, что он не слишком горячил лошадей и, трубя в рог, не напускал туда слюны. Вот в чем следует искать причины его преуспеяния.

ходе, с голубой лентой через плечо и жезлом капитана Гвардии; увидев человека, которого Король все еще любит, Кардинал непременно удивится, растеряется, и тогда его можно будет отвезти куда угодно; Король, сказал он, рассержен угрозою набегов со стороны испанцев, нехваткою самого необходимого, и можно не сомневаться, что он ненавидит Кардинала. «Я поговорю об этом с Месье», — сказал граф Суассонский. «Ваша Светлость, — ответил Баррада, — я не желаю иметь дело с Месье». Все это открылось. Баррада получил приказ удалиться в Авиньон и повиновался.

Усердие, которое прилагали к тому, чтобы позабавить Короля охотой, немало способствовало пробуждению в нем жестокости.* Однако охота далеко не заполняла весь его досуг, и у него оставалось еще достаточно времени, чтобы томиться от скуки. Почти невозможно перечислить все те ремесла, которым он обучился, помимо тех, что касаются охоты: он умел делать кожаные штанины, силки, сети, аркебузы, чеканить менету; герцог Ангулемский говаривал ему в шутку: «Государь, отпущение грехов всегда с вами». Король был хорошим кондитером, хорошим садовником. Он выращивал зеленый горошек, который посылал потом продавать на рынке. Говорят, будто Монторон купил его по весьма дорогой цене, ибо горошек был самый ранний. Тот же Монторон скупил, дабы угодить Кардиналу, все его рюэльское вино, и Ришелье в восторге говорил: «Я продал свое вино по сто ливров за бочку».

Король стал учиться шпиговать. Можно было наблюдать, как является конюший Жорж с отличными шпиговальными иглами и прекрасными кусками филейной части телятины. Как-то раз, не помню уж кто сказал, что Его Величество шпигует. «Его Величество» и «шпигует» — не правда ли, эти слова замечательно подходят одно к другому!

Чуть было не запамятовал еще одно из ремесел Короля: он отлично брил — и однажды сбрил всем своим офицерам бороды, оставив маленький клочок волос под нижней губой.** На это была написана песенка:

О борода моя, о горе!
Кто сбрил тебя, сказать изволь?
Людовик, наш король:
Он бросил вокруг себя орлиный взор
И весь обезбородил двор.

* Однажды, когда Король танцевал уж не помню какой балет, посвященный «Охоте на дроздов», которую он нежно любил и которую назвал «Дроздовочкой», некто г-н де Бурдонне, знавший г-на Годо, впоследствии епископа Грасского, ибо его земли лежат по соседству с Дре, откуда родом этот прелат, написал последнему письмо: «Милостивый государь, зная, что вы изящно сочиняете стихи, очень прошу вас написать оные к балету Короля, коим я имею честь заниматься, и почаще упоминать в сих куплетах слово „Дроздовочка“, весьма любимое Его Величеством». Г-н Годо и по сю пору трудится над этими стихами.

** С той поры те, кто еще не достиг слишком пожилого возраста, бреют бороду и оставляют только усы.

Лафорс, а ну-ка покажитесь:
 Сбрить бороду вам тоже след.
 Нет, государь, о нет!
 Солдаты ваши, точно от огня,
 Сбегут от безбородого меня.
 Оставим клинышек-бородку
 Кузену Ришелье, друзья,
 Нам сбрить ее никак нельзя:
 Где, к черту, смельчака такого я возьму,
 Что с бритвой подойдет к нему?

Король сочинял музыку и неплохо в ней разбирался.* Занимался немного и живописью. Словом, как сказано в его эпитафии:

Какой отменный вышел бы слуга
 Из этого негожего монарха!

Его последним ремеслом было изготовление оконных рам совместно с г-ном де Нуайе. Все же в нем находили и некое достоинство, свойственное царственной особе, ежели таким достоинством можно считать притворство. Накануне того дня, когда Король арестовал герцога Вандомского и его брата, он был с ними крайне ласков, и на другой день спросил г-на де Лианкура: «Могли бы вы это предположить?», — на что г-н де Лианкур ответил: «Нет, Государь, вы слишком хорошо сыграли свою роль». Король дал понять, что такой ответ не слишком ему приятен; тем не менее казалось, будто он хочет, чтобы его похвалили за умелое притворство.

Однажды он сделал нечто такое, чего никогда бы не допустил его брат. Плесси-Безансон представил ему какой-то отчет; и, поскольку это был человек весьма увлеченный тем, что делает, он раскладывал свои ведомости на столе королевского кабинета, надев по рассеянности свою шляпу. Король ни слова ему не говорит. Закончив отчет, Плесси-Безансон начинает повсюду искать свою шляпу, и тогда король говорит ему: «Она давно у вас на голове». — Герцог Орлеанский однажды предложил подушку придворному, когда тот по рассеянности уселся в зале, по которой его Королевское Высочество прогуливался.

Король не желал, чтобы его камер-лакеи были дворянами; он говорил, что хочет иметь право их бить, а бить дворянина считал невозможным, ибо боялся навлечь на себя нареkania. Должно быть, поэтому он не признавал Беренгена за дворянина.

Я уже упоминал, что Король по природе своей любил позлословить; он говорил: «Я думаю, что такой-то и такой-то весьма довольны моим

* Он написал мелодию к рондо на смерть Кардинала:

Ну вот, он умер, он от нас убрался, и т. д.

Сочинил это рондо Мпрон, чиновник Счетной палаты.

указом о дуэлях». ¹⁶ Обнародовав этот указ, он сам же потешался над теми, кто не дерется на поединках. Он чем-то напоминал надутого помещицкого дворянина, который полагает для себя позором, ежели в его дом взойдет судейский пристав; однажды он едва не приказал избить пристава, который по долгу службы явился во двор замка Фонтенбло для взыскания долга без конфискации имущества. Но какой-то Государственный советник,* при сем присутствовавший, сказал Королю: «Государь, надо бы узнать, по чьему распоряжению он это делает». Приносят бумаги пристава. «Э, Государь,— говорят,— да он явился от имени Короля, и люди эти — полномочные представители вашего правосудия». В Испании король Филипп II повелел, чтобы судебные приставы входили в дома грандов, и с тех пор им всюду стали оказывать почтение.

Все знают, что король был скуп во всем. Мезре поднес ему том своей «Истории Франции». Королю приглянулось лицо аббата Сюже, он втихомолку срисовал его и не подумав как-то вознаградить автора книги.**

После смерти Кардинала г-н де Шомбер сказал Королю, что Корнель собирается посвятить ему трагедию «Полиевкт». Это напугало Короля, потому что за «Цинну» Монторон подарил Корнелю двести пистолей. «Да не стоит», — говорит он Шомберу. «О Государь, — отвечает Шомбер, — он это делает не из корысти». — «Ну, если так, хорошо, — говорит Его Величество, — мне это доставит удовольствие». Трагедия вышла с посвящением Королеве, ибо Король к тому времени умер.

Однажды в Сен-Жермене он пожелал проверить расходы на стол своего Двора. Он вычеркнул молочный суп из меню генеральши Коке, которая ела его каждое утро. Правда, она и без того была толстой, как свинья.*** Зато проявил большую щедрость, когда, прочтя в перечне блюд «Горшочек желе для такого-то», в ту пору больного, он сказал: «Пусть бы он обошелся мне в шесть горшочков, только бы не умирал».**** Он вычеркнул три пары тувель из гардеробной ведомости; а когда маркиз де Рамбуайе, Обергардеробмейстер, спросил Короля, как он прикажет поступить с двадцатью пистолями, оставшимися после покупки лошадей для спальной повозки, тот ответил: «Отдайте их такому-то мушкетеру, я ему задолжал. Прежде всего надо платить свои долги». Он отнял у придворных сокольничих право покупать мясные обрезки, которые те по дешевке

* То был покойный Президент суда Ле-Байель, сказавший: «Надобно проверить. Это по приказу Короля? — спрашивает он. — Прежде всего, ежели это по приказу короля Испании, то надобно наказать дерзкого».

** После смерти Кардинала он упразднил пенсии литераторам, говоря: «Нас это больше не касается».

*** Король обнаружил в ведомости бисквиты, которые подавались накануне г-ну де Ла-Врийеру. Как раз в эту минуту г-н де Ла-Врийер вошел в комнату. Король резко заметил ему: «Как я погляжу, Ла-Врийер, вы большой охотник до бисквитов».

**** Однажды, когда Ножац вошел в его спальню, Король сказал: «О, как я рад вас видеть: а я-то думал, что вы сосланы».

приобретали у кухонных конюших, и велел кормить ими своих соколов, никак не возмещая кухонных конюших.

Он не был добр. Как-то в Пикардии он увидел скошенный, хотя еще совсем зеленый овес и кучку крестьян, глядевших на эту беду; но вместо того чтобы посетовать Королю на его Шеволежеров,¹⁷ которые совершили сей подвиг, крестьяне пали перед ним ниц, восхваляя его. «Мне очень досадно, — сказал Король, — что вам нанесен такой ущерб». — «Да ничего, Государь, — отвечали они, — ведь все ваше, лишь бы вы здравствовали, нам и того довольно». — «Вот добрый народ!» — сказал Король, обращаясь к своей свите. Но он ничего не дал крестьянам и даже не подумал облегчить им подати.

Одно из наиболее явных проявлений щедрости, которую Король позволил себе в жизни, произошло, думается мне, в Лотарингии. Как-то в одной деревне, где народ до последней войны привык жить в достатке, крестьянин, у которого он обедал, пришел в такое восхищение при виде капустного супа с куропаткой, что, заглядевшись на это блюдо, дошел до комнаты, где обедал Король. «Какой прекрасный суп», — сказал Король. «Так думает и ваш хозяин, Государь, — ответил дворецкий, — он с этого супа не сводит глаз». — «Право? — спросил Король, — так пусть же он его съест». Он велел закрыть миску и отдать суп крестьянину.

После того как Кардинал выгнал г-жу Отфор, а Лафайетт ушла в монастырь, Король однажды заявил, что желает отправиться в Венсенский лес, и по пути задержался на пять часов в Обители Дочерей Святой Марии, где находилась Лафайетт. Когда он уезжал оттуда, Ножан сказал ему: «Государь, вы посетили бедную пленницу!». — «Я большой пленник, чем она», — ответил Король. Кардиналу показалась подозрительной эта длинная беседа, и он отправил к Королю г-на де Нуайе, которого г-н де Трем не мог не впустить; это заставило Короля прервать свидание.*

Его Высокопреосвященство, отчетливо понимая, что Королю надобно какое-то развлечение, как я уже упомянул, обратил внимание на Сен-Мара, который и до того был довольно приятен Королю. Сие намерение Кардинал вынашивал с давних пор, ибо маркиз де Лафорс целых три года не мог избавиться от своей должности Обергардеробмейстера.** Кардинал не хотел, чтобы ее занял кто-либо кроме Сен-Мара. И в самом деле, г-н д'Омон, старший брат Вилькье, ныне маршал д'Омон, так и не получил ее, несмотря на лестный отзыв о нем Короля.

Поначалу г-н де Сен-Мар подбивал Короля на кутежи: они танцевали, бражничали. Но, поскольку он был юношей пылким и любящим собственное удовольствие, его вскоре стала тяготить жизнь, на которую он пошел лишь с неохотой. К тому же Ла-Шене, первый камердинер Короля, при-

* Был некто Буазамей, первый камердинер Королевского гардероба, коего Король очень жаловал. Его прогнали вместе с Лафайетт.

** Полагаю, что должность эту дали ему вместо должности капитана Лейб-гвардии.

ставленный к нему в качестве соглядатая, поссорил его с Кардиналом: он сообщил Кардиналу о Короле множество подробностей, коих Сен-Мар ему не сообщал, несмотря на то что Кардинал их от него требовал. Сен-Мар, став Господином Главным* и графом Даммартемом, добился того, что Ла-Шене прогнали: вот из-за этого и разгорелась война между ним и Кардиналом.

Король поручал шпионить за Сен-Маром, дабы узнать, не ходит ли он к кому-нибудь тайком. Господин Главный был в ту пору влюблен в Марион** больше чем когда-либо. Однажды, когда он отправился к ней в Бри, его приняли за вора какие-то люди, которые в самом деле преследовали воров. Они привязали его к дереву, и не окажись случайно поблизости человека, который знал Сен-Мара, его отвели бы в тюрьму. Г-жа д'Эффиа испугалась, как бы ее сын не женился на Марион, и добилась запрещения этого брака Судебной палатой. Одно время он изрядно бесил свою мать, весьма скупую, тем, что назло ей менял платье по четыре раза на дню и всякий раз отправлялся к своей возлюбленной. Однако когда сын вошел в милость у Короля, ее неприязнь к нему исчезла. Да и как ей было его не любить, ведь из всех ее сыновей он один чего-то стоил; он был мужествен: он дрался, и притом отлично, с дю Доньоном, ныне маршалом Фуко. Он был умен и превосходно сложен. А старший брат его умер сумасшедшим; он делал подметки к башмакам из самых дорогих штофных обоев замка Шилли; что до аббата, то он — человек ничем не примечательный, хотя довольно неглупый.

Самым большим увлечением Господина Главного в ту пору была Шемро, ныне г-жа де Ла-Базиньер. Она была тогда в монастыре в Париже.*** Однажды вечером в Сен-Жермене он встречает Рювиньи и говорит: «Пойдем со мной, мне надобно выбраться отсюда, чтобы повидать Шемро. Есть одно место, где я надеюсь перейти через ров: там меня ждут с двумя лошадьми». Они выходят; но, оказывается, конюх, улегшись на землю, заснул, и лошадей угнали. Господин Главный в полном отчаянии: они бегут в городок, чтобы попытаться достать других лошадей, и замечают какого-то человека, который следует за ними на почтительном расстоянии. Это — гвардейский шеволежер, самый главный из шпионов, приставленных Королем к Сен-Мару. Узнав его, Господин Главный подзывает его и вступает с ним в беседу. Этот человек начинает их убеждать, что они, мол, собирались драться на дуэли; Сен-Мар заверяет его в противном; наконец, соглядатая удаляется. Рювиньи посоветовал Господину Главному вернуться, чтобы не навлекать на себя гнев Короля, лечь в постель, а через два часа послать за несколькими офицерами Королевского гардероба, чтобы те пришли с ним поболтать, ибо он не может

* Г-на де Бельгарда заставили принять небольшое вознаграждение за эту должность, и посему он получил разрешение вернуться ко Двору.

** Марион де Лорм.

*** Ее прогнали из-за него и наконец отправили в Пуату.

уснуть; таким образом, он на некоторое время подорвет доверие Короля к шпионам, ибо тому завтра же будет доложено, что он, Сен-Мар, выходил из замка. Господин Главный послушался совета. Поутру Король спрашивает у него: «А, так вы были в Париже?». Сен-Мар призывает своих свидетелей. Шпион посрамлен, а Господин Главный получил возможность совершить три ночных поездки в Париж.

По правде говоря, жизнь, которую Король понуждал его вести, была незавидною. Король, как видно, избегал людей, а особенно Парижа, ибо ему стыдно было видеть бедствия народа. Когда он проезжал, ему почти никто не кричал «Да здравствует Король!». Но он был совершенно неспособен навести порядок. Он оставил за собою лишь заботу о снабжении всем необходимым рот Гвардейского полка и некоторых старых воинских частей, относясь к этому более ревниво, нежели к чему-либо другому.

Было замечено, что Король любит все, что ненавидит Господин Главный, а Господин Главный ненавидит все, что любит Король. Сходились они лишь в одном — в ненависти к Кардиналу. Я уже рассказывал об этом. Господин Главный бежал слишком поздно; он укрылся в Нарбонне у одного горожанина, дочь коего была в дружбе с его камер-лакеем Беле, сопровождавшим его туда. Он пробыл там сутки, когда отец этой девицы, уже старый человек, который почти не выходил из дому, отправившись к мессе, услышал, как на улице при звуке труб кричат, что тот, кто соборит, где находится Господин Главный, получит такое-то вознаграждение, а тому, кто укрывает его, грозит смертная казнь «Эге, — подумал он, — не тот ли это человек, что остановился у нас? Каков он из себя?». Так бедного Сен-Мара и взяли.

Заговор Господина Главного

Вот что я узнал позднее от г-на Эспри, академика, который был в ту пору на службе у г-на Канцлера. Г-н де Ту заявил Фонтраю: «Вы были в Испании; не вздумайте хитрить со мной: Господин Главный рассказал мне все». Кардинал в это время находился на водах в Нарбонне, к которым Король относился недоверчиво, и делал все возможное, чтобы Его Величество тоже приехал туда, но тщетно. Король не знал, на что решиться, и в сопровождении Господина Главного отправился по направлению к озеру Эгморт, когда его догнал де Шавиньи и заявил, что им раскрыт заговор. Позднее он показал Королю соглашение с Испанией; в сущности, это была лишь пестревшая ошибками копия. Король вернулся обратно. Во дворце во время беседы с Королем и Господином Главным Шавиньи дернул Короля за полу платья, как делал это обычно, когда желал сообщить Его Величеству что-либо с глазу на глаз. Король тотчас же проходит в другие покои; Господин Главный хотел было проследовать за ним, но Шавиньи властно заявил: «Господин Главный шталмейстер, мне нужно кое-что сообщить Королю». Господин Главный, по

молодости лет, оставил Короля наедине с Шавиньи; как это будет видно из моего дальнейшего рассказа, Король к тому времени охладил к своему любимцу. И вот г-н де Шавиньи — а было это уже в Нарбонне — убедил Короля арестовать Господина Главного. Тот спасается бегством; я забыл сказать, что Фонтрай бежал еще за неделю до этого, видя, что разбор дела заговорщиков подвигается слишком медленно, и понимая, что это не к добру. Сен-Мар укрылся у некоего горожанина. Вечером Господин Главный говорит одному из своих слуг: «Ступай, погляди, не открыты ли случайно какие-либо городские ворота». Слуга пошел туда пойти, ибо ворота, по обыкновению, запирались спозаранку. И надобно же такому случиться! Как раз одни из ворот оставались открытыми всю ночь, дабы пропустить кортеж маршала де Ламейре. Хозяин узнал Сен-Мара и, боясь подвергнуться наказанию, и т. д. и т. п.

Кардинал Мазарини первым приехал в Лион и отправился в тюрьму Пьер-Ансиз к г-ну де Буйону, которому заявил: «Ваш договор у нас в руках», — и начал читать ему наизусть отдельные статьи. Того это весьма поразило, и он решил, что Герцог Орлеанский все уже рассказал. Поскольку ему обещали жизнь, он во всем признался. Когда вели Господина Главного, мальчик лакей, каталонец, бросил ему катышек из воска, внутри которого была записка с кое-какими невразумительными советами. Этот мальчик состоял у него на службе и отважился на сей смелый поступок, выполняя поручение принцессы Марии.

Господин Главный признался во всем; он надеялся, что Король никогда не допустит, чтобы его казнили; и его только удалят от Двора; он, Сен-Мар, еще так молод, у него впереди достаточно времени, чтобы дожидаться смерти Кардинала, а потом вернуться ко Двору. Поначалу Сен-Мар признался во всем наедине г-ну Канцлеру. Король, приехав, наговорил Канцлеру всяческого вздора, упомянув, между прочим, что никак не мог приучить этого скверного мальчишку Сен-Мара ежедневно читать «Отче наш». Канцлер сказал Кардиналу: «Что до Господина Главного, то тут все ясно; но что нам делать с другим, с де Ту, ума не приложу».

Когда Господина Главного после множества допросов привели наконец в Лионскую Судебную палату, он предстал перед членами Следственной комиссии, ибо ни один из заговорщиков, даже г-н де Ту, которому следовало бы знать, что это отсрочит приговор, не заявил об отводе свидетелей. И там, будучи убежден, что Королю достаточно будет его чистосердечного признания, Сен-Мар рассказал непринужденно и с достоинством истинного дворянина всю историю своего возвышения. Здесь-то он и признался, что г-н де Ту знал о договоре с Испанией, но все время пытался убедить его, Сен-Мара, не принимать в этом участия. Потом ему устроили очную ставку с де Ту, который лишь пожал плечами, словно жалеючи Господина Главного, но ни единым словом не упрекнул его в предательстве. Г-н де Ту сослался на закон касательно *Conscii*,¹⁸ на который опирается Указ Людовика XI, никогда не применявшийся.

Но г-н де Ту плохо истолковал этот закон, упорно разъясняя, что *Conscii* означает только «сообщники», но это далеко не так. Г-н де Миромениль имел мужество высказать мнение, что Сен-Мара следует оправдать. Проживи Кардинал несколько дольше, он не поблагодарил бы г-на де Миромениля за это мнение. Ссылка на то, что Первый Президент Судебной палаты, де Ту, отправил на эшафот некоего вельможу за подобную же провинность, сильно повредила его внуку.

Господин Главный был столь далек от мысли о смерти, что когда ему перед объявлением приговора предложили поесть, он сказал: «Есть я не хочу: мне прописаны пилюли, дабы очистить желудок, надобно их принять». И он так почти ничего и не съел. Потом ему объявили приговор. При этом столь суровом и неожиданном известии он не выказал, однако, и признака удивления. Он держался стойко, и та мучительная борьба, которая происходила в его душе, никак не проявилась внешне. Хотя, согласно приговору, его не должны были подвергать пытке, ему все же пригрозили ею. Это его растревожило, но он и тут ничем не выдал себя и уже начал расстегивать свою куртку, когда ему велели поднять руку и говорить правду. Он продолжал стоять на своем и заявил, что добавить ему больше нечего. Умер он с поразительным мужеством, не стал говорить пустых речей, а только поклонился тем, кого увидел в окнах и узнал; он все делал поспешно и, когда палач хотел отрезать ему волосы, отнял у него ножницы и передал их брату-иезуиту. Он пожелал, чтобы ему лишь слегка подрезали волосы сзади, остальные он начесал себе на лоб. Он не захотел, чтобы ему завязывали глаза. Когда палач нанес удар, глаза Сен-Мара были открыты, и он так крепко держался за плаху, что его руки с трудом оторвали от нее. Голову ему отрубили с первого удара.

После смерти кардинала де Ришелье* Король очень радовался, получая сам письма и депеши. Он говорил, что у него никогда не будет фаворита среди Гвардейцев. К г-ну Нуайе он проявлял как будто большую привязанность, чем к кому-либо другому; когда Королю нужно было что-либо делать, а г-на де Нуайе при этом не было, он заявлял: «Нет, нет, подождем голубчика». Тот входил потихоньку со свечой в руке; он

* Жюю по возвращении из Савойи сказал в Лионе г-ну Эспри, что Кардинал долго не протянет, потому что велел закрыть свой свиц. Он совершил это сумасбродство из чистоплотности. И вот он в Рюэле, где его навещает Королева. Он не осмеливается ездить в Сен-Жермен, а Король не осмеливался ездить в Рюэль. Кардинал решил добиться расположения Гито, ибо (кроме Тревиля) Гвардейские капитаны Гито, Тийадэ, дез Эссар, Кастельно и Ласаль были людьми, которых ему никак не удавалось привлечь на свою сторону: они были преданы Королю. Итак, Кардинал просит Гито навестить его, принимает со всевозможной учтивостью, велит угостить обедом, вкусным и сытным. После обеда он приглашает его к себе одного и спрашивает, хочет ли тот стать его другом. «Монсеньер, я всегда был предан Королю». — «Э! — сказал Кардинал, трижды презрительно махнув рукой. — Господин де Гито, да вы просто смеетесь; ступайте, ступайте, господин де Гито». Случай с Тревилем нарушил душевный покой Кардинала; это ускорило его смерть.

с успехом мог бы служить другому монарху. Про него говорили, что он де «Иезуит-калоша»,* потому что, принадлежа к ордену Иезуитов, не носил их одежды и не жил вместе с ними. И все же именно он прогнал отца Сирмона, но только для того, чтобы заменить его другим, который был большим иезуитом, чем он, если так можно выразиться; ибо отец Сирмон слишком откровенен и пишет только небольшие книжечки, а иезуиты хотя и сочинялись толстые тома. Наш де Нуайе, веря в привязанность Короля, оказался в трудном положении, ибо кардинал Мазарини и Шавиньи не давали покоя тем, кто становился приближенным Короля; и хотя де Нуайе находился постоянно при Короле в Сен-Жермене, а Мазарини и Шавиньи — почти все время в Париже, все-таки они его выжили. Вскоре он умер в собственном доме, в Дангю, недалеко от Понтуаза. К нему уже давно подбирались, так же как и к покойному Кардиналу.

Вскоре умер и Король. Он всегда боялся дьявола, ибо не любил бога, но пуще страшился ада. Лет двадцать тому назад ему было видение, заставившее его отдать королевство под защиту Пресвятой Девы, и в Распоряжении, которое было составлено по этому поводу, значилось: «Дабы все наши добрые подданные попали в рай, ибо такова наша воля». Так заканчивался сей прекрасный манускрипт. Заболев предсмертным недугом, Король стал необычайно суеверным. Однажды, когда ему рассказывали о каком-то блаженном, якобы обладавшем особым даром отыскивать места погребения святых, который, проходя где-либо, говорил: «Ройте здесь, тут погребен святой», — причем ни разу не ошибся, Ножан сказал:** «Будь у меня такой блаженный, я бы отвез его к себе в Бургундию, он нашел бы мне уйму трюфелей». Король разгневался и крикнул: «Прочь отсюда, негодяй!». Людовик XIII умер, сохраняя стойкость духа, и как-то, глядя на колокольню Сен-Дени,¹⁹ которая видна из нового Сен-Жерменского замка, где он лежал, промолвил: «Вот, где я скоро буду». Принцу Конде он сказал: «Кузен, я видел во сне, будто мой кузен, ваш сын, дрался с врагами и одолел их». Он говорил о битве при Рокруа.²⁰ Король послал за членами Судейской палаты, дабы взять с них обещание в том, что они будут соблюдать составленное им Распоряжение: оно было написано по образцу распоряжения кардинала де Ришелье, он лишь немного в нем изменил. Согласно этому Распоряжению, при Королеве учреждался непрременный Совет, где она, как и все, имела только один голос. Король сказал Советникам, что, ежели они сделают его вдову регентшей, как ныне покойную Королеву-мать, она им испортит все. Королева бросилась ему в ноги; он велел ей тотчас подняться: он хорошо знал ее и презирал.

* «Калошами» прозвали фрейлин Королевы, не живущих во Дворце, потому что они оставляют свои калоши у входных дверей.

** «В своей скверной шутовской манере», как написано в «Дневнике» Кардинала.

Король велел окрестить Дофина: кардинал Мазарини держал его на руках вместо Папы.

После смерти принца Анри де Конде,²¹ который, умирая, тоже выказал большую твердость духа, говорили, что не так уж это почетно — хорошо умереть, раз эти двое умерли хорошо. На похороны Короля шли, как на свадьбу, а навстречу Королеве — словно на пирушку. Ее жалели и не знали, что она собой представляет.

Герцог Орлеанский

Герцог Орлеанский в детстве был приятным, веселым ребенком, и лет семь-восемь тому назад, при встрече с малолетним Королем¹ и герцогом Анжуйским, его учили говорить им: «Не удивляйтесь, я был таким же приятным и веселым». Он совершил, однако, весьма нелепый поступок в Фонтенбло, повелев бросить в канал некоего дворянина, который, по его мнению, не выказал ему достаточной почтительности. Поднялся шум, ибо он не хотел извиняться перед этим дворянином, хотя ему приводили в пример Карла IX, который был Королем, — и тем не менее, узнав, что человек, коего он на охоте сгоряча ударил хлыстом (тот некстати попался ему на пути), является дворянином, Карл IX сказал: «Я ведь тоже только дворянин», — и принес ему свои извинения. Тот, однако, не пожелал больше появляться при Дворе. — Королева-мать хотела, чтобы Герцога высекли, и только это заставило его извиниться.

Герцог Орлеанский не раз жаловался на то, что в воспитатели ему дали только турка и корсиканца — г-на де Брева* и маршала д'Орнано, сына Альфонса, уроженца Корсики. Маршал этот обладал странной щепетильностью: он не осмеливался дотронуться ни до одной женщины, носившей имя Мария, — настолько он боготворил Пресвятую Деву. Влюбленный в г-жу де Гравелль, он велел написать ее портрет, на коем из глаз ее исходили лучи; внизу же было написано:

Из глаз ее как бы лучи лопались.

Герцог Орлеанский всегда отличался добротою, да и умом он не хромал. Однажды на утреннем приеме, где было много придворных, пропали особо любимые им золотые часы с боем. Кто-то сказал: «Надобно закрыть двери и всех обыскать». Герцог миролюбиво заметил: «Наоборот, господа, выпустите всех, а то как бы часы не начали бить и не выдали того, кто их себе присвоил». И он велел всем удалиться. Он встречается со знатными людьми и не поступает так, как поступает, говорят, герцог Анжуйский.

У герцога Орлеанского хорошая память: он знает наперечет все целебные травы. . . Самое прекрасное, что он сделал в своей жизни, это то,

* Он жил так долго в Константинополе, что стал совершенно магометанином.

что он хранил верность своей второй жене² и ни за что не соглашался с ней расстаться. Это жалкая идиотка.* Когда после смерти Кардинала их вновь поженили в Медоне, она плакала, ибо воображала, будто жила до той поры во грехе. Она красива, но зубы у нее испорченные, голову она втягивает в плечи. Правда, в танце она распрямляется и танцует красиво. Она — полная противоположность своей предшественнице, которая была непомерно горда. — Когда Король увидел, что она родила девочку, он весьма обрадовался и закричал: «Со щелкой!».

На какой-то пирушке, где каждый рассказывал что-нибудь смешное о кардинале де Ришелье,** г-н Шавиньи тоже рассказал одну историю. Герцог Орлеанский сказал ему с улыбкой: *Et tu quoque fili?*³ — ибо утверждали, будто Шавиньи — сын Кардинала, который в молодости переспал с г-жой Бутийе.*** Именно эта женщина принесла в дом удачу. Она определила своего мужа к Королеве-матери, и впоследствии он стал Суперинтендантом финансов. Она выхлопотала также должность коадьютора в Туре своему зятю.

Поговорим немного о его любовных увлечениях. Местье⁴ овдовел, еще будучи совсем молодым, и говаривал: «Я совершенно не гожусь для той игры в галантность, которая нынче все еще в моде и при которой надобно прикидываться больным, выглядеть бледным и падать без чувств». И в самом деле, у него всегда был румянец во всю щеку. Мне кажется, у него были любовные истории во Фландрии, но ничего достойного внимания. По возвращении во Францию он влюбился в красавицу по имени г-жа де Рибодон, жившую в квартале Сен-Поль. Она была из рода Бражелонов. По поводу этого увлечения были написаны куплеты:

От страсти к Рибодон наш герцог просто в раже,
Но брат, отец и муж всегда на страже, —
Как быть?.. и т. д.

И еще другие:

Он шепчет ей: Пойдем, пойдем,
Мы что-то сотворим вдвоем —
Та-ра-ра-ра-та-ра-ра!
Ага,
Мы сотворим рога!
Тон-тон!
И пусть их вечно носит он —
Супруг твой Рибодон!
Та-ра-ра-ра-та-ра-ра!
Красавица ему в ответ:
У вас, мой друг, чего-то нет —
Та-ра-ра-ра-та-ра-ра!
Ага!

* Которая тем не менее себе на уме.

** Герцог, которым всегда управляли другие, сетовал, что кардинал де Ришелье управляет его Августейшим братом.

*** Из рода Бражелонов.

Чтоб сотворить рога!
Тон-тон!
Нет, их носить не будет он,
Супруг мой Рибодон!
Та-ра-ра-ра-та-ра-ра!

В ту пору Герцог частенько играл в карты и обедал с дамами, жившими по соседству с этой красавицей. Он был весьма почитателен с г-жой де Рибодон, но, говорят, не получил от нее никаких знаков любви. Впоследствии она умерла, потому что недостаточно береглась. Она была хрупкого здоровья, а хотела делать все, что делали самые здоровые женщины.

После г-жи де Рибодон Месье любил одну девушку из Тура по имени Луизон Роже. Она принадлежала к одной из именитых семей города. Г-н де Монбазон еще прежде подарил ей маленькую серебряную подвеску, а Герцог преподнес ей большую. Девушка эта любила пошутить и отличалась живостью ума; однажды, беседуя с Герцогом, она вдруг воскликнула: «Боже мой! Большая подвеска Вашего Высочества чуть не проглотила подвесочку г-на де Монбазона». В течение двух лет она позволяла Герцогу говорить с нею лишь в присутствии двух чинных дам. Однажды Герцог притворился, будто хочет лишиться себя жизни. Родители девушки, трусливые и корыстные, закрывали глаза на все; в конце концов Герцог овладел ею. После этого она сразу же до того поглупела, что навещавшим ее знакомым городским дамам даже не предлагала сесть. Эта любовная связь доставила Герцогу много радости; но вскоре к ней примешалась ревность: л'Эпине, нормандский дворянин, который был в ту пору приближенным Месье, подвергся опале, а с ним и Луизон. Этот л'Эпине, как говорят, до того старался услужить своему хозяину, что полагали, будто он воспользовался ею первый. Он вел себя нескромно, и толки об этом дошли до ушей Короля. Людовик XIII не преминул высмеять своего Августейшего брата, который до той поры ничего не подозревал, хотя и отличался изрядной подозрительностью. В первый же раз, как Месье увидел свою красавицу, он заставил ее во всем признаться; л'Эпине, узнав об этом, был столь неосмотрителен, что вместо того, чтобы написать ей — он, мол, удивляется, как это она говорит обратное тому, что ей известно, — отправил Луизон через графа де Бриона письмо, в котором просил прислать ему прядь ее волос. Луизон отказалась получить это послание и известила о том Герцога. Он велел обыскать Бриона, но письма у него не нашли; когда же стали искать у него в доме, то обнаружили письмо в тюфяке его кровати.*

* Ларивьер говорил, будто Герцог Орлеанский нашел в кармане штанов г-на де Бриона письмо Луизон к л'Эпине. Он решил его заколоть кинжалом и сказал об этом покойному Королю,⁵ который на это согласился, ибо — помимо того, что был по природе немного жесток, — полагал, что такой пример удержит тех, кто отважится волочиться за г-жой д'Отфор; но кардинал де Ришелье, кото-

Изгнанный л'Эпине отправился в Голландию, где без труда получил доступ к королеве Богемии. Поскольку он появился у нее, обладая репутацией волокиты, к нему стали относиться как к человеку из ряда вон выходящему, а так как честолюбие заставляло его стремиться лишь к женщинам высшего круга, не ниже принцесс или любовниц принцев, поговаривают, будто он улепетил сначала мать, а потом и дочь — принцессу Луизу, ибо Луизы играли в жизни этого малого роковую роль. Ходит слух, будто девица забеременела и отправилась рожать в Лейден, ибо иначе об этом пошли бы толки. Принцесса Елизавета, ее старшая сестра, девушка добродетельная, обладавшая весьма незаурядными познаниями и гораздо более миловидная, чем Луиза, не могла стерпеть, что ее мать, королева Богемии, относится благосклонно к человеку, нанесшему такое оскорбление их дому. Она подстрекнула своих братьев напасть на него; но Курфюрст ограничился тем, что сбил с головы л'Эпине шляпу, когда тот, прогуливаясь как-то пешком, накрылся по приказу Королевы, поскольку накрапывал дождь. А самый младший из братьев, по имени Филипп,* воспринял это оскорбление острее других и однажды вечером, неподалеку от места обычных прогулок в Гааге, напал на л'Эпине, которого сопровождали еще двое, а Филипп был один. Они начали драться, но появились люди и развели их. Все стали советовать л'Эпине уехать, но он никак не хотел. Наконец, победив как-то с г-ном де Ла-Тюильри, французским посланником, он вышел на улицу с неким Деложем.** Если бы можно было предположить, что принц Филипп отважится убить его среди бела дня, л'Эпине непременно сопровождал бы кто-нибудь еще. И г-н де Ла-Вьевиль,*** который также отобедал у посланника, чуть было не пошел той же дорогой. На л'Эпине напали восемь или десять англичан в присутствии принца Филиппа. Делож не обнажил шпаги; л'Эпине защищался один, как только мог; но тело его пронзило столько шпаг, что они скрещивались внутри. Он попытался было убежать, но упал; и, стоя на коленях, продолжал сопротивляться, пока, окончательно обессилив, не испустил дух.

Что же до принцессы Луизы,**** г-жа де Лонгвиль, направляясь в Мюнстер, встретила с нею в Гааге и написала следующее: «Я видела принцессу Луизу, и не думаю, чтобы кто-нибудь позавидовал мученическому венцу л'Эпине». Касательно королевы Богемии можно лишь полагать, что она благосклонно взирала на то, чтобы ее дочь развлекалась.

рый принял участие в обсуждении, помешал этому. Герцог, однако, велел ночью расставить стражу вокруг дома Луизон, приказав убить л'Эпине, ежели тот появится.

* Впоследствии он был убит в сражении при Ретеле.

** Сыном г-жи Делож.

*** Ныне Герцог.

**** Она приняла католичество и ныне является аббатисой Мобьюссонского монастыря, где ведет праведную жизнь.

Л'Эпине был хорошо принят при Дворе принца Оранского, который не возражал, чтобы этот француз часто бывал с его сыном; он обладал изворотливым умом и, находясь в Голландии, непременно бы преуспел.

Меж тем бедная Луизон, видя, что Месье не хочет признавать своим рожденного ею сына, поступила в монастырь Ордена Визитандинок в Туре, раздала своим подругам все, чем обладала сама и что получила от Месье, оставив сыну лишь двадцать тысяч ливров, на доходы с которых его надобно было воспитывать, пока его не признают или же пока он не достигнет возраста, когда сможет пойти на войну.* Однажды мальчуган обнажил шпагу; кто-то из присутствовавших сказал ему: «Вложите ее в ножны, юный холоп: это верный способ добиться того, чтобы вас не признали».** (Месье был отнюдь не из храброго десятка). Луизон жилось хорошо; когда она уже была настоятельницей монастыря, ей однажды говорят: «Матушка, сложили четыреста туазов стен». — «Я этого не понимаю, — отвечает она, — сколько это будет локтей?». Всего четыре года назад Месье, проезжая через Тур, пожелал ее увидеть; супруга его этому помешала. Луизон послала Герцогине фруктов. Их дочь, м-ль де Монпансье, прониклась симпатией к ребенку, который был очень мил, и взяла его к себе. Герцог не собирается его признавать, ибо, помимо того что отцом он полагает Л'Эпине, пришлось бы тогда позаботиться о будущем мальчика.

В молодости Месье иной раз любил побуяннить и, шатаясь по ночам, поджег не одну будку уличного сапожника. Безансон, который впоследствии ушел от Герцога, однажды во время пирушки спел ему тут же сочиненные им куплеты в подражание модной тогда застольной песне, прославлявшей кабаки, рефрен коей кончался словами:

«Что хочет, все берет клинок,
Лишь был бы тверд и годен в дело».

Гастон, всем ведомо в миру,
Что вы знаток кабацких правил:
Ведите ж так свою игру,
Чтоб вас никто не обесславил.

Вы — бык, а вовсе не телок,
Разите в цель, разите смело:
Что хочет, все берет клинок,
Лишь был бы тверд и годен в дело.

Бло однажды сильно захворал; кто-то сказал Месье: «Вы едва не потеряли одного из ваших слуг». — «Да, — ответил тот, — хорошего дерьмового слугу». Бло, выздоровев, узнал про это и написал куплет, кончавшийся так:

* Сын Луизон был убит в Испании, будучи на испанской службе.

** Старый Ламбер, комендант Меца, прослужив весьма долго без единой царапины, говаривал смеясь: «Такой-то (имя я забыл), Герцог Орлеанский и я ни разу не были ранены, хотя и здорово дрались».

Ему не жаль дерьмового слуги,
А мне — дерьмовейшего господина.

Герцогу об этом доложили, он посмеялся и, ничуть не рассердившись, устроил в тот же день пирушку, на которую Бло был зван и где куплеты эти были пропеты более ста раз.

И этому самому человеку, позволяющему себе подобные шалости, свойственно глупейшее чванство: так, он не разрешает людям, едущим с ним в карете, надевать шляпы. Покойный Король открыто смеялся над этим обычаем. Герцог столь непоседлив, что застегивать на нем платье приходится на бегу. Он вечно носится со своей шляпой, теща свою спесь, вечно насвистывает и руку вечно держит в кармане штанов.

Ракан и другие чудаки

Ракан происходит из рода де Бюэй, его отец был кавалером ордена Святого Духа¹ и бригадным генералом. В тот самый день, когда у него родился сын, он приобрел поместье с мельницей, которое называется Ракан, и пожелал, чтобы ребенок носил фамилию по этому новому владению. В рассказе о Малербе я упоминал, как Ракан командовал жандармами² маршала д'Эффиа. Это давало ему средства к жизни, ибо отец оставил ему лишь изрядно запущенное состояние; к этому он всегда получал кое-какие деньги от г-жи де Бельгард, от которой он в конце концов унаследовал в земельных угодьях двадцать тысяч ливров из тех соток тысяч, коими она владела. Г-жа де Бельгард тоже происходила из рода де Бюэй. Когда Ракан получил это наследство, он был уже женат. Тем не менее ему порою приходилось весьма туго. Буаробер застал его однажды в Туре: там в ту пору находился Двор; Ракан трудился над песней для какого-то мелкого откупщика, который посулил ему ссудить двести ливров; Буаробер одолжил Ракану эту сумму. Ракан долго жил в плохоньком кабачке, и когда г-н Конрар предложил ему оттуда выехать, Ракан ответил: «Мне здесь хорошо, очень хорошо; обедаю я за столько-то, а вечером мне еще задаром супу наливают».

Я также рассказывал уже, каким образом он подружился с Малербом; обретя в нем отменного наставника, он извлек из этого такую пользу, что даже внушил тому зависть. В самом деле, Малерба упрекали, что он будто бы немного завидовал Ракану, когда тот написал прекрасные стансы под названием «Утешение г-ну де Бельгарду по случаю смерти г-на де Терма». * Вот эти стихи:

С надзвездной высоты, склонив к Олимпу лик,
Разглядывает он блистательных владык,
Фортуной избранных, не ведающих страха,

* Брат г-на де Бельгарда.

Людишек-муравьев бессчетные полки
На окровавленном комке земного праха,
Что, в суете своей, мы режем на куски.

Говорят, будто Малерб по злому умыслу не сказал Ракану, что тот в других стансах вложил в слово *Amour* понятие и божества и страсти. Ракан писал стихи, еще будучи пажом. Он говорит, что его весьма вдохновили комедии Арди, представления коих он видел в Бургундском дворце, куда ходил бесплатно. Он говорил также, что ему было от кого унаследовать поэтический дар, ибо и его отец и мать писали стихи; правда, они были отнюдь не хороши, особенно отцовские вирши. У Ракана их был целый том.

Стихотворение, которое начинается словами:

Он изнемог, он выбился из сил...

относится к этой поре: Ракан никогда не знал латыни, и это подражание оде Горация *Beatus ille*³ и т. д. написано по переводу, сделанному его родственником, шевалье де Бюзем, который собирался затем передать эту оду французскими стихами.

Никогда еще сила таланта не проявлялась столь ярко, как в этом стихотворце, ибо, если не считать его стихов, все в нем кажется несуразным. Лицом он напоминает фермера; он косноязычен и никогда не мог правильно произнести своей фамилии, — на его беду, звуки «р» и «к» он произносит хуже всего. Несколько раз ему приходилось писать свою фамилию, чтобы поняли, как она звучит. Впрочем, человек он добрый и бесхитростный.

Узнав, что этот самый нескладнейший Ракан, каким я его только что обрисовал, должен к трем часам дня явиться к м-ль де Гурне, чтобы поблагодарить ее за подаренную ему книгу (хоть та и звала его не иначе, как Обезьяной Малерба; впрочем она подарила свою книгу и Малербу, которого смертельно ненавидела), шевалье де Бюэй и Ивранд решили сыграть над ним и над бедной девственницей злую шутку. Де Бюэй отправляется туда к часу дня. Он стучит; Жамен докладывает своей госпоже, что ее спрашивает какой-то дворянин. Та в это время пишет стихи и шепчет, вставая: «Эта мысль прекрасна, но она может еще ко мне вернуться, а этот кавалер, возможно, уже и не придет». Он говорит, что его имя Ракан; она поверила этому, ибо знала Поэта лишь понаслышке.

Приняла она его, по своему обыкновению, весьма учтиво и поблагодарила его особенно за то, что он, такой молодой и красивый, удостоил своим посещением бедную старуху. Де Бюэй, который отличался остроумием, наговорил ей с три короба. Она была восхищена тем, что он в таком прекрасном настроении, и, услышав, что ее кошка мяучит, сказала Жамен: «Жамен, пойдите успокойте мою Плаксу, я хочу послушать г-на де Ракана». Не успел де Бюэй уйти, как является Ивранд. Найдя

дверь полуоткрытой, он входит и говорит: «Я позволил себе войти не спросив мадемуазель; но с прославленной м-ль де Гурне не подобает обращаться, как со всеми». — «Сей комплимент мне по душе, — воскликнула старая дева, — Жамен, дайте мои дощечки, я должна это записать». — «Я пришел поблагодарить вас, мадемуазель, за то, что вы оказали мне честь, подарив вашу книгу». — «Я, сударь? — ответила она, — да я вам ее вовсе не дарила, хотя мне и надлежало бы это сделать. Жамен, дайте одну „Тень“⁴ для этого господина», — «У меня уже есть ваша книга, мадемуазель, и я докажу вам это — в такой-то главе сказано то-то и то-то». После этого он говорит, что в благодарность принес ей книгу своих стихов; она берет их и читает. «Как это мило, Жамен, — замечает она, — Жамен в стихах понимает, сударь, она внебрачная дочь Амадиса Жамена,⁵ пажа Ронсара. Очень, очень мило; здесь вы подражаете Малербу, здесь — Коломби, но все это очень мило. Не скажете ли вы мне свое имя?» — «Мадемуазель, меня зовут Ракан». — «Да вы смеетесь надо мною, сударь!». — «Я? Мадемуазель, могу ли я смеяться над героиней, над названной дочерью великого Монтеня, над прославленной девой, о которой Липс сказал: *Videamus quid sit paritura ista virgo!*»⁶ — «Ну хорошо, хорошо, — говорит она, — стало быть, тот, кто был до вас, вздумал посмеяться надо мною, а быть может, это вы решили надо мною посмеяться; не в этом суть: молодости дозволено смеяться над старостью. Я очень рада была увидеть двух господ такой приятной внешности и столь остроумных». На этом они расстаются. Минуту спустя входит, запыхавшись, настоящий Ракан. Он страдал небольшой одышкой. «Мадемуазель, — говорит он безо всяких церемоний, — извините, но я сяду». Все это он произносит крайне неучтиво и заикаясь. «Что это за смехотворная личность, Жамен!» — говорит м-ль де Гурне. «Мадемуазель, через четверть часа я объясню вам, зачем я сюда пришел, только вот дух переведу. Какого черта вы забрались так высоко? О! — говорит он, тяжело дыша, — как высоко! Благодарю вас, мадемуазель, за ваш подарок, за вашу „Сень“, которую вы мне преподнесли, премного вам за нее благодарен». Старая дева тем временем смотрит на этого человека крайне презрительно. «Жамен, — говорит она, — разубедите этого бедного господина; я подарила мою книгу только тому-то и тому-то, только г-ну де Малербу и г-ну де Ракану». — «Да ведь это я, мадемуазель». — «Полюбуйтесь-ка, Жамен, на эту странную личность! Те двое были хоть забавны. А этот — попросту какой-то жалкий шут». — «Мадемуазель, но я в самом деле Ракан». — «Не знаю, кто вы такой, — отвечает она, — но вы самый глупый из всех трех. Черт возьми! Я не позволю над собою издеваться». Она уже в ярости. Ракан, не зная, что ему делать, замечает на столе «Сборник стихов». «Мадемуазель, — говорит он ей, — возьмите эту книгу, и я вам прочту все мои стихи наизусть». Но это не успокаивает хозяйку дома. Она кричит караул, сбегаются люди; Ракан повисает на лестничной веревке и соскальзывает вниз. В тот же

день м-ль де Гурне узнает всю правду. Она в отчаянии; она нанимает карету и на следующее утро, спозаранку, едет к Ракану. Поэт еще в постели и спит; она отдергивает полог. Увидев ее, Ракан спасается в чулан, и только после долгих переговоров его удаётся выманить оттуда. С той поры они стали наилучшими друзьями, она без конца просила у него прощения. Буаробер великолепно разыгрывает эту историю; пьеса называется «Три Ракана». Он играл ее перед самим Раканом, который смеялся до слез и все повторял: «Все плавад, все плавад».

О нем рассказывали и другие истории: это был один из самых больших чудаков, которые когда-либо жили на свете.

Как-то он решил повидать своего друга, который жил в деревне, и отправился к нему один верхом на большой лошади. По пути ему пришлось слезть с коня за некоей надобностью; не найдя колоды, с которой он мог бы снова сесть в седло, Ракан, незаметно для себя, доходит до того дома, куда ехал, и здесь, увидев колоду, вновь садится на лошадь и возвращается восвояси, продолжая витать в облаках.

На улице ему не раз случалось наталкиваться на встречных. Однажды, когда Малерб и Ивранд спали с ним в одной комнате, он, встав первым, надел штаны Ивранда, приняв их за свои подштанники; когда Ивранд захотел одеться, он не нашел своих штанов; их искали повсюду. Наконец Ивранд внимательно взглянул на Ракана, который ниже пояса показался ему толще обычного. «Ей, ей, — сказал он, — либо ваш зад со вчерашнего дня потолстел, либо вы напялили свои штаны поверх моих». И верно: Ракан глянул и обнаружил на себе штаны Ивранда.

Как-то Ракану вздумалось пригласить своего приятеля приора поохотиться на куропаток. Приор сказал ему: «Мне надо служить вечерню, а помочь мне некому». — «Я помогу вам», — говорит Поэт. И с этими словами Ракан, забыв, что у него на плече ружье, тут же поет с начала до конца хвалебный тропарь богородице.

Несколько раз он подавал милостыню своим друзьям, принимая их за нищих.

Однажды под вечер Ракан сильно промок. Явившись к г-ну де Бельгарду и полагая, что входит в его комнату, он вваливается в спальню г-жи де Бельгард и не замечает ее и г-жи де Лож, сидящих у камина. Те молчат, желая посмотреть, что станет делать этот рассеянейший чудака. Он велит лакею снять с себя сапоги и говорит ему: «Поди, почисти их, а я посушу здесь чулки». Он подходит к камину и преспокойно кладет свои чулки на локоны г-же де Бельгард и г-же де Лож, принимая их головы за прутья решетки; затем начинает греться. Обе дамы кусали себе губы, но наконец не выдержали и расхохотались.

Говорят, будто однажды он прохромал целый день, потому что часто прогуливался с неким хромым дворянином. Однажды утром он попросил у одного из своих друзей глоток вина натощак. Тот ему говорит: «По-

слушайте, вон там стоит рюмка гипокрасу,⁷ а рядом — рюмка с лекарством, которое мне надо сегодня принять. Смотрите же, не ошибитесь». Ракан, разумеется, вышивает лекарство, а так как его приятель позаботился сделать это снадобье возможно менее неприятным, Ракан решает, что вино плохое или оно выдохлось. Он идет к мессе, но в церкви у него вскоре начинается такое расстройство желудка, что ему с трудом удается добежать до знакомых. Большой же, который выпил рюмку, почувствовал лишь тепло в теле и не ощутил никаких позывов. Он послал к Ракану, и тот сообщил ему, что нынче он очищает себе желудок, не тратясь на аптекаря.

Ракан, при всем том, что сам витал в облаках, рассказывал всякие небылицы о рассеянности покойного г-на де Гиза. Однажды в Туре герцог де Гиз сказал ему: «Поедем на охоту». Ракан поехал и все время находился подле Герцога; а на другой день тот говорит: «Вы хорошо сделали, что не поехали: от наших собак мы ничего путного не дождались». Ракан, выслушав это, в следующий раз нарочно перепачкался, словно побывал на охоте с Герцогом. «О, вы поступили отлично, — сказал ему тот, — мы получили нынче огромное удовольствие».

Однажды, в ту пору, когда Ракан ухаживал за той, на коей потом женился и которая вышла за него только потому, что г-жа де Бельгард, по возрасту, уже не могла иметь детей и завещала поэту некоторое состояние, ему вздумалось навестить свою невесту за городом, для чего он надел платье из светло-зеленой тафты. Его слуга Никола́, который был бóльшим хозяином, чем он, говорит ему: «А ежели дождь пойдет, что станет с вашим светло-зеленым нарядом? Наденьте ваше платье из грубой шерсти, а неподалеку от замка, где-нибудь под деревом, вы переоденетесь». — «Хорошо, Никола́, — ответил Ракан, — я сделаю по-твоему, мой мальчик». Но только он начал натягивать на себя штаны в небольшом лесочке, поблизости от дома своей милой, как появилась она сама в сопровождении двух других девушек.* «О Никола́, — воскликнул он, — ну что я тебе говорил!». — «Черт возьми, — отвечал лакей, — да вы только поторапливайтесь». Его мидая хотела уйти, но подружки по злобе вытолкнули ее вперед. «Мадемуазель, — сказал ей наш влюбленный, — виноват Никола́; да говори же, Никола́, а то я не знаю, что сказать».

Когда пришла очередь Ракана выступить с приветственной речью в Академии, он явился туда, держа в руках совершенно разорванный клочок бумаги. «Господа, — сказал он академикам, — я думал принести вам вступительную речь, но моя борзая сука всю ее сжевала. Вот она: извлеките из нее все, что сможете, ибо наизусть я ее не знаю, а копии себе не оставил». Он единственный, кто захотел получить свой диплом

* (Вычеркнуто:) Заметив в каком он виде, все три громко вскрикнули и обратились в бегство.

академика, и когда его старший сын достаточно попрос, он повел его в Академию и заставил почтительно поклониться всем ее членам.*

Ракан рассказывает, что он как-то пообещал пистоль некоей своднице за то, что та познакомит его с молодой барышней; вместо этого она познакомила его с какой-то неряхой, которая ничуть не походила на барышню. Ракан дал своднице лишь монету в четырнадцать с половиной су, т. е. четверть монеты в пятьдесят восемь су: они были тогда более в ходу. — «Что это?» — спросила женщина. «Эти четырнадцать су, — отвечал Ракан, — вполне сойдут за пистоль, коли, по-вашему, служанка, которую вы подсунули мне, может сойти за барышню».

Однажды кто-то перевел ему несколько эпиграмм из греческой антологии; Ракан нашел, что они глупы, и с тех пор такие вирши называл «Стихи на греческий манер». В ту пору он как-то обедал у одного знатного сеньора, где подавали суп, в коем много было воды. Обращаясь к одному из своих друзей, с которыми они вместе читали эпиграммы, Ракан сказал: «Вот суп на греческий манер».

Один из его соседей подарил ему как-то прекрасные олени рога. Ракан велел своему лакею, сопровождавшему его верхом, отвезти их домой. Час был поздний, и Ракан стал торопить слугу; тот ему и говорит: «Сударь, мне не раз приходилось носить то, что вы велите мне взять, каких только рогов я не носил; вы, видно, не знаете, как это нелегко, а то не стали бы ко мне так приставать».

После своей женитьбы и смерти г-жи де Бельгард Ракан командовал эскадроном дворянского ополчения. Он рассказывает, что никак не мог добиться от своих ополченцев, чтобы они несли караул и выполняли всякую иную службу и днем и ночью; пришлось, наконец, вызвать пехотный полк и всех посадить под арест. Однажды на марше, не помню уж по какому поводу, протрубили тревогу; возвратясь от генерала (у которого в ту пору он был с докладом), Ракан увидел, что все его люди, как один, стоят наготове со шпагой в одной руке и пистолетом в другой, хотя, чтобы добраться до них, неприятелю понадобилось бы пробиваться сквозь девять эскадронов. Один даже всадил пистолетную пулю в плечо впереди стоящего товарища.

Чудак Ракан после смерти Малерба в течение двадцати лет не написал ни единого стиха. Наконец, как-то в деревне он вернулся к поэзии и сделал несколько, по его словам, наивных, а в сущности весьма безвкусных переводов псалмов. Впоследствии к уже напечатанным псалмам он написал Парафразы,⁸ где встречаются превосходные стихи, но все это уже не идет ни в какое сравнение с тем, что он писал когда-то.

Когда Ракан стал (в 1650 г.) опекуном малолетнего графа де Морана из рода де Бюэй, муж матери графа вызвал Поэта на дуэль. «Я очень стар, и у меня одышка», — говорит Поэт. «Противник будет драться

* См. «Историю Академии».

верхом», — заявляют ему. «Когда я надеваю сапоги, — ответил Ракан, — у меня делаются волдыри на ногах; к тому же я могу потерять двадцать тысяч дохода. Я велю нести за собой пшагу; если он упадет на меня, я стану защищаться. У нас с ним тяжба, а не ссора». Маршалы Франции сильно журили этого честнейшего человека.

Самым большим горем бедняги было то, что старший сын его глуп, а младшего, на коего он возлагал все свои надежды, он потерял. Этот мальчик был пажом Королевы и любимцем герцога Анжуйского. Однажды он сказал своему отцу: «Я бы очень хотел, чтобы Месье уплатили шестьсот экю, что полагаются ему на мелкие расходы; и мне бы тогда кое-что перепало». Этот мальчик всё норовил носить шлейф Мадемуазель. Сперва ее пажы на это ворчали; она же им сказала, что всякий раз, как паж Королевы захочет оказать ей, Герцогине, эту честь, она будет ему весьма признательна. Итак, он продолжал делать по-своему; пажы Мадемуазель, взбешенные этим, заставили тогда самого младшего своего товарища вызвать его на дуэль. За то, что они собирались драться, обоим хорошенько выпороли. Юный Ракан был как-то уполномочен товарищами попросить Королеву, чтобы им выдавались два «гусенка»⁹ вместо одного, ибо из тех двух, кои им полагались, королевский казначей одного «гусенка» удерживал. «Хорошо, — ответила Королева, — но вы сын г-на Ракана и потому получите ваших „гусят“ не раньше, чем попросите их у меня стихами». Все воображали, будто сыновья Ракана тоже поэты, и он никак не мог добиться, чтобы они носили другую фамилию. Отец написал за сына следующий мадригал, но написал его не в полную силу своего таланта:

Вам, о владычица, благоприятный рок
Вручил весны моей счастливейшие годы, —
Примите ж от меня и первый сей цветок
С тех склонов, где струит Пермес живые воды.
Когда бы получил в наследство от отца
Я вместе с именем и дивный дар певца,
Его назло врагам прославивший в отчизне, —
Вам вечность подарить стихами мог бы я,
Владычица моя,
Дарительница жизни.

Будучи в Париже по поводу одного процесса (1651), Ракан порой тосковал и не пропускал ни одного заседания Академии; он даже проникся к ней столь нежными чувствами, что уверял, будто, кроме господ Академиков, у него и друзей нет, а в страпчие взял себе зятя г-на Шаплена, ибо ему казалось, что тот доводится зятем чуть ли не самой Академии. Однажды он заговорил там с Шапленом и, принимая его за Патрю, предложил отвезти домой, поскольку привез его сюда. Шаплен учтиво отказался. Ракан выходит. Жена Ракана (она заехала за ним) спрашивает, когда они отъехали уже на порядочное расстояние: «А где же г-н Патрю? — «Ах, — сказал Ракан, — видишь ли, я-то думал, что говорю

с ним, а выходит, говорил с другим». Они повертели обратно, но Патрю уже ушел.

Этот славный человек становился скупым. В последний раз, когда он приезжал сюда, он не заходил к Патрю, он-то, который прежде виделся с ним каждый день, — из страха, что прошения, которые тот ему писал, могут обойтись дорого. Рахан плохо знал Патрю, тот и не подумал бы взять с него деньги.

Г-н де Бранка́

Г-н де Бранка́, сын герцога де Виллара, тоже большой чудака. Однажды в особняке Рамбуе, где он в тот день обедал, ему говорят, что его лакей просит его спуститься вниз; вернувшись, г-н де Бранка́ говорит: «Это он мой плащ принес». — «Ваш плащ? — спрашивают у него, — разве вы сюда пришли без плаща?» — «Нет, — отвечает он, — но вчера я надел плащ Море вместо своего». Плащ Море был бархатный, а плащ де Бранка́ — камлотовый.

Молясь богу, де Бранка́ говорил: «Господи, я предан тебе, как и всякому другому; я твой смиреннейший слуга, я служу тебе вернее, чем кому бы то ни было». Так вот, увлекшись, он произносит хвалу богу.

Как-то, когда он возвращался верхом к себе домой, грабители схватили его лошадь под уздцы. Де Бранка́ спрашивает: «Что это вам вздумалось, лакей? Отпустите мою лошадь!» — и понял, в чем дело, лишь когда они приставили к груди пистолет.

В Руане у него сломалась карета, и он заехал к г-ну Экто, сыну г-на де Беврона.* «Возьмите мою, а когда вашу починят, пришлите за ней». — «Отлично!» — отвечает Бранка́; он тотчас же садится в карету, из которой выпрягли лошадей, задергивает занавески и приказывает: «Домой!» Так он проводит целый час. Наконец, очнувшись, он начинает кричать: «Эй, кучер, что это ты все кружишь? Что ж это, мы нынче до дому так и не доберемся?». Услышав голос Бранка́, кучер подходит к нему и говорит: «Сударь, я впряг лошадей в другую карету и давненько уж вас поджидаю».

Его уверяют, будто в день своей свадьбы он зашел к содержателю бань и велел приготовить себе постель, сказав, что нынче будет ночевать здесь. «Вы? — удивились те, — не может быть!». — «Нет, я непременно приеду». — «Да в своем ли вы уме? — говорят ему, — ведь вы нынче ут-

* Буаробер рассказывал историю о г-не де Бевроне и его брате Круази. Он говорил, будто однажды в деревне лил дождь, который длился пять часов кряду; было это в апреле месяце. Братья все это время гуляли, только и говоря друг другу: «Братец мой, сколько сена! Братец мой, сколько овса!». Хотя дети де Беврона несколько умнее своего отца, им, когда идет сильный дождь, нет-нет и скажут: «Братец мой, сколько сена! Братец мой, сколько овса!». И они на это немного обижаются.

ром женились». — «Ах, правда, — отвечает он, — я об этом просто позабыл». Жена его была вдовою графа д'Изиньи, родственника покойной княгини Маргариты де Монморанси.

Рассказывают, будто однажды он улегся спать в четыре часа дня только потому, что увидел приготовленное постельное белье.

Как-то вечером, по выходе из Тюильри, он вскакивает в первую попавшуюся карету; кучер трогает лошадей и отвозит его в какой-то дом. Он поднимается в верхнюю комнату, так и не замечая, где он. Слуги владельца кареты приняли его поначалу за своего хозяина, который был с ним почти одного роста. Потом, оставив Бранка в доме, они бегут обратно в Тюильри и по дороге, к счастью, встречают его слуг и говорят им, где находится их хозяин.

Однажды, когда он служил в армии, сыграли ложную тревогу только для того, чтобы заставить его сесть на оседланную корову вместо своего коня. Как-то его привели в собрание в ночном колпаке.

Лафонтен

Молодой литератор, сочинитель стихов по имени Лафонтен — тоже большой чудак. Его отец, смотритель вод и лесов в округе Шато-Тьерри в Шампани, находясь в Париже по поводу одного судебного процесса, сказал ему: «Послушай-ка, сделай, да побыстрее, то-то и то-то: дело это спешное». Лафонтен выходит из дома и не успевает переступить порог, как начисто забывает все, что велел ему отец. Он встречает приятелей, и те его спрашивают, нет ли у него каких-либо дел. «Нет», — ответил он — и отправляется с ними в комедию. В другой раз, приехав в Париж, он привязывает к седельной луке большой мешок с важными бумагами. Мешок был привязан плохо и упал... Проходящий мимо почтарь подбирает его и, повстречав Лафонтена, спрашивает, не потерял ли он чего. «Нет, — отвечает тот, — ничего не потерял». — «Я вот мешок нашел», — говорит почтарь. «А, да это мой мешок! — восклицает Лафонтен, — в пем все мое богатство». Он прижимает мешок к груди и доносит до дому.

Как-то раз этот юноша шел ночью, в сильный мороз, на большом расстоянии от Шато-Тьерри, в легких белых сапогах и с потайным фонарем в руке. Еще как-то раз он решил увести сучку у жены Королевского наместника Шато-Тьерри, потому что эта сучка была хорошим сторожем; мужа не было дома, и Лафонтен спрятался под стол в спальне, покрытый махровой скатертью. Хозяйка оставила ночевать у себя свою подругу. Услышав, что эта подруга похрапывает, он подходит к кровати жены Наместника, которая еще не спит, и берет ее за руку. По счастью, она не закричала и тут же произнесла его имя. Его поступок показался ей проявлением столь нежных чувств, что, хотя Лафонтен и говорил, будто она позволила ему лишь кое-какие шалости, я-то думаю, что она уступила

ему во всем. Он ушел от нее прежде, чем проснулась подруга; и, поскольку в этих маленьких городках жители зачастую проводят время друг у друга, никто не нашел странным, что он вышел рано поутру из такого дома, куда всяк входил в любой час.

Потом отец женил сына, а тот пошел на это, не желая ему перечить. Жена Лафонтена говорит, будто он настолько витает в облаках, что порою почитает себя неженатым неделю три кряду. Это кокетка, которая вот уже некоторое время ведет себя весьма вольно; его это нисколько не беспокоит. Ему говорят: «Такой-то милуется с вашей женой». — «По мне, — отвечает он, — пусть каждый делает, что может; мне на это наплевать. Она ему надоест, как надоела мне». Его равнодушие бесит эту женщину. Она сохнет от тоски; он же влюбляется на каждом шагу. Когда некая аббатиса на время приехала в город, Лафонтен приютил ее у себя, и однажды утром его жена застала их вдвоем. Он так и не успел сделать того, что хотел, отвесил поклон и вышел.

Маркиза де Рамбуйе

Г-жа де Рамбуйе, как я уже говорил, — это дочь покойного маркиза Пизани и г-жи Савелли, вдовы одного из Орсини.¹ Ее мать была женщиной смышленной; она нарочно говорила с дочерью по-итальянски, дабы та одинаково владела и этим языком и французским. С этой дамою очень считались при Дворе, и Генрих IV посылал ее вместе с г-жой де Гиз, управительницей Дворцового штата Королевы, навстречу Королеве-матери в Марсель.² Она выдала свою дочь, не достигшую еще двенадцатилетнего возраста, за видама Манского,³ дав ей в приданое десять тысяч экю. Г-жа де Рамбуйе говорит, что с самого начала она считала своего мужа, бывшего в ту пору вдвое старше ее, человеком взрослым, сложившимся, а себя ребенком, что это представление навсегда у нее осталось и заставляло ее относиться к мужу с еще большим почтением. Ежели не считать тяжб, не было на свете мужа более обходительного. Маркиза признавалась мне, что он всегда был в нее влюблен и не верил, что можно быть умнее ее. По правде говоря, ему не так трудно было обращаться с нею обходительно, ибо все ее желания всегда были разумны. Тем не менее она клянется, что, когда бы ей позволили не выходить замуж до двадцати лет и не стали бы принуждать к этому и далее, она осталась бы в девицах. Я полагаю, что она способна была бы так поступить, когда вспоминаю о том, что уже с двадцати лет она отказалась от посещения Луврских ассамблей. Она говорила, что не видит ничего привлекательного в том, чтобы наблюдать, как люди толпятся у дверей, стремясь туда попасть, и ей случалось иной раз уходить в дальнюю комнату, дабы посмеяться над дурными порядками, существующими на этот счет во Франции. Не то чтобы она не любила развлечений, но она ценила их в узком кругу. Все это довольно странно для красивой моло-

дой женщины, к тому же весьма знатной. На выходе, который готовили Королеве-матери, когда по воле Генриха IV ее короновали, г-жа де Рамбуйе была одной из трех красавиц, которым непременно надлежало присутствовать при этой церемонии.

Она всегда любила все прекрасное и собиралась изучать латынь только для того, чтобы читать Вергилия, но болезнь помешала ей. Позже она уже об этом и не помышляла и ограничилась изучением испанского языка. Это женщина, искусная в любом деле. Она сама руководила работами по перестройке дворца Рамбуйе, дома своего отца.⁴ Недовольная теми чертежами, которые ей предлагались (было это во времена маршала д'Анкара, когда умели лишь располагать с одной стороны гостиную, с другой — спальню, а меж ними лестницу; к тому же площадь здания была крайне неправильной формы и довольно небольшой), она однажды вечером, после долгого раздумья, воскликнула: «Бумаги, скорей! Я придумала, каким образом сделать все так, как мне хочется». И сей же час сделала чертежи, ибо обладает врожденной способностью к черчению; стоит ей взглянуть на дом, как она сразу же рисует его план. Вот почему она столько воевала с Вуатюром из-за того, что тот неспособен был запомнить те прекрасные здания, которые ему доводилось видеть; это и послужило поводом для остроумной шутки по поводу дома Валантена⁵ в его письме к ней. Чертежу г-жи де Рамбуйе последовали со всей точностью. От нее-то и научились располагать лестницы сбоку, дабы получить большую анфиладу комнат, делать потолки выше, а окна и двери высокими и широкими, располагая их одни против других. И все это действительно так. Когда Королева-мать начала строить Люксембургский дворец,⁶ она приказала зодчим осмотреть дворец Рамбуйе, что явно пошло им на пользу. Маркиза первая придумала применять для отделки комнат не только красный или коричневый цвет, отсюда ее большая комната и получила название «Голубой».

Я уже упоминал, что принцесса де Конде и кардинал де Лавалетт были ее близкими друзьями. Дворец Рамбуйе представлял собою излюбленное место всех их развлечений и служил местом встречи для тех, кто слыл самым изысканным при Дворе или принадлежал к самым блестящим умам своего времени. И вот, хотя кардинал де Ришелье был безмерно обязан кардиналу де Лавалетту, ему хотелось, однако, знать о всех его помыслах, — так же, впрочем, как и о помыслах любого другого. Однажды, в то время как г-н де Рамбуйе находился в Испании, он направил к г-же де Рамбуйе отца Жозефа, который как бы ненароком повел разговор об этой испанской миссии и сказал, что, поскольку ее супругу поручены весьма важные переговоры, кардинал де Ришелье мог бы воспользоваться сим обстоятельством и оказать ему какую-либо важную услугу; но что для этого надобно известное содействие с ее стороны — и, в частности, Его Высокопреосвященству угодно просить ее о небольшом одолжении: первый министр, мол, не может не быть крайне осторож-

ным; короче говоря, Кардиналу желательно было бы узнавать через нее об интригах принцессы де Конде и кардинала де Лавалетта. «Отец мой, — ответила г-жа де Рамбуйе, — я не думаю, чтобы Принцесса и кардинал де Лавалетт занимались какими-либо интригами, но даже если бы они и занимались, я совершенно не гожусь для ремесла шпиона». Отец Жозеф здесь явно ошибся: на свете нет женщины более бескорыстной. Маркиза говорит, что она не знает большего наслаждения, чем посылать людям деньги так, чтобы они не знали, откуда они. В этом она даже выше тех, кто утверждает, что помогать — это радость королей, ибо она говорит, что это радость бога. Рассказывая мне об истории с отцом Жозефом, она заявила, — а на свете нет существа более прямодушного, — что никак не может примириться с тем, что священнослужителей берут себе в любовники наравне с другими. «Эта одна из причин, — добавила она, — почему я рада, что не осталась в Риме: ибо, хотя я была бы уверена, что никому не причиняю зла, я вовсе не была бы уверена, что обо мне не злословят, а ежели бы обо мне стали говорить, то, очевидно, злые языки сочтали бы меня с каким-нибудь кардиналом».

Не было друга более верного. Г-н д'Андийи, который считался великим знатоком дружбы, предложил ей однажды широко ознакомить ее с этой прекрасной наукой. Беседуя с Маркизой, он стал вдаваться в пространные поучения, она же, дабы разом покончить с этим, однажды сказала ему: «Я отнюдь не все делаю для своих друзей, но ежели бы мне стало известно, что где-то в Индии живет необычайно порядочный человек, я, даже не будучи с ним знакома, постаралась бы сделать все, что могло пойти ему на пользу». — «Как! — воскликнул г-н д'Андийи, — вы и это уже постигли! Мне больше не в чем вас наставлять».

Г-жа де Рамбуйе еще и по сей день умеет радоваться решительно всему. Одним из ее самых больших удовольствий было приводить людей в изумление. Как-то она решила порадовать г-на де Лизье, который этого никак не ожидал. Он отправился навестить ее в Рамбуйе. Там у подножия дворца тянется довольно большой луг, в середине которого, по прихоти природы, расположены полукругом большие скалы, а меж ними высятся раскидистые деревья, дающие весьма отрадную тень. Это то место, где, как говорят, с приятностью проводил время Рабле; кардинал дю Белле, которому принадлежало поместье, и господа де Рамбуйе, как его близкие родственники, нередко гостили здесь, и поныне еще некую закопченную скалу со впадиной называют «Котелком Рабле». Итак, Маркиза предложила г-ну Лизье погулять по лугу. Когда он подошел к этим скалам достаточно близко, чтобы различить то, что виднелось сквозь листву деревьев, он заметил, будто во многих местах что-то поблескивает. Он подошел еще ближе, и ему показалось, что это женщины и что они одеты нимфами. Поначалу Маркиза как будто не видела того, что видит он. И лишь подойдя к самым скалам, они обнаружили м-ль де Рамбуйе и других барышень, живших в доме и взаправду одев-

пихся нимфами, кои, сидя на скалах, являли собою самое пленительное зрелище. Милейший Лизье был столь очарован, что потом, встречаясь с Маркизой, каждый раз неизменно заводил разговор о скалах Рамбуйе.

Будь у Маркизы возможность тратить большие деньги, она бы устраивала, конечно, галантные сцены, которые обходились бы подороже. Я слышал из ее уст, что самой заветной ее мечтой было построить красивый дом в глубине парка Рамбуйе, причем в полнейшей тайне даже от своих друзей (а при желании это стало бы вполне возможно, ибо место там уединенное, а парк — один из самых больших во Франции и находится к тому же на расстоянии мушкетного выстрела от дворца, который представляет собою всего-навсего здание в античном вкусе); после этого она привезла бы в Рамбуйе лучших своих друзей, а наутро, гуляя по парку и хорошенько поведив их кружными путями, предложила бы им взглянуть на красивый дом, якобы недавно построенный ее соседом. «Я, — говорила она, — подвела бы их к моему новому дому и предложила бы его осмотреть, причем им не встретился бы там ни один из моих слуг, а только люди, которых они никогда не видели; наконец я пригласила бы их погостить несколько дней в этом прекрасном месте, владелец коего — мой достаточно хороший друг, чтобы позволить мне это. Вы только представьте себе, — добавляла она, — каково было бы их удивление, когда бы они узнали, что все это хранилось в тайне лишь для того, чтобы сделать им приятный сюрприз».

Она забавно подшутила над графом де Гишем, ныне маршалом де Граммоном. Он был еще совсем молод, когда начал посещать салон г-жи де Рамбуйе. Однажды вечером, когда он уже собирался откланяться, г-н де Шодбонн, самый близкий из друзей Маркизы, который был с графом на короткой ноге, сказал ему: «Граф, не уходи, отужинай». — «Господи, да вы шутите! — воскликнула Маркиза, — вы, верно, хотите, чтобы он умер с голоду!». — «Это она шутит, — откликнулся Шодбонн, — останься, пожалуйста». В конце концов Граф остался. В эту минуту, ибо все было заранее подстроено, входит м-ль Поле вместе с м-ль де Рамбуйе. Подают на стол, причем вносят такие кушанья, которые Граф не ест. За беседою у него не раз выспрашивали обо всем, что ему не по вкусу. Среди прочего был подан молочный суп и большой индюк. М-ль Поле превосходно сыграла при этом свою роль. «Граф, — говорила она, — вы, наверно, никогда не ели такого вкусного молочного супа; не угодно ли тарелочку? Боже мой! А индюка? Он нежен, как рябчик. Вы не едите грудки, я положу вам кусочек поподжаристее». Она старалась изо всех сил угодить ему. Графу оставалось только благодарить. Он был озадачен и никак не мог взять в толк, что значит этот незавидный ужин. Он сидел, разминая хлеб пальцами. Наконец, когда все вдоволь потешились, г-жа де Рамбуйе сказала дворецкому: «Принесите нам что-нибудь другое, Графу все это не по вкусу». И тут подали превосходный ужин, но без смеха дело не обошлось.

В Рамбуйе с ним сыграли еще одну шутку. Однажды вечером он съел очень много грибов, тогда подговорили его слугу, чтобы тот принес куртки от всех кафтанов,⁷ которые его хозяин привез с собою. Все эти куртки быстро сузили и отдали обратно. На следующее утро Шодбонн приходит к Графу, когда тот одевается; но вот он надевает куртку и видит, что она не сходится на целых четыре пальца. «Эта куртка слишком узка, — говорит он своему камердинеру, — дайте мне куртку от тигре кафтана, который я надевал вчера». Вторая куртка оказалась не шире первой. «Примерим их все», — сказал он; но все они были ему одинаково узки. «Как же так? — спросил он, — меня, должно быть разнесло? Неужто оттого, что я съел так много грибов?». — «Очень возможно, — ответил Шодбонн, — вечер вы съели их столько, что просто лопнуть можно. Все, кто к нему заходил, твердили то же самое, и вот что значит воображение: цвет лица был у Графа, как вы можете себе представить, такой же прекрасный, как и накануне; тем не менее ему стало казаться, что на щеках у него проступает какая-то нездоровая бледность. Звонят к мессе, дело было в воскресенье, Графу пришлось пойти в церковь в халате. После мессы его начинает не на шутку беспокоить мнимое вздутие живота, и он говорит с кислой усмешкой: «Нечего сказать, недурной конец — умереть в двадцать один год оттого, что переел грибов!». Когда увидели, как далеко зашло дело, Шодбонн сказал Графу, что, пока разыскивают противоядие, следует, по его мнению, воспользоваться рецептом, который сохранился у него в памяти. Он тотчас же написал его и отдал Графу. В записке значилось: «Возьми поострее ножницы и распори свою куртку». А некоторое время спустя, словно в отместку за Графа, м-ль де Рамбуйе и г-н де Шодбонн на самом деле наелись плохих грибов, и неизвестно, чем бы все это окончилось, ежели бы г-жа де Рамбуйе не нашла териака⁸ у себя в чулане, куда она на всякий случай заглянула.

У г-жи де Рамбуйе было шестеро детей: г-жа де Монтозье — старшая из них; г-жа д'Иер — ее вторая дочь; после них идет г-н де Пизани; был еще у нее красивый мальчик, который восьми лет умер от чумы. Его гувернантка навестила зачумленного и, выйдя от него, по глупости поцеловала мальчика; и она и ребенок умерли. Г-жа де Рамбуйе, г-жа де Монтозье и м-ль Поле ухаживали за ним до его последнего вздоха. — После него идет г-жа де Сент-Этьен, затем — г-жа де Пизани. Все дочери стали монахинями, кроме первой и последней — м-ль де Рамбуйе.

Пизани

Г-н де Пизани появился на свет красивым, белокурый, белолицым, прямым, но ему во время кормления неслучайно повредили позвоночник, и он вырос таким искалеченным, что ему невозможно было сделать корсет. Это уродство отразилось даже на чертах его лица; росту он

так и остался очень маленького, и это казалось тем более странным, что его отец, мать и сестры — все очень высокие; когда-то его родичей прозвали «елыми парка Рамбуйе», ибо все они, — уж не помню, сколько там братьев, — были высокого роста и не толстыми. Зато г-н де Пизани отличался большим умом и большим мужеством: опасаясь, как бы его не сделали духовным лицом, он совершенно не хотел учиться и даже читать по-французски, и тягу к чтению стал испытывать лишь позднее, когда напечатали перевод восьми речей Цицерона, три из коих перевел г-н д'Абланкур, а одну — г-н Патрю. Речи эти он любил и постоянно читал. Рассуждал он столь разумно, словно в голове его сосредоточена была вся логика на свете. Он был хитроумен и пользовался у дам порою большим успехом, нежели самые статные юноши; он испытывал несколько излишнее пристрастие к женщинам и к игре. Однажды, чтобы раздобыть себе денег, он уверил отца и мать, которые за все двадцать восемь лет провели в Рамбуйе одну только ночь, будто в парке много сухостоя и его надобно убрать; получив на то разрешение, он велел нарубить шестьсот погонных сажень дров из самого прекрасного, самого лучшего леса. В споре с принцем Конде, — а спорили они нередко, — г-н Пизани говорил: «Сделайте меня принцем крови вместо себя, и тогда будьте вы хоть тысячу раз правы, все равно в споре выиграю я». Он желал сопровождать Принца во всех его походах, хотя верхом маркиз де Пизани выглядел ужасно. Его называли вычным верблюдом из обоза Принца. В конце концов он был убит; случилось это в битве при Нордлингене.⁹ Пизани находился на фланге маршала де Граммона; фланг этот был смят. Шевалье де Грамон крикнул ему: «Сюда, Пизани, здесь не так опасно». Маркиз, как видно, не пожелал спастись в столь дурной компании, ибо Шевалье слыл большим трусом; Пизани поскакал в другом направлении и встретил кроатов, которые его убили.

Надобно вам рассказать о нем забавную историю. Г-жа де Рамбуйе, женщина тонкого ума, говорила, что нет ничего нелепее мужчины в постели и что ночной колпак — весьма дурацкий головной убор. У г-жи де Монтозье было еще большее отвращение к ночным колпакам: но самой яркой противницей этих злосчастных колпаков была м-ль д'Аркене, ныне аббатиса монастыря Святого Стефана в Реймсе. Однажды брат попросил ее зайти к нему в спальню. Едва она переступила порог, как он запер дверь на задвижку, и тотчас же из чулана выходят не то пять, не то шесть мужчин в ночных колпаках, покрытых, правда, белоснежными чехлами, ибо ночные колпаки без оных могли бы напугать ее и до смерти. Она вскрикнула и хотела убежать. «Боже мой, сестрица, — говорит он ей, — неужто вы думаете, что я затруднил вас понапрасну? Нет, нет, поужинайте с нами, прошу вас». И как она ни отговаривалась, пришлось ей сестре за стол и отведать ужина, который подавали эти мужчины в колпаках. Узнав об этом отвращении своей жены, маркиз де Монтозье вплоть до 1652 года, когда он был тяжело ранен

в бою при Монтансё, всегда спал с женою (а женат он был с 1645 года) без ночного колпака, хотя она даже просила надевать его. Оттого-то и пошли толки, будто подлинные «жеманницы»¹⁰ боятся ночных колпаков.

Вуатюр и Маркиз, как мы об этом скажем дальше, были очень дружны между собой. Однажды во время сильного мороза г-н де Пизани сказал кому-то: «Послушайте, на мне одна только рубашка». — «Что вы, бедный, делаете?» — спросил тот. «Что делаю? — переспросил маркиз, — дрожу от холода».

У дверей дворца Рамбуйе стоял обычно огромного роста нищий. Как-то, когда он просил подавания, Маркиза сказала: «Надобно подать бедняге милостыню». — «И не подумаю, — отвечал Пизани, — я хочу у него попросить взаймы. Говорят, у него больше тысячи экю».

Но вернемся к тому, что г-жа де Рамбуйе очень любила делать сюрпризы. Она распорядилась пристроить к дому просторный кабинет с тремя большими окнами, выходящими на три стороны: в сад больницы «Трехсот слепых»,¹¹ в сад особняка Шеврез и в сад дворца Рамбуйе. Его пристроили, затянули обоями и устали мебелью так, что никто из множества посещавших ее дом гостей ничего не заметил. Она заставляла мастеров перелезть через садовую стену и работать с другой стороны, ибо этот кабинет выступает над садом больницы «Трехсот слепых». Один только г-н Арно однажды из любопытства хотел подняться по лестнице, которую он нашел прислоненной к садовой стене; но он успел стать только на вторую перекладину, кто-то его окликнул, и он позабыл о своем намерении. И вот однажды вечером, когда во дворце Маркизы собралось большое общество, за шпалерами слышится шум, внезапно распахивается дверь, и м-ль де Рамбуйе, ныне г-жа де Монтозье, в великолепном наряде появляется на пороге роскошного и чудесно освещенного кабинета. Можете себе представить, как были поражены все присутствующие. Они знали, что за этой стеной находится лишь сад больницы «Трехсот слепых», а тут совершенно неожиданно для всех перед ними открылся прекрасный, замечательно отделанный кабинет — просторная комната, возникшая словно по волшебству. Несколько дней спустя г-н Шаплен втайне от всех повесил в кабинете веленевый свиток, на котором была начертана та самая ода, в которой Зирффея, королева Арженнская, говорит, что она построила эту лоджию, дабы укрыть Артенису от губительного воздействия времени,¹² ибо, как мы об этом еще скажем, г-жа Рамбуйе часто недомогала. Можно ли было после этого поверить, что найдется рыцарь, да к тому же рыцарь, ведущий свой род от одного из девяти храбрейших паладинов (Готффрида Буйонского), который без всякого почтения к королеве Арженнской и великой Артенисе лишит этот кабинет, впоследствии названный «Лоджией Зирффея», одной из самых больших его прелестей? Г-н де Шеврез вздумал пристроить к своему дому какую-то гардеробную, которая наглухо закрывала выходящее в его сад окно кабинета. Г-на де Шевреза стали корить за это. «Правда, — ска-

зал он, — г-н де Рамбуйе — мой хороший друг, добрый сосед, я даже обязан ему жизнью; но куда же прикажете мне девать свои платья?». Заметьте, что у г-на де Шевреза было еще сорок комнат.

В этом саду — вернее, в огороженной части этого сада — Маркиза, добившись на то позволения, велела насадить под своими окнами два ряда смоковниц, а между ними посеять траву. Г-жа де Рамбуйе хвалится, что она, мол, единственная в Париже видит из окна своего кабинета, как косят луг.

После смерти г-на де Рамбуйе г-жа де Монтозье сделала из комнаты своего отца великолепные и вместе с тем очень удобные покои. Когда они были окончательно отделаны, она решила это отпраздновать и пригласила свою матушку на ужин. Она, сестра ее де Рамбуйе и г-жа де Сент-Этьен, бывшая в ту пору в здешней обители, прислуживали Маркизе за столом, и ни один мужчина, даже г-н де Монтозье, не был на это торжество допущен. Г-жа де Рамбуйе позаботилась о некоторых улучшениях и в своем кабинете, который не менее прекрасен и столь же часто посещается; и я припоминаю, как при виде множества альковных ниш и молелен обеим, и матери и дочери, говорили, что им с каждым годом все больше удается перещеголять особняк г-на де Шевреза, дабы отомстить за поношение, нанесенное Зирфее.

Однажды г-жа де Рамбуйе, войдя в свой кабинет, заметила вдалеке высоко бьющий фонтан, которого прежде не замечала. Этот фонтан находился в партере сада, прилегавшего к апартаментам Мадемуазель.* Вид на этот партер открывался прямо из лоджии ее кабинета. Маркиза поняла, что фонтан расположен не так уж далеко и можно отвести от него воду в сад дворца Рамбуйе. Она обратилась к г-же д'Эгийон, дабы провести от нее водосток, ибо фонтан у дворца Рамбуйе одноструйный. Г-жа д'Эгийон некоторое время ей не отвечала. Желая напомнить о своей просьбе, Маркиза послала ей нижеприводимый Мадригал, ибо порою она сочиняла весьма недурно:

МАДРИГАЛ

Оранта, вы добры, то знают все на свете.
Так постарайтесь же, молю, чтоб струи эти,
Высоко бьющие в саду у цветника,
Не унесла с собой забвения река.

Однако оказалось, что вода к фонтану подведена была лишь затем, чтобы направить ее дальше к Кардинальскому дворцу. Поскольку этот водоотвод неизбежно должен был проходить мимо апартаментов Мадемуазель, приходилось из приличия уступать немного воды и ей, но водосток предназначался для заполнения большого круглого водоема перед Кардинальским дворцом.

* Там намеревались устроить бассейн, а потом об этом позабыли.

Пора поговорить о недомоганиях г-жи де Рамбуйе. Она страдала недугом, который имеет свою историю, ежели так можно выразиться, ибо люди, привыкшие судить о вещах лишь издалека, склонны полагать, что недуг этот связан с большим воображением.

Г-же де Рамбуйе было лет тридцать пять или около того, когда она заметила, что от огня у нее делаются какие-то странные приливы крови и начинается слабость. Она, которая так любила греться у камелька, не смогла совсем от этого отказаться, а напротив, как только вновь наступили холода, решила проверить, возобновится ли ее недомогание. Оказалось, что ей стало намного хуже. На следующую зиму Маркиза сделала еще одну попытку, но не могла уже близко подойти к огню. Через несколько лет она начала чувствовать себя так же плохо и на солнце, тем не менее ей не хотелось сдаваться, так как никто так не любил совершать прогулки по Парижу и любоваться его красивыми уголками. Однако от этого все же пришлось отказаться, во всяком случае в солнечные дни; однажды, когда Маркиза как-то направилась в Сен-Клу, она не успела еще дойти до Кур-ла-Рен, как лишилась чувств, и было отчетливо видно, ибо кожа у нее весьма тонкая, как кровь кипит в ее венах. С годами ее недуг усилился; я видел у нее рожистое воспаление, которое было вызвано переносной печкой, забытой по недосмотру под ее кроватью. И вот она обречена почти всегда сидеть дома и никогда не греться. Поневоле она вынуждена была воспользоваться такой испанской выдумкой, как альковы, которые нынче в Париже в большой моде. Гости уходят греться в прихожую; когда на улице холодно, Маркиза сидит на кровати, засунув ноги в мешок из медвежьей шкуры, и поскольку зимой на голове у нее несколько чепчиков, она говорит в шутку, что ко дню святого Мартына глохнет, а на Пасху снова начинает слышать. В пору больших и длительных холодов минувшей зимою она отважилась дать приказ развести огонь в небольшом камине, который сделали в ее маленькой спальне с альковым; со стороны кровати ставили большой экран, и, так как кровать стояла дальше от огня, чем прежде, до нее доходило лишь умеренное тепло. Продолжалось это, однако, недолго, Маркиза в конце концов снова почувствовала себя плохо; а нынче летом, когда стояла такая ужасающая жара, она едва не умерла, хотя дом ее весьма холодный.

В последний раз, когда Маркиза ездила в Рамбуйе, незадолго до дня Баррикад,¹³ она сочинила там несколько молитв для себя самой, превосходно написанных. Она попросила г-на Конрара, чтобы тот отдал их переписать некоему Жарри, который умеет подражать печатному шрифту и обладает прекраснейшим почерком на свете. Конрар велел ему переписать их на веленовой бумаге и, переплетя их как можно изящней, преподнести той, которая является их автором, ежели позволительно воспользоваться словом мужского рода, говоря о женщине. Этот Жарри наивно спросил: «Сударь, позвольте мне списать некоторые из этих молитв, а то в Часосло-

вах, которые мне иногда дают переписывать, встречаются такие глупые, что мне совестно их писать».

Во время этой поездки в Рамбуйе Маркиза устроила в парке нечто очень красивое, но она об этом и словом не обмолвилась, когда ее пришли проведать. Я так же попался на этом, как и другие. Шаварошу, управляющему поместьем, бывшему воспитателю маркиза де Пизани, было поручено все мне показать. Он заставил меня сначала исходить весь парк вдоль и поперек и, наконец, привел в одно место, где слышался сильный шум, словно от большого водопада. Мне всегда говорили, что в Рамбуйе одни пруды; представьте же себе мое изумление, когда я увидел каскад, фонтан и водоем, куда этот каскад ниспадал; затем другой водоем с бурлящей в нем водою, а за ним — большое четырехугольное сооружение, где имеется фонтан, бьющий необычайно широкой струей на огромную высоту, опять-таки с водоемом, который отводит всю эту воду на луг, где она и растекается. Добавьте к этому, что все эти описанные мною каскады и водоемы обсажены прекрасными тенистыми деревьями. Вся эта вода поступает из большого пруда, расположенного в более высокой части парка, и течет по трубе, конец коей торчит из земли и которую Маркиза придумала расположить так удачно, что каскад ниспадает среди ветвей огромного дуба, а те деревья, что растут позади него, столь искусно переплетены меж собою, что обнаружить эту трубу совершенно невозможно. Маркиза, желая поразить г-на де Монтозье, который должен был прибыть в Рамбуйе, приказала работать со всею возможной поспешностью. Накануне его приезда пришлось с наступлением ночи повесить на деревья фонари и светить рабочим факелами. Но, не говоря уже об удовольствии, доставляемом ей прекрасным зрелищем, которое являли собой все эти огни, мелькавшие сквозь листву деревьев и отражавшиеся в воде бассейна и большого четырехугольника, Маркиза испытала необычайную радость, предвкушая изумление, в какое придет на следующий день г-н де Монтозье при виде всего этого великолепия.

Г-жа де Рамбуйе всегда была склонна приписывать себе дар предугадывать некоторые события. Она рассказывала мне несколько случаев, когда ей удалось предугадать или предсказать что-либо. Когда покойный Король был при смерти, многие говорили: «Король умрет нынче», — потом: «Он умрет завтра». — «Нет, — говорила она — Он умрет в день Вознесения, как я говорила еще месяц тому назад». Утром этого дня сообщили, что Король чувствует себя лучше; Маркиза же упорно твердила, что он умрет нынче же; и действительно, к вечеру он скончался.* Маркиза его не выносила, он был ей чрезвычайно неприятен: что бы он ни делал, она всегда видела в этом нарушение приличий. М-ль де Рамбуйе (г-жа де Монтозье) говорила: «Боюсь, как бы ненависть моей матушки к Королю не навлекла бы на нее проклятие божье».

* Она также предсказала принцессе де Конде, что та родит в праздник Богородицы.

Как-то, глядя в окно на проселочную дорогу, она угадала, что подъезжающий всадник — аптекарь. Она послала спросить его об этом, и оказалось, что так оно и есть. Однажды м-ль де Бурбон и м-ль де Рамбуайе развлекались тем, что угадывали имена прохожих. Они подозвали какого-то крестьянина: «Куманек, вас случайно не Жаном зовут?». — «Точно так, барышни, я — Жан Болван, к вашим услугам!».

Она порою слишком учтива с такими людьми, которые того не заслуживают; но это — недостаток, которым обладают лишь немногие в наши дни, ибо учтивость нынче почти вовсе вывелась. Она уж слишком щепетильна, и слово «шелудивый», встреченное в сатире или эпиграмме, вызывает у нее, как она говорит, неприятное впечатление. При ней не осмелишься произнести слово «зад», и это уж слишком, когда чувствуешь себя непринужденно. Маркиз и Маркиза Рамбуайе всегда держались излишне церемонно.

Ежели не считать, что у нее немного трясется голова, — а все потому, что она в свое время потребляла много амбры, — Маркиза все еще отнюдь не безобразна, хотя ей уже семьдесят лет.* У нее прекрасный цвет лица, и глухие люди утверждают, будто из-за этого она и не желает глядеть на огонь, словно на свете не существует каминных экранов. Она говорит, что самым ее большим желанием было бы всласть погреться. Минувшей осенью, когда не было ни холодно, ни жарко, она поехала в деревню; но это с нею случается редко, да и находилась-то она в какой-нибудь полумиле от Парижа. От давнишней болезни губы у нее стали неприятного цвета, с той поры она всегда их красит; я бы предположил, чтобы она ничего с ними не делала. Впрочем, ум ее столь же ясен и память столь же отчетлива, как если бы ей было тридцать лет. Именно от нее я почерпнул наибольшую и наилучшую часть того, что мною написано и будет напечатано в этой книге. Маркиза читает целыми днями, совершенно не уставая, и это для нее самое большое удовольствие. Я нахожу, что она подчас слишком уж уверена, дабы не сказать резче, в том, будто род Савелли — самый знатный род в мире.

Вуатюр

Вуатюр был сыном виноторговца, поставлявшего вино ко Двору. Его отец был большим любителем игры в пикет; еще и поныне говорят: «У вас на руках „кварт Вуатюра“», — когда вам выпадут шестьдесят шесть очков, составленных четырьмя картами, кои образуют квартал, ибо наш игрок всегда бывал уверен, что он выиграет, если к нему приходил этот «кварт». Вуатюр был игроком иного сорта, нежели его отец, как это видно будет из дальнейшего.

* Она прожила семьдесят восемь лет и не внушала при этом никакого отвращения.

Еще в коллеже о нем заговорили: именно там он подружился с г-ном д'Аво, и эта дружба привела его затем к увлечению г-жою Сенто (в девичестве Вион). Вот как это произошло. Однажды вечером г-н д'Аво встретил ее на ярмарке, где она очень веселилась. На ней была маска, она была ослепительно хороша и так и норовила блеснуть своим живым умом. Это настолько пленило г-на д'Аво, что он написал об этом в письме к Вуатюру. Невзирая на мужа, крайне ревнивого (тот был казначеем Франции), г-н д'Аво стал бывать у нее. Вуатиор провожал его до дверей, но входить в дом ему воспрещалось. Ожидая своего приятеля в карете, дабы не околачиваться у порога, он пристроился к соседке, от которой имел впоследствии дочку, известную под фамилией Латуш. Дочь была в услужении у маркизы де Сабле, а затем у г-жи Лепаж. Наконец и Вуатиор был принят г-жою Сенто, а вскоре после этого умер ее муж. Вуатиор был уже известен (он успел опубликовать в виде предисловия к Ариосто то самое письмо, которое было написано им за одну ночь и привлекло к себе такое внимание), когда г-н де Шодбонн встретил его в обществе и сказал: «Сударь, вы слишком изыскашны, чтобы оставаться среди простых горожан, мне надобно вас оттуда вытащить». Он поговорил о нем с г-жой де Рамбуйе и вскоре привел его к ней. Об этом Вуатиор и упоминает в одном из своих писем: «С той поры, благодаря господину де Шодбонну, я как бы заново родился в доме г-жи и мадемуазель де Рамбуйе». Обладая приятным умом и вполне светским обхождением, он вскоре стал душою общества, собиравшегося у этих знаменитых дам: его письма и стихи достаточно говорят об этом. Любовная связь с г-жою Сенто продолжала идти своим чередом, беседы с Вуатиором отшлифовали ее ум. Мы узнаем из одного письма Вуатиора, что вначале она говорила *pitoable* и *gausser*,¹ а «хмурый» почитала дурным словом. В конце концов она стала неплохо писать письма; их были целые тома, они ходили по рукам. По возвращении из Фландрии Вуатиор возобновил свою любовную связь. Он ходил менять белье к Люилье, жившему по соседству с г-жой де Сенто, только для того, чтобы об этом стало известно, ибо он весьма чванился своими легкими победами. Разразился довольно большой скандал, и братья г-жи Сенто — Гайоне, д'Алибре и д'Уэнвиль — наговорили ему грубостей, а однажды едва не выбросили его из окна. Это на некоторое время отвадило Вуатиора от его возлюбленной.

В отсутствие Вуатиора она, дабы заставить его вернуться, принимала ухаживание некоего бретонского дворянина по имени Ла-Гюноде. И он в самом деле вернулся. Она меж тем начала льстить себя надеждою стать г-жою Ла-Гюноде, ибо в Бретани почитали Ла-Гюноде очень важным сеньором — чуть-чуть пониже Короля. Потому-то она и задумала выйти за него, хотя этот человек был полной противоположностью Вуатиору. Ей хотелось иметь Ла-Гюноде мужем, а Вуатиора любовником. Что касается Ла-Гюноде, он был так же ревнив, как и Вуатиор.

Не зная, на что решиться, Сенто пошла на исповедь, дабы господь бог внушил ей, как поступить. В монастыре Босоногих кармелитов, куда она отправилась, ее охватило какое-то безумие, она стала вещать чудеса, разгадывать тайны. Потом некоторое время она провела в одиночестве, к ней никого не допускали. Это безумие (говорят, будто она заболела нервической болезнью с досады, что ей не удалось заполучить в мужья Ла-Гюноде) сменилось безудержным желанием женить на себе Вуатюра; он же в свою очередь делал все возможное, чтобы излечить ее от этой пустой мечты. Он отверг ее, отказался получать от нее письма, не виделся с ней многие годы — все напрасно. Эта нервическая болезнь привела к тому, что бедная женщина, бывшая и без того не слишком хорошей хозяйкой, запустила свои денежные дела настолько, что, когда ей пришлось отчитываться перед своими двумя зятьями, оказалась у них в долгу. Они же, увидев это, воспользовались сим обстоятельством и сделали все, что могли, чтобы убедить ее дать им письменное заверение никому не отчуждать свое имущество и не утруждать себя отныне какими-либо отчетами; она и слушать не хотела. В конце концов, обнаружив, что она старательно копит деньги на отъезд, они учреждают над ней опеку. Тем не менее она уезжает и отправляется к г-же де Фенестро, своей подруге, живущей между Сабль-д'Олонн и Нантом. Там ее вдруг осеяет, что эта дама, которая немного склонна умничать, быть может, тоже влюблена в Вуатюра, слишком уж она расхваливает его стихи. Не сказав ни слова, она уезжает от подруги и в тележке добирается до Нанта, а оттуда — вверх по течению Луары до Орлеана. Из Орлеана, минуя Париж или, во всяком случае, не останавливаясь там, она едет во Фландрию. В Брюсселе она устраивается к швее, чтобы научиться шить воротники, а затем поступить в услужение к г-же де Гиз (графине де Боссю), потому что у них де схожие судьбы.² Но г-жа де Гиз не пожелала взять ее к себе, и вот Сенто снова в Париже. Стоило ей увидеть на улице двух людей, идущих вместе, как она подходила к ним и спрашивала: «Ведь он неблагодарный, не правда ли?» — ей казалось, будто все только и говорят что о ней и Вуатюре.

Между тем Вуатюр, которого королева Польская³ знала еще с давних пор, просил и получил разрешение состоять при ней на время ее пребывания во Франции. Г-жа Сенто, опасаясь, как бы ее вероломный возлюбленный не поехал в Гамбург, а то и дальше, решает следовать за ним. В Сен-Дени постоянные дворы оказались переполнены, а экипаж ее имел столь жалкий вид, что ее приняли за потаскушку, и ей пришлось заночевать вместе со служанкой в своей наемной карете. Это ее не обескуражило; она добралась до Перонна, но дальше не поехала, ибо Вуатюра там не оказалось. За все время путешествия она так и не могла добиться у своего сурового возлюбленного и пятнадцатиминутной встречи. Одна из подруг Сенто, пытавшаяся излечить ее, пришла однажды к ней в комнату на третьем этаже и застала ее лежащей в очень грязной постели — это

ее-то, Сенто, самую чистоплотную женщину в Париже. Бедная помещанная сказала ей: «Я видела давеча женщину, которая столь же несчастна, как я; она уже в годах и вышла вторично замуж за молодого человека, который с ней грубо обращается». — «Странно об этом слышать! — говорит подруга, — эта женщина наказана за свое безумство». — «Вот за это-то, — отвечает покинутая любовница, вся в слезах, — ее мужу и надобно любить ее еще сильнее, ибо те, ради коих мы совершаем безумства, должны быть вечно у нас в долгу». И она продолжала отстаивать эту нелепую мысль в течение всей беседы.

Остальные подробности этой истории придется отнести к концу нашего рассказа, поскольку мы несколько забежали вперед.

Вуатюр ухаживал также за г-жою де Лож, маркизой де Сабле и другими. Г-жа де Лож любила его: она первая начала писать стихотворение с рифмами на *-ture*, которое затем стало называться «Портретом жалостного Вуатюра», ибо у него всегда был насморк и он беспрестанно жаловался и всех решительно жалел. К этим стихам что-то добавил г-н де Рамбуйе, а в 1633 или 1634 году кто-то приписал к ним еще несколько оскорбительных строк на ту же рифму, на что Вуатюр сетует в письме к Костару. Что до меня, я склонен думать, что строки эти добавил покойный Мальвиль: помимо того что они написаны в его манере, впервые сообщила мне о них женщина (м-ль Верон), с которой Мальвиль был весьма дружен. Она прочла мне их наизусть, поскольку тщательнее заучивала все, что он писал; в этих стихах, кстати, говорится о Вуатюре:

Он Александр в архитектуре
И он же Демосфен в скульптуре и т. д.

Эта дама, притязавшая на остроумие и начитанность, говорила так:

Он Демитен в архитектуре.

Вуатюр был росту небольшого, но ладно сложен и хорошо одевался; когда ему случалось бывать среди незнакомых людей, он почти всегда молчал. Однажды д'Абланкур спросил у г-жи Сенто еще в ту пору, когда она была в своем уме, чем ее пленяет человек, столь неразговорчивый. «Ах, — отвечала она, — он бывает так мил с женщинами, когда захочет!». Но даже в том обществе, где он хотел нравиться, он далеко не всегда бывал одинаков и нередко витал в облаках, это с ним вообще часто случалось. Когда Вуатюр бывал удручен, он тем не менее появлялся в обществе, но был очень скучен и, можно сказать, порою становился всем в тягость. Иной раз Вуатюр бывал столь бесперомонен, что однажды, желая отогреть ноги, он в присутствии принцессы де Конде снял свои калоши. Уже достаточно бесперомонным было то, что он в них ходил; но, право же, такое поведение — единственный способ заставить именитых господ считаться с тобой: мы увидим дальше, что он и разговаривал

с ними довольно непринужденно. Рассказывают, будто кто-то из принцев — думаю, что это был принц де Конде, герцог Энгиенский, — сказал: «Принадлежи Вуатюр к нашему кругу, он был бы невыносим».

Г-жа де Рамбуйе говорит, что Вуатюр был бескорыстен и лишь небрежное отношение к друзьям заставило многих из них от него отвернуться; что поведение Поэта всегда ее забавляло и что она, как только замечала в нем желание побеседовать, предоставляла ему эту возможность, а когда на него находила задумчивость, делала все, что было ей надобно, словно его здесь и нет.

В выражении его лица было что-то простодушное, чтобы не сказать глуповатое, и вы бы сказали, что, беседуя с людьми, он потешается над ними. Я находил его не слишком учтивым, и мне казалось, будто он во всем стремится дать почувствовать свое превосходство. Он был самым кокетливым человеком на свете. Главным его увлечением в жизни были любовь и игра в карты. Он играл с таким азартом, что к концу партии каждый раз вынужден был менять рубашку. Он усердно развлекал общество во дворце Рамбуйе. Всегда он успевал увидеть нечто такое, чего не видели другие; поэтому стоило ему прийти, как все собирались вокруг него, дабы его послушать.

Вуатюр делал вид, будто сочиняет экспромт. Может быть, так не раз и бывало, но иногда он приносил с собой и заранее написанные стихи. При всем том он был весьма остроумен, и мы обязаны ему тем, что он многих научил выражать свои мысли изящно. Это от него пошло искусство остроумной шутки; но большего у него искать не приходится, ибо то, что он пишет, серьезно, дешево стоит, а письма его, за исключением нескольких непринужденно звучащих мест, обычно плохо написаны. Напрасно из них не вычеркнули хотя бы грубых скабрёзностей.⁴ Должно быть, он этого опасался, ибо за полгода до смерти сказал г-же де Рамбуйе: «Вот увидите, найдутся со временем глупые люди, которые станут разыскивать все, что я написал, а затем публиковать; вот почему мне хотелось бы кое-что исправить». Надобно также признать, что Вуатюр первым ввел в поэзию чрезмерную вольность: до него никто не писал стансов с неравным количеством строф и с нарушением размера.

Корнель своими последними пьесами тоже испортил драматические сочинения, ибо ввел в них декламацию.⁵

Вуатюру было свойственно забавное заблуждение: ему казалось, что, преуспев в делах любовных, он сумеет преуспеть и в остальном и что к человеку, обладающему здравым смыслом, все знания приходят сами собою, без какого-либо изучения. Поэтому-то он почти никогда ничего и не изучал. Будучи слегка влюблен, он бывал весьма занимателен и тогда расточал одни любезности; но когда ему случалось сильно влюбиться, он вел себя преглупо. Волокитой он был изрядным: однажды — рассказывала мне м-ль де Шалэ — еще в ту пору, когда она была наставницей м-ль де Кервено, Вуатюр, придя к ней в гости, вздумал строить куры

ее воспитаннице, которой было всего двенадцать лет. В этом м-ль де Шалэ ему помешала, но разрешила вволю любезничать с младшей сестрой де Кервено, которой шел только восьмой год. Потом м-ль де Шалэ ему сказала: «Там внизу есть еще служанка, шепните и ей словечко мимоходом».

Известно, что Вуатюр был многим обязан кардиналу де Лавалетту и считался его наперсником; однако, поскольку Кардинал любил прикидываться весельчаком, хоть это ему плохо удавалось, Вуатюр говорил де Лавалетту напрямик все, что он об этом думает, подчас и при свидетелях.

Маршал д'Альбре, которого звали в ту пору Миоссансом, долгое время сам не понимал, что говорит, и нес совершеннейшую чепуху; никто не мог уразуметь, что он хочет сказать, при всем том, что человек этот был вовсе не глуп. Впоследствии он избавился от этого недостатка. Однажды, когда во дворце Рамбуэе собралось большое общество, Миоссанс проговорил целых четверть часа в своей обычной манере; Вуатюр резко напал на него, заявив: «Черт меня побери, сударь, если я понял хоть одно слово из того, что вы сказали. Вы и дальше собираетесь молоть подобный вздор?». Миоссанс ничуть на него не рассердился, а только ответил: «Ах, сударь мой, господин Вуатюр, пощадите же хоть немного своих друзей». — «Право же, — отпарировал Вуатюр, — я так долго щадил вас, что мне уже это наскучило».

С покойным г-ном де Шомбером Вуатюр обращался примерно так же, хотя тот был умен, хорошо писал и только беседа давалась ему с трудом. Вуатюр потешался над ним при каждом удобном случае, а тот в ответ только смеялся. Судя по стихам, обращенным к королеве Анне: «Я мнил...» и т. д., — можно убедиться, что Поэт не щадил даже ее, ибо открыто говорил о ее любви к герцогу Бекингеу. Как он позволял себе разговаривать с принцем де Конде, достаточно ясно видно из его известного ответа на послание к г-же де Монтозье.⁶

Во время всяких празднеств во дворце Рамбуэе и во дворце Конде Вуатюр всегда развлекал общество то водевилями, то приходившими ему на ум веселыми шутками. Однажды, когда Поэт с целой компанией возвращался из Сен-Клу, кучер вывалил их. В карете было восемь человек. Тут Вуатюр, сидевший с того боку, на который карета упала, увидел, что никто ни на что не жалуется, и стал кричать, что у него сломана нога; м-ль Поле, ехавшая в том же экипаже, сказала ему: «Вы ошибаетесь, не нога, а рука, ибо падая так, как упали вы, можно сломать себе только руку, но никак не ногу». — «Мадемуазель, — ответил он холодно, — каждый знает, что у него болит; я чувствую, что сломал ногу». Она пыталась доказать ему обратное, но тут, видя, что хотят послать за лекарем, ибо это случилось неподалеку от деревни, Вуатюр расхохотался во все горло и заявил, что и руки и ноги у него совершенно целы.

Увидев как-то на улице Сен-Тома двух поводырей с медведями в намордниках, он их потихоньку вводит в спальню г-жи де Рамбуэе, где

она читала, сидя спиной к ширмам. Животные пытаются взобраться на ширмы; на шум она оборачивается и видит у себя над головою две медвежьих морды. Будь у нее лихорадка, она бы мгновенно прошла, не правда ли? С графом де Гишем он, по совету г-жи де Рамбуйе, поступил и того хуже. Граф как-то ему сказал, что де ходят слухи, будто он, Вуатюр, женат, и спросил его, так ли это. И вот под этим предлогом Вуатюр однажды разбудил его в два часа пополуночи, заявив, что пришел по неотложному делу. «Ну, что такое случилось?» — спрашивает Граф, протирая глаза. «Сударь, — отвечает Вуатюр вполне серьезно, — намеренны вы оказали мне честь, осведомившись, женат ли я; так я пришел сказать, что я в самом деле женат». — «Тьфу, пропасть! — восклицает Граф, — как дурно с вашей стороны, что вы помешали мне спать!». — «Сударь, — ответил Вуатюр, — я был бы просто неблагодарным, если бы позволил себе долее быть женатым, не сообщив вам об этом, особенно после того, как вы столь любезно осведомились у меня о моих семейных делах».

Г-жа де Рамбуйе как-то ловко провела и его самого. Вуатюр написал сонет, который казался ему недурным; он передал его г-же де Рамбуйе, та велела отпечатать этот сонет с сохранением всех особенностей вензеля автора и прочего, а затем искусно вплела его в сборник стихов, вышедший уже сравнительно давно. Вуатюр находит эту книгу, которую нарочно оставили раскрытой на должной странице, несколько раз перечитывает сонет, затем вполголоса читает свой собственный, дабы проверить, нет ли между обоими какой-нибудь разницы; в конце концов это его так запутало, что ему стало казаться, будто он когда-то этот сонет читал и что он вовсе не сочинял его, а только припомнил; наконец, вдоволь насмеявшись, его вывели из заблуждения.

Маркиз де Пизани и Вуатюр держались всегда вместе: они очень любили друг друга, отличаясь одними и теми же склонностями. Желая сказать: «Что до нас, мы этого не делаем», — они говорили: «У нас в полку это не принято». Они вечно над кем-нибудь подшучивали, и во дворце Рамбуйе всегда было шумно и весело. Часто они придумывали какие-нибудь дурачества, чтобы всех насмешить. Однажды после обеда у Вуатюра начался приступ колики, коим он был подвержен; он поднимается в комнату старой компаньонки Маркизы, ибо ежедневно обедал у дворца Рамбуйе (хотя в иной год у него приходилось на стол восемнадцать тысяч ливров: он получал хорошее содержание по должности старшего чиновника Финансового ведомства, пока г-н д'Аво занимал пост Суперинтенданта; помимо того, он занимал еще три небольшие должности: у Месье он докладывал о приезде послов, у Мадам был штатным дворянином свиты и дворецким, а принц де Конде нередко определял его на три месяца дворецким к королю. Ему дорого обходилась игра в карты). В этой комнате он пробыл довольно долго, но колики все не проходили; компаньонка, дабы он мог добраться до дому, — а жил он напротив, — дает ему свой подбитый мехом шлафрок. В то время как он в таком виде проходит через залу,

довольно обширную, туда случайно входит г-жа де Рамбуе и не может издали понять, что это такое — мужчина в женском шлафроке, окруженный женской прислугой, весь обвязанный полотенцами, бледный, но который при этом не может не смеяться, видя ее изумленное лицо; появляется м-ль де Рамбуе и, полагая, что Вуатюр придумал весь этот маскарад, чтобы посмеяться, кричит ему: «Вуатюр, что вы такое придумали? Это вовсе не забавно и совсем не смешно, мне, право, жаль вас».

Вернемся к проделкам маркиза де Пизани и Вуатюра. Мне рассказывали, — но я не поручусь, что это правда, — будто однажды, в то время как они вместе с г-ном Арно развлекались на прогулке тем, что старались угадать по внешнему виду человека его занятие, проезжает карета, в которой сидит какой-то мужчина, одетый в платье из черной тафты и в зеленых чулках. Вуатюр говорит и готов в том побиться об заклад, что это советник Палаты косвенных сборов; с ним идут на спор, но с условием, что он сам спросит этого человека. Вуатюр слезает с коня и подходит к сидящему в карете с вопросом и в оправдание говорит, что поспорил. «Спорьте и дальше, — отвечает ему тот холодно, — что вы дурак, и вы никогда не проиграете».

В то время как г-н д'Аво был в Мюнстере, маркизе де Сабле, не помню уж по какому случаю, понадобилось ему написать; она говорит Костару: «Составьте-ка мне письмо». Он составил; она нашла его столь напыщенным, что написала другое и отправила его. Г-н д'Аво написал в Париж, что получил от Маркизы чудеснейшее письмо; Костар, попав впросак, решает, что речь идет о его письме, и, бесстыдно хвастаясь, показывает всем копию. Вуатюр читает ее и не находит в ней ничего чудесного; он говорит об этом Маркизе, и та открывает ему правду. Он снимает копию с ее письма и таким образом утирает нос Костару, хотя и добродушно.

Вуатюр преспокойно ездил к ле Эрти, сидевшему в доме для умалишенных, и беседовал с ним. Этот сумасшедший величал себя «Главным прево божественного правосудия в аду».

А вот еще одна забавная история. На улице Сент-Оноре, неподалеку от больницы «Трехсот слепых», жил один человек, к которому Вуатюр повадился ходить в отхожее место; оно так пришлось ему по вкусу, что он способен был дать крюк в целых четыре улицы, лишь бы зайти туда оправиться, хоть с человеком этим был почти незнаком, и делал это бесцеремонно, даже не испрашивая его разрешения. Хозяину это надоело, и он навесил на дверь нужника большой замок, а потом и засов, который отпирался только ключом. Вуатюр все же умудрялся туда попадать; дело дошло до ссоры, и Вуатюр стал ходить оправляться в другое место.

Кстати о ссорах: самая большая размолвка у м-ль Поле произошла именно с Вуатюром.

Когда он находился в Испании, м-ль Поле, чтобы его развлечь, послала ему без особого разбора все, что она могла достать. Выкупать такую

громадную посылку всякий раз обходилось ему недешево. Это начало ему надоедать. Ему было также досадно, что г-н Годо и г-н де Шандевиль, высокий, статный молодой человек, племянник Малерба, а стало быть — стихотворец, за время его, Вуатюра, отсутствия завоевывали большое расположение м-ль Поле, а быть может и м-ль де Рамбуйе. В день своего возвращения из Фландрии он позволил себе по отношению к м-ль Поле дерзкую выходку. Он ей написал, что приезжает тогда-то и будет счастлив видеть ее в тот же день во дворце Рамбуйе. Вечером, провожая м-ль Поле домой, Вуатюр не мог не заговорить с нею о Шандевиле, которого он назвал Адонисом,⁷ добавив, быть может, к этому кое-что и о Венере. Львица разъярилась, целых два года они не виделись, наконец он снова пришел к ней, но она его так и не простила. Говорят еще, но не знаю, случилось ли это до или после упомянутой ссоры, будто однажды, когда Вуатюр был у м-ль Поле, на него напала сильная хандра из-за того, что к ней пришло много неприятных для него людей; он уселся в уголок и за весь вечер не сказал ни слова; когда же подошло время попрощаться и уйти, он взял ее за подбородок, словно желая приласкать, как маленькую девочку; это привело к большой ссоре между ними. Г-жа де Рамбуйе говорит, что Вуатюр, находясь с м-ль Поле в коротких отношениях, но не переходивших границы пристойности, по возвращении из Фландрии сказал ей нечто такое, что она поняла превратно, а это случилось с нею частенько. Впоследствии, будучи раздражена, она истолковывала все в дурную сторону, и то, что она когда-то находила хорошим, стало ей казаться плохим. Между Вуатюром и ею никогда не было любовных отношений, их связывала лишь нежная дружба, к которой примешивалась небольшая влюбленность. Эта славная девица была неглупа и добросердечна; что до здравого смысла, его у нее не было.

Но пора поговорить о поединках Вуатюра, ибо любовные похождения и поединки идут рука об руку; и, в подражание Ариосто, я воспую *l'arme e l'amori*⁸ Вуатюра.

Не всякий храбрец может насчитать столько поединков, сколько было у нашего героя, ибо он дрался на дуэли по крайней мере четыре раза; днем и ночью, при ярком солнце, при луне и при свете факелов. Первый раз это было в коллеже, с президентом де Амо; во второй раз — с Лакотом из-за игры,* причем поединок был довольно забавный: Арно, который считал Вуатюра не кем иным, как гладиатором, стал рассказывать ему, как некую небыллицу, что ему, Арно, передали, будто Вуатюр дрался с Лакотом; будто он повесил свой парик на дерево — быть может, он был болен? а затем — как прошла сама дуэль, которая не была очень кровавой. И оказалось, что все это правда. Третий поединок произошел в Брюсселе с одним испанцем, при лунном свете; а четвертый и последний — в саду дворца Рамбуйе, при свете факелов, с Шаварошем, домоправите-

* Вуатюр попросил разрешения прочесть молитву и прочел ее.

лем. Их ссора вспыхнула вследствие того отвращения, которое они питали друг к другу с той поры, как во дворце Рамбуйе появились три весьма кокетливых сестры. . . Шаварош, как я уже об этом говорил, был равнодушен к г-же де Монтозье до ее замужества. Это не способствовало его примирению с Вуатюром; но окончательно их рассорило то, что Вуатюр, который не мог не приволочнуться за любой девушкой, особенно молодой и знатной, стал ухаживать за м-ль де Рамбуей, как только та вышла из монастыря: то ли Шаварошу она тоже немного нравилась, то ли он был рад насолить Вуатюру. Молодая девушка, в противоположность своей сестре, была с ним не слишком строга и, весьма вероятно, выказывала благосклонность к Вуатюру. Я их нередко заставлял за игрой в волан и играл вместе с ними или видел, как они шепчутся друг с другом, и в этом случае им не мешал. Вуатюр, возможно, способствовал тому, что девица эта стала менее благоразумной, нежели была прежде; сам он сделался совершенно несносен. Г-жа де Сент-Этьен говорит, будто под конец все от него устали, и если бы не то, что в доме давно привыкли, и не пользуйся он расположением г-жи де Рамбуей, к которой он относился с приязнью, его давно бы выставили за дверь. Монтозье никогда не испытывал к нему симпатии, так как был убежден, что Вуатюр скорее унизил, нежели возвысил его во мнении г-жи де Монтозье, чьей руки он тогда искал; не раз он говорил, когда Вуатюр старался чем-либо насмешить общество: «Ну что здесь смешного? Вы находите, что это интересно?».

Вуатюр довел Шавароша черт знает до чего, а тот, понимая, что Вуатюр воспользуется его, Шавароша, сдержанностью и захочет выдать ее за трусость, обнажил против него шпагу и ранил его в бедро. На шум вовремя прибежали, ибо рассказывают, будто один из лакеев Вуатюра собирался пырнуть Шавароша сзади. Вуатюр поначалу не хотел признаваться, что Шаварош его ранил; он утверждал, будто его задел шпагой разнимавший их лакей. Однако потом все выяснилось. Шаплен и Конрар высказывались против него; но это и не могло быть иначе, ибо Вуатюр потешался над ними, а также и над Костаром, хотя Костар и воображает, что это не так, но достаточно прочесть для этого их письма.

Г-н и г-жа де Монтозье стали на сторону Шавароша, но более всего изумило Вуатюра то, что Арно больше поддерживал Шавароша, чем его. Г-жа де Рамбуей была чрезвычайно огорчена всем случившимся. Уже само по себе это было нелепо, потому что случилось с людьми, которым было уже под пятьдесят и которые, тот и другой, молились или должны были молиться, ибо они жили либо на бенефиции, либо на доходы с бенефиций; кроме того, г-жа де Рамбуей опасалась, как бы не стали распускать глупые слухи насчет ее дочери; впрочем, м-ль де Рамбуей очень быстро успокоилась. Епископу Грасскому вдруг вздумалось по поводу этого поединка написать злую сатиру, в которой поросенок дерется со

щукой. Под «поросенком» подразумевался Шаварош: он столько раз ездил в Иер и обратно, что его прозвали «Монастырским поросенком»; припомнив, что письмо Ла-Карпа к принцу де Конде⁹ начинается со слов «Куманек мой щука», Принц прозвал Вуатюра «Куманек мой щука». М-ль Поле, столь же быстрая, как и Прелат, прочла эту сатиру, как нечто развлекательное, г-же де Рамбуйе. Я при этом присутствовал; Маркизе это было смертельно скучно, но она и виду не показала. Впоследствии г-н де Монтозье изъял с помощью Пелиссона то место из «Погребения Вуатюра», где говорится об этом поединке. С той поры Вуатюр стал бывать во дворце Рамбуйе гораздо реже.

После этого безрассудного поступка Вуатюр жил недолго; карточная игра способствовала развитию у него подагры; должно быть, этому содействовали и женщины. Он умер, проболев четыре или пять дней, из-за того, что невзирая на свою подагру принял слабительное.

Кстати о картах. Дав обет больше не играть, он отправился однажды к Кoadьютору, дабы тот освободил его от этого обещания; там он застал Легá, который сказал ему: «Да плюньте вы на это, давайте сыграем!». В самом деле, он уговорил Вуатюра сесть за карты и выиграл у него триста пистолей, так и не дав ему поговорить с Кoadьютором. Вино не могло быть причиной его подагры, ибо он пил только воду. Г-н де Бассомпьер говорил, будто все, что других подбадривало, Вуатюра валило с ног. Вот куплеты, которые написал некий Бло, дворянин, состоявший на службе Герцога Орлеанского, во время разгульной попойки:

О, чести предков оскорбитель,
Сгинь, Вуатюр, в семье урод!
Тебя достойней твой родитель:
Вино он пьет и продает.
Как ты, жеманник, нам отвратен,
Не любишь баб, вина не пьешь,
Карман твой пуст и род незнатен,
Ползи от нас подальше, вощь...

А еще кто-то написал так:

Ах, Монрезора я искал,
Но Вуатюр мне подвернулся,
Я золота найти алкал,
Но в нечистоты окунулся.

Как-то Вуатюр зашел в трактир, где кутил Герцог Орлеанский. Бло, решив позабавиться, запустил ему чем-то в голову; произошел переполох, все бросились смеяться к Вуатюру, какой-то ливрейный лакей, по легкомыслию, едва не пронзил Поэта шпагой, когда тот пытался ударить лакей, надо думать, выпил и решил, что Вуатюр осмелился посягнуть на жизнь Его Королевского Высочества.

Как только Вуатюр заболел, г-жа Сенто, верная г-жа Сенто, побегала к нему. Говорят, будто он не пожелал ее видеть; тем не менее она стала ходить туда каждый день. Она утверждает, что это не так и что она улаживала с ним кое-какие денежные расчеты. Ее старались утешить, а она твердила: «Вот последний удар Судьбы».

К нему ходила еще и другая женщина, с которой он находился в предосудительной связи. Это была дочь газетчика Ренодо, которую Вуатюр поссорил с мужем; совсем незадолго до своей болезни он совершил с нею прогулку. Красотою она не отличалась, но он хотел всем внушить, будто у нее замечательный ум. Уверяют, что и ее тоже он не пожелал видеть. М-ль Поле рассказывала, будто он умер, как султан, среди своих жен. Я уже упоминал, что она заказала по нему заупокойные мессы, но простить его так и не простила. Я видел, как она возмущена была тем, что г-жа де Рамбуйе отзывалась о Вуатюре слишком хорошо. «Я-то думала, — говорила она, — что надобно молить бога за упокой его души, но вижу теперь, что его остается только причислить к лику святых».

Саразен написал «Погребение Вуатюра», где, правда, немало длиннот; однако это лучшее из всего, что он создал. Он обокрал самого Вуатюра, позаимствовав из его «Послания к г-ну де Колиньи» всех этих разнообразных Амуров. Тут достаточно видна злонамеренность автора, который не может скрыть своей зависти; так, подмечая ошибку Вуатюра, он в одной из глав говорит: «Когда Веттурий¹⁰ пояснял новобрачным, что произошло между ними. . .». Правда, в этом «Послании к г-ну де Колиньи» нет большого искусства, ибо Вуатюр рассказывает этому сеньору, причем безо всяких обиняков, нечто такое, что тот знает лучше него. Саразен выставляет Вуатюра превздорным человеком. Г-жа де Рамбуйе никак не решалась прочесть это сочинение; наконец г-жа Сенто упростила ее. Она полагала, бедная безумица, что это послужит на пользу ей и Вуатюру.

Граф де Ториньи, сын весьма ловкого человека, г-на де Матиньона, прочитав «Погребение Вуатюра» с начала до конца, сказал: «Уверю вас, это очень мило; Вуатюру перед смертью никогда ничего лучшего и в голову не приходило». Но самое удивительное то, что племянник Вуатюра Мартен,¹¹ сочинив большое предисловие, нечто вроде апологии своему дяде, оказался столь наивным, что предложил поместить «Погребение» в конце собрания сочинений Вуатюра. От издателя он за это ничего не получил, но сестры Вуатюра потребовали себе двести ливров. Кое-кто сомневался в успехе этого издания, потому что в нем есть немало непонятных мест: я, работающий над ним со дня смерти Вуатюра, и то еще не могу выяснить весьма многого. Мартен поступил глупо, вымарав в рукописи отдельные имена и заменив их звездочками, вместо того чтобы их сохранить и когда-нибудь обнародовать; тем не менее было распродано весьма значительное количество книг. Со временем, если

я смогу это сделать, не слишком задевая кое-кого, я добьюсь нового издания с должными примечаниями и помещу в конце такие его сочинения, которые мне удалось разыскать у тех, кто бывал во дворце Рамбуйе. Г-н Сервьен публично сетовал на то, что в письмах к г-ну д'Аво в двух случаях оставлено его имя; достаточно, мол, было упомянуть его единожды, чтобы догадаться, что далее речь идет именно о нем. Удивляюсь, что г-н Шаплен и г-н Конрар, которые испещрили «звездочками» сию бедную книгу, не обратили на это внимание, — они-то, которые ухитрились вымарать имя г-на де Вожля даже там, где он удостоен весьма тонкой похвалы, ибо Вуатюр говорит, что, желая сойти за савояра, он изо всех сил пытается говорить так, как говорит г-н де Вожля.

Королева Английская рассказывала г-же де Монтозье, что, собираясь послать герцогине Савойской томик Вуатюра, она хотела вырезать оттуда некое письмо к г-ну де Шавиньи, где Вуатюр говорит, что предпочел бы три часа кряду беседовать с герцогиней Савойской, нежели выполнить его просьбу. Хотя там и стоит звездочка, смысл совершенно ясен; но Королеве сообщили, что Герцогиня это уже читала.

Г-н де Блеранкур сказал г-же де Рамбуйе, что, поскольку об этой книге все без конца говорят, он ее прочитал и находит, что Вуатюру нельзя отказать в остроумии. «Но, сударь, — ответила ему г-жа де Рамбуйе, — неужто вы полагаете, что его всюду принимали благодаря его происхождению или стройному стану?».

В последнее лето перед смертью Вуатюр совершил прогулку в Сен-Клу с покойной г-жой де л'Эдигьер и другими дамами. Ночь их застала в Булонском лесу; факелов у них не было. И вот дамы пускаются в рассказы о привидениях. В это время Вуатюр высовывается из кареты, чтобы посмотреть, следует ли за ними верховой конюший, ибо сумерки еще не окончательно сгустились. «О, воистину, — говорит он, — если вам угодно увидеть привидения, вон они, целых восемь!». Все смотрят, — и в самом деле появляются восемь черных фигур, идущих гуськом друг за другом. Чем быстрее ехала карета, тем быстрее бежали и призраки. Конюший так и не решился приблизиться к ним, и они следовали за каретой до самого Парижа. Г-жа де л'Эдигьер рассказывает о страхе, которого они натерпелись, Кoadьютору, будущему кардиналу де Реду. «Через неделю, — отвечает он, — я узнаю, в чем дело». Выяснилось, что го были Босоногие Августинцы,¹² которые совершали омовение в Сен-Клу и, опасаясь, как бы городские ворота не оказались заперты, решили не отставать от кареты и следовать за нею вплотную.

У Вуатюра есть побочная дочь, монахиня, ей мы обязаны его портретом. Дабы поставить портрет у себя в келье, она велела изобразить отца в одеждах Людовика Святого, ибо его длинные прямые волосы весьма напоминали волосы этого короля; к тому же этого государя изображают обычно с несколько глуповатым выражением лица, которое Вуатюр пытается придать себе в «Письме к Незнакомке».

Однажды вечером г-н Арно привел во дворец Рамбуйе маленького Боссюе из Дижона (ныне это — аббат Боссюе, славящийся своим ораторским искусством), дабы поразвлечь Маркизу его проповедями (проповедовать Боссюе начал с двенадцати лет). Вуатюр сказал: «Никогда не видел, чтобы проповедовали так рано и так поздно».

Во время осады Парижа Саразен написал в стихах письмо к г-ну Арно, не обращаясь к нему по имени и называя его *mareschal*, ибо Арно был в ту пору *mareschal-de-camp*.¹³ Это слово попало в обиход, и, поелику в то время печатали решительно все, письмо было опубликовано под заглавием: «Тень Вуатюра — маршалу де Граммону». Г-жа де Сенто после этого вбила себе в голову, что Вуатюр не умер (это только доказывает, что она не присутствовала при его смерти), приводя в качестве довода, что только Вуатюр мог так написать.

Шаплен

Шаплен — сын парижского нотариуса; он был гувернером-наставником сыновей г-на де Ла-Трусса, Великого прево. Бутар говорит, будто для пущей важности Шаплен носил шпагу — и даже перестав быть наставником детей прево, по-прежнему не расставался с нею. Родитель Шаплена, не зная, как заставить сына снять шпагу, попросили Бутара с ним поговорить, но тот вместо уговоров пошел на хитрость: он выдумал, будто кто-то, якобы вызванный на дуэль, просит Шаплена быть его секундантом, и наш Шаплен тотчас же повесил шпагу на гвоздь.

Он стал бывать во дворце Рамбуйе в пору начала осады Ларошели. Г-жа Рамбуйе говорила мне, что одевался он так, как одевались лет десять тому назад: носил атласный кафтан сизо-голубиного цвета, подбитый зеленым плюшем и отороченный узкою басонною тесьмою, сизо-голубой или зеленой в крапинку. На нем всегда были нелепейшие сапоги с нелепейшими отворотами, вместо кружева он носил тюль. Впоследствии, даже в черном платье, он выглядел также дурно: мне думается, что у него сроду не было ничего нового. Маркиз де Пизани не помню уж в каких стихах — сейчас они утеряны — говорил:

Я в вожеласовых чулках
И в башмаках Шаплена.

Хотя парик и шляпа у него были старые-престарые, дома он носил еще более засаленный парик и еще более затасканную шляпу. После смерти его матери я видел на нем траурную повязку, до того выцветшую, что она превратилась в желтую. Помнится, он носил куртку из черной тафты в крапинку; не иначе как она была сшита из старой юбки его сестры, у которой он живет. В комнате у него можно помереть с холоду, камин он почти не топит.

Покойный Люилье говорил про Шаплена, что он одевается, как сводник, а Ламотт-ле-Вайер — что он похож на уличного зубодера: дурен лицом, мал ростом и притом всегда плюется. Не понимаю, как у этого красная, вечно толкующего о правде, рубящего с плеча, — словом, г-на де Монтозье, — никогда не хватало мужества упрекнуть Шаплена в скаредности. Не раз во дворце Рамбуйе я видел у него такие грязные носовые платки, что от них просто тошнило. Никогда я так в душе не смеялся, как в ту пору, когда он на моих глазах ухаживал за Пеллокен, красивой девушкой, компаньонкой г-жи де Монтозье, которая явно подтрунивала над ним, ибо плащ его протерся до того, что за сто шагов можно было разглядеть отдельные нитки; на беду свою Шаплен стоял у окна, куда падал солнечный луч, и девица Пеллокен могла заметить нитки толщиной в палец.

У Шаплена на уме вечно была только поэзия, хотя он вовсе и не рожден для нее; правда, он не более рожден и для прозы, и во всем, что он пишет, чувствуются какая-то сухость и многословие. Тем не менее после многих переделок он создал два или три вполне сносных стихотворных произведения: «Поэму о Львице», большую часть «Зирфеи» и — самое главное — «Оду кардиналу Ришелье»,¹ которую мне следовало бы упомянуть первой. Г-да Арно (ибо он усердно обхаживал всех, даже Доктора, который в ту пору был в коллеже) и еще кое-кто из друзей Шаплена заставили его внести в эту оду столько исправлений, что она в конце концов приобрела тот вид, какой имеет сейчас; бесспорно, это одно из самых прекрасных произведений на нашем языке. Я нахожу в ней, однако, слишком много рассудочного, слишком много ума, ежели так можно выразиться: ей недостает поэтического пыла, к тому же она, пожалуй, длинновата.

К этому времени Шаплен уже написал какую-то часть своей «Девственницы».² Г-н д'Андийи, заметив благоприятное впечатление, которое произвела эта ода, решил воспользоваться случаем и сделать что-нибудь для ее автора. Однажды вечером он попросил у Шаплена уже законченные первые две книги «Девственницы»; тот подумал, что они нужны лишь для того, чтобы почитать их на досуге, и дал. Но д'Андийи взял их не только для чтения, ибо через свою сестру, м-ль ле-Местр, он дал понять г-же де Лонгвиль, а затем и ее супругу, какая это будет честь для их дома, ежели Шаплен закончит эту поэму. А надобно сказать, что м-ль ле-Местр до такой степени снискала себе доброе расположение обоих супругов, что, когда г-же де Лонгвиль пришлось поехать в Лион, где граф Суассонский был столь же серьезно болен, как и покойный Король, она препоручила дочь, единственное свое дитя, заботам м-ль ле-Местр, удалившейся к тому времени с сестрою в Пор-Руаяль, где впоследствии она постриглась и умерла монахиней. По возвращении из Лиона г-жа де Лонгвиль спешит увидеть дочь: м-ль ле-Местр хочет возвратитъ ее матери. «Не надо, — говорит та. — у меня еще некому за ней присмат-

ривать; милости прошу, приезжайте погостить ко мне на некоторое время». М-ль ле-Местр прибыла с нею целый год.

Вернемся, однако, к г-ну Шаплону. Г-н де Лонгвиль, познакомившись с первыми двумя книгами поэмы, пришел в восторг и сказал г-ну д'Ан-дийи, что сгорает от желания предоставить г-ну Шаплону некую почетную должность. Это передают Поэту, который говорит, что был назначен Двором на должность секретаря посольства * графа де Ноая в Риме, но через некоторое время этот г-н де Ноай грубо обошелся с ним; Шаплен покинул его, граф едва не сошел с ума от ярости и лез из кожи вон, чтобы заолучить его обратно; но Буаробер замолвил за Поэта словечко кардиналу Ришелье, который считал себя в долгу перед Шапленом. после того как получил от него оду. Г-н де Лонгвиль узнает обо всем этом и поручает г-ну ле-Местру, адвокату, привести к нему г-на Шаплена. Побеседовав с Поэтом, г-н де Лонгвиль входит к себе в кабинет вместе с г-ном ле-Местром, достает из шкапулки пергамент, спрашивает у Шаплена имя, данное ему при крещении, и вписывает его в дарственную грамоту. На обратном пути, в карете, г-н ле-Местр говорит Шаплону: «Вот грамота, где даются указания в связи с вашим намерением касательно графа Дююа». Г-н Шаплен берет пергамент и, приехав домой, обнаруживает, что это грамота о пожаловании ему двух тысяч ливров пенсии, поступающей со всех имений г-на де Лонгвиля, причем пенсия эта ни к чему Шаплена не обязывает. В доме (г-на де Лонгвиля) пошли разные толки, и секретарь Герцога говорил: «Грамоту я заготовил, но имя там не проставлено. Для кого бы это?».

В то же время Буаробер пожелал устроить Шаплону пенсию в шестьсот ливров из средств Казны. Шаплен, получивший уже три тысячи ливров пенсии — в том числе тысячу ливров от Кардинала, но эта пенсия не была пожизненной, — упросил Буаробера, по его словам (но я в этом сомневаюсь, ибо он был страшно скуп), отдать ее Кольте; тот так и сделал.

Благодаря г-дам Арно Шаплен вскоре стал запросто бывать во дворце Рамбуэ, куда они его ввели. Он сочинил «Императорский венец»,³ который стал одним из лучших цветков в «Гирлянде Жюли»; затем он написал «Поэму о Львице», которая в сущности не более чем вымысел: он послал ее м-ль Поле с лакеем г-на Годо. Все решили, что стансы эти послал Шаплен, но были уверены, что сочинил их г-н Годо, ибо между ним и м-ль Поле была тесная дружба. Годо был в ту пору в Дрё; ему пишут со всех сторон об его поэме, он отрицает, что написал ее. Вскоре, будучи в Мезьере, м-ль Поле встречает его и говорит ему в упор: «Сейчас же признавайтесь, дружок, что стихи о „Львице“ написали вы».

* Звание секретаря посольства здесь ошибочно: это секретарь посланника. По существу, только в Венеции имеются секретари посольства: для сношений с посланником эта Республика назначает знатного венецианца. Такое должностное лицо имеется для каждого государства.

Но это ни к чему не привело. Много времени спустя Шаплену как-то случилось беседовать с м-ль де Рамбуэ; разговор коснулся поэмы, и она, полагая, что говорит о чем-то весьма маловероятном, сказала: «Эти стихи либо г-на Годо, либо ваши?». — «Ну да, — ответил он, — их написал я — и никогда этого не отрицал». М-ль Рамбуэ остолбенела от изумления. «Берегитесь, — сказал он, — я вас еще как-нибудь проведу». И в самом деле, он не преминул это сделать, ибо вскоре написал поэму «Орел Империи — герцогине Жюли».⁴ Поэма эта была отправлена м-ль де Лабросс, одной из дочерей принцессы де Конде, и была написана рукой Шаплена, но печатными буквами. Г-н Годо резко заявил, что они ничего не стоят, и был ближе к истине, чем думал сам. Поэму показали Шаплену, который, желая всех разыграть, взял ее в руки и спросил: «Так, значит, это напечатано?». Ему задают вопрос, какую из двух поэм — эту или «Императорский венец», написанный приблизительно на ту же тему, — он предпочел бы сочинить. Шаплен уклоняется от ответа, но маркиз де Рамбуэ решает за него и говорит: «Он предпочел бы быть автором оды». Услышав это, г-н Годо меняет свое мнение о поэме.

Сперва опасались, как бы снова не начались насмешки насчет влюбленности короля Швеции, о которой все говорили, ибо когда м-ль де Рамбуэ проявила почтительное внимание к Королю, ее стали доносить, что она де в него влюблена; Вуатюр послал ей от имени сего Короля письмо с его портретом, нарядив при этом посланцев на шведский манер.

Вот почему, когда однажды во дворце Конде м-ль де Рамбуэ появилась с бриллиантовой брошью в виде банта, подаренной г-ну де Рамбуэ королем Испании, графине де Шатору, о которой речь пойдет в другом месте, сбитой с толку этими сплетнями, послышалось «Шведский король» вместо «Испанский», и она разболтала о том повсюду. Эти слухи и навели Вуатюра на мысль послать упомянутый портрет и письмо. Позднее, уже после смерти этого государя, г-н д'Андийи и г-н Годо стали выказывать внимание м-ль де Рамбуэ. В конце концов, поскольку никто не знал, что об этом думать, и не мог угадать, кто же написал «Орел Империи — герцогине Жюли», вспомнили, что Шаплен похвалялся провести всех еще раз, и послали к нему Шавароша, дабы спросить у Поэта, не он ли написал «Орла Империи», так же как и «Поэму о Львице». И он сразу же признался в этом столь же простодушно, как и прежде.

Через несколько лет г-жа де Рамбуэ отомстила ему за это. Г-н де Сен-Никола, ныне г-н д'Анже, послал Шаплену альбом гравюр на меди, известных под названием «Шутки Караччо»: это фронтоны генуэзских дворцов. Шаплен дает посмотреть альбом г-же де Рамбуэ. В то же время г-н де Бриенн, не зная, что маркиза уже получила альбом, посылает ей еще один экземпляр, но довольно потрепанный и кое-где порванный. Г-н Конрар пришел к г-же де Рамбуэ, когда у нее были оба альбома. «Прошу вас, — говорит она, — поскольку они переплетены одинаково, передайте от меня альбом господина де Бриенна господину

Шаплону, и посмотрим, что он скажет». Конрар относит альбом Шаплону. Тот, пожав плечами, говорит: «Признаться, это меня удивляет: где же теперь искать аккуратных людей, коли г-жа де Рамбуи стала такой небрежной? Возвращать такую ценную книгу в подобном виде!». Дав ему излить все свое негодование, Конрар рассмеялся и признался в проделке маркизы.

Однажды Шаплен, посылая мне испанскую книгу, просил в письме, чтобы я обращался с нею как можно бережнее, мне де известна его аккуратность в отношении книг. Я снимаю бумагу, в которую была обернута книга, и вижу, что половина переплета изъедена мышами. «Воистину, — говорю я, — о такой бережливости я еще ни разу не слышал».

Когда г-н де Лонгвиль был отряжен для поездки в Мюнстер,⁵ г-н де Лионн способствовал назначению Шаплена секретарем при полномочных представителях; это был уже четвертый человек по счету, и Лионн вот-вот должен был получить эту должность, когда кардинал Ришелье назначил для поездки туда кардинала Мазарини. Это лишило двенадцати тысяч экю некоего Буланже, секретаря г-на де Лонгвиля. Шаплен отправился к г-ну де Лонгвилю и объяснил ему, что при этом назначении он не сможет закончить «Девственницу». «Вы справитесь и с тем и с другим», — ответил ему Герцог. «Но, сударь, ежели мне это удастся, а я постараюсь, чтобы это удалось, ручаетесь ли вы, что Двор не возложит на меня еще другие обязанности, которые никак не согласуются с интересующей вас поэмой?»: — «Ладно, — сказал г-н де Лонгвиль, — сделайте так, чтобы вашу должность получил Буланже». Лионн это устроил.

Впоследствии тот же самый Лионн рассказал Мазарини так много хорошего о Шаплене (заставив Поэта написать в честь Кардинала оду в шестьсот стихов),⁶ что тот пожелал его видеть и на прощание сказал: «Господин де Лионн передаст вам, что я для вас сделал; это так мало, что мне даже стыдно». Речь шла о пятистах ливрах пенсии с бенефиций. За то, чтобы эта пенсия выплачивалась с какой-то бенефиции через Римский отдел поощрения сочинителям, пришлось бы уплатить три тысячи ливров; на кардинала Мазарини в этом случае надежды было мало. Он предпочитал выжидать появления какой-либо иной бенефиции, чтобы назначить с нее пенсию Шаплону. Поскольку кардинал Памфилио снял сан и женился, аббатство Корби перешло в распоряжение Мазарини; папское брeво было выдано на имя Короля, а пенсия Шаплону стала выплачиваться из доходов аббатства, причем Поэт получил ее безвозмездно. Мазарини выплачивал первый год эту пенсию из личных средств, в последующие четыре года смуты⁷ он велел Шаплону обложить налогом фермеров. Те показали себя лишь честными исполнителями. Война обесценила эту бенефицию. Когда кардинал Мазарини вернулся к власти, Шаплен отправился к Кольберу⁸ и попросил его узнать, намеревается ли

Кардинал платить ему пенсию; если же он не намерен, то он, Шаплен, об этом и заикаться не будет. С той поры брат Кольбера ежегодно привозит Поэту его пенсию.

Буаробер рассказывает, будто однажды, когда он отдавал Шаплену деньги, тот вернул ему лишнее су. Сделано это было с расчетом: Шаплену хотелось уладить вопрос о доходах с какой-то бенефиции. Буаробер говорит, что Шаплен при этом позабыл, чем он ему обязан.

Герцог Энгийенский знал наизусть всю оду, написанную ему Шапленом, и еще до того, как она была опубликована, носил ее в особом кармашке. Перед тем он прослушал все песни «Девственницы» и сказал: «Надобно писать стихи так, как это делает господин Шаплен или же шевалье де Ривьер». Последний сочинял их, словно шутя и играя; тем не менее Шаплена он ничем не отблагодарил.

Ода принцу Конти, которую он сочинил, по его словам, не из какой-либо корысти, а потому, что был глубоко убежден в достоинствах Принца (то ли он лгал, то ли попросту не разбирался в людях), точно как же ничего ему не принесла. И не потому, что этот бедный «князек» не подарил ему десяти бенефиций, но потому, что ни одна из них не принесла ему дохода. Со дня осады Парижа все так и осталось на мертвой точке.

Г-н Шаплен — один из наиболее оборотистых людей в нашем государстве. У него всегда множество деловых встреч. Так, он будет гоняться за пустячной бенефицией в сто франков. Бенефиций у него несколько. По-видимому, помимо получаемых пенсий, у него и еще водятся деньги: из «Писем» Бальзака явствует, что Шаплен сообщил ему о потере восьмисот экю на «сточенных» пистолях; и мне доподлинно известно, ибо я видел контракт, что г-жа де Рамбуйе должна ему нынче более тысячи шестисот ливров ренты. Смотрите, каким богатством обладает такой вот человек! Тем не менее, как бы он подчас ни хворал, у него не только нет кареты, но он никогда не мог решиться на покупку портшеза, и говорят, будто он ни разу не сделал и пустячного свадебного подарка детям своей сестры.

Постоянный посетитель «Суббот» у м-ль де Скюдери, он небрежен с теми, кто не занимается всяческими происками, а также с теми, кого не боится. Г-жа де Рамбуйе видит его не часто, так же как и г-на Конрара, если только нет в Париже г-на де Монтозье. Шаплен и Конрар превратили этого маркиза в истого стихотворца. Зато м-ль де Рамбуйе их недолюбливает, а матушка ее ничуть не обманывается на их счет.

Однажды Шаплен рассказывал о некоей женщине из предместья Сен-Дени, которая, придя в ярость, отрубила голову своему сыну, а потом стала показывать ее своим соседкам, как если бы совершила какой-то высокий подвиг; и, не довольствуясь тем, что наговорил по этому поводу уйму бесполезных слов, Шаплен еще стал перечислять чуть ли не все примеры из классической древности и долго распространялся

о Медее; а затем, желая подытожить все сказанное, добавил: «Но эта-то убивает собственного ребенка». — «А между тем, — заключила м-ль де Рамбуйе, — Язона⁹ у нее никто не похищал». Сказано это было так неожиданно, что Шаплен растерялся. Никто еще, кажется, не страдал такой многоречивостью, как он. Д'Абланкур терпеть его не может и говорит, что он брызжет слюной, как старая плюха. Вуатюр, отлично знавший Шаплена, называет его в одном из писем «Мастером оправдывать ошибки»; в любом деле он ведет себя как проныра и постоянно повторяет: «Этим пренебрегать нельзя».

Пора, однако, вернуться к «Девственнице». Я не стану забавы ради подвергать эту книгу критике. Я нахожу, что приняли ее прекрасно, и Ла-Менардьер в этом случае оказал Шаплену самую большую услугу, на какую только был способен; что до меня, то я прихожу в ужас, когда огромная гора рождает жалкую мышь. Берите себе после этого итальянцев в учителя! Учитесь у этих господ! Патрю совершенно прав, когда говорит, что Шаплен мудр на итальянский манер, т. е. что всю его мудрость составляют лишь спесь и флегма. Он довольно хорошо знает наш язык, иными словами — хорошо излагает мысль на нашем языке; но во всем остальном он крайне поверхностен; тем не менее г-н де Лонгвиль, у которого он предварительно выманил сорок шесть тысяч ливров, увеличил ему пенсию на тысячу франков. На этот раз Марциал несомненно покривил душою:

Sint Mæcenates, non deerunt, Flacce, Marones.¹⁰

Успешной распродаже книги способствовало любопытство. Благодаря широкой известности автора за ней охотились очень многие; но эта вспышка быстро угасла, и я не знаю, надеется ли автор на некоторое увеличение своих пенсионных доходов и думает ли он закончить поэму, ибо из своего столетия он воззвал к потомкам; только я сильно сомневаюсь, что им прожужжат уши про это сочинение.

После успеха своей первой оды он решил, что советчики ему больше не нужны: он вернулся к присущей ему сухости; что же касается денежной стороны дела, увь! — стоило ли тридцать лет вынашивать замысел, чтобы в итоге написать рифмованную историю, и только! Ведь все искусство этого человека заключается в подражании газетным писакам. Поскольку его книга стоила дорого (ее продавали по пятнадцати ливров за издание в малом формате и по двадцать пять ливров — за издание в большом, ибо авторы с некоторых пор очень любят большой формат), ему пришла в голову прекрасная мысль: своих добрых знакомых он объединял по двое, чтобы подарить им один экземпляр вместо двух; так, он объединил г-жу д'Авогур и м-ль де Вертю, ее золовку, которые, хотя и оказались в ту пору вместе в Париже, обычно живут весьма далеко друг от друга: первая — в Бретани, вторая — в столице. Г-на Патрю он объединил со

мною, а живем мы на расстоянии целого лье друг от друга; г-н Пелиссон был объединен с одним из его друзей — Ла-Бастидом, секретарем г-на де Бордо, посла в Англии. Некоторым он даже подарил книгу с условием, чтобы они дали прочесть ее такому-то и такому-то, но тем, кого Шаплен боялся, как чумы, например Скаррону, Буало, Фюртьеру и другим, он дал по экземпляру. Вот уж поистине скопидомство в сочетании с уморительным тщеславием. Шаплен сказал, что ему обошлись в четыре тысячи ливров гравюры, которые, к слову сказать, ничего не стоят; тем не менее не подлежит сомнению, что, помимо ста экземпляров, полученных им от Курбе (из коих многие, изданные большим форматом и переплетенные, обходятся в десять эю и даже больше), а также тех пятидесяти, которые пришлось ему дать сверх того и за которые он заплатил, — несомненно, что издатель вручил Шаплену две тысячи ливров, а затем тысячу ливров; чтобы помешать распродаже голландского издания, пришлось выпустить во Франции издание малого формата; ибо в договоре упомянуто две тысячи ливров за первое издание и тысяча ливров за второе.

Замечания сьера дю Риважа * весьма разгневали всех приверженцев Шаплена, и г-н Монтозье, говоря о Ла-Менардьере, скрывавшемся под этим именем, долго их поносил, после чего сказал, что автор их заслуживает палок; и еще он хотел, чтобы публично осмеяли Ливьера.** Это человек со странностями, но весьма неглупый, который, разозлившись — не знаю уж по какой причине — на Шаплена, написал несколько посланий и эпиграмм против него и до и после опубликования «Девственности». Известна забавная эпиграмма, которую, как говорят, ему подправили; вот она:

«Шаплен, божественный пийт,
Нас „Девственницей“ одарит», —
Сулят приверженцы Шаплена.
Лет двадцать, — право, я не лгу, —
Прочесть мечтаем труд нетленный.
Прочтем, и точка. Ни гу-гу.

Этим он хотел сказать, что многие были разочарованы еще до того, как поэма была напечатана: Шаплен читал из нее отрывки повсюду.*** Говорят, что господа из Пор-Руаяля были единственными, которых он познакомил со своим сочинением; но то ли Шаплен не поверил им, то ли они мало что в этом понимают. Он показывал ее и Менажу, ибо боится его как огня, постоянно бывает у него в Академии,¹¹ точно так же как исправно посещает младшего Буало.

* Под этим именем был известен Ла-Менардьер.

** Ливьера-Пейо.

*** Он читал только первые четыре книги.

Возвращаясь к Ла-Менардьеру, следует сказать, что он человек взбалмошный, но отнюдь не невежда; однако это один из самых скверных поэтов, которых я когда-либо встречал. В своей книге стихов он вздумал писать курсивом то тут, то там отдельные слова. Никто не мог понять, почему он это делает. В одном из стихотворений он таким вот образом выделил слово «любовь». Я попросил у него объяснения. «Кое-кто из моих друзей, — ответил он, — посоветовали мне отмечать то, что я считаю самых сильным в своих стихах». Сент-Аман, которому я это рассказывал, заметил: «Я думаю, что он таким образом хотел отметить самое слабое место». Ла-Менардьер сетовал на Шаплена, что тот, по его словам, не отдает ему визитов. Оказалось, что поводов у него для этого мало; а тем временем его глупые сетования и другие нелепости убедили всех, что он и дю Риваж — одно лицо. Ла-Менардьер невероятно тщеславен: он опубликовал в «Газетт», что с ним ведутся переговоры о назначении его на должность королевского тещеца.

И вот состоялся суд по поводу этих критических заметок дю Риважа. Когда о них зашла речь в Совете, г-н Канцлер, который не жалуется Шаплена за то, что тот ничего не написал в его хвалу, заявил: «Эта книга попросту высмеивает „Девственницу“». Однако в Академии Канцлер принес Шаплению извинения за то, что скрепил своей подписью королевскую привилегию на право ее издания, и сказал, что это произошло случайно. В конце концов процесс между двумя издателями закончился их примирением.

Г-н Шаплен похвально знает итальянский язык лучше самих итальянцев. Однако он проиграл спор с Менажем о том, кому из них вынесет лучшее суждение Академия *della Crusca*,¹² которой они оба написали по-итальянски и которая их обоих посрамила. А совсем недавно в отношении итальянского языка произошла еще одна забавная история. Ренси написал мадригал, где хорош разве только конец:

Не снизойдя к моей любви,
К моим страданиям снизойдите.

Этот господин был как нельзя более удовлетворен своим мадригалом, и вся «Суббота» рукоплескала ему. Менаж, который тоже там нередко бывает, вздумал шутки ради написать итальянский мадригал в пасторальной манере, в коем говорилось примерно то же самое. Он дал Ренси эти стихи, сказав, что нашел их у Тассо. После того как Ренси чуть ли не сто раз поклялся, что ни у кого не украл этой мысли, Менаж признался ему в своей проделке; но чтобы лишний раз позабавиться, он отослал и французский и итальянский тексты Шаплению, дабы узнать его мнение. Шаплен, который всегда принимает сторону живых, оказался в большом затруднении. Он высоко чтит память Тассо, но г-н де Ренси здравствует и поныне — и он член «Субботного кружка». И наш Поэт находит уловку: он заявляет, что — поскольку, мол, пасторальный стиль

гораздо ниже галантного — первенство принадлежит мадригалу г-на де Ренси, но при равных условиях стихи Тассо столь же прекрасны. Вот каков человек, считающий себя таким знатоком в итальянском языке! Впоследствии Менаж нашел у Гуарини такие строки:

Se non mirate che v'adoro
Mirate almen ch'io moro!¹⁹

Конрар

Конрар — сын человека из почтенной и зажиточной валансьенской семьи. В Париже у него были довольно состоятельные родственники. Этот человек не хотел давать сыну образования, вот почему Конрар не знает латыни. Сей суровый горожанин не позволял своему сыну носить подвязок и туфель с бантами, волосы он приказывал ему подстригать коротко; а у того всегда были с собою подвязки и банты для туфель, и он то надевал их, то снимал где-нибудь на улице, за углом. Однажды, когда он таким образом принарядился, его застал за этим занятием отец. Дома разразился большой скандал. Когда отец умер, Конрару захотелось наверстать упущенное время.

Пример его двоюродного брата Годо вызвал у него желание заняться изящной словесностью; но он так и не отважился приступить к латыни; он учился итальянскому и немного испанскому.

Фантазия стать литератором и страсть к книгам овладели им одновременно. Книг он собрал довольно много, но это, я полагаю, единственная библиотека в мире, в которой нет ни одного греческого и даже ни одного латинского автора. Усиленные занятия, постоянный труд и умственное напряжение произвели в голове Конрара сумбур, и, дабы отвлечься, он стал принимать у себя множество разного народа; сие оказалось для него пагубным, ибо по этой причине он так часто прикладывался к рюмке, что его слабый организм оказался гораздо более восприимчив к подагре, чем был до этих возлияний (не говоря о том, что эта болезнь была у него в роду). Он рано стал ею страдать, да и не только этой болезнью, хоть и не терял при этом природного румянца. Так что он один из самых больших страдальцев на свете. Отчасти он страдает из-за своего честолюбия; он все сделал для того, чтобы загубить свою добрую славу поэта, пожелав подражать чужой манере — или, вернее сказать, обезьянничать во всем, что другие создают силою своего таланта. Писал ли кто рондо и загадки — и он их пишет; сочинял ли кто парфразы — и он тотчас берется за это, сочиняя их на свой манер; бурлески и мадригалы, даже сатиры — он пишет все, хотя, казалось бы, для этого прежде всего надобно иметь природный дар. Его призвание — писать письма; с этим он неплохо справляется, да и то в них есть какая-то необходимость; но если требуется нечто возвышенное или галантное, тут

у него силенок не хватает. Все в этом убедятся, если он напечатает свои сочинения, ибо он сохраняет копии всего, что пишет. Знаний у него никаких, есть лишь известный навык.

Чувствуя себя не в силах заставить говорить о себе иным способом, он начал ссужать деньги литераторам и стал у них как бы на побегушках. Он даже брался за выполнение разных поручений от людей, пользовавшихся доброй славой в провинции; дошло до того, что ради доброй молвы о себе в Швеции Конрар одолжил шесть тысяч ливров графу Тотту, который оказался во Франции без гроша; случилось это в 62 году; не знаю, получил ли он обратно свои деньги. Менаж был знаком с этим дворянином и занял для него две тысячи экю у аудитора счетной палаты, своего зятя; но когда аудитор, придя к нотариусу, узнал, что деньги предназначены для сего шведа, он забрал свои деньги, заявив, что Менаж сошел с ума. Прознав об этом, Конрар одолжил Графу свои.

Мальвиль говорил, что ему казалось, будто Конрар ходит по улицам и кричит: «А вот прекрасная дружба! Кому мою прекрасную дружбу?». Кстати, Поэт попросил у многих своих друзей эмблемы с изречениями о дружбе и велел написать их красками на веленовой бумаге. Г-жа де Рамбуэе подарила ему эмблему, внутри коей была изображена весталка, поддерживающая огонь в храме богини Весты; надпись гласила: *Fovebo*.¹ Г-жа де Рамбуэе написала девиз по-французски, а г-н де Рамбуэе перевел его на латынь.

Конрар пожелал выступить в Академии виконтессы д'Опи² с публичной речью на историческую тему. Д'Абланкур был при этом как бы повивальной бабкой. Попросту говоря, речь эту написал он. Спустя много времени понадобилось написать благодарственное письмо королеве Швеции, приславшей в Академию свой портрет; д'Абланкур такое письмо сочинил. Многие академики, которые наверно восхищались бы этим письмом, ежели бы знали его автора, находили в нем множество недостатков, ибо думали, что его написал Конрар. Мезре говорил Патрю: «Почему его не дали составить вам?». — «Помилуйте, — отвечал Патрю, — разве это не обязанность вашего секретаря?».

Конрар весьма подходит для должности секретаря *in ogni modo*,³ и, ежели бы ему позволило здоровье, он не преминул бы запасться всем тем, что требуется для члена Академии. Кстати об Академии: он первый внес туда беспорядок и причинил ей немало вреда; поскольку Безон женился на одной из его родственниц, Конрар стакнулся с Шапленом, чтобы провести Безона в ряды академиков; затем в их число был принят и Саломон, коллега Безона по должности товарища прокурора Большого Совета; с тех пор все пошло кувырком. Хитрая политика этих господ состояла в том, что они привлекали в свою компанию знатных людей. Г-н Шаплен, который выработывал *уставы*, если их можно назвать *уставами*, навел во всем такую стройность, что, хотя люди там собрались и умные, предотвратил полнейший беспорядок в скорости стало невоз-

можно. В дальнейшем, но уже слишком поздно, как мы скажем об этом в другом месте, был выработан гораздо лучший устав.

Возвращаясь к характеру нашего Конрара, следует сказать, что он одновременно и человек пропырливый, и тиран; но этот маленький проныра поддерживает переписку с учеными мужами Голландии и Германии — это он-то, вовсе не знающий латыни; этот маленький проныра взваливает на себя уйму дел; хоть я и верю, что он делает все из добрых чувств, все же отлично знаю, что в этом есть и тщеславие и кумовство. Шаплен и Конрар внушают еще кое-кому почтение, но это ненадолго: и если бы Конрар печатался, подобно Шаплену, то от почтения к ним не осталось бы и следа. Оба они, один за другим, переписывались с Бальзаком. Что до Конрара, то он притязает на роль главного типографского корректора. Он взялся напечатать «Беседы Костара с Вуатюром»,⁴ в коих латыни не менее французского, и сердился, когда ему советовали избавиться от этой заботы; был даже случай, когда он, стремясь к похвалам и посвящениям, пожелал править корректуру, набранную сплошь по-латыни, обратившись за помощью к своему племяннику, школьнику старших классов.

Что же до тиранического нрава Конрара, никто, после его жены, не знает о нем столько, сколько знаю я. Он всегда любил говорить, что есть множество молодых людей, кои почитают его своим учителем. Ко мне, не очень-то покладистому, он проникся дружбой, и я, со своей стороны, сердечно привязался к нему; но как только Патрю (которого я узнал почти в то же самое время) и я поняли, что мы созданы друг для друга, Конрар возревновал меня, заявив, что другим я наносу более продолжительные визиты, чем ему. Он заядлый педагог и, когда бранится, делает такое сердитое лицо, что смотреть страшно. В одном лишь Шаплен поступал правильно, быть может в силу своего характера: с Конраром он всегда старался держаться на некотором расстоянии, ибо при более близком знакомстве с ним будешь вечно ссориться. У д'Абланкура не раз случались с Конраром размолвки, в частности, из-за того, что он как-то написал Поэту попросту «Королевскому секретарю» вместо «Королевскому советнику и секретарю». Я не собираюсь приводить здесь тысячу мелких подробностей, они ни к чему; да и, кроме того, что произошло под знаком дружбы, разглашению не подлежит.

В семье Конрара тоже было немало раздоров. Его второй брат был крайне неумен; но, ежели бы Конрар так не разыгрывал из себя старшего в роде, на ветхозаветный манер, тот не натворил бы и половины тех сумасбродств, в которых повинен. Это привело Конрара в отчаяние. Молодой брат его жены, по фамилии Мюисон, которого называют сьер де Барре, влюбился в красивую девушку более знатного происхождения, нежели он сам, и у которой, следовательно, было приличное состояние; Конрар из кожи лез вон, чтобы расстроить эту свадьбу, а когда она состоялась, Конрар со своим вторым зятем и его женою, которые опасались,

лись, как бы старший брат, богатый холостяк,⁵ не привязался к этой красавице, совершили по отношению к ней многое такое, о чем лучше не говорить. Когда старый холостяк умер, оказалось, что по завещанию он щедро наделил своих двух братьев в ущерб четырем сестрам. Пошли толки. Семья оказала честь Конрару, обратившись к нему за советом. Тот спрашивает у Патрю, как, по его мнению, надлежит поступить ему, Конрару, который благодаря своей жене имеет те же права на наследство, что и остальные. «Э! — ответил Патрю, — здесь судить и рядить не вам: вы себе не должны брать ничего; братьям пристало распорядиться имуществом, как им заблагорассудится». Но Конрар, не в обиду ему будь сказано, взял себе столько, сколько и другие; братья, которые полагали отделаться дешевле, были поражены, увидев, что Конрар не пожелал ничем отличаться от остальных родственников, однако не стали спорить и только решили не дарить Конрару штофных обоев и других вещей, кои они ранее ему предназначали. С этого дня г-н де Барре преисполнился величайшим почтением к Патрю и пожелал стать его другом, а затем и моим.

Конрар, надо сказать, находил, что его невестка де Барре очень мила. Она и в любом другом обществе считалась бы хорошенькой, но в этой обездоленной семье была поистине солнечным лучом. Поначалу Конрару вздумалось обращаться с нею свысока. Ему хотелось, чтобы она видела в нем своего наставника, своего покровителя и без него шагу бы не делала. Женщина эта, будучи похитрее, чем он, не противоречила ему, но поступала по-своему, однако с осторожностью, ибо имела дело с одной из самых глупых семей на свете. Как-то раз она, любезно согласившись пойти на прогулку с ним, с Саифо⁶ и с другими умниками «Субботного кружка», обмолвилась, сказав: «Мне дали *поисть*». «Так не говорят, — заявил он менторским тоном, — надо сказать: *поесть*». Это замечание ее несколько ошеломило, и, поскольку у нее не было ни малейшей склонности изображать из себя ученую женщину, она не пожелала больше гулять со всеми этими дамами. Хотя Конрару это пришлось и не по вкусу, он не отказался от попыток подчинить себе сей строптивый ум. Однажды ему вздумалось приобрести портрет своей невестки, ибо он кичливо повторяет на каждом шагу, будто у него есть портреты всех его приятельниц. И вот как-то поутру он посылает к г-же де Барре свою жену, чтобы сообщить ей, «что де г-н *Конрарт* (так жена произносит его имя на валансьенский манер: она родом из тех мест) не спал всю ночь, так ему не терпится получить ее портрет». И г-же де Барре пришлось тут же заказать свой портрет указанному Конраром дорогому художнику и заплатить ему немалые деньги. Он и дальше продолжает ее тиранить: так, ей приходится постоянно ездить к нему с визитами, и ради своего мужа она это делает; но в душе она жестоко потешается над г-ном секретарем Академии. Вы только поглядите на этого кавалера: я видел, как он подпиливает себе ногти и тут же, на глазах у всех, вы-

дергивает волосы из ноздрей. И при этом он стремится быть галантным мужчиною; правда, по сравнению с Шапленом он мог бы прослыть таковым, во всяком случае, в отношении платья: он всегда одет очень аккуратно.

Больше всего, полагаю, Конрара разозлило то, что я порвал с ним и что Патрю и я поддерживаем дружеские отношения с его невесткой. Вот как это произошло: мы с Конраром давно уже зевали в обществе друг друга, когда ему пришла фантазия поселиться в доме на Пре-о-Клер, который Люкилье отделал по моему вкусу и где я насадил сад по собственной прихоти; дом этот я нежно любил. По утверждениям Конрара, кто-то якобы слышал, что я говорил, будто этот дом продается; правда, я так полагал, но никаких разговоров не вел. И вот он направляет ко мне своего зятя де Барре, который идет на это без всякой задней мысли; супруга же его потом меня уверяла, будто наперед знала, что сделка не состоится, но им не мешала. Де Барре спросил меня, собираюсь ли я покупать этот дом и продается ли он. Я ответил, что о продаже дома слышал, но покупать его не думал. «Раз так, — ответил он, — один из ваших друзей, который просил не называть его, мог бы об этом подумать». — «Сударь, — сказал я ему, — я предпочитаю, чтобы это был кто-нибудь из моих друзей, нежели посторонний; мне, однако, будет очень грустно расстаться с этим домом». Я долго притворялся, будто ничего не знаю, но вскоре мне стало известно, что Конрар уговорил Барре купить этот дом с ним пополам. После этого, поскольку мне нужен был лишь повод, чтобы порвать с Конраром, я воспользовался этой возможностью; слегка посетовав на его уловки в отношении меня и на то, что он де не только не отвалил покупателей, но и выступил с подобным предложением сам, я порвал с Конраром, и с тех пор мы больше с ним не виделись.

Потерпев неудачу с этим домом, который мог бы служить ему и городским и загородным, Конрар купил другой в Атисе, о коем м-ль де Складери так много говорит в своей «Клелии». Там происходит немало чудес. Однажды, когда Конрар не успел еще его окончательно обставить, он обнаружил, что зала обтянута прекрасными золотистыми кожаными обоями; потом выяснилось, что это старший брат его жены, не желая быть ему обязанным за содержание одного из своих сыновей, жившего довольно долго в семье Конрара, оплатил ему этой любезностью, слишком тонкой для нидерландского торговца. Но сие надо ему простить: это человек, которому дважды в жизни такие мысли не приходят; к тому же он крайне скуп и усиленно шпионит за своей бедной невесткой.

Должно быть, все знакомые Конрара побывали у него в доме, или же он ловко умеет пускать пыль в глаза. Он, который когда-то хвастался, что принимал у себя г-жу де Сабле, г-жу де Монтозье и даже м-ль де Рамбуйе, хотя она над ним потешается, не мог не оказать им гостеприимства в *Каризатисе* (так называется его дом в романе «Клелия»).

Сапфо проводит там часть своего досуга. М-ль Конрар, со своей прятной физиономией, тоже выведена в этом романе. В то же время люди проникательные уверены, что Конрар недолюбливает Пелиссона, что он ему завидует и ему де отнюдь не нравится, что Эрминий⁷ — наперсник Сапфо и Апполон «Субботного кружка». Что до Шаплена, он не очень-то доверяет Пелиссону; но теперь, пожалуй, он начал ему доверять, поскольку тот хорош с сушеринтендантом Фуке. Ходит слух, будто Конрару живется туго, хотя детей у него нет: участие в литературной котерии обошлось ему, разумеется, дорого, ибо он многим не мог отказать в деньгах, да и часто кормил знакомых у себя. Ему, видно, боком выходит такое щедрое гостеприимство. Монтрей, по прозвищу «безумец», из которого Конрар намеревался сделать важную особу, разбранил его, и образовавшаяся у аббата де Вилуаня партия, враждебная Шаплелю и ему, Конрару (их там зовут Тиранами изящной словесности), уже дала Поэту почувствовать свои когти.* Вот что значит общаться с таким множеством людей, особенно молодых.

Маршал де Бассомпьер

Маршал де Бассомпьер происходил из знатной семьи, чьи земли лежат между Францией и Люксембургом, большинство населенных мест в этом краю носят и немецкое и французское название: Бетштейн — это немецкое название его поместья, а Бассомпьер — французское.

Рассказывают довольно забавную легенду. Некий граф фон Ангвейлер, женатый на графине фон Киншпейн, имел от нее трех дочерей, которых выдал замуж за трех сеньеров — де Круи, де Сальма и де Бассомпьера, — дав в приданое каждой земельный надел и волшебный дар неизвестной феи. Круи получил кубок и поместье Ангвейлер; Сальм получил перстень и поместье Фенштенг или Фенештранге, а Бассомпьер — ложку и поместье Аусвейлер. До совершеннолетия детей волшебные дары хранились в трех аббатствах: в Нивелле для Круи, в Ременкуре для Сальма и в Эпинале для Бассомпьера.

Говорят, будто граф фон Ангвейлер однажды, возвратясь с охоты, застал некую фею, лежавшую на небольшой кушетке в комнате, расположенной над главным входом в Ангвейлерский замок: было это в понедельник. С той поры в течение пятнадцати лет Фея неизменно появлялась каждый понедельник и Граф приходил к ней. Он привык спать над этим порталом в те дни, когда возвращался поздно с охоты или когда отправлялся на нее рано поутру и не хотел будить жену, ибо комната эта находилась далеко от главной башни. Наконец Графиня, заметив, что муж ее по понедельникам непременно ночует в верхней спальне и в этот день обязательно в любую погоду выезжает на охоту, пожелала узнать,

* Фюртбер, Буало; Ливьер написал эпиграмму или ему ее подправили.

в чем причина; и, приказав сделать себе второй ключ, она застаёт мужа в постели с какой-то красивой женщиной; они спали. Графиня только снимает со стула головную повязку женщины и, расстелив ее в ногах кровати, бесшумно уходит. Оказавшись уличенной, Фея сказала Графу, что не может с ним более видаться ни здесь, ни в каком-либо другом месте, и после того, как они вволю наплакались, она поведала ему, что рок заставляет ее удалиться от него более чем на сто лье, но что в знак своей любви она дарит ему кубок, ложку и перстень, которые он должен передать своим трем дочерям, и что каждая из дочерей принесет много счастья в тот дом, куда она войдет, пока дар ее будет в сохранности, но ежели кто вздумает украсть один из этих даров, на него обрушится несчастье. Именно это и случилось в семье г-на де Панжа, лотарингского сеньера, который, застав однажды князя де Сальма заснувшим после сильной попойки, украл у него с пальца перстень. Сей г-н де Панж имел доход в сорок тысяч эку, владел прекрасными землями и был Суперинтендантом финансов герцога Лотарингского. Но вот по возвращении из Испании, где он ровно ничего не сделал, хоть и довольно долго там пробыл и потратил много денег (его направили послом, дабы сосватать одну из дочерей короля Филиппа II за своего повелителя), он застал свою жену беременной от некоего иезуита, и все его состояние оказалось промотанным; с горя он умер, а все три дочери, которых он выдал замуж, были покинуты мужьями. Никак нельзя сказать, из какого материала сделаны эти волшебные дары: они шершавы и грубы.

Маркиза д'Авре, из рода де Круи, показывая кубок, уронила его, он раскололся на множество кусков, кои она собрала и положила в ларец со словами: «Ежели я не могу обладать целым кубком, я буду хотя бы обладать его осколками». На следующий день, открыв ларец, она увидела, что кубок стал таким, как прежде. Вот вам прелестная маленькая легенда.

Отец Маршала был заядлым приверженцем Лиги; г-н де Гиз называл его «сердечным другом»: этот человек был верным слугою. Именно в его доме знатные сеньеры поклялись на верность Лиге. Он умер внезапно вскоре после создания этого Союза. Его убили мужчины, переодевшись женщинами, из-за какой-то любовной истории. Маршал, скончавшийся от апоплексии, умер скоропостижно, как и его отец. У отца его было изрядное количество долгов. Бассомпьер, в ту пору еще очень молодой, созывает шестерых стряпчих, желая узнать, что ему делать. Пятеро из них были того мнения, что ему для уплаты долгов следует продать свои земли. Шестой, по имени Брессон, сказал Маршалу: «Сударь, не продавайте ваших земель, ибо от вашего дохода в тридцать тысяч эку у вас не останется и десяти тысяч: вы станете захудалым дворянином; а так вы всегда будете считаться знатным сеньером и, может быть, Король уплатит ваши долги». Бассомпьер бросился этому человеку в ноги, назвал его своим братом, поблагодарил его и последовал его совету.

Маршалу было от кого унаследовать любовь к женщинам, а также привычку к острословию, ибо его отец отличался и тем и другим. . . .

Рассказывают, будто, когда однажды он играл с Генрихом IV, Король заметил, что среди пуль попадается монета в полпули. Бассомпьер сказал: «Это Вашему Величеству было угодно, чтобы они сошли за пули». — «Нет, это было угодно вам», — ответил Король. Тогда Бассомпьер забирает все деньги, кладет пули на стол, а монеты в полпули выбрасывает в окно пажам и лакеям. Королева заметила на это: «Бассомпьер разыгрывает из себя Короля, а Король — Бассомпьера». Король рассердился на эти слова и сказал: «Она не возражала бы, чтобы он в самом деле был Королем: у нее был бы тогда более молодой муж». Бассомпьер был красив и хорошо сложен. Мне кажется, он в данном случае заслуживал отповеди в той же мере, что и Королева.

Появившись при Дворе, — а это было после осады Амьена,¹ — Бассомпьер на свою беду столкнулся с Сигонем, известным насмешником. Этот старый лис занимал должность Королевского шталмейстера; он заметил, что молодой человек очень высокого о себе мнения, ему захотелось побить с него спеси и, прикинувшись неопытным провинциалом, он с глуповатым видом попросил Бассомпьера представить его Королю. Бассомпьер решил, что перед ним новичок, над которым можно подшутить. Он входит к Королю и говорит смеясь: «Государь, тут вот один дворянин, только что прибывший из провинции, желает засвидетельствовать почтение Вашему Величеству». Все разразились смехом, и наш голубчик был весьма посрамлен.

Говорят, что щедрость его была скорее показною, нежели подлинной; его обвиняли в том, что он лучшего друга не пожалеет ради красного словца. Он никогда не слыл храбрецом. Были написаны шуточные стихи к балетной сцене «Геридон», где он был изображен вылезавшим из барабана:

Ах, Бассомпьером быть,
Скрываться в барабане,
И так любовь любить,
И так бояться брани!
О Геридон, и т. д.

Однако в боях при Сабль-д'Олонн² он добыл себе добрую славу, проявил самоотверженность и показал дорогу другим, войдя в воду по шею. Что до военного искусства, он знал о нем столько, сколько знает человек, слышащий о нем впервые. Все же его сделали маршалом Франции; но он пожелал, чтобы прежде маршалом стал г-н де Креки: они называли друг друга братьями. При всем том, он собирался жениться на принцессе де Конде.

После г-на де Рогана, который купил за тридцать тысяч эку должность полковника Швейцарцев, эту должность получил Бассомпьер и проявил себя на ней куда заметнее, чем его предшественник; впрочем,

он был очень ловок и всегда был занят какими-нибудь делами. При Дворе не было никого другого, кто бы жил на столь широкую ногу и кто бы так заботился о своих людях. Когда однажды был объявлен розыск какой-то девицы, это дело предпочли поручить его секретарю Ламе, а не советнику Парламента.

Поговорим немного о его любовных делах. Рассказывали, будто он был слегка влюблен в Королеву-мать (он-то уверял, что приятнее говорить об этом, нежели действовать), и утверждали, что единственная должность, которой он домогался, это должность главного Стольника, ибо именно при нем накрывают стол для Короля. Он любил пышность и взял на себя обязанности коменданта замка Монсо, дабы принимать там Двор. Королева-мать сказала ему однажды: «Вы станете возить туда шлях» (в ту пору так выражались). «Ручаюсь, Государыня, — ответил он, — что вы станете возить их туда чаще, чем я». Как-то он ей сказал, что мало кого из женщин нельзя назвать шляхой. «А меня?» — спросила она. «О, что до вас, Государыня, — откликнулся он, — ведь вы — Королева!».

Одной из его самых громких любовных связей была связь с м-ль д'Антраг, сестрою г-жи де Вернёй; ему выпала честь быть некоторое время соперником короля Генриха IV. Тэтю, начальник дворцовой стражи, прислуживал в этих случаях Его Величеству. Однажды, когда сей молодой человек пришел побеседовать с м-ль д'Антраг, она спрятала Бассомпьера за стенным ковром и сказала Тэтю, который упрекал ее в том, что она менее сурова по отношению к Бассомпьеру, нежели к Королю, что к Бассомпьеру она совершенно равнодушна, и в то же время ударила хлыстом по ковру в том месте, где стоял Бассомпьер. Я полагаю все же, что Король удовлетворил свою прихоть и где-то переспал с ней

Генрих IV спросил как-то у иезуита, отца Коттона: «Что бы вы стали делать, ежели бы вас положили в одну постель с м-ль д'Антраг?». — «Я знаю, что мне надлежало бы делать, Государь, — ответил тот, — но не знаю, что бы я сделал». — «Он сделал бы то, что надлежит сделать мужчине, — заметил Бассомпьер, — а не то, что должен был бы сделать отец Коттон».

В ту пору Ботрю в присутствии Королевы как-то приставил ему сзади рожки; все рассмеялись. Королева спросила, в чем дело. «Да это Ботрю, Государыня, — отозвался Бассомпьер, — показывает то, что он всегда носит».

У м-ль д'Антраг от Бассомпьера родился сын, которого долгое время называли аббатом де Бассомпьером; ныне это г-н де Сент. Она добивалась от Бассомпьера, чтобы тот женился на ней; жалоба была направлена в Руанский парламент; Бассомпьер выиграл этот процесс. Защитником его выступал Бертиньер; это был человек, который утверждал, что не понимает, как можно смущаться, выступая публично, поелику его

ничем удивить нельзя. Маршал помог Бертиньеру получить согласие Двора на занятие им должности Генерального прокурора в Руанском парламенте и устроил это за двадцать тысяч эю. По возвращении из Руана м-ль д'Антраг показала однажды Ботрю своего сына. «Не правда ли, как он мил», — спросила она. — «О да, — отвечал Ботрю, — но я нахожу, что после вашей поездки в Руан он более походит на байстриючка, чем на барчонка». М-ль д'Антраг упорно продолжала, да и ныне продолжает именоваться г-жой де Бассомпьер. «Пусть ее, — ответил Бассомпьер, — коли ей нужно прозвище, пусть себе берет хотя бы это имя». Позднее Маршалу сказали: «Маршальшей она себя не называет». — «Еще бы, — отвечал Бассомпьер насмешливо, — я уже давненько не вручал ей жезла».

Когда он приобрел особняк Шайо, Королева-мать сказала: «К чему вы его купили? Это просто загородный дом для увеселений». — «Государыня, — ответил Бассомпьер, — я-то из немцев». — «Но это даже не за городом, это же пригород Парижа». — «Государыня, я так люблю Париж, что не хотел бы никогда покидать его». — «Да ведь этот дом только и годен на то, чтобы туда девок возить». — «А я их и буду возить, Государыня».

Полагают, что он был женат на принцессе Конти. Причиной его заточения послужили интриги Гизов, а отчасти и его собственный язык, ибо он как-то сказал: «Мы будем так глупы, что возьмем Ларошель». А однажды он спросил, покажут ли ныне Кардинала.

От принцессы де Конти у него родился сын, которого назвали Латур-Бассомпьер; полагают, что он бы его усыновил, будь у него на это время. Этот Латур был храбр и очень ловок. На одном поединке, где он выступал секундантом и имел дело с противником,³ который пользовался левой рукой, так как правая была у него давно искалечена, он велел привязать свою правую руку к телу и тем не менее вышел победителем. Жил он у Маршала и умер от какой-то болезни.⁴

Бассомпьер ежегодно выигрывал у г-на де Гиза пятьдесят тысяч эю; г-жа де Гиз предложила выплачивать ему десять тысяч эю в год, только бы он не играл с ее мужем. Он ответил словами дворецкого маршала де Бирона: «Я на этом слишком проиграю».

Бассомпьер не был большим мастером в любовных поединках. Одному приятелю, который как-то спросил, на сколько раз его хватает в деле, когда он желает особо отличиться, Бассомпьер ответил, что всего на один раз. А обычно и на раз не хватает. Однажды его... — ну да вы понимаете кто — остановился на полпути. «А, — пробормотал он, — вот я тебя сейчас отрежу». — «О, — откликнулась его дама, — простите ему и на этот раз». Он любил крупных женщин, говоря, что, когда имеет дело с ними, ему кажется, что перед ним не одна, а две. Я с этим не согласен. Маленькие женщины более пылки и более игривы. Но хорошо бы, чтобы к тридцати пяти годам они подрастали, дабы обрести хотя бы представи-

тельность и величие, коих им не хватает, ибо с годами они становятся просто омерзительны. Что же до Бассомпьера, который утверждал, что ему нравятся женщины в летах, я не удивляюсь, откуда у него такие вкусы.

Он был всегда весьма учтив и галантен. Один из его лакеев, увидев, что какая-то дама проходит по двору Луврского Дворца и никто не несет ее шлейфа, тотчас же подхватил его, сказав: «Пусть не говорят, что лакей г-на маршала де Бассомпьера не услужит даме». Это была покойная графиня де Ла-Сюз; она все рассказала Маршалу, и тот сразу же сделал этого слугу камер-лакеем.

Хотелось бы, чтобы при Дворе был всегда кто-нибудь на него похожий: ведь он поддерживал его славу, он принимал и развлекал иностранцев. Я бы сказал, что он был при Дворе чем-то вроде Любезного Кавалера из «Романа о Розе». ⁵ Вот почему «Бассомпьерами» называли всех тех, кто отличался приятной наружностью и щегольством. Одна куртизанка по этой причине велела называть себя «Бассомпьершей», другую прозвали так потому, что у нее был веселый нрав.

Какой-то парень, который носил господ в портшезах в Савойских горах, был прозван «Бассомпьером» из-за того, что он обрюхатил двух девиц в Женеве. В связи с этим прозвищем с Маршалом произошел забавный случай на Луаре. Он направляется в Нант в ту пору, когда там обезглавили графа де Шале; ⁶ некая особа попросила место у него в каюте для себя и своей служанки; она ехала ко Двору, чтобы добиться милости для своего сына. Плыли всю ночь. В темноте Маршал прокрался к служанке и был уже готов переступить заветный порог, когда лодочник крикнул: «К рулю, Бассомпьер». Это поразило Маршала и, я полагаю, расхолодило. Потом он узнал, что именем этим звали рулевого, и звали потому, что он был самым приятным лодочником на всей Луаре.

Одна известная сводница говаривала, что г-н де Гиз самый щедрый, г-н де Шеврез — самый дородный, г-н де Терм — самый бойкий, а г-н де Бассомпьер — самый красивый и самый большой насмешник.

Все вышеупомянутые, а также г-н де Креки и отец де Гонди, в ту пору Генерал галерного флота, часто вместе обедали и любили подтрунивать друг над другом, но как только они чувствовали, что предмет их шуток конфузится, переходили к другому. Те, кто сидел с ними за столом, предпочитали ничего не есть, а только их слушать.

Я уж как-то говорил, что Маршал никогда хорошо не танцевал; да и верхом выглядел неважно; в нем было что-то грубоватое, он был довольно неуклюж. Однажды Маршал участвовал в Королевском балете; перед самым его выходом кто-то имел глупость сообщить ему, что умерла его мать. Она слыла прекрасной хозяйкой, и он был ей многим обязан. «Вы ошибаетесь, — сказал Маршал, — она умрет, когда кончится балет».

Маршал не раз входил в состав Посольства. Он рассказывал покойному Королю, что в Мадрид он въехал верхом на прехорошеньком муле,

которого ему прислали от имени Короля. «О, и было чем полюбоваться, — воскликнул покойный Король, — осел верхом на муле!». — «Осторожнее, Государь, — отвечал Бассомпьер, — я представлял собою вас».

Королева-мать говорила: «Я так люблю Париж и так люблю Сен-Жермен, что хотела бы одной ногой стоять здесь, а другой — там». — «А мне, — сказал Бассомпьер, — хотелось бы тогда быть в Нантерре». Это на полпути от Парижа.

Г-н де Вандом говорил Маршалу, встретившись с ним где-то: «Вы, небось, сторонник г-на де Гиза, вы ведь спите с его сестрой де Конти?». — «Это ровно ничего не значит, — отвечал Маршал, — я спал со всеми вашими тетками, из этого вовсе не следует, что я вас больше люблю».

Основываясь на том, что де каждый человек напоминает какое-нибудь животное, Маршал в шутку говорил, что маркиз де Темин — его выючное животное. Г-н де Ларошфуко, злой насмешник, хотел по этому поводу высмеять Темина, но тот заявил, что не потерпит от него того, что терпит от г-на де Бассомпьера. Дело меж ними едва не дошло до дуэли.

Когда Бассомпьер оказался в Бастилии, он дал обет не бриться, пока не будет выпущен на свободу; однако через год он велел себя постричь и побрить. У него была мимолетная любовная связь с г-жой де Гравель, которая тоже находилась в заточении; эта женщина была на содержании у маркиза де Рони, а потом из-за интриг была арестована. Кардинал де Ришелье был настолько бесчеловечен, что приказал подвергнуть ее пытке. После смерти Маршала она имела глупость надеть по нему траур, так же как и г-жа де Бассомпьер.

Г-н Шаплен написал сонет по поводу лихорадки, которую схватил г-н де Лонгвиль во время переправы через Рейн; он назвал его там «французским львом». — «Он скорее французская крыса», — сказал Бассомпьер.

Каждый пленник Бастилии говорил: «Я смогу выйти отсюда тогда-то». — «А я, — говорил Маршал, — уйду отсюда, когда уйдет г-н дю Трамбле».

Когда Кардинал заболел, Трамбле сказал Маршалу: «Ежели Кардинал умрет, вы здесь не останетесь». — «Вы тоже», — ответил Маршал.

Он не хотел уходить из тюрьмы, пока Король его о том не попросит. «Я королевский офицер, — говорил он, — верный слуга Короля, а со мною обошлись недостойно; да и к тому же мне не на что жить». Его земли были разорены. Маркиз де Сен-Люк сказал ему: «Выходите, что вам стоит? Попасть обратно вы сумеете всегда». Выйдя из тюрьмы, Маршал говорил, что, на его взгляд, «в Париже теперь остается ходить только по империялам карет, до того запружены улицы, мужчины все безбородые, а лошади без грив и хвостов».

Он тотчас же вступил в свою прежнюю должность полковника Швей-

парцев: Куален был убит при Эре; его сменил Ла-Шатр, но, поскольку он в известной степени сочувствовал Высокомерным⁷ и его подозревали в приверженности г-ну де Бофору, в должности Полковника восстановили г-на де Бассомпьера, который получил за нее четыреста тысяч ливров, а предшественнику пришлось купить ее у г-жи де Куален. Ла-Шатр и его жена, оба еще молодые, умерли потом в прискорбных обстоятельствах. Бассомпьер за должность так ничего и не уплатил. Вскоре он снова наладил при Дворе превосходный стол и стал ворочать большими делами.

Ему мы обязаны тем, что Кур-ла-Рен⁸ существует и поныне, ибо это он позаботился одеть камнем ее спуск к воде и соорудить каменный мост через городской ров.

Он был еще приятен собой и хорошо выглядел, невзирая на свои шестьдесят четыре года; по правде говоря, он стал немного строить из себя шута и все еще норовил отпускать остроты, но молодого задора ему уже недоставало и они у него зачастую не получались. Принц Конде и его щеголи над ними потешались.

Встретившись с ним на крыльце Люксембургского дворца,⁹ одна весьма знатная дама, отпустив ему множество комплиментов по поводу непринужденности его обращения, сказала: «Вы сильно поседели, г-н Маршал». — «Сударыня, — ответил он ей, как истый крючник, — я вроде лука порея: голова белая, а хвостик зеленый». Зато некоей молодой девушке он как-то сказал: «Мадемуазель, как мне жаль, что я не молод, когда я вас вижу».

О Марескó, который вернулся из Рима совершенно простуженным и не привез кардинальской шляпы для г-на де Бове, Маршал сказал: «Неудивительно: он вернулся без шляпы».

Как-то он заявил: «Я недавно продул с такой-то восемнадцать денье: она — два лиара, а я — целое су». Еще он сказал однажды, что из всех женщин Парижа лучше всего проводит время жена Канцлера, ибо после смерти покойного Короля муж ее всегда наготове.

Поскольку Маршал обладал прекрасным здоровьем и всегда говорил что не знает, где у него желудок, он был крайне невоздержан: поедал множество скверных дынь и персиков, которые в Париже никогда не созревают. Затем он отправился в Танлэ, где предавался невероятному обжорству; по возвращении оттуда он десять дней лежал больным в Поне у г-жи Бутийе, которая не желала его отпускать, пока он совсем не поправится; но Ивлен, врач, направленный Королевой, у которого были дела в Париже, поторопил его вернуться в столицу. Маршал умер в Правене, ночью, во сне, и умер так спокойно, что его застали в той же позе, в которой он обычно спал, положив руку на подушку под голову и слегка согнув ноги в коленях. Он даже их не вытянул. Его грузное, толстое тело везли осенью по тряской дороге до Шайо, где при осмотре обнаружили, что в пути оно разложилось.

Марион де Лорм

Марион де Лорм была дочерью довольно состоятельного человека, и, пожелав она выйти замуж, ей дали бы в приданое двадцать пять тысяч экю; но выйти замуж она не пожелала. Это была красивая и статная женщина, которая все делала с большой охотой; она не отличалась живостью ума, но хорошо пела и хорошо играла на лютне. У нее порою краснел нос, и посему иной раз она целое утро сиживала, опустив ноги в воду. Она была великолепна, расточительна и по природе своей сластолюбива. Она признавалась, что за свою жизнь питала склонность к семи или восьми мужчинам, но не больше: де Барро был у нее первым, затем — Рувиль, хотя он и не слишком-то красив; это из-за нее он дрался на дуэли с Лаферте-Сенетерром; потом Миоссанс, которому она написала, когда ей пришла прихоть переспать с ним, далее — Арно, Господин Главный, г-н де Шатийон и г-н де Бриссак.

Она рассказывала, что кардинал де Ришелье подарил ей однажды трость ценою в шестьдесят пистолей, которую получил от г-жи д'Эгийон. «Я почитала это, — говорила она, — за трофей». Она пришла к нему переодетая пажом. Марион де Лорм немного завидовала Нинон.

Маленький Кийе, который был знаком с Марион весьма коротко, утверждает, что у нее было самое прекрасное тело, какое он когда-либо видел. Он сотни раз целовал ей известное место, но на этом все и кончалось. Он говорил ей: «Приходит же иной раз, когда объесться, охота съесть какую-нибудь гадость; вот и на меня у вас может появиться аппетит». Это был невзрачный прыщеватый человечек.

Марион де Лорм умерла тридцати девяти лет, но и в эти годы она была даже прекраснее, чем когда-либо. Если бы не частые беременности, она была бы хороша и до шестидесяти лет. Будучи сластолюбива, как я уже говорил, она легко беременела. Незадолго до болезни, дабы вытравить плод, она приняла большую дозу антимония, это-то ее и убило. У нее нашли различных пожитков на двадцать тысяч экю; перчаток ей хватало не больше чем на три часа. Она никогда не брала деньгами, а только вещами. Чаще всего уговор заключался на серебряную посуду той или иной стоимости.

Собственная расточительность и запутанные дела ее семьи принудили Марион заложить колье, подаренное неким д'Эммери. Об этом толстяке она говорила, что он приятный собеседник, чистоплотен и хорош в постели. Он препоручал ей кое-какие дела,* но ничего не сделал для ее братьев.

Уссе, казначей по делам побочных доходов, ныне интендант финансов, выкупил это колье и оставил у себя; он был влюблен в Марион де Лорм, однако не отважился потратить ради нее такую сумму.

* И это колье было дано не бескорыстно; оно в какой-то мере явилось вознаграждением за коммерческие услуги.

Когда она умерла, пришлось обратиться к Президенту палаты косвенных сборов. Немногим раньше Лаферте-Сенетерр, в ту пору маршал Франции, пользуясь бедственным положением, в котором она обреталась, вознамерился увезти ее в Лотарингию; но Марион это отсоветовали, ибо Маршал поместил бы ее в бордель. К Шеври она прибегала лишь на худой конец, когда никого другого у нее под рукой не было.

Когда она обратилась к покойному президенту де Мэму с ходатайством об освобождении своего брата Бэ* из тюрьмы, куда он попал за долги, Президент сказал ей: «Да может ли статья, мадемуазель, что я прожил до нынешнего дня и ни разу не видел вас?». Он проводил ее до подъезда, посадил в карету и выполнил ее просьбу в тот же день. Подумайте только! Другая, занимаясь тем, чем занималась Марион, обесчестила бы свою семью, к ней ее возлюбленные относились с уважением. Стоило ей умереть, как все позабыли о ее родственниках и оказывали им кое-какую помощь лишь в память о ней. При жизни она извлекла от расходов почти всех своих родных.

Она десять раз исповедалась во время болезни, от которой умерла, хотя проболела всего два-три дня: всякий раз ей хотелось покаяться в чем-то еще. После смерти она лежала сутки на своей постели с венком из флердоранжа на голове. Но потом кюре церкви Сен-Жерве заявил, что это нелепо.

У Марион было три сестры, все три красивые. Младшая была девицей и останется ею навсегда — на манер своей сестры; лицо у нее попорчено оспой, но это не мешает ей обладать пылкой страстностью. Г-жа де Ла-Монтань, старшая из сестер, имела однажды глухость сказать, как говорится в пословице: «Мы хоть бедны, зато честны». Тем не менее г-н де Море едва не сломал себе шею, влезая по веревочной лестнице на четвертый этаж, где она ему назначила свидание. Другая старшая сестра была замужем за Можру, который занимал какую-то должность в Артиллерийском ведомстве** и жил в то время в Арсенале. Генерал-инспектор артиллерии, ныне маршал де Ламейре, в пору своего вдовства влюбился в нее. Говорят, будто он одолжил ей бриллиантовые серьги, а назавтра, когда она захотела их вернуть, упросил ее оставить их себе как подарок, после чего начал сильно к ней приставать; ничего не добившись, он дал ей пощечину и стал попрекать, что, мол, его деньги не хуже денег де Реца;*** насчет последнего сильно злословили. Генерал-инспектору артиллерии этого было мало: он прогнал ее мужа из Арсенала и всячески вредил их семье.

* Название одного из поместий ее отца.

** Он — казначей Артиллерийского ведомства.

*** Старшего брата Кардинала.

Маршал де Лопиталь

Он второй сын г-на де Витри,* который первым отошел от Лиги, после чего находился в добрых отношениях с Генрихом IV, будучи капитаном его Гвардии; своим сыновьям он дал имена Франсуа и Никола́, и Король так запросто их и называл.

После того как отец на старости лет удалился на покой, Никола́, поскольку речь идет о нем, оказался настолько безрассуден, что покинул аббатство Святой Женеьевы, коим он ведал, а также отказался от должности попечителя епископства Мо (говорят, будто у него могло быть там сто двадцать тысяч ливров в церковных угодьях, и притом в Париже или предместьях Парижа) и удовольствовался наследственным доходом — самое большое в четыре тысячи ливров; но его влекло к военной службе. Укрепившись в своем намерении, он, поскольку во Франции в ту пору царил мир, стал просить у отца разрешения постранствовать по свету в ожидании случая попасть на войну по милости судьбы, полагая, что время, таким образом, пройдет для него с пользой. «Я начну, — добавил он, — с Испании, ежели вы не возражаете». Отец на это согласился, однако же предупредил сына, чтобы тот поостерегся, дабы его не узнали. «Тебе известно, — сказал он, — что я дал когда-то в Париже в присутствии хромуши Монпансье пощечину одному испанскому сеньору за то, что он обвинил меня, будто я нестойк в своих убеждениях. Судя по его возрасту, этот сеньор, должно быть, еще жив и, по-видимому, бывает при Дворе». В Мадриде Сеньор узнал дворянина, капитана Шампаня, который находился там вместе с г-ном дю Аллье (так в ту пору звали Маршала). Он встречал этого капитана с г-ном де Витри еще во времена Лиги.¹ Испанец обласкал Шампаня и осведомился, где живет его начальник. Капитан сказал ему это, полагая, что невозможно угадать в г-не дю Аллье сына г-на де Витри, но Испанец это легко разгадал и на следующий день навестил г-на дю Аллье, наговорил ему столько любезностей и выразил такую готовность к услугам, что тот, отдавая ему визит, не смог больше перед ним таиться, назвал свое имя и объявил ему, что через восемь или десять дней намеревается тронуться в путь, дабы посетить все прекрасные города Испании. Сеньор отменно угостил дю Аллье, а в день его отъезда, принеся ему извинения за то, что не может его сопровождать, ибо обязан находиться в свите Короля, передал ему пакет с королевскими письмами к губернаторам тех мест, которые лежали на пути следования нашего путешественника. Повсюду ему оказывали множество почестей, так что в конце концов он был вынужден продолжать путешествие под чужим именем.

Я уже говорил, что именно он убил маршала д'Анкра. Лозьер, младший из де Теминов, говоря о маршале де Витри, заявил во всеуслыша-

* Старший брат — это маршал де Витри.

ние: «Неужто мне никогда не дадут подло и коварно убить кого-нибудь, дабы сделать меня затем маршалом Франции?».

Своим преуспеянием оба брата обязаны сему прекрасному поступку; не говоря уже о старшем из них, г-н де Лопиталь добился от Двора пенсии в сорок тысяч экю. Правда, и у жены его было кое-какое состояние. Он занимал несколько должностей, был губернатором в Брессе, а затем в Лотарингии и командовал небольшими армиями, прежде чем стать маршалом Франции. Это человек кроткого нрава, суровый к тем, кто много о себе воображает; стоя у власти, он умел предотвращать беспорядок. Собеседник он посредственный и простодушно рассказывает о том, что он видел и что с ним случалось; так, он говорит, например, что рыжие — к каковым в молодости относился и он, — старея, только выигрывают. Это старик с недурной внешностью, которая, однако, никогда не была примечательной; за что бы он ни брался, чувствуется, что это человек недалекий, а по части любви он просто жалок.

Он был по уши влюблен в некую г-жу де Вилен,² мерзкую не только по фамилии, но и по своей натуре; достаточно сказать, что, когда трое или четверо юношей из придворных по дурусти поспорили, кто из них, приняв надлежащих снадобий, наиболее отличится ночью в любовных схватках, она, говорят, послужила им предметом упражнений. Двое из них, кажется, умерли, а другие серьезно хворали.

Маршал был вроде как помолвлен с сестрой нынешнего маршала д'Омона, вдовою г-на де Со-Потье, государственного секретаря, женщиной красивой, молодой, у которой было состояние в сто тысяч экю и вдовья пенсия восемь тысяч ливров в год. Г-ну де Лопиталю оставалось только подписать брачный контракт; он затем и шел, когда по дороге повстречал г-жу де Вилен, которая, назвав его «неверным Биреном»,³ заставила вернуться домой и послать невесте извинения. Вдова де Со-Потье вышла впоследствии замуж за графа де Ланнуа, а их дочь стала первой женой нынешнего г-на д'Эльбефа, княгиней д'Аркур.

Г-жа де Вилен властвовала над г-ном де Лопиталем еще три года. Эта женщина во время ссылки своего мужа, который был отправлен в Рагузу,* забеременела. Дабы сокрыть это, она отправилась в путешествие и вернулась только после разрешения от бремени. О законности ее сына не спорили: это тот самый безумец, маркиз де Вилен, которого мы всюду

* Отправляясь в Рагузу, в качестве провожатого она взяла с собой итальянца по имени Беналя, служащего г-на Люманя. Этот малый, который уже двадцать пять лет не видел ни своего отца, ни своей матери, проехал мимо ворот их города и не наведаясь к ним, заявив, что он, мол, не для того приехал в Италию. Про него рассказывают, что, когда его вывозили на два месяца в деревню, он снашивал по шестьдесят пар мягких туфель и поступал так же в отношении других вещей. Два года он молчал; затем внезапно отлично заговорил по-французски, — все этому немало удивились. «Дело в том, — ответил он, — что я не хотел говорить до тех пор, пока не буду хорошо знать язык».

встречаем. Это не подлинный Вилен из округа Мен, они горожане, но древнего рода: отец его был замешан в каком-то заговоре.

Потом г-н де Лопиталь влюбился в г-жу дез Эссар, которую кардинал де Гиз, по ее словам, оставил вдовою с четырьмя детьми: это ныне аббат де Майи, граф де Роморантен, шевалье де Лоррен и г-жа де Род. . . . Из любви к ней кардинал де Гиз дал пощечину г-пу де Неверу, который оспаривал у него приорат Ла-Шарите, на каковой притязала в какой-то мере г-жа дез Эссар для своего сына. Сама она была дочерью г-жи де Шени из рода де Арле, которая, будучи вдовою, имела любовную связь с неким г-ном де Сотур из Шампани, откуда и произошла г-жа дез Эссар, называвшая себя законной дочерью; но в браке ее родители никогда не состояли.

Бомон-Арле, отправляясь послом в Англию, взял с собою жену, а также эту дочь, которую он забрал из монастыря; в ту пору ее звали м-ль де Ла-Э; она выросла статной и столь красивой, что лишь г-жа Келен и принцесса де Конде могли как-то с ней соперничать. Принцесса была привлекательнее их всех, но обе другие были красивее; г-жа де Бомон жестоко завидовала им.

Еще в ту пору, когда м-ль де Ла-Э была в Англии, молва о ее красоте дошла до Генриха IV; когда она возвратилась во Францию, Король подписал ей контракт на тридцать тысяч экю; сколько мне помнится, с тех пор она именуется г-жой дез Эссар, заявляя, что так называется одна из земель ее отца, г-на де Сотура. Говорят, будто она заставляла грех-четырех здоровых малых растирать себе тело, а затем, когда поры хорошо раскрывались, она натирала себя с ног до головы той помадою, которая и теперь еще зовется помадою г-жи дез Эссар: ничто не делает кожу столь нежной.

У нее было врожденное отвращение к кастратам, и стоило ей увидеть такого мужчину, как она или падала в обморок, или была близка к тому.

У нее были две дочери: г-жа де Фонтевро и г-жа де Шелль.

Оправившись после тяжелой болезни, она довольно долго мучилась бессонницей. Однажды, когда она на нее пожаловалась, некий иезуит, изрядный зубоскал, по имени отец Жофруа, сказал ей со смехом: «Сударыня, я заметил, что мои проповеди действуют на вас усыпляюще; вы спите на них с самого начала и до конца; не угодно ли вам будет испробовать, окажут ли они и сейчас столь благотворное воздействие?». И тут же он возглашает: *In nomine Domine* etc.⁴ Он начинает проповедь, она засыпает — и с той поры спит всегда хорошо.

Покойный Король,⁵ заметив, что г-н дю Аллье влюблен в эту женщину, сказал: «Он одних уродок и любит». На сей раз это относилось к ее душе, ибо внешне она была еще очень хороша собой. Поскольку г-н дю Аллье никак не решался на ней жениться, она разыскала его на пути в Лион, где Король в ту пору лежал тяжело больной; а вечером, после ужина, оставшись с ним наедине, взяла нож и заявила, что убьет

его, ежели он не пообещает жениться на ней завтра же; он пообещал: представьте себе, что это было не со страху. И в самом деле, он на ней женился, говоря, что пусть она шлюха, но он предпочитает иметь дело с этой, чем с другой.

У него было двое племянников, женатых на особах, репутацию которых пришлось создавать заново. Персан-Бурнонвиль расстался с выгодным аббатством ради Ла-Шезель, а Витри женился на крошке де Род, законность рождения которой была столь сомнительна, что пришлось дать двадцать тысяч экю Сенетерру, чтобы помешать ему раздуть гражданское дело.

Покойная г-жа дез Эссар держала своего мужа в полном подчинении и заставляла его называть ее детей князьями; она их прижила не от него и, дабы лишить наследства г-на де Витри, заставляла мужа продавать наследственные земли и покупать новые, с тем чтобы они являлись их общей супружеской собственностью. Маршал помолвил даже младшую де Роморантен, дочь одного из сыновей своей супруги, с сыном г-на де Бриенна; но впоследствии эта помолвка расстроилась.

Эта сумасбродка заставляла подавать себе одновременно семь-восемь супов в больших мисках, затем приносили индюшонка, двух цыплят и тушеное мясо, а на десерт — мягкий сыр, яблоки и варенье. В 1650 году, по весне, она вздумала очистить себе желудок и сказала сыну своего аптекаря, только что похоронившему отца: «Приготовьте мне то лекарство, что делал мне ваш отец». Неизвестно, допустил ли этот юноша какую-либо оплошность, но только дама бегала по нужде раз пятьдесят, потеряла много крови и едва не окачурилась. В следующем году она умерла. После ее смерти муж неожиданно обнаружил множество долгов: при жене порядка в доме не было, да и, кроме того, подле нее всегда находился кто-нибудь, кому, разумеется, нужно было хорошо платить. В Витри, коим Маршал управлял по особому указу, хотя и был единственным королевским наместником под началом принца де Конти, эта старая карга однажды притворилась, будто хочет что-то показать молодому кавалеру, который обедал у Маршала; оставшись наедине с этим молодым человеком, она сказала ему: «Задерите мне подол». — «Ступайте к черту, старая сука, — ответил тот, — подыщите для этого кого-нибудь другого».

Госпожа л'Эвек, Ла-Барр, госпожа Компен

У некоего Тюрпена, прокурора в Шатле, была дочь — одна из самых красивых девушек в Париже. Она была белокура, белолица и чудесно сложена; шел ей, должно быть, шестнадцатый год. Молодой стряпчий, по имени Патрю (это тот самый, что нынче стал членом Академии и пишет отличные сочинения в прозе), увидел ее на процессии по случаю Великого Юбилея (1625).¹ Ее красота поразила Патрю, да и не только

его одного; все, кто участвовал в процессии, останавливались, чтобы поглядеть на нее. Ежели девица была хороша, то и молодой человек был очень красив, и казалось, что это самая прекрасная пара, какую только можно найти. Хотя она представлялась ему восхитительной и он не на шутку пленился ею, ему не хотелось ходить к ней в дом, ибо, при всей своей молодости, он отлично понимал, что ему неразумно увлекаться девушками. В церкви Кармелиток — они оба жили в этом квартале — Патрю встретил ее на мессе и был ею ослеплен, сказав себе, что в жизни не видел подобной красоты. Она кивнула ему самым благоклонным образом. Он довольствовался тем, что иногда проходил мимо ее дома, в дверях которого она часто стояла; и коли он смотрел на нее влюбленно, она, со своей стороны, награждала его отнюдь не равнодушным взглядом. Он страстно желал, чтобы она вышла замуж, и один из стряпчих Парламента, по имени л'Эвек, вскорости женился на ней. Это был низенький, нескладный и довольно смешной человек. И вот наш влюбленный в восторге: он начинает ходить в Шатле — муж избрал этот путь из-за тещи — под тем предлогом, что молодому человеку следует начинать именно с этого. Патрю держится от л'Эвека подальше и долгое время старается с ним не общаться. Вскоре он снискал себе хорошую репутацию. Однажды утром собралось несколько стряпчих, среди которых был и л'Эвек, и кто-то предложил устроить пирушку, дабы посмотреть, на что способен этот малый, недавно приехавший из Италии: Патрю только что оттуда возвратился. Л'Эвек заявил, что хочет собрать всех в тот же день и у себя дома. Все к нему пришли и пировали до одиннадцати часов вечера; жена его все время сидела с гостями и ни разу не отлучалась.

Получив доступ в дом красавицы, наш влюбленный пришел в восхищение, однако он не осмеливался заходить туда без какого-либо видимого повода, поскольку эту женщину окружало множество глупцов, по большей части начинающих стряпчих, которые стали болтать разный вздор, как только увидели, что Патрю вхож туда: он внушал им зависть. Меж тем ему передавали, что она отзывается о нем с большой похвалою. Наконец он встретился с нею с глазу на глаз под сводами обители Матюренов и был вынужден сказать ей, что он до сей поры не отважился навещать ее наедине; она перебила его, сказав, что он может приходиться к ней, когда ему вздумается. Он стал навещать ее, притом частенько; но молодые стряпчие вскоре забили тревогу; муж заявил, что посещения эти ему не нравятся; красавица предупредила Патрю, ибо за короткое время он достиг немалых успехов. Патрю, дабы ответить контрударом, начинает усиленно ухаживать за матерью молодой женщины, которая живет тут же по соседству. Эта матушка, столь же беспечная, как и все другие, так привязалась к нашему юноше, что имя его не сходило у нее с уст. Тем временем завистники подняли такой шум, что отец г-жи л'Эвек всполошился и дал понять своей жене, что она

просто дура. Наш любовник узнает и об этой неудаче. Он старается теперь завязать более тесное знакомство с мужем, чего прежде всеми силами избегал, потому что тот был весьма наглым человеком. Л'Эвек строил из себя знатока изящной словесности и отлично знал лестные отзывы о нашем стряпчем; он вскоре попадает на удочку до такой степени, что становится помехой, и уже жить не может без Патрю. Тот, дабы в какой-то мере избавиться от него и получить большую свободу для своей любовной интрижки, упросил д'Абланкура, своего лучшего друга, сжалиться над ним и хоть изредка отвлекать этого назойливого муженька. Они заключили меж собою уговор.

Три раза в неделю они вместе обедали то у д'Абланкура, то в каком-нибудь трактире. В ту пору аббат ле-Норман, тот самый плут, что одно время давал уроки катехизиса за Новым Мостом, а затем служил шпионом у кардинала Мазарини, будучи родственником красавицы, стал ее домогаться и, используя свою духовную власть, хотел овладеть ею силой; она же над ним посмеялась. Разозлившись из-за этого на Патрю, ле-Норман ввел в дом молодого аббата, которого звали аббатом де ла-Терьер, и тот немедленно влюбился в молодую женщину, однако же преуспел не более, чем ле-Норман. Тогда оба они, желая узнать, каково истинное положение дел, решают подкупить одного из священников, которые по определенным дням на святой неделе у подножья органа церкви «Трехсот слепых» дают отпущение тех грехов, разрешать кои может только епископ. Наш любовник привык там исповедоваться. Подкупленный священник оказался в этом месте один. Стряпчий кается ему, что спал с замужней женщиной. Выслушав его, священник говорит довольно громко: «Я ухажу, здесь мне больше делать нечего; все, что мне требовалось, я узнал». Патрю услышал эти слова. Через некоторое время к нему является какой-то бретер; Патрю видел его несколько раз в церкви Кармелиток. «Сударь, — говорит ему бретер, — ко мне обратился некий аббат, он просил плеснуть в вас азотной кислотой и попортить ваше лицо; но я и не подумал это сделать. Как видите, я вас предостерегаю, притворитесь, будто вы ничего не знаете, пусть думает, что мы попались; у него еще остались кое-какие деньжата от той бенефиции, которую он продал аббату ле-Норману». Этот аббат впоследствии стал Минимом² и просил принести Патрю свои извинения.

Аббат ле-Норман был сыном докладчика в Государственном совете и внуком комиссара из Шатле. Л'Эвек необычайно гордился, что сын докладчика в Государственном совете в родстве с его женой. В конце концов он убедился, что тот всего-навсего наглец. Буаробер называет аббата ле-Нормана «доном Злодеем».

Довольно долгое время наши любовники не знали помех, но вот однажды, когда они были вдвоем в спальне красавицы, входит муж и направляется в чулан, словно не замечая их. Любовник говорит своей милрой: «Нам его вконец испортили, я давно уже предвижу, что мне при-

дется поссориться с ним для того, чтобы заставить его вернуть мне свое расположение, вот тогда он, конечно, снова станет искать моего общества. Я уйду: скажи ему, что я ушел весьма недовольный и не хочу больше сюда возвращаться; он непременно скажет, что этого-то и добивается, но пусть тебя это не пугает». Все происходит, как сказал Патрю: л'Эвек как-то выпил с молодыми людьми, которые заморочили ему голову. Через несколько дней Патрю встречает л'Эвека и недвусмысленно поворачивается к нему спиной. Л'Эвек был этим несколько удивлен, сразу же присмирел и в тот же день сказал жене: «Видно, г-н Патрю в самом деле не на шутку на меня рассердился; сегодня в церкви он повернулся ко мне спиной». — «А что я тебе говорила, — ответила жена, — он давеча ушел весьма недовольный». Возмущение, которое выказал Патрю, оказало желаемое воздействие: л'Эвек стал снова бегать за ним. Они уже готовы были помириться, как вдруг л'Эвек скоропостижно умирает, но перед этим он вернул Патрю свое прежнее расположение настолько, что, умирая, наказал жене, чтобы она во всем полагалась на Патрю, и выразил лишь сожаление, что не успел возобновить с ним прежней дружбы. Он также заявил, что должен Патрю кое-какие деньги, на которые у того нет расписки, и хотя точно не знает, как велика эта сумма, но полагаться в этом случае надобно на слова самого Патрю.

Через несколько дней вдова послала спросить у любовника, велика ли сумма долга. Он ответил ей, что она, как видно, шутит, ибо покойный муж ему ничего не должен. Она ему написала, что молва о долге дошла до ушей ее отца, что ему непременно надобно назвать сумму и она просит его прислать ей акт об описи ее имущества на весь долг. Патрю ответил, что не собирается ей этого делать и что, поскольку уж ей так необходимо уплатить эти деньги, сумма, мол, такая-то; пусть же она поступает, как найдет нужным, но что он никак не осмеливается послать ей акт об описи, хотя ему известно, что без этого она не сможет уплатить ему точную сумму. Узнав обо всем, отец послал ему деньги, составив опись по собственному разумению.

Смерть л'Эвека разрушила их любовную связь: Патрю находил, что связь со вдовой столь же ненадежна, как и связь с девицею. Она же настойчиво просила его о встречах; одно время он ссылался на приличия, якобы не позволявшие ему столь быстро вернуться ко вдове человека, с которым, как все знали, он находился в ссоре. Потом он стал с ней более откровенным и сказал, что не может видаться с нею, не навлекая на нее осуждения: ежели он на ней женится, то поставит ее в неловкое положение, а ежели не женится, погубит ее, не дав ей возможности выйти замуж вторично. Тут вдова пришла в отчаяние. Она решила, что, ежели на глазах у Патрю за ней начнут ухаживать другие, он вернется к ней, и стала ходить в церковь в сопровождении целого сонма поклонников. Патрю признался мне, что это его коробило и что никогда в жизни ему не было так плохо, как в ту пору, когда он видел, что одна из самых

красивых женщин на свете, в которую он был влюблен по уши, страстно его желает, а он не может насладиться столь великим счастьем. Он заболел горячкой; разум его, однако, поборол болезнь, и он так ни разу и не пришел к г-же л'Эвек.

Красавица, окружившая себя столькими поклонниками, постепенно привыкла к своей роли кокетки, и почем знать, не пришли ли на смену Патрю некто Шанденье, впоследствии капитан Лейб-гвардии, покойный президент де Мэм и президент Танбонно, проведя с нею несколько ночей; пока Патрю с нею виделся, эти кавалеры, да и многие другие, ограничивались болтовней, и она ему рассказывала обо всем, что они ей говорили и что предлагали.

Ла-Барр

Ла-Барр, казначей по выплате рент, кутила и богатый малый, но большой вертопрах и изрядный болван, влюбился в г-жу л'Эвек и добился ее благосклонности благодаря лишь обещанию жениться на ней; был даже подписан брачный контракт и состоялось торжественное оглашение. С полгода, а то и более мать Ла-Барра относилась к ней как к невестке, и ежели бы наша Добродетель вела тяжбу умело, она бы ее выиграла; но об этом Ла-Барр ничего не говорит, неизвестно почему. Ежели бы Патрю осмелился выступить ее защитником, все обернулось бы иначе. Дело было отложено, и постановили, что Ла-Барр женится на г-же л'Эвек или же внесет сто тысяч экю на нее и двадцать тысяч ливров на рожденного ею сына. Процесс тянулся не то четыре, не то пять лет.

До встречи с г-жой л'Эвек Ла-Барр был влюблен в Далессо, известную куртизанку, и содержал ее; этой женщине платили в свое время по четверть экю: до того, как ей исполнилось тридцать лет, с нею вовсе не церемонились. Попад на содержание к добрейшему г-ну де Рецу, она тотчас же стала знаменита. Потом она перешла к Сен-Прею, а затем к Ла-Барру, который тратил на нее тысячу ливров в месяц. Одновременно с нею спал граф д'Аркур, но, когда являлся Ла-Барр, ему приходилось забираться на сеновал, ибо у Графа денег не водилось. Однажды он провел целую ночь на хворосте. Ее всегда кто-нибудь содержал, пока она не рассталась со своим ремеслом. Скопив известное состояние, она стала вести образ жизни порядочной женщины, и многие знатные люди обращались с нею крайне учтиво. Маленький Гено рассказывал мне, что, когда после серьезной болезни она почувствовала себя лучше и он спросил ее о здоровье, она ответила: «Ну, распятие мало-помалу удаляется». Патрю, который видел ее письма, утверждает, будто она писала весьма недурно. В конце концов какой-то весьма небогатый советник Палаты косвенных сборов женился на ней. Я полагаю, что она совершила глупость; больше я о ней не слышал.

Тем временем Ла-Барр влюбился в жену некоего Компена из Тура, мелкого откупщика, которая приехала в Париж со своим мужем. Она была недурна собою, кокетлива, охотница посмеяться, повеселиться, каждого передразнить и весьма сговорчива, лишь бы хорошо платили. Ла-Барр и она не смогли, однако, в Париже довести свою интрижку до конца, ибо муж не отходил от нее ни на шаг; но они додумались до забавной уловки. Компен уезжает из Парижа с женою; Ла-Барр этому не препятствует. Спустя три-четыре часа он садится в почтовую карету со своим цирюльником, неким Ла-Саллем, они приезжают в Этамп, в харчевню под вывеской «Три Мавра», где остановилась красавица. По уговору, она сразу же по приезде улеглась в постель, сославшись для виду на недомогание. Ла-Барр, не показываясь мужу, разыскивает ее, пока Компен ужинает за табльдотом. После ужина Ла-Салль приглашает его сыграть с ним в карты; таким образом, наш любовник вполне успеваает сделать то, ради чего приехал. На следующий день он спрашивает у Ла-Салля, нет ли у того денег; Ла-Салль дает ему семь или восемь пистолей, которые тот сразу же относит служанке своей возлюбленной. Когда она уехала, а им надобно было уплатить за ночлег, Ла-Барр говорит Ла-Саллю, что г-жа Компен оставила его без гроша. «По правде говоря, — отвечает цирюльник, — не догадайся я припрятать три-четыре пистоля, худо бы нам пришлось». — «Я бы оставил в залог свою шпагу, — отвечает Ла-Барр, — да и здешние чиновники, должно быть, меня знают». Они возвратились в Париж.

После этого Ла-Барр продолжал посылать г-же Компен подарки, но она-то была ему не слишком верна. Дошло до него, что некий Советник из Тура, по имени Милон, — ее любовник и что они оба развлекаются за его счет. Решив узнать правду, он посылает своего камердинера, которому удается подкупить служанку красотики и раздобыть письма Советника к ней. Их стговор был раскрыт, Советник подал прошение в суд, утверждая, будто этот человек приехал затем, чтобы его убить; он стал добиваться тайного расследования и, получив это право, велел камердинера арестовать и обыскать и таким образом вернул себе свои письма. Ла-Барр, укрепившись в своем подозрении, пришел в ярость и поклялся отомстить. С сим благородным намерением он покупает четыре шпаги равной длины и отправляется в Тур с неким удальцом по имени Вьевиль, которого он наметил в секунданты. Ла-Барр послал вызов Советнику, но тот посмеялся над ним и драться так и не пожелал.

Г-жа Компен любила пошутить. Однажды в Париже не помню уж какой волокита устроил в ее честь серенаду. На следующий день она ему сказала: «Благодарю вас, сударь! Ваши скрипки разбудили моего мужа, и он на меня набросился».

Потом, как я уже говорил, состоялся суд по делу г-жи л'Эвек, и Ла-Барр укрылся в особняк Шеврез, оказавшись в весьма затруднитель-

ном положении, ибо жениться на ней он не хотел, а после всех понесенных расходов оказался не в состоянии уплатить столь значительную сумму, не разорившись окончательно. В таких тяжелых для него обстоятельствах Королевский секретарь, по имени Буа-Трике, который был когда-то мелким чиновником у его отца, предложил ему жениться на своей дочери; она была довольно хорошенькой, а состояние ее, по словам отца, — весьма солидным. Ла-Барр женился на ней, но впоследствии оказалось, что они оба обманулись: ему было не под силу выплатить г-же л'Эвек причитающиеся ей пятнадцать тысяч ливров, что же до тех двадцати тысяч, которые полагались на ребенка, он добился постановления, где говорилось, что мальчик будет отдан ему на воспитание из-за дурного поведения матери. Проиграв этот процесс, г-жа л'Эвек навлекла на себя всеобщее осуждение. Во время всей этой неприглядной истории она снова вышла замуж за стряпчего из Шатле, некоего Топинара, который, вместо того чтобы поладить с прокурорами, вздумал позабавиться и на шутейном заседании судебных писцов, в масленицу, произнес речь в защиту некоего прокурора из Шатле, который, женившись, вынужден был взять в дом корову и приплод. Дознались, что речь идет о нем самом, и во время ближайшего карнавала прокуроры в отместку ему велели разыграть защиту г-жи л'Эвек; но это раскрылось, и Заместитель верховного судьи, задетый этим, навел такой порядок, что дело это в суде больше не слушалось. Несколько клерков даже угодило в тюрьму.

Бедная женщина, желая уехать из Парижа, уговорила мужа переселиться в Шинон и купить там должность королевского стряпчего, которая, как им сказали, была вакантной. С этой целью они продали всю свою мебель, но еще за два месяца до их приезда любой житель Шинона, — а ведь Шинон — родина Рабле, — уже знал о них всю подноготную. Супруги оказались в дураках, никакой вакантной должности не нашли и были вынуждены прожить некоторое время в Орлеане в ожидании удобного случая вернуться в Париж.

Госпожа де Ментенон и ее невестка

Г-жа де Ментенон была наследницей рода де Сальвер из Оверни, рода почтенного, но не из самых знатных в этой провинции. Она вышла замуж за г-на де Ментенона д'Анженна, который, правда, был одним из самых богатых в своей семье, но не из самых смысленых. Эта женщина, которая была довольно недурна собою, вела не очень-то добродетельную жизнь. Между прочим, на ее счет сильно злословили в связи с покойным г-ном д'Эперноном. Однажды, когда он находился в Меце, она вздумала (это она-то, которая сроду так не поступала) нанести прощальный визит принцессе де Конти; та ее спрашивает, куда она направляется. «Я еду, — сказала г-жа де Ментенон, — к г-ну д'Эпернону». — «Вы, сударыня! — воскликнула принцесса, — а какие у вас дела с г-ном д'Эперноном?».

«Он просил меня, сударыня, — отвечала та, — навести порядок у него в доме». Еще как-то раз, когда в Малом Бурбонском дворце давали какой-то балет и при выходе из зала произошла большая давка, все услышали, как эта женщина кричит: «Гвардейцы, колите! Убивайте! Я берусь оправдать вас перед вашим полковником». Иной раз она напускала на себя такой тон, и — под тем предлогом, что в пору размолвки Королевы-матери с Ришелье г-н д'Эпернон прибег, возможно, к ее услугам в каком-то пустячном деле, — ей хотелось, чтобы все полагали, будто во Франции ничего не происходит без ее участия. Однажды во Дворце Правосудия она подошла к прилавку книгопродавца, находившемуся возле одной из колонн большого зала, и в присутствии множествастряпчих потребовала том тогдашнего *Mercurе français*,¹ заглянула в ту страницу, где, как ей представлялось, она должна быть упомянута, и, не найдя себя, воскликнула, отшвырнув книгу: «Врет! заплати я ему, не вписал бы небось другого вместо меня!».

У г-жи де Ментенон, на ее несчастье, была бабушка из рода де Куртене; эти Куртене утверждают, будто ведут свой род от принцев крови; это обстоятельство сделало ее окончательно невыносимой, когда речь заходила о знатности семьи. Она стала наводить справки и, обнаружив, что некий Пьер де Куртене, граф Оксеррский, был императором Константинопольским, стала повторять на каждом шагу: «Моя бабушка, Императрица».

Будучи вдовой и надеясь выйти замуж за г-на д'Эпернона, она за столом велела подавать себе блюда под крышками и сидела под балдахинном. У моего тестя есть имение неподалеку от Шартра, и у нее тоже было поместье в тех краях. Однажды, когда я был в гостях у тестя, он угощал эту даму обедом, она бахвалилась перед нами самым нелепым образом: между прочим, упомянув в разговоре о внебрачных детях, она заявила, что может гордиться тем, что ее бастарды суть дворяне, так же как и бастарды королей. Что до меня, мне было забавно слушать, как эта женщина говорит: мои бастарды. Будучи наследницей и старшей в семье, она полагала, что следует изъясняться именно так. В свою очередь она как-то предложила нам откусать у себя. В ожидании обеда она пригласила нас сесть. Я был весьма удивлен, когда эта избалованная особа уселась на почетное место, а рядом посадила свою невестку, причем их стулья были обтянуты клетчатой материей, — и только после этого пригласила сесть всех присутствующих, половину коих составляли женщины. Но угадайте, на что? На простые деревянные стулья, никогда не знавшие обивки; никогда не бывало внучки Императрицы, которая обладала бы столь незавидной мебелировкой. По ее словам, у нее была великолепная мебель в Сальвере, в Оверне, но де слишком далеко посылать туда за стульями. За обедом она села во главе стола, и мы увидели некоего малого, который обычно ее сопровождал, а на сей раз прислуживал за столом: он подавал блюда со шпагой на боку, в плаще, наки-

нутом на плечи. Этот же малый прислуживал накануне за обедом с непокрытой головой (чего никогда не делают) у одного из соседей г-жи де Ментенон, которая его уступила. Не сомневаюсь, что это было сделано по приказу хозяйки: ее пустой голове чудилось, будто ее величие возрастает от того, что этот же слуга, который прислуживает за столом у заурядного дворянина с непокрытой головой, нацепляет шпагу, прислуживая ей.

Эта дама разыгрывала из себя молоденькую, но молодой отнюдь не была. Слуги и крестьяне боялись ее как огня; она и не знала, что значит прощать. Почти все ее дети относились к ней плохо.

Она женила старшего сына на дочери г-на дю Трамбле, коменданта Бастилии. Звали его ле-Клер, и он доводился братом отцу Жозефу. Мать, г-жа дю Трамбле, была из более знатной семьи, нежели ее муж: она происходила из рода Лафайетт; на ее счет сильно злословили — вплоть до того, что утверждали, будто она отдавалась собственному догу. Девуца дю Трамбле была красива, но по натуре своей недалеко ушла от матушки; еще и поныне это одна из самых безрассудных особ, какие только встречаются на свете. Говорят, когда она уезжала из Бастилии, чтобы переселиться к мужу, г-жа дю Трамбле ей сказала: «Дочь моя, вы покидаете дом, где все всегда жили честно, теперь вы будете под надзором свекрови, о которой говорят немало дурного; не дайте себя развратить, и пусть перед вашими глазами будет всегда стоять жизнь вашей матери». А когда она прибыла к мужу, г-жа де Ментенон сказала ей: «Дочь моя, вы приехали к нам из такого дома, где у вас не могло быть достойных примеров; вы входите в семью, где все должно служить вам образцом. Итак, я настоятельно прошу вас забыть все, что вы видели прежде, и приноровиться ко всему, что вы увидите здесь».

Куда бы эта молодая особа ни обращала взоры, всюду ей встречались достойные примеры, — вот она и избрала ту же дорожку. Муж вскоре ей наскучил: это был жалкий, смешной человек с подленькой физиономией и подленькой душонкой; следует добавить, что он любил пображничать. Первый скандал разразился из-за какого-то ее свидания с Монлуэ-Бюльоном, но г-н де Бюльон-отец запретил сыну встречаться с ней. Поводом к дальнейшим толкам послужили ее отношения с князем д'Аркурром, но она их не очень-то и скрывала, и не вмешайся в дело ее брат, Трамбле, докладчик в Государственном совете, она дала бы себя похитить возлюбленному. В течение трех недель она прятала то ли этого любовника, то ли другого на ферме под видом крестьянина, для того чтобы видеться с ним каждый день, не возбуждая подозрений у мужа.

Потом она поселилась в монастыре, говоря, что не может жить в деревне с мужем. Как только умерла ее свекровь, она вышла из монастыря. Я припоминаю письмо Ментенона к одной из своих сестер, с которой он не ладил; там было написано всего-навсего: «Сестрица, матушка умерла, говорить больше не о чем. Из Гредена, в шести лье от Лоша,

в кабачке под вывеской „Вороной конь“, шестого февраля 1650 года». Как будто так.

Эта женщина во всем ведет себя опрометчиво. Как-то, когда было гулянье во время карнавала, живя на улице Сент-Антуан, она велела поставить рядом с собою в окне собственный портрет, где была изображена Магдалиноку. Однажды у г-на дю Вижана от ее имени принесли цыпленка для Роклора, и тот сразу же стал этим хвалиться. Другому придворному, который находился тут же, доложили, что его ждет маленький паж: и ему был передан цыпленок от той же дамы. Он его тоже стал показывать, дабы сбить спесь с Роклора. Говорят, будто она рассказывала очередному любовнику всю свою жизнь и тот знал обо всем, что случилось с его предшественниками.

Со смертью старой дамы она зажила еще вольготнее. Она вывозила на бал свою дочь, когда той было всего десять лет. В 1654 году эта девочка была роскошно одета, но на следующий год этой новой звезды уже никто не увидел: Фьебе младший, который дарил ей наряды, к тому времени скончался. Говорили, что он умер из-за этой женщины, столько непосильных требований она ему предъявляла. Она сочла весьма неуместным и была сильно задета, когда г-жа де Нуво спросила как-то на бале, кто она такая. По правде говоря, она натворила достаточно, чтобы стать известной.

Есть страницы в «Мемуарах эпохи Регентства», где говорится о ней в связи с неким иностранным принцем,* которому она нанесла оскорбление в одном собрании. В наши дни с нею можно переспеть за пятьдесят пистолей. У нее есть дочь, еще более красивая, чем она. Мать рано начала вывозить ее в свет. Две ее родственницы, г-жа д'Омон и г-жа де Фонтен, обе из рода д'Анженнов и обе вдовы, дали за ней приданое из опасения, как бы чего не случилось, и выдали ее замуж за некоего г-на Вилльере из провинции Мен. Что же до второй дочки, ее отправили к г-же де Сент-Этьен в Реймс, она не очень красива.

Кардинал де Рец

Жан-Франсуа де Гонди, ныне кардинал де Рец, — небольшого роста смуглолицый человек, близорукий, нескладный, некрасивый и неловкий в любом деле. Когда он пишет, все буквы у него горбатые, нет ни одной прямой строки, все вместе это сплошные каракули. Я наблюдал, что он не может даже застегнуть себе пуговицы. Однажды на охоте г-ну де Меркери пришлось нацеплять ему потерянную шпору: сам он не мог с этим справиться. Одно время из всех монет он распознавал только пистоль и четверть экю. Ему было суждено стать Мальтийским рыцарем,¹ и поскольку он родился во время заседания Капитула Ордена,

* Герцогом Брауншвейгским.

то с первого же дня стал его Кавалером и, таким образом, довольно рано мог бы стать его Гроссмейстером. У него были два брата, оба старше его: нынешний герцог и тот, кого называли маркизом дез-Иль-д'Иер; этот был белокур. Г-н де Бассомпьер говаривал: «Уж про него не скажешь, что он скроен не на мой лад». Я уже упоминал, что их мать отличалась чрезмерной стыдливостью. Сей белокурый юнец говорил, что хочет стать кардиналом, дабы опередить своего брата: он был честолюбив, но глупо погиб на охоте. Упав с лошади, он запутался ногою в стремях * и был убит ударом копыта в голову. После его смерти родители изменили свои намерения, и нашего Мальтийского рыцаря решено было предназначить для духовной карьеры. И вот он становится аббатом в Бюзе; так называлось одно из аббатств в Бретани. Сутана ему подходила больше, нежели шпага, если не по его нраву, то во всяком случае по его обличию, которое я выше описал. Лицо его, однако, было отнюдь не глупым; в чертах его сквозило даже что-то горделивое.

Отец Кардинала храбростью не отличался, г-н де Гиз презирал его, и это послужило отчасти причиною ожесточения, с которым Герцог ополчился на него, утверждая, что Генерал Галерного флота должен подчиняться Адмиралу Леванта, а Адмиралом этим был г-н де Гиз. Эта мысль так прочно засела ему в голову, что он ни о чем другом не говорил, и кто-то однажды заметил: «Господин де Гиз помешан, но его помешательство не тихое и не буйное, а морское».

Уже на школьной скамье Аббат проявил свой надменный нрав: он не терпел себе равных и частенько ссорился; но с той же поры он выказал себя и щедрым: узнав, что какой-то не знакомый ему дворянин сидит в Шатле из-за пятидесяти пистолей, он нашел способ раздобыть их и послать ему. По выходе из духовной коллегии он стал именоваться аббатом де Рецом, потому что имя де Бюзе слишком напоминало слово *buse*² (в ту пору еще не вошло так в моду именоваться не по названию своей бенефиции; иное дело теперь, когда всякий попик величает себя аббатом, а настоящие аббаты так же, как эти попки, принимают свое родовое имя). Де Рец говорил мне, что толстый граф де Ларош-Гийон намеревался оставить ему все свое состояние при условии, что он примет имя и герб рода Силли; что, когда Граф был при смерти, родственники помешали ему вызвать нотариуса. Рассказывая мне это, Аббат говорил, что, будь он военным, он бы хорошо одевался и много бы тратил на платье; я улыбался, ибо с его нескладной фигурой он выглядел бы тогда еще хуже и, я полагаю, был бы ужасным танцором и ужасным наездником, к тому же он по природе неряшлив, особливо когда ест, и еще он витает в облаках: за столом ему в насмешку клали на тарелку головку куропатки; он, не глядя, подносил ее ко рту и вшивался в нее зубами;

* Меня также тащила лошадь, притом в винограднике, но моему здоровью вреда это не принесло. По счастью, лошадь не брыкалась.

перья во все стороны торчали у него изо рта. Он всегда ест только то блюдо, которое стоит перед ним; нет человека более воздержанного.

Он склонен к любовным утехам; на уме у него вечно галантные похождения: ему хочется, чтобы о нем говорили; но самая сильная его страсть — это честолюбие, нрав у него на редкость беспокойный, желчь в нем то и дело играет. В ранней юности он часто виделся со своей родней, и главным образом с г-жой де л'Эдигьер. Мне сдается, что он был в нее влюблен, так же как и в княгиню де Гимене. Он также часто встречался с сыном г-на д'Эгийи, своим родственником, о котором я уже говорил. У этого г-на д'Эгийи зрение было отнюдь не лучше, чем у него самого, и говорят, будто однажды они добрых четверть часа искали друг друга на большом дворе и никак не могли встретиться, так что в конце концов двум дворянам пришлось взять каждого из них за руку, дабы свести вместе. В семейном кругу, в который входила и г-жа де Гимене, развлекались, между прочим, и тем, что писали друг к другу вопросы касательно «Астреи»,³ и тот, кто на оные отвечал не точно, платил за каждую ошибку парой перчаток от Франжишана.⁴ Одному и тому же лицу посылали записку с двумя-тремя вопросами, например: по какую руку находился Бонлье при спуске с моста Ла-Бутрес, — и тому подобные вещи, то ли из области истории, то ли из географии; таким образом, каждый мог хорошенько изучить «Астрею». В конце концов и с той и с другой стороны было проиграно такое множество пар перчаток, что, когда взялись подсчитывать, — ибо все ответы тщательно записывались, — оказалось, что никто друг другу почти ничего не должен. Д'Эгийи поступил еще того чище: он отправился читать «Астрею» к самому г-ну д'Юрфе — и, по мере того как читал роман, он просил отвозить себя в те места, где происходило каждое из приключений.

Наш Аббат весьма плохо ладил со своею кузиной де Шомбер, ибо существовали две партии: партия жены Маршала и партия г-жи де л'Эдигьер; последняя была сильнее. Как-то на семейном вечере г-жа де л'Эдигьер заставила Аббата пригласить на танец г-жу де Шомбер, которая была донельзя безобразной, с совершенно кривыми ногами и с трудом ходила; его приглашение едва ее не взбесило. Ее ненавидели: она была уродлива и зла.

В ту пору кто-то предложил Аббату жениться не помню уж на какой знатной наследнице, немке и католичке, имени которой я так и не узнал. Ее родичи лютеране притесняли ее и хотели выдать за некоего веймарца, который в то время обучался верховой езде в Париже. Аббат соглашается и обещает свату одно из своих двух аббатств (у него их было два, второе называлось Кемперле); они приносили восемнадцать тысяч ренты или около того. Всего этого я так толком и не узнал. Аббат пустился в путь и переговорил с девицей; он даже подрался на дуэли с этим веймарцем и одержал над ним верх — не ловкостью, а храбростью, ибо не уступает в доблести принцу Конде (это не единственная

его дуэль: он дрался еще и в другой раз). Я слышал от него самого, будто противник сказал ему: «Я быстро вас одолею, вы взялись не за свое дело». — «Тем не менее, — добавил коадьютор,⁵ — он оставил, не думаю, чтобы нарочно, широкую кожаную перевязь, не будь которой, я бы сильно его поранил, ибо удар пришелся как раз по ней». Все это он мне рассказывал, не называя имен, и я так и не узнал причины их ссоры.

Аббат также рассказывал мне историю о некоем придворном — впоследствии я узнал, что речь шла о нем самом, — который заперся в комнате со знатной дамою, коей обладал, и, услышав шум, вынужден был отпереть дверь из опасения оказаться застигнутым врасплох; на него напали вооруженные люди. Он отогнал их от двери, запер ее и продолжал ласкать свою красавицу, словно находился с нею в самом надежном месте. «Надобно, — говорил он мне, — всего этого не бояться. Тот же самый человек, — добавлял он, — хотя ему сообщили, что муж собирается его убить, по-прежнему показывался всюду, как обычно, и без всякого сопровождения». Не знаю, правдива эта история или нет, но я все же сошлюсь на нее: по ней можно судить о характере этого человека.

Аббат де Рец дрался также с аббатом де Праленом, ныне маркизом де Праленом, который женился на м-ль д'Эскар, младшей сестре г-жи д'Отфор. Он вышел победителем, но граф д'Аркур, который был секундантом у Пралена, взял верх над секундантом аббата де Реца.

Он всегда отличался беспокойным нравом, хвалился, будто многое знает о намерениях графа Суассонского и однажды вручил пакет в Тюильрийском дворце г-ну де Ту, который потом ему сказал: «Ей-ей, г-н Аббат, вы, как видно, высокого мнения о моей чести, коли отдали сей пакет мне, ибо это весьма отважный поступок».

Насилие кардинала Ришелье по отношению к отцу Гонди, которого он принудил продать должность Генерала Галерного флота, крайне возмутило Аббата; да и не будь этого, верьте моему слову, Аббат все равно остался бы его врагом. Он был слишком честолюбив и похвалялся тем, что его отец, брат и он сам были единственными представителями знати, кои не склонились перед Кардиналом. Он написал эпитафию в прозе памяти графа Суассонского, где называл его последним из героев.

Когда зашел вопрос о получении докторской шапочки в Сорбонне, он посвятил свои ученые сочинения различным святым, дабы не посвящать их власть имущим. Он вознамерился одолеть в открытом диспуте аббата де Суйака де Ламотт-Уданкура, родственника г-на де Нуайе, — это нынешний г-н де Ренн. Ему пригрозили вмешательством Кардинала; де Реца пытались уговорить, но он идти на попятный не пожелал и выступил смело. Правда, Сорбонна из уважения к кардиналу де Гонди поддержала де Реца и пояснила, думается мне, кардиналу Ришелье, что она не вправе отвергнуть племянника прелата, которому она столь мно-

гим обязана.* Он, стало быть, одержал верх над своим противником, и Кардинал с тех пор называл его всегда *этот маленький наглец* и говорил, что у него *роза висельника*. Подобная аттестация послужила причиной тому, что родители почли за благо отправить его в путешествие по Италии. Двое моих братьев и я собирались туда поехать и спросили у него согласия составить ему компанию. Я беседовал с ним почти ежедневно в течение десяти месяцев; и, поскольку он обладает незаурядной памятью, ибо помнит все, о чем когда-либо узнал, в беседах со мною он рассказывал о многом.

Я отметил, что первым его сочинением, если не считать нескольких проповедей, был «Заговор Фиеско»;⁶ эта пьеса весьма подходила к его характеру. Это не бог весть что, и все, что он пишет, весьма посредственно. Тем не менее у него есть ум, только он недостаточно думает о фактах и не утруждает себя изучением их. Он многое позаимствовал у Маскарди.

Он не мог простить дону Тадею, племяннику папы Урбана, в ту пору правившего, что тот не завладел Урбинскими землями, которые тогда снова отошли к церкви за отсутствием наследников мужского пола. Какая бы крепость ни встречалась на нашем пути, он всегда овладевал ею то ли штурмом, то ли иным способом. Он без устали говорил о своем высоком рождении. Во Флоренции его весьма обласкал Великий герцог; он жил там у шевалье Гонди, который занимал должность Государственного секретаря, а до того был тосканским поверенным во Франции. У него в зале висели портреты французских Гонди, ибо в Италии этот род не столь знатен, как у нас; но они все же дворяне: во Флоренции я видел немало тому доказательств, но надобно еще узнать, не восходит ли их дворянство ко времени возвышения Альбера, да и от него ли они ведут свой род? Кийе говорит, что, когда он однажды спросил этого Шевалье, действительно ли французские Гонди — настоящие Гонди, тот расхохотался.

Кардинал де Рец говорил, что во Франции лишь он один может представить тридцать поколений дворянства. Виллани и Макьявелли вообще не упоминают о Гонди; г-н де Ту считает их сыновьями банкира.

Аббат узнал, что у господ дю Пюи находится рукопись г-на де Брантома из рода де Бурдей, содержащая несколько томов, в одном из коих повествуется о любовных утехах герцогини де Рец, жены Альбера, и говорится много любопытного касательно чести этой дамы. Аббат никак не мог успокоиться, пока г-да дю Пюи не разрешили ему вычеркнуть все, что касалось его бабки, и эти места вымараны так, что нельзя разобрать ни единого слова.

Альбер, который положил начало процветанию здешней ветви рода Гонди, был сыном флорентийского банкира по имени Гонди, сеньера дю

* Он был их покровителем.

Перрона, жившего в Лионе; его жена, тоже итальянка, сумела поступить на службу к королеве Екатерине Медичи, и ей было поручено ходить за королевскими детьми в младенчестве. Говорят, будто она указала Королеве средство, как иметь детей, ибо у той их не было в течение десяти лет; вследствие этого Королева так к ней привязалась, что, став регентшей, меньше чем за пятнадцать лет значительно продвинула сыновей этой женщины при Дворе; в ту пору, как умер Генрих II, у них не было и двух тысяч дохода на троих, а ко времени смерти Карла IX Альбер был первым камергером, маршалом Франции, губернатором, получая самое меньшее сто тысяч ливров дохода в земельных угодьях, а в деньгах и движимом имуществе — более восемнадцати тысяч; брат его, Пьер де Гонди, был епископом Парижским, имел еще тридцать-сорок тысяч ливров рентами и бенефициями, а в движимом имуществе — сумму более чем в двести тысяч экю. Г-н де Латур, младший из трех братьев, ко времени своей смерти был капитаном полуроты Жандармов, кавалером ордена Святого духа,⁷ как и его старший брат, и гардеробмейстером; все трое были членами тайного Совета Короля. Все это я узнал от одного человека, жившего в ту пору, которому многое было хорошо известно.

Мне рассказывали об одном поступке этого маршала де Реца, говорящем о его здравомыслии. У Карла IX была превосходная левретка, которую он очень любил; он узнал, что у некоего нормандского дворянина есть тоже очень хорошая левретка; он посылает за ней и за ее хозяином. С этими двумя собаками травят зайца; левретка дворянина оказывается лучше королевской. Уже одно это привело Короля в дурное расположение духа; и, вида, что сей дворянин, который был, вероятно, довольно плохим царедворцем, обскакал его в пылу охоты, он внезапно наносит ему удар хлыстом. На следующий день Маршал является к утреннему туалету Короля крайне опечаленный. «Что с вами?». — «Государь, вы потеряли любовь всего вашего дворянства». — «Понимаю вас, — сказал Король, — я неправ: я всего-навсего дворянин, я хочу дать ему удовлетворение». И в самом деле Король в присутствии всех попросил извинения. Как раз в эту минуту пришло сообщение, что освободилась вакансия на скромный губернаторский пост, и Маршал сказал Королю: «Государь, этот пост надобно отдать ему».* Король так и поступил.

Один французский Гонди был откупщиком: это тот, что построил особняк Конде, а в Сен-Клу разбил сад Гонди. Человек этот был невероятным сибаритом; говорят, однажды, обедая у одного из друзей, в пяти лье от Сен-Клу, где не было хрустальных бокалов, он сказал своему слуге: «Скачи за бокалом в Сен-Клу и не тужи, коли падет конь». Слуга поскакал. По возвращении лошадь подыхает, слуга, спешиваясь, разбивает бокал. Этот Гонди вполне заслуживает того, чтобы умереть нищим; кстати, он так и умер.

* Этот фаворит поступал хитро: он всегда хотел, чтобы казалось, будто Король дарит по собственному желанию.

Возвращаясь к рассказу о нашем путешествии. Во Флоренции некий молодой дворянин, состоявший при Аббате (при нем было четверо, остальные использовались по мере надобности), вздумал заказать себе куртку из тафты, с неподрубленными лентами. Как-то на прогулке Великая герцогиня-мать и м-ль де Гиз, проходя мимо него, едва не померли со смеху при виде этой сумасбродной затеи, ибо сей молодой человек стоял у дверцы кареты и, казалось, был покрыт паутиною, столько у него было ниток на рукавах и на груди.

Великая герцогиня была одною из самых красивых женщин Италии, но судьба связала ее с весьма жалким мужем: он носил пять-шесть шапочек одну поверх другой, снимая и надевая их в зависимости от того, что показывал термометр. Когда он спал с женою, все Тосканское герцогство молилось, это случалось не часто. Мне думается, что наконец она родила ему наследника.

В Венеции, куда мы затем отправились, французский посол (им был президент Малье, поистине вьючная лошадь)⁸ приютил Аббата, причем только его одного, с лакеем. В Венецию удалился граф де Лаваль, брат г-на де Ла-Тремуйя. Утверждают, будто, говоря об Аббате, он сказал: «Он не преминет меня посетить». Аббат не подумал к нему навеститься и говорил о нем крайне неуважительно. Он утверждал, что, когда Граф отправился в Ларошель, ларошельцы написали на его дверях: «Ни холодно ни жарко», — желая этим сказать, что от его присутствия им ни холодно ни жарко.

В Риме Аббат устроился с удобством и держал довольно хороший стол: это ценили, поскольку в сем деле он был большим знатоком, нежели многие кардиналы и прелаты. Он хотел уверить нас, что коннетабль Колонна, с родом которого, по его словам, дом Гонди находится в тесном родстве, весьма сетовал на то, что Аббат не повидался с ним; но, мол, он, Аббат, на это не отважился, так как Коннетабль придерживался Испанской партии, ибо должность коннетабля он получил в Неаполе.

В Риме он был столь же непоседлив, как и в Париже, и в ноябре месяце заставил нас проделать весьма нелепое путешествие, дабы взглянуть на копи, где добываются римские квасцы. Мы отправились в путь под проливным дождем, словно речь шла о важном деле, и итальянцы говорили: *Questo é partir alla francese*.⁹ Мы провели в Риме три с половиной месяца, не более, а на Рождестве он уже вытянул нас оттуда, чтобы вернуться во Францию. Он выдумал, будто какой-то человек подошел к нему в церкви и сообщил нечто такое, что побуждает его немедленно покинуть Италию.* Хотя мне было всего восемнадцать лет, я понял, что Аббату стало не хватать денег; по приезде домой он оказался бы в затруднительном положении (его векселя задержались в пути), не отдай мы ему все, что нам причиталось. Одно надобно поставить ему в заслугу: ни в Риме,

* Это было в день рождения Короля.

ни в Венеции он не встречался ни с одной женщиною — или же встречался с ними столь тайно, что мы не могли ничего заметить. Он говорил, что не желает подавать повод к толкам.

После смерти кардинала Ришелье г-н Архиепископ, дабы сэкономить плату за наем дома, — а он и без того тратил слишком много, и любовная связь с г-жой де Помрей уже началась, — почел за благо поселиться в Малом архиепископском дворце, где впоследствии постоянно жил.

Остальное можно найти в «Мемуарах эпохи Регентства».

Госпожа де Ла-Грий. Менийе

Некий престарелый кавалерист, который принял немалое участие в гражданских войнах в Лангедоке и Дофинэ, задумал жениться, чтобы иметь потомство, и взял в жены дочь президента Палаты косвенных сборов в Монпелье, по имени Тюффани; но он слишком понадеялся на себя и оказался не в силах выполнить то, что для этого требуется. Отец новобрачной, которому не хотелось упустить состояние старика (оно равнялось по меньшей мере тридцати тысячам дохода), созывает всех родственников и предлагает им внушить своей дочери, что та выкажет чисто женскую сметливость, ежели сумеет на радость доброму старцу родить ему наследника, сохраняя при этом для себя его богатство. Ей это говорят и сразу же называют трех статных мужчин, и не слишком юных, и не слишком старых, коих полагают способными содействовать продолжению рода. Она на это решается и выбирает советника Палаты косвенных сборов, некоего г-на Дэда, малого лет тридцати пяти или около того. Но, поскольку сей Советник был не слишком сведущ по части галантных дел, было решено воспользоваться услугами некоей маркизы, дабы их познакомить. Эта дама, по природе весьма веселая, отправилась к г-ну Дэду и игриво спросила его, не испытывает ли он к кому-нибудь сердечной склонности. «Увы! — отвечал тот, — милостивая государыня, кому я нужен? Ведь я уже не так молод». — «Кому нужны? — откликнулась маркиза, — я отлично знаю некую даму, одну из самых красивых и самых знатных в нашей округе, которой вы далеко не противны», — и называет ее по имени. «А чтобы убедиться, — добавляет она, — что я не лгу, вам стоит лишь прийти в такое-то место, и вы ее увидите; постарайтесь только подойти к ней, возьмите ее за руку, если сумеете; она непременно пожмет вашу». Все случилось так, как говорила Маркиза, и наш Советник вскоре довел дело до благополучного конца. Через некоторое время красавица забеременела и, окончательно убедившись в этом, в один прекрасный день, когда Советник собрался было развлечься с нею по обыкновению, выложила все начистоту, сказав, что поступила так по совету родителей, что она ему обязана всем своим счастьем и умоляет его ни-

кому не говорить ни слова. Она родила мальчика, который очень походил на своего истинного отца и который стал наследником своего предполагаемого родителя.

Менийе

А вот история, которая до известной степени похожа на предыдущую. Некий дворянин из Шампани, по имени Менийе, капитан пехотного полка, стоя как-то зимою гарнизоном в Монтобана, влюбился в жену своего хозяина, довольно зажиточного горожанина; но к каким бы тонкостям искусства любви Капитан ни прибегал, он ничего не смог достигнуть. Наконец он решился пойти на хитрость: заметив, что муж встает обычно до света и уходит по своим делам, однажды, когда тот вышел из дому рано поутру, Капитан входит в спальню этой женщины и ложится подле нее; она же, не разобрав споронок чужого голоса, решила, что это муж, и поверила объяснениям, кои тот ей привел, дабы снова лечь спать. Наш любовник времени даром не терял, но действовал столь напористо, что вскоре она распознала обман. Он стал просить у нее прощения. Хозяйка же, крайне возмущенная, тотчас же побежала рассказать о своей беде матери, которая посоветовала ей послать за Капитаном. Тот пришел, и обе женщины велели ему пообещать, что он ни о чем никому не расскажет. Несколько лет спустя он проезжал через Монтобан, совсем позабыв об этой истории, и вот какая-то женщина под вуалью и в глубоком трауре, проходя мимо него, шепнула, что просит его следовать за ней. Он повиновался; и когда они пришли в дом к этой женщине, она, откинув вуаль или траурное покрывало, какое носят в тех краях, спросила: «Как, сударь, неужто вы уже не помните вашей хозяйки?». Затем она рассказала, что обязана ему всем состоянием ее покойного мужа: «Я забеременела в то утро, как вы меня обманули, и мой сын получил наследство своего предполагаемого отца», — заявила она. В благодарность за это благодеяние она обещала Капитану выйти за него замуж, когда тот вернется из похода; но он был убит на войне.

Саразен

Саразен был сыном одного из жителей Кана, который состоял как бы нахлебником у одного холостяка, по имени Фуко,¹ казначей Франции в Кане. Фуко приютил его у себя, а под конец продал ему свою должность, за которую получил от него всего лишь семь или восемь ливров, составлявших, быть может, все состояние Саразена; остальное тому следовало доплачивать из жалования по должности. Через два года Фуко умер, а Саразен² женился на экономке старого холостяка, чтобы не сказать хуже. Король предписал канским казначеям стать советниками Руанской палаты косвенных сборов, которая была распущена на полугодич-

ные капикулы. Вот каким образом наш Саразен стал сыном казначея Франции в Кане и советником Руанской палаты косвенных сборов. Его происхождение незавидно; в Нормандии и по сю пору живет один из его двоюродных братьев, сын торговца свечами, который ныне является сельским юре. Тем не менее, когда молодой Саразен приехал в Париж, он вел себя как человек благородного происхождения и вполне обеспеченный. Вначале он познакомился с м-ль Поле, которая, представляя его, непременно говорила, что это человек из хорошей семьи и живет в достатке.* Это никоим образом не соответствовало истине.

В Париже он, ради забавы, вздумал писать высокопарные стихи и оказался вынужден жениться на пожилой г-же дю Пиль, вдове чиновника Высшей счетной палаты. Он всегда разыгрывал из себя шутника и пытался сочинять бог весть какие брачные заметки в прозе — по правде говоря, довольно неуклюжие. Между прочим, он там писал, что теперь уж не скажешь, будто у него в кармане пусто, а в горшке не густо. Если отвечать шуткой на шутку, то о нем довольно долго можно было бы говорить, что в горшке-то у него бывает подчас и густо, а вот в кармане уж точно пусто, ибо жена им помыкала и не давала ему ни гроша. Она обязана была выдавать ему тысячу экю; но она хотела, чтобы он с нею спал, он же этого не хотел. «Но, — говорил ему Менаж, — почему вы с нею не спите?». — «Спите с нею сами, коли вам охота», — отвечал Саразен.

Мне кажется, Менаж помог Саразену, познакомив его с коадьютором,³ чье хлебосольство пришлось Поэту очень кстати. Однажды, когда Саразен был там, дю Буа,** которого между собою звали *нуднейший г-н дю Буа*, додумался, пока все стоя приветствовали какого-то епископа и отвечивали ему поклоны, придвинуть каждому его стул; но он забыл про Саразена, который, полагая, что стул у него на прежнем месте, захотел сесть и плюхнулся задом об пол. Когда он поднялся, его спросили, о чем он думал в эту минуту; Саразен самым серьезным тоном ответил: «Я подумал: что, если бы я был тем человеком, с которым сыграли такую скверную шутку». Кoadьютор вынужден был докапываться, кто этому виною, и велел сказать Саразену, что весьма рассержен. Что до меня, то мне сдается, что Саразену не хватило находчивости, ему следовало заявить, что это, мол, его вина, он, мол, неловок и т. д.

На службе у Кoadьютора Саразен пробыл около четырех лет⁴ и даже ходил с ним в Бурбонский дворец. Я всегда буду помнить о смехотворном скоплении карет и людей в такие дни. Саразен, при всем том, что отличался высоким ростом и хорошим сложением, был облачен в довольно нелепое одеяние, какое носят литераторы, прочие же рядились сельскими священниками; от всего этого за версту кругом несло педантством.

* Правда, у него была карета, но лошади его были самые голодные во всей Франции.

** Любовник м-ль Поле.

Я забыл упомянуть, что Саразен был посажен в Бастилию, как это будет видно из «Мемуаров эпохи Регентства», за то, что его сочли автором скверных стишков на Короля, где говорилось о театральных машинах итальянских комедиантов. Его обвинили несправедливо; напиши их он, они не были бы так плохи. Он поклялся по выходе из тюрьмы больше стихов не писать; но снова принялся за старое в дни осады Парижа, а может быть, и раньше.

Во время Парижской войны⁵ Кoadъютор столько хлопотал о нем через посредство г-жи де Лонгвиль, что принц де Конти взял Саразена в секретари. Было ли это следствием нужды или коварного нормандского нрава, а быть может — и того и другого вместе, но Саразен (которому, хотя он и был зачислен в штат принца де Конти, следовало, по правде говоря, дожидаться первого вакантного места) без возражений согласился занять эту должность. Принц де Конти был здесь более виноват, нежели Саразен, ибо, в то время как Монтрей, член Академии, находился в Риме, добывая ему кардинальскую шляпу, Принц наполовину сократил его доходы по должности, ради коей он отказался от самых прекрасных предложений. Вернувшись, Монтрей ничем не выказал своей досады: он был похитрее Саразена и стал поистине французом на итальянский образец, *Francese romanescato*, как говорят в Риме; и хотя с ним обошлись, как с младшим, — с ним, который получил эту должность первым, — он сделал вид, будто вполне доволен распределением обязанностей. У него остались одни лишь бенефиции, а в ведении Саразена находился дом и губернаторский пост (в Шампани). Говорили, будто Саразена выдвинула г-жа де Лонгвиль. В первый же год своей новой службы Саразен сказал одному знакомому мне человеку, что он де вовсе не обязан Кoadъютору за то, что тот ввел его в дом к принцу де Конти, а напротив — Кoadъютор всем обязан ему; что было время, когда тот рад был бы его, Саразена, утопить, и что сейчас еще послал бы его ко всем чертям, не занимай он этой должности, и что за те четыре года, что он служил у Кoadъютора, тот перед ним в неоплатном долгу. Заметьте, что, не будь Кoadъютора, Саразен, может быть, умер бы с голоду.

Как только был заключен мир,⁶ Саразен стал разыгрывать из себя скромного управляющего и человека, ревниво пекущегося о своем хозяйне. Однажды кто-то спросил его: «Что с вами? У вас такой грустный вид». — «Я плохо чувствую себя, — ответил он значительно, — принцу де Конти нездоровится». Он без устали занимался всякими мошенническими проделками. Кoadъютор как-то представил принцу де Конти аббата Амло, который пришел просить о каком-то приорате. Принц де Конти обещает ему этот приорат. Аббат, дабы ускорить дело, дает сто пистолей Саразену; Монтрей, ежели я не ошибаюсь, в ту пору отсутствовал. Первый президент Палаты косвенных сборов Амло-Болье, родственник Аббата, просит принца Конти о том же приорате, и тот отдает его ему. Подумайте только, как это делается! Аббат требует от Саразена свои сто пистолей, а тот от-

вечает: «Что вы не получили бенефиции, вина не моя; я сдержу данное мною слово; сделайте так, чтобы принц де Конти тоже сдержал свое обещание». Аббат пожаловался Кoadьютору, и тот разбушевался: «Как! этот жалкий стихоплет дерет деньги с моих друзей! Человек, которого я благодетельствовал!». Саразен на это ответил, как я уже говорил, что он де Кoadьютору ничем не обязан и т. д. Вслед за этим Менаж и Саразен рассорились, и Менаж говорил: «Они удачно сошлись, Монтрей и он, чтобы облапошить друг друга».

Случилось однажды, что некто дю Буа, который командовал шеволежерами принца де Конти в Шампани, проворовался, да настолько, что Принц вынужден был послать одного из своих гвардейцев, свободного от службы, дабы арестовать виновного; у дю Буа оказалось шесть тысяч ливров деньгами, которые он украл за короткий срок, не говоря уже о других вещах. Он отнюдь не удивился, что его арестовывают, но выразил уверенность в том, что его не осудят. Было решено, что из шести тысяч наличными он вернет пять, как вдруг приходит приказ взять у него только три тысячи ливров; приказ этот исходил от Саразена: это дало повод заключить, что остальные две тысячи ливров причитались ему.

Один дворянин из Бри попросил Куртена (маленького Куртена, того, который побывал в Мюнстере; он докладчик по приему прошений) поговорить с Саразеном, чтобы перевели солдат из его деревни. Саразен ответил ему: «Сделать это стоит». Минуло четыре дня; потребовалось сорок пистолей, и деревню обобрали, прежде чем пришел приказ. Саразен делал и того хуже; так, отправив все, что полагается на зимние месяцы, некоему Бургоню, офицеру, стороннику принца де Конти (это он защищал Бри-Конт-Робер в 1649 году), он передал ему: «Погляди-ка, не найдется ли десяти пистолей для нас». При всем том, он так и не разбогател; ему мешали ссоры, а Двор его обманул. Ему ничего не перепало от Кардинала, который столько наобещал. Когда состоялась свадьба принца де Конти, Саразен не получил ни гроша; Кознак не стал бы даже епископом, если бы на этом не настоял принц де Конти. Между тем оба, и Саразен и Кознак, хорошо послужили Кардиналу и очень плохо — своему хозяину.

Смышленностью Саразен не отличался, хотя и был нормандцем; ума у него и в помине не было; достаточно сказать, что в Бордо он старался убедить всех, что ему, мол, присылают деньги из дому; заказав себе полный набор лент розового цвета, он заявил, будто получил небольшой вексель из Нормандии. Г-жа де Лонгвиль зло издевалась над этим наглым чванством. Ожервиль, дворянин из Кана, который служил у принца де Конти, сказал как-то Саразену: «Дорогой мой, позвольте сказать вам, люди не так уж глупы, чтобы воображать, будто вы, занимая вашу должность (Монтрей к тому времени умер), не в состоянии купить себе даже лент». Назавтра, думая загладить этим свой промах, Саразен надел

какой-то жалкий кафтан и несколько дней ходил в грязном белье. Ему хотелось прослыть человеком дальновидным, но он вечно попадал впросак. Он всегда вмешивался в чужие дела — и весьма некстати.

Когда принц де Конти остался один в Бордо, он, не доверяя Марсену, пользовался услугами де Шуппа, который однажды вздумал посоветовать ему сделать что-то вопреки воинским правилам. Ожервиль обратил это в шутку и сказал ему: «Сразу видно, что нас хотят испытать». Саразен про это узнает; он идет объявить Ожервилю, что, мол, де Шупп пожаловался и вот теперь принц де Конти недоволен его, Ожервиля, поведением; хорошо зная нашего каверзника, тот отправляется к принцу де Конти и говорит ему, что он об этом и не помышлял, и требует, чтобы Саразен отказался от своих слов перед всеми. Ожервиль умолил Принца оставить все без последствий. Несметное количество раз Принц в присутствии своих офицеров называл Саразена плутом и мерзавцем. Тот молча выходил из комнаты и тотчас же возвращался, кривляясь, как шут. «Ах, Принц, вам это приснилось!» — уверял он иногда. И продолжал паясничать. То он все говорил в рифму, то кого-нибудь передразнивал, и в конце концов Принц невольно начинал смеяться.

Однажды было перехвачено письмо Саразена к кардиналу Мазарини, которое начиналось так: «Маленький горбун, строящий из себя храбреца, но им отнюдь не являющийся, просит у вас денег для тех, кто вас не любит». По этому поводу принц де Конти сказал ему по-свойски (при сем присутствовали лишь отец Талон, пезуит, его бывший наставник, и кто-то из лакеев): «Предатель, ты заслужил, чтобы я велел тебя выбросить в окно; ступай, и чтобы я больше тебя не видел». Два дня спустя отец Талон, сжалившись над Саразеном, который ревел как белуга, добился, что этому человеку позволили повеселить общество, и Саразен стал так забавно дурачиться, что добрый Принц бросился к нему на шею.

Что касается женитьбы, принц де Конти решился на нее лишь потому, что перехватил письмо принца де Конде, в котором тот приказывал солдатам повиноваться на деле Марсену, а для виду — принцу де Конти. Марсен и Лене перессорили обоих братьев. Что же до г-жи де Лонгвиль, то между ней и Принцем произошла ссора из-за любовных притязаний графа де Мата: Принцу, коему, как видно, хотелось, чтобы считали, будто он спал с собственной сестрой, в которую был влюблен, пришлось не по вкусу, что Мата перебьет ему дорогу.

Возвращаясь к Саразену, следует сказать, что г-жа де Лонгвиль глубоко его презирала и терпеть не могла.

Пора рассказать о его смерти. Принц де Конти никогда не оскорблял его иначе как словесно. Напрасно утверждали, будто он его ударил. Полагают, что он был отравлен неким каталонцем, жена которого спала с ним, переспав до этого, как говорят, еще с другими. Слуху этому поверили с тем большей легкостью, что эта женщина занемогла в тот же день, испытала такие же боли и умерла в тот же день и час, что и он.

Отец Талон говорит, что эту женщину вовсе не отравили; что ее муж, который все же был дворянином, щадил жену из-за ее родителей, те-то были познатнее, чем он; но любовников он умерщвлял какой-то жгучей отравой. Отец Талон полагает, что от той же отравы умер г-н де Кандадь, ибо Саразен внушил ему желание переспать с этой женщиной, сказав, что он никогда еще не встречал дамы столь приятной.

Жена Саразена снова вышла замуж.

Что же до его сочинений, то среди них, как мне кажется, нет ничего законченного. Не увлекайся он пустяками, он мог бы создать нечто значительное. Лучшее из того, что Саразен нам оставил, — это «Погребение Вуатюра», где он не слишком-то хорошо отзывается о последнем; он не намерен был щадить своего собрата по перу, это ясно уж из того, что он так и не пожелал исправить некоторые места в своей рукописи, которые препятствовали ее опубликованию в приложении к сочинениям Вуатюра.

Нинон

Нинон была дочерью де Ланкло, который находился на службе у г-на д'Эльбефа и очень хорошо играл на лютне. Она была еще совсем ребенком, когда ее отец вынужден был покинуть Францию из-за того, что заколол Шабана, причем так, что это могли посчитать убийством, ибо Шабан не успел еще выйти из кареты, как Ланкло пронзил его шпагой.

В его отсутствие девочка подросла; поскольку она отличалась живым умом, хорошо играла на лютне и превосходно танцевала, особливо сарабанду, жившие по соседству дамы (это было в Маре) часто приглашали ее к себе; хотя красотой она не блистала, в ней всегда было много приятности.

Ей было всего тринадцать лет, когда во время процессии Страстей господних, увидев, что все плачут, она спросила: «Чего это они? *qu'importe que maten se ressuscitant?*».¹ Это была испанская песенка, распевавшаяся в ту пору и сложенная в честь прекрасных женских глаз. Ее мать узнала про это и просила некоего иезуита хорошенько намылить ей голову. Нинон призналась мне, будто с той самой поры она поняла, что всякая религия — не что иное, как воображение, и во всем этом нет никакой правды.

Первым, кто приволокнулся за ней, был Сент-Этьен: он вел себя с ней крайне свободно. Мать полагала, что он женится на Нинон; но в конце концов эта связь окончилась. Затем в Нинон влюбился шевалье де Раре. Говорят, будто однажды, когда ее домашние не хотели, чтобы она с ним говорила, Нинон, увидя в окно, что он переходит улицу, быстро сбегает вниз и заговаривает с ним. Им сильно мешал какой-то нищий; Нинон нечего было ему дать. «На вот, — сказала она, протягивая ему свой носовой платок, обшитый кружевами, — и оставь нас в покое».

Тем временем за нею стал упорно волочиться Кулон: он тоже домогался ее. Я полагаю, что он сговорился с матерью Нинон в Мениль-Корнюэле. Благодаря г-же Кулон все это раскрылось; тогда все порядочные или так называемые порядочные женщины отвернулись от Нинон и перестали с ней встречаться. Кулон сбросил маску и стал открыто содержать ее; он давал ей пятьсот ливров в месяц, которые, говорят, продолжал ей выплачивать восемь или десять лет подряд, до 1650 года, хотя за это время меж ними и случались ссоры. Некоторое время спустя к Кулону присоединился Обижу и стал вносить свою долю.

Первый, в кого она влюбилась, был покойный г-н де Шатийон, убитый под Шарантоном; в ту пору он был просто Дандело. Она написала ему и назначила свидание. Шатийон пришел, но он был непостоянен и вскоре бросил ее. Нинон же, которая, как это видно будет из дальнейшего, была скорее склонна бросать сама, нежели быть брошенной, не могла стерпеть подобного обращения и пожаловалась Ламуссе; он примирил их, вернув ей сбежавшего. Рассказывали, — но я в этом сомневаюсь, — будто из мести она нарочно заразилась, чтобы наградить и его, да столь основательно, что он долго не мог поправиться: у него была жидкая кровь и он легко заболел. Это, быть может, спасло ему жизнь, ибо, не заболел он, ему, служившему под началом маршала де Граммона, пришлось бы участвовать в сражении при Онкуре² и, должно быть, остаться на поле брани. Позднее у Нинон было изрядное число возлюбленных; тем не менее Кулон по-прежнему оказывал ей денежную поддержку.

Севиныи, Рамбуи были ее любовниками по три месяца. У нее был сын от Мере и еще один от Миосанса.

Однажды во время прогулки на Кур-ла-Рен она увидела, как маршал де Граммон пригласил какого-то статного мужчину, проезжавшего мимо верхом, пересест к себе в карету. Это был Навай, в ту пору еще не женатый; он ей понравился. Она велит передать, что будет очень рада побеседовать с ним после прогулки; короче говоря, она увозит его к себе. Они ужинают; после ужина она отводит его в весьма опрятную спальню, предлагает ему лечь и ждать — к нему, мол, скоро придет подружка. Он же, должно быть устал, засыпает. Увидев его спящим, Нинон отправляется спать в другую комнату, унося с собой платье этого сони. Наутро, спозаранку, она надевает это платье, нацепляет шпагу и входит в спальню, отчаянно ругаясь. Навай просыпается и видит перед собою человека, который готов все сокрушить. «О сударь, — говорит он, — я человек чести и готов дать вам удовлетворение; ради бога, поговорим начистоту!». Тут Нинон расхохоталась. Но при всем том, говорят, он доставил ей весьма умеренное удовольствие. Он сильно волосат; она ему сказала: «Вы, должно быть, очень сильный, уж больно вы воздержанны».

Шарлевалю, который умолял ее о том, о чем вы догадываетесь, она сказала: «Жди моего каприза». Он был ее первой жертвой; ни разу он от нее так ничего и не добился, так же как и Бранка. Но больше всего

меня удивил покойный Моро, сын заместителя Верховного судьи; он был весьма приятен собою. Нинон всегда желала иметь его своим другом; но он так и умер, не добившись ее благосклонности. Ее любовников делили на три разряда: тех, кто платил, к коим она была совершенно равнодушна, терпя их лишь до поры до времени, пока они были ей нужны; тех, кого она мучила, и любимчиков.

Она говорила, что ей очень нравятся белокурые, но они не столь пылки, как темноволосые. В 1648 г. она совершила путешествие в Лион: одни говорили, будто для того, чтобы втайне излечиться от какого-то недуга,* другие — будто это была просто прихоть. Еще говорили, что ради Виллара Орондата,³ впоследствии посла в Испании, и что она проделала это путешествие на почтовых, как курьер, а не в портшезе, как это делалось позднее, и притом переодетая мужчиною. Она говорила, что сделала это с целью удалиться от света, и в самом деле, она поступила в монастырь. Там лионский кардинал пленился ее прекрасным нравом и пошел радп пее на какие-то безумства.

Один из братьев Перрашонов влюбился в Нинон без памяти, ничего от нее не требуя; умолял разрешить ему изредка видеться с нею и подарил ей дом, который стоил, должно быть, восемь тысяч экю; но потом он стал домогаться того, в чем она никак не хотела ему уступить, и в одно прекрасное утро она, будучи бескорыстной, вернула ему подношение.

По возвращении Нинон твердо решила принадлежать лишь тем, кто ей приглянется; она сама делала первый шаг, говорила или же писала им о своей склонности. Она любила Севиньи, даром что он был женат, в течение трех месяцев или около того, причем это ему ничего не стоило, ежели не считать какого-то дешевого перстня. Когда он ей наскучил, она ему об этом сказала и взяла на его место Рамбуйе на последующие три месяца. Она в шутку так ему и написала: «Думаю, что любить тебя буду три месяца; для меня это целая вечность». Шарлеваль, застав у Нинон этого юнца, подошел к ней и шепнул ей на ушко: «Дорогая, по внешнему виду это, должно быть, один из ваших капризов». С той поры ее мимолетных любовников называют ее капризами, и она говорила, например: «У меня сейчас двадцатый каприз», — желая сказать, что взяла себе двадцатого любовника.

Пока Нинон кого-нибудь любила, никто не приходил к ней, кроме предмета ее увлечения; у нее, правда, бывали еще и другие, но только как приятные собеседники; кое-кто оставался ужинать, ибо стол у нее был довольно приличный. Дом у нее был обставлен вполне сносно; она всегда держала небольшую двухместную карету.

За Рамбуйе последовал Вассе. От него она получала содержание; он был очень богат и не перестал выплачивать эти деньги, даже когда время

* Я не думаю, чтоб она когда-либо страдала дурной болезнью.

его миновало; но, подобно Кулону и Обижу́, он бывал с ней близок, лишь когда у нее появлялось желание.

Фурро, претолстый малый, сын г-жи Ларше, замечательный лишь тем, что он превосходно знает толк в мясе, был у Нинон чем-то вроде банкира; она переводила на его имя свои векселя: г-н Фурро благоволил уплатить и т. д. Полагают, что он от нее почти ничего не получал. Она говорила, будто заметила у него опухоль на бабке, настолько он казался ей похожим на лошадь.

Шарлеваль, один из господ д'Эльбенов и Миоссанс сильно способствовали тому, чтобы приобщить Нинон к вольнодумству. Она говорит, будто нет ничего дурного в том, чем она занимается, не скрывает, что ни во что не верит, хвалится тем, что стойко держалась во время болезни, когда думали, что конец ее уже близок, и приобщалась святых тайн лишь из приличия. От этих троих господ она переняла особую манеру изъясняться и делать смелые умозаключения на манер философов; читает она одного Монтеня и судит обо всем, как ей вздумается. В письмах ее есть пылкость, но мысли излагаются беспорядочно. Она требует уважения к себе от всех, кто ее посещает, и не потерпела бы, чтобы самый знатный придворный посмеялся над кем-либо из ее гостей.

Кулон и она рассорились (в 1650 году), потому что Нинон рассталась с кварталом Маре ради Сен-Жерменского предместья,⁴ где жил Обижу́. Покойный Моро младший, сын супруги заместителя Верховного судьи, был в ту пору без памяти влюблен в Нинон; он благоволил перед нею, словно перед королевой; он ей платил, но неизвестно, спал ли он с нею. Я слышал от соседей, что его лакей всегда читал записки своего хозяина, перед тем как передать их Барышне, и ответы Барышни по выходе от нее. Она как-то спросила Рамбуё: «Скажите, такой-то хорош собой? Мне очень хочется острой приправы». Она говорила это, как вполне порядочная женщина, ибо всегда знала меру и весьма редко отваживалась забеременеть.

Во время поста 1651 года придворные частенько лакомились у нее скоромным; к несчастью, кто-то выкинул однажды из окна кость на голову проходившего мимо священника из церкви Сен-Сюльпис. Этот священник пошел к кюре, поднял у него большой шум, и движимый усердием, добавил, словно речь шла о какой-то мелочи, что в этом доме убили двух человек, не говоря уж о том, что там открыто едят мясное. Кюре пожаловался на это окружному Судье, который был мошенником. Нинон, узнав об этом, послала г-на де Кандаля и г-на де Мортемара к судье для переговоров, и тот учтиво принял их.

Следующим летом, присутствуя на проповеди, Нинон оказалась подле г-жи Паже, жены докладчика в Государственном Совете. Эта женщина с большим удовольствием побеседовала с Нинон и спросила у Дюпена, казначая, ведавшего мелкими расходами Короля, кто эта дама. «Это г-жа д'Аржанкур, из Бретани, которая приехала сюда по поводу своей тяжбы».

Имя д'Аржанкур он назвал в насмешку; ⁵ г-жа Паже не поняла шутки и спросила у Нинон: «Сударыня, вам, стало быть, предстоит судебный процесс? Я помогу вам; мне будет весьма приятно похлопотать о такой милой жевщине». Нинон кусала себе губы, с трудом удерживаясь от смеха. В эту минуту с ней раскланялся Буаробер. «Откуда вы его знаете?» — спросила г-жа Паже. — «Я его соседка, сударыня, я остановилась в этом предместье». — «Ах, никогда ему не прощу, что он нас покинул ради этой мерзавки Нинон». — «О, сударыня, — откликнулась Нинон, несколько озадаченная, — не следует верить всему, что говорят: быть может, это честная девица, ведь и про вас и про меня могут тоже наболтать разное; злые языки никого не щадят». (Эта г-жа Паже ведет легкомысленный образ жизни). По выходе из церкви Буаробер подошел к ней и сказал: «Вы очень мило побеседовали с Нинон». И тут эта дама необычайно разгневалась на Дюпена, а также и на Нинон; однако она нашла ее такой приятною, что Дюпен отважился привести Нинон в сад Тевнена, глазного лекаря, у ворот Ришелье, где прогуливались обычно его соседи. Г-жа Паже, жена племянника г-жи Тевнен, оказалась там в числе других и снова побеседовала с Нинон.

Однажды в присутствии Нинон ополчились на Буаробера за то, что ему нравятся красивые мальчики. «Право же, — сказал он, — об этом не стоит говорить в присутствии мадемуазель». — «Пренебрегите этим, — сказала она, — уж не настолько я женщина, как вы воображаете».

Ее последним возлюбленным был Вилларсо. Дабы проще видеться с ним и не жить в Париже (это происходило в 1652 году), она отправилась в Вексен, к знатному дворянину по имени Варикарвиль; он богат и хорошо кормит людей; но это оригинал, особливо по части еды, ибо не ест ничего, что было бы живым, но не в силу отвращения (как некий дворянин из Боса по имени д'Отей, которого на этот счет никак нельзя было провести: у него всегда начиналась тошнота), а по убеждению.

Варикарвиль мало во что верит, так же как и Нинон. Однажды они заперлись вдвоем, чтобы пофилософствовать. У них спросили, чем они заняты. «Мы пытаемся, — ответила Нинон, — свести наши верования к определенным положениям. Кое-что мы уже сделали; следующий раз мы поработаем над этим как следует».

От Вилларсо у Нинон было двое детей. Люди говорили: «Она стареет, она становится постоянной». В ту пору ей было около тридцати лет.

Однажды, в самый разгар своей влюбленности Вилларсо увидел в окно, — ибо он нарочно поселился в доме насупротив, — что у Нинон горит свеча; он послал спросить, не пускают ли ей кровь. Она ответила, что нет; тогда он решил, что она, стало быть, пишет письмо какому-нибудь сопернику. Его охватывает ревность, он хочет бежать к ней; в своем неистовстве вместо шляпы насаживает себе на голову серебряный кувшин, да с такой силою, что потом лишь с большим трудом этот сосуд

удаётся с него содрать. Нинон не сумела рассеять его сомнения; он опасно заболевает. Нинон так этим растрогана, что отрезает себе волосы — а они у нее великолепны — и посылает их Вилларсо, дабы он видел, что она не желает ни выезжать, ни кого-либо принимать у себя. Такое самопожертвование благотворно сказывается на состоянии больного: лихорадка тотчас же проходит. Узнав об этом, она идет к нему, ложится в его постель, и они не встают с нее целую неделю.

Два года спустя один высокий, статный малый, по имени де Муссо (родом он из Бове), по возвращении из Швеции, где королева за красивую внешность сделала его капитаном своей гвардии (впоследствии она вынуждена была лишить его этой должности, поскольку другие французы утверждали, будто он не дворянин; еще до этого он побывал на Кандии,⁶ где состоял на военной службе у венецианцев), — так вот, этот де Муссо, познакомившись с Нинон в Комедии, пришел навестить ее; она приняла его лежа в постели. «Кто вы такой, — спросила она, — вы, берущий на себя смелость входить ко мне, не будучи представленным?». — «У меня нет имени», — ответил он. «А родом вы откуда?». — «Я пикардец» (она ненавидит пикардцев). «А где вы воспитывались?». — «На Кандии». — «Боже мой! что за человек! а вы, случаем, не вор? Пьеро, смотрите в оба, чтобы он чего-нибудь не стащил. Я не знаю, кто вы такой, мне нужен поручитель». — «Я приведу вам Буаробера». — «Это не то, что мне нужно, да и вам тоже». — «Тогда я приведу Роклора». — «Он слишком гасконец» (заметьте, что обоих он знал только по виду). «Но будь у меня поручитель, что бы тогда?». — «Там было бы видно; вы пожили бы некоторое время здесь, ведь я перемчива. Пьеро бы вам прислуживал». — «Но у меня нет ни гроша, — говорит он, — меня надобно содержать». — «Сколько же вам надобно?». — «Пистоль в день». — «Полноте, — говорит она, — я даю вам сорок су». Наконец он проговорился и назвал Рамбуйе, который был ему знаком. «О! — воскликнула она, — вот его я согласна взять в поручители». На этом они расстались. Впоследствии этот малый перешел на службу к г-ну де Ноаю.

Любовное увлечение Вилларсо доставило немало огорчений его жене. Буаробер рассказывает, что однажды, когда он зашел к Вилларсо, — ибо, бывая в Париже, квартирует в доме, который ему продал, — воспитатель детей Вилларсо, желая показать Буароберу, насколько образованы его питомцы, спросил у одного из них: — *Quis fuit primus monarcha? — Nem-brot. — Quem virum Semiramis? — Ninum.*⁷ Г-жа де Вилларсо сильно разгневалась на учителя. «Поистине, — сказала она ему, — вам следовало бы воздержаться и не обучать детей всяким гадостям»; и добавила, что упоминание этого имени у нее в доме оскорбительно.

Вилларсо приревновал Нинон к маршалу д'Альбре (1656), который, ничего не добившись у девицы дю Герши, жившей напротив Нинон, перешел ручей и прельстил Нинон вторично. Он открыто похвалялся, что пленен ею навсегда.

В «Мемуарах эпохи Регентства» можно прочесть о преследованиях, которым святоши подвергли бедную Нинон, и о том, что произошло с ней в дальнейшем.

По навету г-жи де Граммон, злобной лицемерки, о которой Маршал, ее супруг, говорил, что она даст тридцать очков фору самому сатане, Королева-мать велела заточить Нинон в монастырь Мадлонетт. Г-же де Вандом было поручено выполнить это. Нинон обвиняли в том, что она де заражает вольнодумством придворную молодежь. После этого пошли разговоры, будто все придворные волокиты собираются осадить монастырь Мадлонетт; нарядили стражу, которой приказано было ходить дозором вокруг монастыря всю ночь. В другой раз пошли слухи, будто какие-то блестящие кавалеры измеряли из соседнего дома высоту стен монастыря, и т. д. Все это наделало такого шума, что Нинон пришлось оттуда взять, по с условием, что она проведет некоторое время в монастыре в Ланьи. Ее навещало такое множество народу, что хозяин харчевни «Королевский меч» нажил себе на этом состоянье. Буаробер отправился туда повидать свою божественную, как он называл Нинон. С ним был маленький лакей, и когда Буаробер уехал, служанка спросила того, кто занял ту же комнату: «Сударь, прикажете постлать только одну постель для вас и для вашего лакея, как для г-на аббата Буаробера?». Нинон рассердилась на Аббата и сказала: «Уж лакей-то мне совсем не нужен». — «Вы ничего в этом не понимаете, — ответил Буаробер, — ливрея придает особую прелесть».

В 1671 году Нинон увлеклась знакомым мне молодым человеком. Однажды, когда они вместе ехали в карете, она заметила, что ее спутник смотрит на всех проходящих женщин. «Э, да вы умеете заглядываться», — говорит она и тут же влепляет ему основательную пощечину: она уже не молода и не уверена в своих чарах.

Некий аббат, который величал себя аббатом де Понсом, большой лицемер, корчивший из себя знатную особу и бывший всего-навсего сыном провинциального шапочника, довольно удачно угождал ей; это был пройдоха, который, не имея ничего, стал обладателем шести-семи тысяч ренты; это прообраз Тартюфа;⁸ однажды он признался Нинон в своей страсти, влюбившись в нее. Говоря о своем увлечении, он сказал Нинон, что ей не надобно удивляться, что самые прославленные святые были подвластны чувственной страсти; что святой Павел⁹ был влюбчив, а блаженный Франциск Сальский не смог избавиться от сего греха.

Мне это напомнило графиню де Ла-Сюз, которая незадолго до смерти влюбилась в созданный ею образ Иисуса Христа; она представляла себе его высоким, темноволосым юношею, весьма привлекательным. Когда Нинон сказала ей: «Мне кажется, что он белокур», — Графиня ответила: «Отнюдь, дорогая моя, вы ошибаетесь; я знаю доподлинно, что он был темноволос».

Провансальцы и их супруги

Советники этого края по большей части дворяне. Обычно до вступления в должность они успевают совершить два или три путешествия на гребных судах и подраться на дуэли. Находятся среди них и такне, у которых сутана держится всего лишь на одной пуговице, и такне, которые не перестают биться на шпагах — даром что они сенаторы. Они презирают всех остальных людей на земле, а друг с другом иной раз обращаются весьма странным образом, как вы сейчас это увидите, прочитав о ссоре, случившейся между двумя советниками из-за павлина.

В Эксе у одного советника парламента был павлин, которого он держал на довольно большом дворе, усаженном деревьями; у другого советника, его соседа, был сад, самый чистый в городе. Сад и двор соприкасались, так что павлин частенько залетал в этот сад, и поскольку эта птица скребет землю, она всегда что-нибудь в саду портила. Хозяину сада это надоело; но вместо того чтобы поговорить с соседом учтиво и предложить ему вырвать у павлина несколько самых больших перьев, чтобы помешать ему перелетать через ограду, владелец сада велел передать своему соседу через секретаря, что, ежели тот не воспрепятствует птице залетать в его сад, он убьет павлина в первый же раз, как его обнаружит. Секретарь застал лишь одного из братьев Советника и передал ему поручение, но не в столь резких выражениях. Брат, совсем еще юноша, обещал, что перескажет все Советнику, но, как видно, об этом забыл. Назавтра владелец сада убивает павлина, не осведомившись даже у секретаря, выполнил ли тот его поручение. Он держался гордо и смотрел на своего соседа свысока, считая себя более знатным, более богатым и потому еще, что недавно женился на дочери маркиза д'Ирвиля из Дофине. Он убивает павлина из пистолета и посылает птицу с лакеем к своему брату, который в то время ушел во Дворец Правосудия; сам он отправляется туда же, а из Дворца в загородный дом, откуда возвращается только вечером. Первый Советник находит своего павлина мертвым на кухне. Он приходит в ярость: собирает своих друзей, которые — их человек пятьдесят, — хорошенько обсудив все происшедшее, взламывают заднюю дверь в саду обидчика и с помощью всех железных предметов, которые оказываются у них под рукою, учиняют в саду полный разгром. Хозяйка дома пытается их уговорить; но, вместо того чтобы отнестись к ней с подобающим почтением, они нагло грубят. Муж, вернувшись в тот же вечер, созывает своих приятелей: обе партии умножаются в числе, в городе вот-вот разгорится настоящая баталия. Тем временем происходит двадцать вызовов на дуэли между молодыми представителями обеих партий; и вот, вместо одной ссоры, их вспыхивает целая сотня. Граф д'Алэ, губернатор провинции, оказался в довольно затруднительном положении. Маркиз д'Ирвиль, узнав об этом скандале, пускается в путь в сопровождении такого множества дворян Дофине, что губерна-

тор вынужден выставить охрану у всех переправ через Дюранс, дабы воспрепятствовать его прибытию. В конце концов г-н д'Ирвиль прибывает один, и, когда спор уже почти улажен, граф д'Алэ, знающий, что это человек весьма рассудительный, просит Маркиза изложить письменно те требования, которые, по его мнению, могли бы возместить убытки, причиненные его дочери, приписав к этому то, что сам сочтет нужным: он, Граф, всецело полагается на него. Маркиз д'Ирвиль так хорошо разобрался во всех подробностях ссоры и во всех сопутствующих обстоятельствах и предъявил столь разумные требования, что граф д'Алэ не изменил ни одного слова во всем, что тот написал, и сказал ему: «Сударь, вы требуете меньше, нежели я готов был вам отдать».

Этот павлин напомнил мне трех гусят, из-за которых все беарнские дворяне чуть было не перегрызли друг другу горло. Некий дворянин, желая угостить г-на де Граммона, заказал в деревне у одного из соседей трех гусят, которых откармливал крестьянин; в этом краю мелкой птицы не едят, и еще недавно там даже и теленка не забивали — на том основании, что со временем он становится быком. Владелец деревни заявил, что гусят он бережет для себя; он, правда, их не забрал, но запретил крестьянину отдавать тому дворянину. Тот забирает их насильно — и вот вся знать уже в седле. Г-н де Граммон с превеликим трудом положил конец раздору.

Один марселец, имени которого я так и не узнал, был захвачен на море турецким пиратом и помещен вместе с другими пленниками, среди коих находилась миловидная девушка итальянка; он влюбился в нее, а она полюбила его. Эта девушка была отдана Султанше, которой она сказала, что марселец — ее муж. Принимая сие во внимание — девушка весьма понравилась своей госпоже, — марсельца определяют в сераль слугою Султана; обоих заставляют отречься от христианства. Капуцины¹ разрешили им это с некоторыми смехотворными оговорками. Итальянка становится богатой и предлагает мужу бежать, забрав сокровища и детей (ибо их успело родиться несколько). Супруги бегут, но в одно прекрасное утро, еще на магометанской земле, муж внезапно исчезает один, захватив с собою все деньги и оставив жене только детей. Она возвращается обратно в Константинополь, рассказывает Султанше, что муж ее обманул и что, разгадав его замысел убежать к себе на родину, она отказалась следовать за ним и возвратилась с детьми, но этот вероломный человек обобрал ее. Султанша и на сей раз благодетельствовала ее; а через несколько лет Итальянка, воспользовавшись тем, что ей доверяют, бежала в Марсель с имуществом и детьми. Муж отказывается ее признавать; но в конце концов, видя, что все кругом клеймят его неблагодарным, он вынужден ее признать и вступить с нею в законный брак.

Провансальцы — завзятые рифмачи. Желая кому-либо отомстить, они сочиняют песенки. На г-на д'Эпернона они написали ужасные куплеты.

Люди Герцога побуждали его наказать виновников. «Эх, господи, — отвечал он, — да пускай себе поют, сколько им влезет».

Что до провансальских дам, то, помимо злоречия, привычного для небольших городков, у них заведено выкладывать все начистоту во время карнавала, так что почти всегда там без ссор не обходится; они весьма надменны, и вот тому отличный пример.

Барон д'Альмань выдал одну из своих дочерей за г-на де Жук. Г-н де Жук и архиепископ Экский оба претендуют на право почетного владения неким сельским приходом. Однажды во время одного богослужения, на которое должен был прибыть и Архиепископ, г-жа Жук, желая сидеть на почетном месте, приказывает убрать стул, приготовленный для Архиепископа, ставит свой и усаживается. Приезжает Архиепископ и находит место занятым. Нашей даме этого кажется мало, она вдобавок оспаривает свое право на место и, говорят, даже замахивается на прелата. Это была невысокая женщина, довольно хорошенькая и чертовски надменная. Мне бы хотелось, чтобы архиепископ Экский стал бы в ту пору уже кардиналом де Сент-Сесиль, дабы посмотреть, что стали бы делать эти две умные головы.

Мадемуазель Диоде

Мадемуазель Диоде — дочь некоего г-на Диодати из Марселя (ибо Диоде — это имя искаженное), дворянина родом из Лукки. Она была хорошо сложена и весьма неглупа. По пути в Италию (было это в 1638 году) я проезжал через те края и сказал этой девице несколько любезных слов; она ответила, что читает «Правдивое зеркало»² сочинения Ла-Серра. И далее она продолжала читать что попало и стала настоящей педанткой: только и говорила что о книгах и занимала гостей беседами о науке. Некий иезуит, как говорят, научил ее латыни. Рассказывают, будто однажды ее навестил некий молодой кавалер Мальтийского Ордена,³ которому она принялась цитировать Аристотеля, Платона, Заратустру⁴ и Гермеса-Трисмегиста.⁵ Юноше это доставило не слишком большое развлечение; он прощается с м-ль Диоде, она хочет его проводить; он делает все возможное, чтобы отговорить ее, и наконец падает на колени: «Именем Платона, Аристотеля, Заратустры умоляю вас, мадемуазель, не наносите мне этого оскорбления». Стоило приехать в Марсель какому-нибудь иностранному принцу, как она делала все возможное, чтобы на бале сидеть подле него. В этих краях балы бывают зимой и летом. Но она ко всем относилась с презрением и полагала, что только ей одной подобает занимать гостя. Особливо это проявилось, когда через Марсель проезжал какой-то датский принц. Она позволяла ему ухаживать за собою, терпеливо выслушивала все любезности, на которые способен *данец*, а ведь в этом человеке не было ровно ничего примечательного, кроме знатного

происхождения. Все ополчились на нее за то, что она обратилась с приветственной речью к шевалье де Гизу, когда тот вернулся из Флоренции. Вот как это было: когда Шевалье прибыл, г-жа Диоде и ее дочь случайно прогуливались по набережной порта; эта женщина, о которой немного злословили по поводу ее отношений с покойным г-ном де Гизом, по недомыслию стала расточать Шевалье любезности по-провансальски, ибо не все марсельские дамы и барышни говорят по-французски; Шевалье ровно ничего не понял, тогда взяла слово дочь и наговорила много приятного, из чего он, должно быть, понял не больше, чем из провансальских любезностей, и отвечал обеим дамам только учтивыми поклонами.

Через несколько лет С্কюдери, получив должность настоятеля церкви Нотр-Дам-де-ла-Гард, обосновался в Марселе и перевез туда свою сестру; наша ученая барышня не упустила возможности завязать дружбу с людьми, пользующимися известностью. Беседы с м-ль С্কюдери в некоторой мере излечили ее от педантских разговоров: заметив, что ее собеседница не упоминает о Заратустре и т. п., она не отважилась о нем заговорить. Однажды — правда, это было в начале их знакомства — она сказала: «Но, мадемуазель, в Писаниях святых отцов я этого не читала». Она не могла жить без своей новой подруги, и встречались они почти каждый день; в конце концов через полтора года она поссорилась с м-ль де С্কюдери, и это еще очень долгий срок для м-ль Диоде, ибо до тех пор она ни с кем не могла оставаться в ладах более чем полгода.

Вот как произошла эта ссора. Некий провансальский дворянин, барон де Ла-Бом, человек неглупый, но довольно странный, проухаживав за нашей девицею добрых два года, сказал г-же де С্কюдери, будто делал это лишь из жалости и ради того, чтобы она, оказавшись на его месте кто-либо другой, окончательно не заучилась; но что, будучи вынужден уехать из Марселя на довольно долгий срок, он по возвращении своем обнаружил, что она совсем свихнулась. И вот Барон перестал за ней ухаживать, а она в своем сердчишке затаила на него злобу. На следующий год во время карнавала он появился в Марселе; Диоде и две другие дамы пришли на маскарад одетые турчанками, причем очень богато, ибо в Марселе можно достать самые настоящие наряды султанши. На вечер, где они были, приехал и Барон; когда во время танца их заставили снять маски, Диоде случайно оказалась напротив него. На следующий день м-ль де С্কюдери в самый разгар бала подсылает к Диоде и ее подругам человека в маске, который передает им страничку письма, присланного якобы из Константинополя, в коем сообщается, будто из сераля Великого Турка⁶ исчезли три султанши, причем одна из них (указывались приметы Диоде) бежала оттуда, дабы разыскать удравшего от нее раба-христианина; но ей, как видно, его не разыскать, ибо он отдал себя под покровительство царицы Мавританской: это довольно смуглая дама, в которую он влюблен. Наша девица оказалась столь глупа, что пришла от этого в крайнее негодование, хотя ей пора было бы уже привыкнуть

слышать о себе нелестные отзывы; и больше с м-ль Скюдери она не встречалась.

Некий молодой парижанин, сын Скаррона де Вор, чиновника по сбору соляной пошлины и зять г-на де Вилькье, ныне маршала д'Омона, командовал галерой Королевы и как раз в ту пору возвратился в Марсель из небольшого плавания. Не успел он увидеть нашу девицу, как тотчас же в нее влюбился, хотя до того видел ее сотни раз и все такой же красавицею, какою она была в те годы; она хорошо сложена, хотя, пожалуй, слишком полновата. Молодой человек тут же признается ей в любви и просит ее руки; выслушав его, она соглашается стать его женой, — это она-то, которая столь часто смеялась над ним и не раз убеждалась, что у него нет ни ума, ни сердца. Сие показалось м-ль Скюдери тем более странным, что ей приходилось слышать от Диоде, будто для того, чтобы ей понравился человек не дворянского происхождения, он должен обладать необыкновенным великодушием. Отец де Вора (таково имя нашего жениха) узнает об этом и посылает сообщить сыну, что не согласен на этот брак, ибо невеста не имеет состояния. Невзирая на его запрет, мать и дочь, ибо отец девицы к тому времени умер, испрашивают у церковных властей разрешения на брак; им отказывают. Наконец, прибегнув к обману, они посылают своего кюре к г-ну д'Альманю, который живет по другую сторону порта, и там, после того как он отказал в испрашиваемом ими благословении, стоя перед ним на коленях, они торжественно заявили присутствовавшему тут же нотариусу, что берут друг друга в супруги; а оттуда направились, уж не знаю почему, завершить свой брак в таверну какой-то дрянной деревушки.

Через некоторое время Диоде приехала в Париж. Родители мужа не пожелали ее видеть. Впоследствии, подружившись с фрейлинами Королевы, она сумела с их помощью добиться того, чтобы г-н де Вилькье ее принял. Долгое время она чувствовала себя не в своей тарелке. Потом, уже по случаю Великого юбилея,⁷ ее свекор уступил; вскоре он умер, оставив им состояние. Диоде быстро привыкла к новой роли. Эта женщина заботливо печется о хозяйстве и о делах, и никто о ней дурно не отзывался.

Различного рода любовники

Незадачливые

Сожон, дворянин из Сентонжа, гугенот, был влюблен в сестру одного из своих соседей, с которым был не в ладах, и был любим ею. На одной свадьбе брат девушки запретил ей танцевать с Сожоном, а она пошла. Брат расвирепел; ушел с праздника и увел ее с собою. Опасаясь, как бы он ее не побил, Сожон следует за ними; они встречаются, брат идет на Сожона с пистолетом в руке, стреляет, но не попадает. Сожон

стреляет в ту минуту, когда девушка, сидевшая на копе, так же как и мужчины, бросается между ними, чтобы их разнять, и смертельно ее ранит. Через три дня она умирает, сделав все, что надобно было, чтобы снять вину с Сожона. Сраженный горем, он запирается у себя в доме и в течение пяти лет ни с кем не видится. Наконец одна из родственниц Сожона уговаривает его переехать к ней. Еще семь лет он живет в глубокой печали; спустя некоторое время к этой женщине переселяется ее племянница; это была красивая и умная девушка; незаметно для себя Сожон влюбился в нее и решил на ней жениться. Она испытывала к нему глубокое уважение и, прежде чем дать согласие выйти за него, совершила довольно необычный шаг: она сама призналась ему, что в ранней юности у нее был ребенок; некий человек обманул ее но, мол, все это оставалось в тайне. «Однако — добавила она, — я открываю вам ее, для того чтобы вы, когда-нибудь случайно узнав об этом, не возненавидели меня столь же сильно, как полюбили». Он, видя такое чистосердечие, поверил, что она действительно не виновата, женился на ней, и они зажили в самом добром согласии. Она умерла на десять лет раньше него. После несчастья, приключившегося с ним во время поединка с братом своей возлюбленной, он ни разу не улыбнулся.

Сменив веру, он, дабы оправдать свой поступок, принялся писать довольно нелепые книжонки на голубой бумаге.¹ Это он отвозил г-на де Ла-Ле в монастырь Сен-Дени. Кардинал де Ришелье купил поместье Сожона, ибо последний был не слишком рачительным хозяином. Позднее г-жа д'Эгйон определила его на службу к герцогу де Ришелье² в Гавре, где он стал его наместником; в дальнейшем, в чем-то заподозрив Сожона, она лишила его этой должности. Впоследствии с досады он сделался отцом-ораторианцем. Г-жа де Сожон, состоящая камерфрау у Мадам,³ приходится ему дочерью; из фрейлип она была пожалована в камерфрау.

Один юный парижанин, по имени Санвиль, студент, изучавший право в Орлеане, влюбился в красивую девушку; но так как она была небогатой, родители влюбленного ни за что не соглашались на их брак; пришлось ждать его совершеннолетия. Был назначен день свадьбы. Брат этой девушки, бывший приятелем Санвиля, попросил будущего зятя зайти с ним к золотых дел мастеру, дабы помочь выбрать серебряную посуду, которую он намеревался подарить сестре в день свадьбы; Санвиль пошел с ним, но, на его беду, они обратились к мастеру, в доме которого была чума. Через несколько дней новобрачный, лежа в постели рядом с женой, чувствует сильную головную боль и испытывает кое-какие другие признаки недомогания, которые кажутся ему предвестниками чумы (было уже известно, что он побывал в доме мастера, где была чума), и ему тотчас же приходит в голову, что он заразился; он тихонько выскакивает из постели и запирается в другой комнате. Поутру жена крайне удивлена; увидев себя в одиночестве, она начинает искать мужа и находит его; но он не желает отпирать дверь и просит всех как можно скорее уда-

литься, особенно жену; он де умрет в полном отчаянии, ежели будет знать, что ее жизнь в опасности. Незвизрая на все его предостережения, взламывают дверь и дают ему необходимые спадобья. У него начинается страшный жар, он хочет выброститься из окна. Его связывают: по по странной особенности этого недуга, как только его связывают, к нему возвращается рассудок, и он начинает попрекать жену тем, что он для нее сделал. Бедная женщина не может снести его сетований и велит его развязать; и тотчас же к нему вновь возвращается безумие, и он снова перестает всех узнавать; в таком состоянии неистовства он и скончался. Молодая женщина, отныне обеспеченная благодаря брачному контракту с Сапвилем, впоследствии вышла замуж за некоего г-на Паффе из Парижа; от него она имела детей, этого мужа она тоже похоронила. В дальнейшем на ней женился старый холостяк по имени Шарпантье, советник Большого Совета, и принес ей состояние в сто тысяч франков. Она была очень приятно женщиной.

Некий овериский дворянин, по имени д'Аргуж, был влюблен в девицу де Корнон. Однажды, когда они вдвоем гуляли по берегам Алье и он говорил ей о своей страсти, она сказала: «Полноте, вы вовсе не любите меня так, как говорите». — «Испытайте меня», — произнес он. «Хорошо, — отвечала она, — если вы меня любите, бросьтесь сейчас же в реку». Она думала, что он этого не сделает. А он тут же бросился в воду, как был — в сапогах со шпорами, со шпагой на боку и в дорожном плаще. Ему пришли на помощь, не то бы он утонул. Девица сдалась и вышла за него замуж.

Председатель Счетной палаты в Монпелье, по имени Ла-Грий, человек женатый и в летах, но не имевший детей, был дружен и находился в связи с замужней женщиной из того же города, по имени м-ль де Ломала; она не отличалась какой-нибудь особой красотой и была уже не первой молодости; умерла она в 1660 году. Ла-Грий был так удручен ее смертью, что в конце концов решил покончить с собою, но прежде он пожелал ее откопать. Капуцины, в обители которых покоилось ее тело, согласились исполнить его просьбу за двести пистолей. У нее сохранилась кисть только на одной руке; эту руку он покрыл несчетным количеством поцелуев и попросил монахов, когда он умрет, похоронить его подле любимой; затем он отправился к себе домой и бросился там с башни. Он был очень богат; маленький Грамон получил его имущество по описи, но шестнадцать тысяч ренты были завещаны ближайшему наследнику.

Те, что слишком быстро утешились

Некий марсельский дворянин, по имени Брикар, безумно влюбился в красивую девушку, которая в конце концов стала его женою. От обладания ею был его не угас, он продолжал любить ее по-прежнему; через

несколько лет она заболела и умерла. Никто не проявлял еще так явно своего жестокого горя, как он; не довольствуясь тем, что у него был портрет жены, где она была изображена во весь рост, он велел написать ее в гробу; он пожелал заказать с нее восковой слепок. Однако, поскольку, лицезрение этих портретов лишь растравляло его горе, глядеть на них стало для него невыносимым; он велел повернуть большой портрет лицом к стене и поставить его вверх ногами. Этого показалось ему недостаточно: он велел отнести портрет к хорошему художнику, находившемуся в ту пору в Марселе, и заставил его, несмотря на все его возражения, замазать на портрете лицо. Через некоторое время его сильное горе стало постепенно затихать, и этот человек, который всегда ходил с потупленным взором, понемногу начал поднимать глаза от земли и однажды, возвращаясь домой, увидел стоявшую в дверях красавицу, которая все же не была столь хороша, как его покойная жена: В Провансе хозяева почти все время свое проводят, стоя у дверей, даже гостей принимают у входа в дом, так что он постоянно видел эту девушку. Как-то он снова заходит к художнику и, взглянув на знакомое полотно, говорит: «Право же, досадно оставлять этот портрет в таком виде, как-никак на нем есть и архитектура и пейзаж; надобно, пожалуй, написать здесь другое лицо». — «Воистину, — откликнулся художник, — чье же лицо сюда бы подошло?». — «Мне кажется, — сказал Брикар, — сюда очень подошло бы лицо Герарды». То было имя молодой девушки. И в самом деле он велел написать ее лицо, и женился бы на ней, когда бы ее за него отдали; но по каким-то причинам это сочли неуместным.

Выжившие из ума старики

Некий прокурор Парламента, по имени Фортен, семидесятилетний вдовец, вздумал влюбиться в молодую девушку и, желая ей понравиться, стал носить серую бобровую шапку с золотой лентой и каждый день надевал сапоги с золочеными шпорами. Он и стихи сочинял; в одном из стихотворений он обращался к девушке так:

В Шатийоне на заре
Обвенчает нас кюре.
В Бонн *,⁴ потом поедем вместе:
Там вы будете на месте.

Она посмеялась над ним; а он умер, так и не излечившись от своего безумия, отошел в иной мир в своих высоких сапогах с золочеными шпорами. У него был сын, умерший от какого-то недуга в Риме. Евреи купили одно из его платьев, довольно примечательное. Какой-то другой француз, недавно приехавший туда, случайно приобрел его; остальные тамошние французы стали называть его «Покойный Фортен».

* В Бонне был у него дом.

Признательные

Второй сын г-жи де Шабан сестры Сен-Прея, будучи в Риме, познакомился с некоей дамою, вдовою, бывшей старше его годами. Из Рима он отправился в Неаполь с г-ном де Гизом и там был посажен в тюрьму. Вдова так настойчиво хлопотала о нем, что вызволила его оттуда; он же, став старшим в роде, из признательности женился на ней и увез во Францию; произошло это во время Бордосской войны.⁵ Эта женщина оказалась в одном из замков г-на де Бурдея, защищала его и была ранена при этом мушкетной пулей в плечо. Г-жа де Шабан, у которой был бешеный нрав, преследовала ее, как только могла. По ее наущению их ограбили, и ее невестка потеряла при этом несколько прекрасных картин. В конце концов им пришлось подать на г-жу де Шабан жалобу в суд. Их иск, помнится, удовлетворили.

Щепетильные

Саблиер, второй сын г-на де Рамбуйе, — тот, которого прозвали Мастером мадригалов, — сойдясь с одной красивой женщиной, по имени г-жа ле-Танер, чей муж столь же несуразен телом, как и умом, из щепетильности, дабы избежать столь противного сотоварища по любовным утехам, потребовал от своей дамы, чтобы та в течение целого года спала отдельно от мужа. Жена сослалась на то, что у нее сильный насморк и что она может захворать грудью, ежели забеременеет тотчас после простуды. Тем временем щепетильный любовник развлекался с нею с известной опаскою; но однажды он все же кое-что упустил, и вскоре его подруге стало ясно, что она понесла, а посему она позаботилась своевременно вернуть мужа к себе в спальню; но любовник получил по заслугам: эта женщина стала всячески терзаться, вообразив, что ее ребенок украдет то, что принадлежит другим, и что она не сможет убедить себя, будто бы он родился от ее мужа; и не женись ее возлюбленный вскоре после этого, я не знаю, чем бы все кончилось.

Маленький Скаррон

Маленький Скаррон, прозвавший себя сам безногим калекою, — это сын Поля Скаррона, советника Главной палаты, которого все звали Скаррон-Апостол, ибо на каждом шагу он цитировал св. Павла.¹ Этот старикан был завзятым чудаком, как это явствует из шутливой памфлета, написанного маленьким Скарроном на свою тещу; памфлет сей, быть может, самое лучшее, что он сделал в прозе.

Маленький Скаррон всегда питал склонность к поэзии, танцевал в балетах и отличался прекраснейшим нравом до той поры, пока некий

шарлатан, взявшись излечить его от какой-то детской болезни, не дал ему снадобья, от которого у него отнялись все члены, кроме языка и еще кое-чего, что вам, должно быть, понятно; по крайней мере, из дальнейшего ясно, что этому вполне можно верить. С тех пор он сидит на стуле, укрытый сверху, и может двигать только пальцами, в которых держит палочку, чтобы иметь возможность почесываться; видом своим он на волокиту отнюдь не похож. Это не мешает ему то и дело отпускать шутки, хотя боли почти никогда его не покидают; следует, пожалуй, считать чудом нашего века, чтобы человек в подобном состоянии, к тому же еще и бедняк, мог так смеяться, как он.

Более того, этот человек еще и женился. Он говорил Жиро, которому передал свою пребенду² в Мансе: «Найдите мне женщину, которая бы дурно вела себя, дабы я мог называть ее шлюхой и она бы на это не обижалась». Жиро однажды ему указал на компаньонку матери г-жи де Лафайетт. У этой девицы был ребенок, и она так и не стала возбуждать дело против конюшего, который был его отцом; но Скаррон только рассмеялся в ответ. Впоследствии он составил договор о передаче Жиро своей пребенды и, собираясь поехать в Америку, где он надеялся поправить свое здоровье, женился на тринадцатилетней девочке, дочери одного из сыновей историка д'Обиньи* (этот д'Обиньи младший, сьер дю Сюрино, убил свою жену за распутство. Женившись против воли отца, он был лишен наследства; отплыл в Индию, и, я полагаю, дочь его родилась именно там).

Потом Скаррон изменил свои намерения. Это обошлось в три тысячи ливров, которые он вложил в торговую компанию; видя, что дела там идут плохо, он в Америку не поехал.

Однажды он сказал жене: «Прежде чем стать тем, что мы сейчас собою представляем, а мы представляем собою не бог весть что, и т. д.». У нее за душою не было ничего: ее кузены д'Обиньи жили на ее счет. Впоследствии Генеральный прокурор Фуке, который занимает также должность Суперинтенданта финансов, назначил Скаррону пенсию; этому человеку нравятся шуточные стихи.

При всей своей нищете Скаррон из дружбы поддерживал Селесту де Палезо, девицу из знатной семьи, которая проиграла процесс против Роже, сделавшего ей ребенка; Скаррон приютил ее у себя, пока она не удалилась в монастырь.

Скаррон говорил, что женился, дабы видеть людей, иначе, мол, шикто бы его не навещал. И в самом деле, жена его со временем сделалась весьма приятной женщиной. Он говорил также, что, вступая в брак, надеялся изменить дарственную на свое имущество, которую он составил в пользу родителей; но, мол, для этого надобно, чтобы кто-то сделал ре-

* Чтобы взглянуть на Скаррона, ей приходилось сильно наклоняться и даже вставать на колени.

бенка его жене. Впоследствии он нашел способ вернуть себе целиком или частично состояние, завещанное родителям; у него имелась ферма близ Амбуаза; он говорит о ней г-ну Нюбле, стряпчему, человеку умному и честному, о котором упоминает в послании к покойному президенту де Белльевру: «Я с вами не знаком, но г-н Нюбле, *qua non Catonior alter*,³ наговорил мне о вас столько хорошего». Скаррон сказал Нюбле, что оценивает это наследственное владение в четыре тысячи эю, но что родители хотят дать за него только три тысячи. Нюбле ответил, что согласен ему помочь, но должен взглянуть на ферму. Он отправляется туда; во время вакаций ему говорят, что эта ферма стоит вполне пяти тысяч эю; он вписывает в контракт пять тысяч эю вместо четырех тысяч. Родители, которые хотели дать за нее только три тысячи, отобрали у Нюбле это владение по праву изъятия наследственного имущества.

Г-жа Скаррон отвечала тем, кто спрашивал у нее, почему она вышла замуж за этого человека: «Я предпочла выйти за него, нежели уйти в монастырь».

Она жила до этого у г-жи де Нейян, матери г-жи де Навай, которая хотя и приходилась ей родственницей, обирала ее до нитки. Старуха эта была так скупа, что на всю комнату ставилась одна жаровня: грелись, стоя вокруг нее. Скаррон, живший в том же доме, предложил вносить ей какую-то сумму, дабы маленькая д'Обиньи могла стать монахиней; в конце концов он решил на ней жениться. И вот однажды он ей сказал: «Мадемуазель, я не желаю больше давать деньги на то, чтобы упрятать вас в монастырь». Она громко вскрикнула. «Да погодите же, я просто хочу на вас жениться: мои слуги выводят меня из терпения!».

Пороку Скаррон говорит презабавные вещи; но это случается нечасто. Ему хочется всегда быть занятым, а это верное средство им не быть. Он пишет комедии, рассказы, шуточные газетные заметки, словом — все, из чего можно извлечь деньги. В одной шуточной заметке он задумал вывести некоего безмянного человека, который приезжает в пятницу, одевается у старьевщика, а в субботу женится и который, стало быть, может сказать: *Veni, vidi, vici*,⁴ — но никто, мол, не знает, много ли крови стоила его победа. А надо указать, что в тот день Лафайетт, поскольку все дела в Лиможе были улажены его дядей, тамошним епископом, приехал в Париж и женился на м-ль де Ла-Вернь. На следующий день кто-то в шутку сказал, что речь идет о Лафайетте и его возлюбленной. В следующей газете Скаррон извинился и написал длинное письмо Менажу, который опрометчиво прочел его м-ль де Ла-Вернь, причем оказалось, что она об этом ничего не слышала.

В его сочинениях встречаются забавные строки, как например:

Как жаль переводить сафьян
На книги с посвященьем пышным.

В одном из посвящений Кoadьютору он говорит: «Сидите спокойно, сейчас я буду вас хвалить».*

Однако как ни бедственно положение Скаррона, у него есть льстецы, подобно тому как у Диогена были свои приживалы. Жена его повсюду желанный гость; до сих пор полагают, что Рубикона она не перешла. Скаррон мирился с тем, что многие приносили ей что-нибудь съестное, чтобы было из чего приготовить хороший обед; однажды граф де Люд несколько неделикатно позволил себе сделать то же. Он вкусно пообедал с мужем, но жена так и не вышла из своей комнаты. Вилларсо к ней очень привязан, а муж потешается над теми, кто хотел бы исподтишка заронить в его душу подозрение на ее счет. Скаррон умер ранней осенью 1660 г. Перед этим жена уговорила его исповедаться; д'Эльбен и маршал д'Альбре сказали ей, что он сделал это ради насмешки; ему стало лучше. Но потом болезнь взяла свое, и приличия были соблюдены.

Его жена удалилась в монастырь, чтобы не быть никому в тягость, хотя добросердечная Франкето, ее подруга, хотела, чтобы она переселилась к ней; г-жа Скаррон сочла это для себя не вполне удобным.

Она поселилась в Доме призрения для женщин старанием вдовы маршала д'Омона; у последней была там обставленная светелка, которую она ей и предоставила; вначале эта дама посылала ей все, в чем та нуждалась, даже одежду; но она разболтала об этом такому множеству людей, что в конце концов г-же Скаррон это надоело, и однажды она отправила обратно тележку с дровами, которую та велела разгрузить во дворе обители. Вскоре ей назначили пенсию, и она стала платить за все услуги. О том, кто давал ей на это деньги, речь еще впереди. Монахини говорят, что ее посещает ужас как много людей, и смотрят на это косо.

Я забыл сказать, что г-жа Скаррон нынешней весною ездила с Вилларсо и Нинон в Вексен, расположенный в одном лье от дома г-жи де Вилларсо, супруги их кавалера. Со стороны г-жи Скаррон это было похоже на вызов.

Впоследствии изыскали способ назначить ей пенсию от имени Королевы-матери в размере 2500—3000 ливров. На нее она живет в небольшом домике и скромно одевается. Вилларсо ее по-прежнему навещает, но она строит из себя недотрогу. В пынешнем, 1663 году, когда все ходили в масках, даже сама Королева-мать, г-жа Скаррон не преминула сказать, что ей просто непонятно, как порядочная женщина может надеть маску.

Ла-Кардо, дочь знаменитой мастерицы по части букетов, поставившей когда-то цветы всему Двору, известная своею склонностью к жепщинам, влюбилась в г-жу Скаррон. Тщетно эта особа старалась на все лады найти предлог, чтобы остаться переночевать с нею; и вот недавно, когда г-жа Скаррон с небольшим приступом колик лежала на полу возле

* Существует поговорка: «Сидите спокойно, сейчас я буду вас рисовать».

своей постели, эта особа входит, ложится рядом с нею и, обнимая ее, хочет всунуть ей в руку большой кошелек, набитый луидорами. Г-жа Скарроп встает и выгоняет ее.

Сумасброды, фантазеры, чудаки и т. д.

Когда матери г-на де Лонгвиля пужно было пускать кровь, она требовала, чтобы это делалось со всякого рода церемониями. Однажды некий лекарь пустил ей кровь прежде, чем она успела отвернуться; она не пожелала больше пользоваться его услугами, говоря, что с его стороны было наглостью пускать ей кровь в ее присутствии.

Г-н Амиро, ученый муж, профессор теологии в Сомюре, ухитрился написать целых два тома о нравственности Адама до грехопадения, где говорится, что самым большим счастьем для него было плавать. . . .

Отец некоего Шамбержо велел в своем поместье вытесать себе гроб из камня; время от времени он туда ложился, дабы посмотреть, удобно ли ему в нем будет лежать, и говорил рабочим: «Пройдитесь-ка здесь еще раз резцом; тут мне что-то плечу больно».

Другой дворянин велел приделать с внутренней стороны гроба небольшую задвижку, дабы чувствовать себя там вполне надежно.

Маршал д'Орнано не ложился спать ни с одной женщиною, не узнавши наперед имени, данного ей при крещении, опасаясь осквернить имя Пресвятой Девы; по той же причине маршал де Сен-Люк никогда не ел мяса по субботам; зато по пятницам он наедался им вволю.

Вишьоль, председатель Судебной палаты в Кастре,¹ ездил верхом из Парижа в Шарантон на упряжной лошади, в сопровождении двух пеших лажей; он уезжал с постоянного двора каждый день в восемь часов вечера, говоря, что этот час отведен для герцогинь.

Покойный кардинал де Рец, председатель Совета, держал три года подряд всех лучших лошадей и всех скороходов в Нуази, подле Версаля, повторяя изо дня в день «Поеду туда завтра». Его слуги, дабы держать и тех и других наготове, отправлялись на Пре-о-Клер, где находилось в ту пору Дорожное ведомство, и спускали какую-нибудь собаку, которую они потом гнали до Медона. Кардинал однажды захотел туда поехать. Собака пробежала полпути до Нуази, но Кардинал поэтому туда и не поехал. Я слышал о его весьма рассудительном поступке. В Клераке он выкупил за шесть пистолей красивую девушку, которую хотели увезти с собой солдаты; впоследствии, поскольку она заявила, что с удовольствием станет монахиней, Кардинал дал ей тысячу экю, чтобы она могла поступить в один из тулузских монастырей, и пальцем ее не тронул.

Дворецкий моего тестя однажды жестоко высек лакея; на другой день на дверях его особняка нашли следующую записку.

Шамар владеет мастерски бичом:
Он призван стать отменным палачом.

Некий гугенот, по имени Лормуа, родом из Блуа, студент-богослов в Сомюре, задумал сделаться евнухом, подобно Оригену;² об этом упали и отговорили его. Наконец он приехал в Париж, где никому ничего не сказав, дал себя оскопить. Вернувшись в Сомюр, он влюбился в дочь человека, у коего квартировал, в девушку, которую до этого он видел несметное число раз, оставаясь совершенно равнодушным. Он просит ее руки и женится на ней. Вообразите сами, может ли подобный человек стать добрым семьянином. Проходит некоторое время, и он начинает ее бить, она на него жалуется; он же решил идти до конца и заставил расторгнуть их брак, предъявив свое увечье. После этого он окончательно спятил.

Отец этого малого был помолвлен с девицей, которую до той поры ни разу не видел. Найдя ее некрасивой, он взял в жены младшую. Старшая, в полном отчаянии, села в челнок посреди большого пруда и решила себя уморить голодом; никто не знает, что с нею стало. Младшая через год умерла с горя. Она и была матерью нашего студента.

.

Вызовы на поединок и примирения

Граф де Монревель, в ту пору еще молодой, как-то на балу в толпе толкнул Конака, дворянина из Сентонжа, человека весьма умного и отважного. Конак, которого он толкнул задом, оттолкнулся тоже задом; Монревель дал ему пощечину. Конак с превеликим хладнокровием прочел следующий стих:

Порой за меньшее переплывали Стикс,¹

и вызвал Монревеля на поединок; но Монревель его убил.

А вот поединок песколько менее кровавый. Сатирик Ренье, не получив должного удовлетворения от Менара, является к нему с вызовом на дуэль, когда тот еще лежит в постели; Менар был столь удивлен и растерян, что никак не может натянуть на себя штаны. Впоследствии он признавался, что потратил на одевание часа три. За это время он посылает к графу де Клермон-Лодэву, прося прийти помирить его с Ренье, когда они будут на месте поединка. И вот противники встречаются. Граф спрятался; Менар оттягивает дуэль, как только может: он утверждает, что одна шпага короче, чем другая, он целый час стягивает с себя сапоги, мягкие туфли ему слишком узки. Граф смеялся, как сумасшедший. Наконец он появляется на лугу; Менар не может далее притворяться и просит у Ренье прощения; но графа он осыпает упреками и говорит ему, что, будь оба противника более решительны, они давно бы перерезали друг другу глотку.

Этот граф, когда у него собираются люди, которые ему по душе, удерживает их, никак не хочет отпускать и для охоты дает только своих

лошадей, опасаясь, как бы они не разъехались по домам; что до меня, я бы уехал и на его лошади.

Барон д'Аспремон, родом из Шампани, дрался однажды чуть ли не три раза в один и тот же день. Утром он убил человека и был легко ранен в бедро; в полдень он садится за стол герцога Энгиенского, на службе которого состоит; рана его беспокоит; он не может есть; тут он стал забавляться, бросая катышки хлеба в одного из своих друзей, и по досадной неосторожности угодил в лоб не помню уж какому храбрцу, который впервые появился в этом доме. Человек этот счел, что его будут презирать, ежели он это стерпит; он требует объяснения. Аспремон отвечает, что дает объяснение лишь со шпагой в руке. Они идут на Отейский луг; там Аспремон ранит противника в руку и обезоруживает его. Но не успел он возвратиться, как выясняется, что капитан гвардии герцога Энгиенского ищет секунданта, он берет Аспремона, но, когда они шли к месту поединка, их разлучили.

Некий чиновник Парижской счетной палаты выпутался из затруднительного положения еще лучше, нежели Менар. Однажды он ехал верхом в Медон; когда он проезжал по Гренельской равнине, его остановили трое всадников; они говорят ему, что судя по его лицу, он несомненно дворянин. Чиновник не осмелился это оспаривать. Всадники говорят ему, что, поскольку один из их друзей не явился, они просят его быть секундantom вместо него. Он не отвечает ни да, ни нет; но они заставили его ехать с ними. Драться предстояло пешими. Когда все соскочили с лошадей, чиновник сделал вид, будто ему надобно отойти в сторону по малой нужде, затем он быстро вскакивает на лошадь, прищипривает ее и кричит: «Других, других поищите, господа! Меня не надуете!». Копь у него был добрый, и он добрался до города прежде, чем остальные успели вскочить в седло. Они обзывали его вдогонку жалким трусом, но он и не подумал остановиться. Дабы придать рассказу большую остроту, говорят, будто на следующий день он поведал о своем приключении в палате и там было приказано, чтобы впредь, во избежание подобных случаев, ни один чиновник не рядился под дворянина.

Примирения

Некий дворянин, гугенот, по имени Перпонше, служивший капитаном в Вилле-Котре под начальством маршала д'Эстре, командуя однажды жандармами этого Маршала в отряде, который г-н д'Арпажон вел в Лотарингию, в какой-то потасовке, вспыхнувшей из-за размещения на постой, получил от родственника г-на д'Арпажона несколько ударов тростью, в чем обидчик не очень-то хотел признаваться. Арпажон решил добиться примирения между ними; но в тот день, когда оно должно было состояться, Перпонше собрал в штаб-квартире всех своих жандармов, велел им спрятать пистолеты под плащами; и когда ему дали в руку палку, он

нанес ею с полдюжины крепких ударов тому, кто приносил ему извинения, и тот ничего не мог поделать, ибо сила была на стороне Перпонше. За него вступились, и дело кончилось вничью.

Некий храбрец, имени которого мне так и не могли назвать, играя с приятелем, поссорился с ним, и тот в конце концов ударил его палкой. Оскорбленный, будучи гораздо сильнее обидчика, идет к двери, запирает ее на засов (дело было зимой), хватает противника, валит его в огонь и, наступив ему на живот, начинает поджаривать. Бедный малый издает ужасающие вопли. В комнату пытаются войти, но она на запоре. Наконец дверь взламывают; у обидчика уже начала обгорать кожа. После этого их нетрудно было примирить.

В 1652 г. Гийераг, молодой человек из приличной бордосской семьи (он получил должность Саразена при особе принца де Конти) попросил некоего храбреца, по имени Ришар, вызвать на дуэль от его имени графа де Марена, который сделал ему какую-то пакость. Ришар сказал ему: «Дорогой мой, всего лишь две недели назад я дрался на дуэли за два лиара; но теперь у меня уже пятьсот пистолей; прошу тебя, дай мне их прожить, а после будем драться сколько тебе угодно; вот тебе Павийон, мой товарищ, у него нет и четверти эку; обратись к нему». И дело было улажено.

Примеры хитроумия, ловкости и присутствия духа

Вот рассказ о Рабле, который довелось мне слышать. По возвращении из Рима епископ Парижский, из дома дю Белле, которому служил Рабле, решил сыграть с беднягой злую шутку. Было это в Ницце, в Провансе; вечером он велел украсть у Рабле деньги, а в полночь все уезжают и оставляют его без гроша. Рабле, оказавшись в трудном положении, начинает раздумывать, и ему приходит в голову остроумная мысль, как добраться до Парижа. Он берет золу, смешивает ее с гипсом и насыпает это в небольшой кулек; потом он смешивает золу с углем и, наконец, перемешивает золу с песком и сажей; Все это он раскладывает по трем кулям, прикрепляет к каждому ярлычок, прячет на столе под сукно и идет к мессе. Служанка, прибирая комнату, находит кульки и показывает их хозяину постоялого двора. На ярлычках было написано: *порошок для отравления Короля*; затем *порошок для отравления Королевы*; *порошок для отравления Дюфина*; и на всех ярлычках значилось, что всякий, кто понюхает порошки, — умрет. Хозяин сообщил об этом судье; Ницца в ту пору принадлежала Королю. Порешили отправить Рабле к Государю. Его хватают, сажают на лошадь; но, поскольку виноватым он себя не чувствовал, он дорогою столько порассказал тем, кто его сопровождал, что они не знали, чем его попотчевать. Епископ Парижский докладывал Королю о своем посольстве, как вдруг все услышали громкие

крики во дворе Лувра: «Вот мэтр Франсуа! Вот мэтр Франсуа!». Епископ выглядывает из окна и видит Рабле. Ниццские посланцы приводят связанного мэтра Франсуа к Королю. Можно себе представить, как потешались над добрыми горожанами Ниццы, которые позволили себя так ловко провести. Я привожу этот рассказ таким, каким мне его передали. Говорят также, что Рабле отказался подойти к Папе, сказав: «Раз моему хозяину он дает целовать свои ноги, мне он даст целовать свой зад». Рассказывают, будто кто-то спросил Рабле, каким образом он очисти́л бы желудок Пантагрюэлю. «*Darem illi, pillulas evangelicas aloes centum libras*»¹ и т. д.

Дошедший до нас портрет Рабле написан не с него: его сделали наобум, каким его себе представляли.

Кардинал дю Белле угощал однажды судейских; играла музыка, и он велел Рабле написать слова; тот написал их с таким припевом:

Плевали мы на вас, крючки.

Некий гугенот, золотых дел мастер, приехав в Шарантон, повстречал на улице Сент-Антуан одновременно двух священников, несших святые дары: один выходил из церкви св. Павла, другой туда возвращался. Гугеноту крикнули, чтобы он снял шляпу; но он по-прежнему продолжал свой путь. Наконец, какой-то человек подошел к нему и крикнул в крайнем раздражении: «Почти твоего Создателя!». — «Какого же из двух?» — спросил мастер. Прохожие оказались столь озадаченными этим вопросом, что не осмелились ему что-либо сказать в ответ.

Бесхитростные истории, рассказы, меткие словечки и т. д.

Некая девица, уже немолодая, по имени м-ль де Бордо, утверждала, что вступать в брак глупо, что умные люди либо посвящают себя богу, либо остаются холостяками — и всегда пребывают в отличном настроении; а для всех остальных следует устроить табун, дабы род человеческий продолжался.

Какому-то человеку показывали Эскуриал,¹ объясняя, что он был выстроен по обету Филиппа II, который тот дал перед битвой при Сен-Кантене² (или при Сен-Лоране). «О! — сказал он, — Король, видать, здорово перетрусил: дворец, поди, больших денег стоит».

При виде старого согбенного кардинала в Риме говорят, что он де ищет ключи, ибо как только кардиналы их находят, они сразу начинают держаться прямо.

Некто Ленен в день своей свадьбы в Лионе решил отведать напитка, вдохновляющего на большие подвиги. Маленький Карн, знаменитый проповедник, заказал себе у того же аптекаря успокоительное питье. Аптекарь перепутал лекарства: Ленен за всю ночь так ничего и не совершил, а проповедник пребывал все время в бодром состоянии.

Один рыжий человек пришел на исповедь; священник спросил его, сколько лет он не исповедовался. «Десять лет, за это время я не грешил». — «А чем вы занимаетесь?» — «Городской стражник». — «А откуда вы родом?» — «Я нормандец». — «Стражник, нормандец, да еще рыжий, и вы не грешили десять лет! Полноте, — сказал священник, — от такого святого, как вы, надобно хоть что-нибудь сохранить». Он взял нож и отрезал у него кончик уха.

Епископ Нуайонский Баррада сказал аббату ле-Камю, королевскому духовнику (1658): «В моем епископстве все в полном упадке. Остались только луга». — «Что же, — ответил Аббат, — немного овса — и уже можно жить».

Некий торговец из Монтобана, мечтавший жениться, возносил о том горячие молитвы богу и, не умея молиться иначе как вслух, влезал для этого на крышу своего дома. Однажды его выследили и подслушали, как он говорит: «Боже милостивый, ты, который создал солнце горячим, а луну холодной, пошли мне хорошую жену; ведь ты иной раз думаешь, что даешь хорошую, а она, смотришь, плохая».

У моего отца был приказчик, человек простодушный, очень набожный и весьма целомудренный. Однажды у него никак не сходился счет; кто-то услышал, как он обращается к богу: «Господи, ты же знаешь, я девственник, а счет почему-то не сходится».

Один человек говорил: «Цицерон, видно, очень любил своего пятого брата, ведь он так часто обращался *ad Quintum fratrem*».³

Г-жа де Шампре, будучи в Сен-Клу у Ла-Дюрьер, во время сильной грозы из любопытства заглянула в замочную скважину и увидела, что какой-то мужчина развлекается с женщиной: «Боже мой! — воскликнула она, — в такую-то погоду!».

Некий бреттер из Оверни, по имени де Жью, говорил: «Пусть бы только господь бог не вмешивался в это дело, а просто смотрел на поединок, не принимая ничью сторону, тогда бы уж я как-нибудь справился».

Однажды ныне уже усопший г-н д'Эпернон был на приеме у покойного Короля; Король сказал Марэ, который умел всех передразнивать: «Изобрази-ка господина д'Эпернона, когда он болен». — «Эй! Кто-нибудь, пошлите за Блэзом» (это был шут д'Эпернона). — «Монсеньер, этого мы не можем». — «Как? ослушаться человека моего звания?». — «Он умер два месяца тому назад»: — «Все равно, приведите сейчас же». Г-н д'Эпер-

нон принужденно улыбался. Король уходит; Марэ хотел принести д'Эпернону извинения. «Не за что, — сказал тот, — я никогда не видел лучшего шута, чем вы».

Не помню какой сумасброд ругался так: «Черт бы меня унес сквозь решетку Кармелиток!» Эта самая частая решетка в Париже.

Некий гугенот, по имени г-н Данжо, у которого была весьма глупая физиономия, по выходе из школы верховой езды отправился во дворец; какой-то шутник подошел к нему и спросил: «Сударь, вы ведь изучали философию?». — «Да, — простодушно отвечает тот, — я прослушал по ней курс». — «Следовательно, — продолжает проказник, — вы сможете развить следующее суждение: Всякий человек животное, и т. д.». — «Ну а теперь, — продолжал Данжо, — посмотрим, как вы справитесь с таким: Всякий человек лжет; вы — человек; значит вы лжете». И вlepил ему звонкую пощечину.

Шаван, один из Рамбуйе, незадолго до своего отъезда в Барселону, где он был убит, с увлечением читал «Послания» Сенеки, в которых сей философ рассуждает о смерти так: «Ведь умирают только раз в жизни; я хочу научиться сделать это пристойно, ибо мне было бы крайне стыдно сделать это столь же глупо, как делали многие из тех, кого мне пришлось видеть».

Один старый распутник, по имени Рише, который в конце концов стал находить удовольствие лишь в одном вине, говорил: «Прежде при виде запертой двери я подозревал, что там занимаются любовью, теперь же я подозреваю, что там пьют».

Музыкант Жюстис, нанимая лакея, сказал ему: «Я езжу верхом». — «Я тоже, сударь, и неплохо». По какому-то случаю Жюстис сказал ему: «Делайте то же, что буду делать я», — и при этом высморкался; лакей берет платок из кармана своего хозяина, сморкается и возвращает ему обратно.

Одного испанца брили бесплатно. Брили его подмастерья. Чувствовал он себя весьма неважно. В это время до его слуха донеслось жалобное тявканье собаки. «Ах, — сказал испанец, — должно быть и ее бесплатно бреют».

Герцог Савойский, по прозвищу Горбун, влюбленный в свою невестку *Madame Royale*,⁴ устроил в ее честь ужин, где вся серебряная посуда имела форму гитары, поскольку гостья на ней играла. Она передразнивала его вместе с Сези, которую он прогнал, и со многими другими.

Некто по имени Тозиа из Бордо, благодаря г-на Бибо за присланную пуховую шляпу, сказал: «Я скорее заслуживал бы охапки сена: ведь я скотина, причинил вам столько хлопот!».

В Дофине жил некий гугенот из старых солдат, который не слишком ладил со своей женою. Однажды пастор стал призывать его к терпению и, приведя несколько примеров из жизни христианских праведников, он

указал ему на Сократа. «Видите ли, Монсю, — сказал солдат, — Сукратов-то у нас что-то не видно, а вот Сантипп хоть пруд пруди».⁵

Некоего горожанина из Туара вызвали в Консистирию, где председательствовал Риве, и стали ему выговаривать, что он пьет. «Да, я пью, — ответил он смеясь, — а среди вас есть кто-нибудь, что бы не пил?». — «Но вы бьете вашу жену». — «А кого мне прикажете бить! Ежели, к примеру, мадемуазель Риве провинится в чем-либо, неужто вы станете звать соседей, чтобы ее проучить?». И такими-то вот шутками он сумел выпутаться.

Лакюисс, акушер, рассказывает, что однажды к нему явилась какая-то привлекательная и богато одетая молодая особа с просьбой принять у нее роды у себя дома; она хорошо отблагодарила его, а затем попросила отдать ребенка мужчине, коего она ему описала. Через некоторое время за Лакюиссом присылают от супруги докладчика в Государственном совете: это оказалась та самая женщина; она шепнула ему: «Нынче я покричу и за этот раз и за тот».

Молодой Гено, врач, однажды принимал роды у некоей благородной девицы, и, когда он уносил ребенка под плащом, какой-то долговязый лакей спрашивает его шепотом: «Как ребенок, сударь?». — «Какого черта вам нужно?» — спросил врач. «Сударь, — ответил слуга, — меня это касается не меньше, чем кого-либо другого: это мой ребенок».

Некий советник во время судебного расследования, доставая из мешка судебные бумаги, вместо них вытянул оттуда зашпигованного каплуна. Все присутствующие громко расхохотались. «Это мой чертов писец, — сказал Советник, — должно быть, с пьяных глаз подложил мне одно вместо другого».

Некто Уар, обладавший довольно зычным голосом, выезжал из Парижа в деревню. Дело было на святой неделе. На заставе он увидел множество повозок, нагруженных телятами. «Ишь сколько бычков везут в Париж», — сказал он. «Вывозят тоже немало», — ответил возчик.

Покойный г-н д'Юмьер был рыжим; мать заставляла его красить волосы и однажды, находясь с визитом у м-ль де Жонпьер, одной из своих соседок по деревне, спрашивает ее: «Не правда ли, так ему гораздо лучше?». — «Сударыня, по-моему, он всегда очень мил». — «Нет, нет, скажите по совести». — «Сударыня, я никогда его иным и не видела». Она неизменно делала вид, будто не замечает, что г-н д'Юмьер рыж.

Покойный епископ Реннский был человеком почтенным и ученым; однажды к нему обратились портные с просьбой посоветовать им святого, который мог бы стать их патроном. «Но только такого, — добавили они, — который наверняка находится в раю». — «Я подумаю, — сказал Епископ, — приходите завтра». Назавтра они приходят. «Друзья мои, — говорит он им, — возьмите в патроны доброго разбойника; ибо или наш Спаситель сказал неправду, или этот разбойник в раю. Вы же знаете,

что ему сказал Христос: „Ныне будеши со мною в раю“». Портные его и избрали. В какой-то легенде он зовется Димом.

Пять лет тому назад на острове Нотр-Дам можно было посмотреть за деньги четыре стелных ковра, расшитых наподобие античных и самых красивых на свете; на первом из них был изображен молодой человек с нижеследующим двустишием:

В любовную игру, о братья,
Способен день и ночь играть я.

На втором мужчина лет тридцати:

И я, друзья мои, не скрою,
Частенько занят сей игрою.

На третьем был вышит мужчина лет сорока пяти с женщиной лет тридцати:

Я, други, правду не скрываю:
Когда могу, тогда играю.

На последнем был изображен совершенно седой старик со старухой; он воздевал руки к небу и говорил:

О милосердный наш Творец!
Ужель я больше не игрец?

Епископ Шалонский Виалар, желая просветить крестьян своей епархии, спросил однажды у жителей деревни, близ которой был замок: «Друзья мои, что надобно делать, чтобы спастись?». — «Монсеньер, — ответили они, — надобно укрыться в замке, когда придут ратники».

Одна женщина, оплакивая своего мужа, причитала: «Увы! Он мне всегда говорил: „Ступай к черту!“ А сам первый к нему отправился».

Во время солнечного затмения 1652 года слуги графини де Фиеско глядели в зеркало. Дверь на улицу была открыта; пронесли чей-то портшез. «Гляди-ка, — сказал один из слуг, — несут в портшезе прямо на солнце».

Некий сержант из Бордо взял в плен своего отца, говоря, что пусть уж лучше заработает на этом сын, нежели какой-либо чужестранец.

Товарища Королевского прокурора в Ларошели звали Рево; это был самый никчемный писака, какие только бывают на свете. Женился Рево на вдове; на следующий день после свадьбы он заявил, что де у себя дома ему доводилось испытывать дюжину гораздо больших удовольствий, нежели это: он был девственник. С тех пор брачные утехы стали называться тринадцатым удовольствием г-на Рево.

Аббат Руччелай и некий знатный человек из Дофине были однажды у г-жи де Рамбуе. Зашла речь о ворах. Руччелай сказал: *Subito che si piglia un ladro in Italia s'impicca*.⁶ Бесье решил, что *ladro* означает «ску-

пердй». — «Но я не вижу в этом смысла, — сказал он, — тогда надо повесить г-на де Ростэна», — «*E ladro*⁷ господин де Ростэн?»⁸ — спросил Аббат. Наконец, вдоволь насмеявшись, г-жа де Рамбуиё их примирила.

Некая испанка после исповеди отказалась назвать свое имя духовнику, сказав ему: *Padre, mi nombre non é mis peccados* (Мое имя грехом не является).

Один пьяница, умирая, заказал своим друзьям задравные тосты, подобно тому как другие заказывают по себе мессы. «Ибо ничто, — говорил он, — так быстро не зальет огня чистилища».

В Тулузе больше чем где-либо медики строят из себя важных персон. Они даже не изволят сами стегать своих мулов, это делают за них слуги, которые стегают животных сзади. Однажды у одного из них, некоего ле-Кока, известного врача, слуга стегнул мула слишком сильно; мул в ответ брыкнул его. Слуга берет булыжник, но вместо того, чтобы ударить по заду мула, попадает хозяину по спине. Доктор оборачивается: «Что такое?». — «Да это мул лягнул меня». — «И меня тоже лягнул». Ну, разве не важная персона?

Лакей Буало по приказу своего хозяина отправился взглянуть, действительно ли так изменился первый Президент де Белльевр, лежавший в гробу в своем парадном платье, как о том говорили. «Право же, — сказал лакей, — если он и изменился, то разве что лицом».

Г-жа де Гримо однажды в особняке Рамбуиё сказала, что ей довелось услышать самые прекрасные стансы на свете. Она так всем надоела, что ей в конце концов сказали: «Ежели вам они так понравились, вы, должно быть, их запомнили; ведь там самое большее десять строк?». — «Боже мой! — воскликнула она, — да вы смеетесь: там их более шести-десяти».

Приезжая в Систо, Генрих IV говорил: «Ах, вот где красиво! Бог мой, какое прекрасное место!». Один толстый монах на все похвалы, которые Король расточал их обители, неизменно отвечал: *Transseuntibus*.⁹ Король обратил внимание на это слово и спросил монаха, что он хочет этим сказать. «Я хочу сказать, Государь, что это прекрасно для тех, кто приезжает, а не для тех, кто здесь живет постоянно».

В Пуасси Генрих IV осведомился у молодой де Мопу, впоследствии настоятельницы обители Сен-Жак-де Витри: «Кто ваш отец, малютка?». — «Господь бог, Государь». — «Черт побери! Мне очень хотелось бы стать его зятем!». Она многих зятьев дала господу богу, эта добрейшая дама, и всегда отважно клялась «шестью детьми, которых выносила!».

Однажды услышали, как поминуют в молитвах старого господина Гюртена, полномочное лицо некоего немецкого князя, который, однако, сам присутствовал на богослужении. Все спросили Гюртена, что это значит. «Видите ли, — ответил он, — человеку моего возраста следует опасаться, когда он теряет аппетит. Я привык каждый день съедать по куропатке, а вчера не смог съесть больше половины».

Однажды Королева-мать спросила у прохожего в порту Нейи; красива ли его жена. «Ей-ей, Государыня, — ответил он, — спят и с ббльшими дурнушками».

М-ль де Бурбон и м-ль де Рамбуйе, сидя однажды на террасе загородного дома, развлекались тем, что старались угадать имена прохожих. И вот они окликнули какого-то крестьянина: «Куманек, не Жаном ли вас зовут?»¹⁰ — «Как же, — ответил он, — меня кличут Ванька-Встанька!».

Некий типографский корректор всегда вместо *proci Penelopes*¹¹ писал *porci Penelopes*.¹²

Ходатай по судебному делу в Кастре написал любовное письмо, от коего удалось найти лишь начало. Вот оно: «Никогда я не думал, любезная Марион, что разлука может стать столь жестокою мукою, пока сам этого не испытал. Поскольку я нахожусь вдали от вашего светлого лица, все окружающее кажется мне мрачным по сравнению с чудесной ясностью вашего взора, наполнявшего радостью мое сердце, ныне же оно питается лишь вздохами и слезами». Но удыхателя нашелся соперник, у которого это письмо вызвало пылкую ревность. Он подговорил какого-то учителя-педанта написать на сие письмо ответ, в котором тот жестоко высмеял это послание. Какая жалость, что этот ответ утрачен!

Один испанец, заболев, послал кюре курицу. Выздоровев, он начал считать своих кур. Ему говорят: «Одну взял господин кюре». — «Подумать только, — сказал он, — я посылал ее раз тридцать к черту, и тот ее не взял. К кюре я послал ее только раз, и тот сразу же ее забрал».

Один священник говорил, молясь богу: «Господи, сохрани нас и спаси, ты ведь обещал, ты ведь не нормандец».

Д'Абланкур говорил своей кузине дю Фор, которая велела сильно приукрасить себя на портрете: «Вот какой ты будешь по воскресении из мертвых».

Лакей г-на Гомбо, читая «Книгу Царств», говорил: «Будь я богом, я бы никогда не создал таких дурацких царей».

Некий лодочник, у которого спросили, бог ли Иисус Христос, ответил: «Будет им, когда старик окачурится».

Любовные увлечения автора

Я был еще учеником класса логики, когда мой родственник Лизис * повез меня как-то за город в гости к своим сестрам. Я никогда не бывал у них в доме; ночью, накануне отъезда, мне приснилось, будто я влюбляюсь в старшую.¹ Она была вдовою и, невзирая на маленький рост и

* (Зачеркнуто:) Лувинь

тридцатилетний возраст, отличалась большой милотвидностью. Многие вздыхали по ней, но не было слышно, чтобы она хоть кого-нибудь любила. Сон мой был в руку: я привязался ко вдовушке с первого же дня. Должно быть, у нас возникла обоюдная симпатия, ибо она всегда относилась ко мне с величайшей добротою; а когда мы с нею прощались, она поцеловала меня в губы, да так крепко, что этот поцелуй оставил глубокую рану в моем сердце. Лизис, который незадолго до того женился на очаровательной женщине, не захотел остаться у своих сестер более шести дней и заставил меня возвращаться с ним под проливным дождем. Мы ехали верхом; школьник обычно недалёковиден; не знаю, повинна ли была в том моя слишком короткая куртка, или дело было в сапогах, но только я никак не мог толком запахнуться, и вода беспрепятственно стекала мне на ноги. Увы! Сердце мое обливается кровью, когда я вспоминаю о зеленых шелковых чулках, которые совсем полиняли.

На праздник святого Мартина моя Вдовушка приехала в Париж; я тотчас же к ней отправился. Мне было стыдно предстать перед нею в забрызганном грязью платье: в ту пору еще не существовало ни портшезов, ни галош, а от площади Мобер, где я жил, до улицы Монторгей, где жила она с сестрою, было очень далеко. Начинаю разыскивать хозяев наемных лошадей и наконец нахожу довольно сносную, могущую сойти у среднего горожанина за собственную; беру также напрокат у шорника приличное седло и уздечку; лакей у меня тогда уже был. В таком-то вот виде я еду мимо рынка Сент-Иносан, где мне навстречу попадает старший брат. «Куда путь держишь, рыцарь?» — спрашивает он (меня звали так потому, что я был без ума от Амадиса Гальского).² — «Я еду к Тирсису,³ — отвечаю я, — там должны читать комедию». — «Я тебя вовсе не спрашиваю, что ты там собираешься делать», — говорит он. (После он узнал, что там никакого чтения и не предполагалось). С той поры я вечно перед всеми оправдывался, хотя никто ничего мне в вину не ставил, и когда кто-нибудь, застав меня у Вдовушки, говорил: «А, вот вы где, рыцарь!» — я всегда отвечал либо «Я пришел поиграть в кегли», либо «Я пришел поиграть в волан». И все начинали смеяться.

Понемногу я до того запутался в своем вранье, что ни о чем ином думать не мог. Надо мною потешались; я же старался как-нибудь выпутаться. Она держалась шутливо, и ей нравилось внушать к себе любовь; но это зашло дальше, нежели она предполагала. Серилас, один из самых блестящих умов того времени, был влюблен в нее уже более двух лет; она относилась к нему снисходительно, он был в ее доме своим человеком; он и трое его братьев, из коих один был весьма известен своей склонностью к поэзии, в этом доме, что называется, дневали и ночевали. Двое других остроумцев приходили туда частенько во вторую половину дня; Ренвилль отсюда не вылезал; там довольно мило веселились.

Серилас вскоре приревновал Вдовушку ко мне, и не без основания, ибо, по правде говоря, она вела себя не очень-то осторожно: например,

подзывала Сериласа с другого конца комнаты, чтобы спросить его, идет ли, на его взгляд, ко мне черное платье. В те времена молодые люди не начинали носить черное столь рано, как это принято в наши дни. Однажды Вдовушка принимала гостей в постели. Заметив, что в алькове уже не хватает места, она велела мне сесть к себе на кровать, а моему незадачливому сопернику пришлось потесниться, дабы пропустить меня. Самым скверным было то, что Серилас как-то застал нас в ту минуту, когда она заклеивала мне мушками царачины, нанесенные в соседнем трактире неким нахалом, которому я влепил пощечину за какую-то глупую шутку, сказанную об одном из моих дядей. Вдова собственноручно переписала несколько жалких рондо, которые я сочинил в ее честь (к поэзии меня привела любовь), между тем как Аббат посвятил ей столько прекрасных вещей.* Сестры не ладили между собой; старшая бесцеремонно говорила средней: «Не будь меня, ты бы живой души не видела». Правда, средняя из сестер как была, так и осталась некрасивой, ибо время не красит, но это не мешало ей быть кокетливой. Мне доставляло порою большое удовольствие глядеть на все ее уловки, когда подле нее находился Тирсис. Сей юноша, желая, быть может, оказать услугу своему брату, оказывал ей некоторое внимание; но, к несчастью, он был убит в первый же год моих любовных увлечений. Этой дурнушке в уме не откажешь, но вечно она любила помудрить, и иной раз с языка ее срывалось острое словцо. Младшая могла сморозить и глупость. Так, однажды, желая утешить сестру, у которой дети были красивые, она сказала: «Сестрица, что вы хотите? У мышей мыши и родятся». Что до моей Вдовушки, то она была изрядной неженкой; однажды в деревне Лизис, Ренвилле и другие, собравшись на охоту в десять часов утра, плотно позавтракали и, прежде чем отправиться, разрядили свои аркебузы. «Боже мой, где ж тут уснешь? — говорила потом она, — целую ночь только и делали, что стреляли!». Она уверяла, будто сквозь заложенный оконный проем сильно дует и, поскольку там когда-то было окно, проем этот невозможно плотно заделать. Будучи по природе весьма жизнерадостной, она иной раз говорила: «Я собиралась сказать что-то занятное, а теперь раздумала и ни за что не скажу». Но стоило ее немного растормошить, как она тут же все выкладывала. Время от времени ее обуревали приступы благочестия. Рассказывают, будто, отправляясь однажды вместе с другими дамами на Бурбонские

* Однажды мне передали, что мой соперник отозвался об мне как о молокососе; я написал следующий куплет на модный в ту пору мотив:

Ну что ж, соперник мой, я по сравненью с вами
 Не вышел ростом и годами,
 Но все же вспомните, как был неправ,
 Давида презирая, Голиаф.⁴

А затем я прочел стихи красавице, которая нашла их весьма забавными.

воды, сестры велели заложить две кареты; за обедом Вдовушка занялась с одной из дам чтением проповеди. Запрягают лошадей, одна карета трогается, кучер второй решил, что Вдова и ее спутница сидят в его карете. И так проехали бы до самых Вод, ежели бы случайно в том месте, где дорога расширилась, обе кареты не поравнялись. Кто-то из первой кареты крикнул: «Госпожа такая-то, отзовитесь». Ему ответили: «Она с вами». — «Да, нет же, с вами». Ее не оказалось нигде; пришлось за ней возвращаться, а она со своей спутницей все еще сидели за столом и с увлечением читали. Как-то раз одна из их приятельниц сказала: «Отсюда до нашего загородного дома совсем недалеко: я добираюсь туда на мулах за два часа». — «Бог мой! — воскликнула Вдова, — как это вы умудряетесь? Я на своих не смогла бы доехать и до садовой ограды, не поломав себе шеи».

Однажды ей пришла в голову забавная причуда. Тирсис упросил Сериласа сочинить песенку — или, вернее, куплеты вроде тех, которые когда-то распевал Готье-Гаргий на мотив песенки, начинающейся словами:

У нашей кумушки свербит,
И ей чесальщик нужен.

Серилас написал их и прочел Тирсису; Вдове не понравилось, что ее воздыхатель написал это для мужа ее сестры, и она запретила их ему показывать; он же, не смея открыть правду, говорил: «Эта песенка может мне повредить, если кто-нибудь ее прочтет», — и вечно находил какие-то отговорки. В конце концов все это раскрылось; тогда брат Сериласа, желая сбить с автора стихов спесь, сказал: «Брось их, я напишу кое-что получше». И написал пять или шесть куплетов; но стихи Сериласа были более естественны, ибо ему отлично удавались песенки, написанные на танцевальный лад. Серилас, услышав, что распевают куплеты его брата, впал в амбицию и решил во что бы то ни стало пустить в ход собственные вирши.

Что же до моих любовных дел, я вскоре стал получать в дар браслеты из волос, и бедная Вдовушка уже по уши была в меня влюблена, когда я вдруг сыграл с ней шутку, достойную молодого повесы. Я уже должен был вскорости кончить коллеж, когда мой отец сменил квартиру; однажды в субботу мне предстояло переночевать у него, но дом, куда он переехал, оказался еще не обставленным, и меня послали ночевать к одной из наших соседок. Отец был на приеме при Дворе; меня положили на кровать дочери, а та легла со своей матерью. Эта девушка была совсем молоденькой и очень красивой; я всю ночь промечтал о ней, а наутро почувствовал, что весьма склонен в нее влюбиться; незаметно это чувство овладело мною, и один глупый товарищ по коллежу, немало романического склада, окончательно сбил меня с толку. Оба мы превратно понимали великодушие; и хотя эта партия была для меня явно невыгодна, я с удовольствием совершил бы глупость, когда бы мне

дали ее совершить. Эта девица любила юношу, когда-то влюбленного в ее старшую сестру, умершую, как говорили, от любви к нему, но которая при этом еще болела сильным воспалением легких; вот почему юношу и заставили поехать в Голландию, где ему нечего было делать. Говоря по совести, я полагаю, что сия девица, будучи мне совсем не парой, ибо меня прочили в советники, отнюдь не думала, что я ей подхожу, и втайне считала, что ей лучше выйти за другого. Как бы то ни было, я впал в невероятную тоску и в большее томление, нежели мой соперник Лизис. Меня охватила такая грусть, что дядюшка мой де Ла-Ле (не знаю, не внушил ли ему это некий «дух») вбил себе в голову, что я заболел каким-то юношеским недугом. Для переговоров со мною отрядили моего старшего брата. «Пусть вас это не тревожит, — сказал я ему, — сейчас вы узнаете, в чем дело», — и тут же выложил ему все начистоту. Через три месяца, убедившись, что девица питает некоторую склонность к другому, я постарался избавиться от ее чар. Целую ночь я провел без сна: но наутро в цепях, что меня едва не сковали, не было ни одного цельного звена. Досада превозмогла то, чего не мог превозмочь разум. Я почел за благо, для большей уверенности в себе, совершить небольшую поездку в Берри к одной из моих родственников. Вдова тем временем, как я потом узнал, чуть не сошла с ума от ярости.

На нашей улице жила другая молодая вдова, которая относилась ко мне весьма благосклонно; я сочинил для нее стихи, где говорил, что она меня любит; она позволила мне писать ей, но по молодости и легкомыслию я забыл спросить у нее адрес; хорошо во всем этом было то, что она оказалась помолвленной и в самом деле через месяц вышла замуж.

Как-то я сопровождал одного своего родственника; по пути он пожелал заехать в тот самый дом, где я влюбился в свою Вдовушку. Там я снова чуть ли не с прежней силой воспылал к ней: ведь бедная женщина вздумала разыскивать меня в Берри. Я стал сомневаться, следует ли мне писать той, другой вдове, которая вышла замуж. Мой родственник, который в течение всего нашего пути рассказывал мне о своих успехах у женщин в Лангедоке и в моих глазах был докой в любовных делах, заставил меня написать ей и поручил передать письмо в ее собственные руки такому смышленому человеку, что письмом, вместо жены, получил муж — и все мое волокитство полетело к черту.

Я слегка приударил за дочью некоего дворянина, жившего по соседству с г-жой д'Арамбюр; затем мы отправились навестить г-жу Биго в Аржене, где я безумно влюбился в м-ль де Мурью. На меня ополчились за то, что как-то на балу, держа ее за руку, я накрыл наши руки шляпой, чтобы никто этого не видел, и за то, что однажды чуть было не заснул у нее на плече. Все же я был сильно влюблен и, возвратившись домой, думал о ней всю ночь, до самого рассвета мысленно разговаривал с ней, плакал и сетовал на судьбу.

Но вот я вернулся в Париж. Я написал стихи о разлуке с любимой, ибо целый месяц не мог позабыть м-ль де Мурью. Эти стихи меня заставили прочесть у Вдовушки, где присутствовал Серилас, которому я предоставил немалую передышку; он их весьма похвалил. И вот случилось так, что и девица, с которой я расстался, и та, другая, к коей мой родственник заставил меня столь некстати написать письмо, встретились в этом доме: они приходились Вдове родней. Каждая из них — и Вдова и обе ее родственницы — были уверены, что я написал эти стихи во время путешествия именно для нее, ибо женщинам нравится, когда их любят. Это мне очень помогло в моих отношениях со Вдовой; она вообразила, будто я ее не забыл, и однажды, уж не помню по какому поводу, сказала мне: «Все это еще, может, и не так, верно только одно: я ваша преданная служанка». И вот у нас с нею пошло еще лучше, чем когда-либо. В ту пору она мне и рассказала о ревности Сериласа. «Он молит меня подарить ему лишь немного дружбы; ему нередко случается плакать передо мною; о вас же он никогда не говорит». Из ее слов я вывел, что любовники, кои довольствуются столь малым, никогда не бывают в большом почете; впрочем, на его счет ходили слухи, будто он страдает вечным поносом; и в самом деле, у него был желтоватый, нездоровый цвет лица, свойственный людям с расстроенным пищеварением. Он был умен, отличался живостью и при этом любил острить; когда ему казалось, что он сказал нечто забавное, он первым начинал смеяться, а ежели кто не слышал его остроты, он ему говорил: «Вы-то не слышали, я сейчас сказал то-то и то-то». Я же был весел, подвижен, любил попрыгать и пошуметь более чем кто-либо, ибо хотя по натуре своей был склонен к меланхолии, но меланхолия эта была далеко не мрачной и не мешала мне веселиться, когда это требовалось; при этом Вдовушка находила, что в остроумии моем много игривости; не знаю, были ли с ней согласны и другие. Я бывал на всех прогулках, участвовал во всех развлечениях, и моя милая без меня ничего не предпринимала; да и я проводил с ней почти все свое время; только по утрам я сидел за книгами, а после обеда целиком был в ее распоряжении. Никогда я не проводил время так хорошо, ибо был очень влюблен и очень любим: мы могли вволю говорить и вволю целоваться; сестры никогда не обедали вместе и не ладили меж собою больше чем когда-либо. Тирсис и его жена прекрасно понимали, что Вдова привязалась ко мне, и это начинало становиться им не по вкусу, точно так же как и моему сопернику.

Наши нежные объятия бывали подчас необычайно пылкими: мы были сильно увлечены друг другом. Она обладала известным умом и изливала порою свою страсть в стихах. Однажды на прогулке мне показалось, что она бледна; на следующий день я ей послал стихи, которые потом потерял, где говорилось о том, как напугала меня ее бледность. Она ответила мне следующим четверостишием:

Не плачь о розах знаменитых,
 Что на моих цвели ланитах,
 О Дафнис⁵ милый, все цветы
 Сошли в долину с высоты.

Мне, склонному к завершению задуманного, захотелось убедиться, смогу ли я довести начатое до благополучного конца. Я отваживаюсь; меня отвергают, меня бранят, мне угрожают, но на прощанье говорят: «Я поступила бы с вами еще более сурово, когда бы не боялась потерять вас еще раз». Это меня весьма обнадеживает; я снова принимаюсь за свое; меня отталкивают и заявляют, что мне позволено все, что же до главного, то на это пусть я не притязую. Потеряв надежду добиться желаемого, я прислушался охотнее чем когда-либо к предложению двух моих братьев совершить поездку в Италию; да и к тому же мне было всего восемнадцать лет, я находился в том возрасте, когда на месте не сидится.

Мы еще не успели окончательно договориться о нашем путешествии, а Вдова пришла уже в крайнее раздражение и стала проявлять его столь явственно, что все это заметили. Играя в кегли, она не хотела, как прежде, брать шар из моих рук и во всем вела себя крайне чопорно. Однако, пробыв у моей дамы четыре часа, я сумел ее умилостивить, разъяснив, в какое она повергает меня отчаяние, и смягчил ее до такой степени, что — худо ли, хорошо ли — добился того, о чем ее столь долго просил. Я уже готов был отказаться от путешествия или во всяком случае целиком положить на ее желание. Но дело было настолько решенным, что у нее хватило здравого смысла заявить мне, что ехать необходимо, ибо иначе могут возникнуть всякие толки. Поглядите только, какие причуды: дожидаться кануна моего отъезда! Еще и в следующий мой визит она позволила мне делать все, что я хотел; она дала мне свой портрет и захотела получить мой. Она одарила меня кольцами и браслетами; но ни она, ни я не додумались, по какому адресу писать друг другу. Затем я простился с моим соперником, который был необычайно обрадован моим отъездом.

В Лионе, словно я не мог путешествовать, не влюбляясь, я безумно увлекся дочерью одного из наших друзей, у которого мы остановились. Девушка эта была хорошо сложена, довольно сурова, неглупа и обладала приятным голосом. Тут-то я не так оплошал, как в прошлый раз, ибо — не знаю уж по какому роковому стечению обстоятельств — эта девушка почувствовала ко мне расположение, хотя я был далеко не самый красивый из трех братьев; с первого же дня она заключила со мною союз и стала звать меня своею симпатией. Нас повели в сады Атенел, которые теперь называют Энейскими; мы с нею вдвоем немного отклонились в сторону, я был совершенно счастлив и чувствовал себя по меньшей мере Периндром или Мериндором.⁶ Через три дня пришлось уезжать, но я увез с собою браслеты из ее волос и разрешение писать,

что меня несколько утешило. Все это не помешало мне отлично развлекаться в Италии — тем и прекрасна молодость. По правде говоря, мне выпадали на долю и грустные часы: Вдовушка написала мне в Рим; в письме не было ничего особенного. Я ей ответил, и никаких писем от нее больше не получал.

Вернувшись во Францию, мы еще раз остановились в Лионе, в доме молодой красавицы. Я без дальних слов стал просить, чтобы она позволила мне подняться по веревочной лестнице к ней в комнату, и высказал намерение навестить ее летом в деревне, где ей предстояло пробыть три месяца. Она ответила, что все это слишком опасно. В течение некоторого времени я получал от нее письма в Париже: писала она хорошо; потом вдруг ее письма перестали приходить, я так и не узнал почему, ибо вскоре она умерла.

Но вернемся ко Вдове. Я полагал, что она встретит меня с необычайной радостью, и был весьма поражен, когда она обошлась со мною суровее чем когда-либо и стала упрекать меня, что по моей вине оказалась в крайне горестном положении. Дело в том, что после моего отъезда она пришла в такое отчаяние при мысли о том, чем для меня пожертвовала, что у нее вдруг прекратилось то, о чем вы догадываетесь. Хотя я отнюдь не подвергал ее опасности забеременеть, она решила, что понесла, и открылась своему врачу, дабы вовремя принять нужные меры. Я разбил ей за то, что она расстроилась попусту и рассказала обо всем постороннему человеку. «Это почему же? — возразила она, — он отлично знает, что здесь нет ничего дурного, и я сказала ему, что вы обещали на мне жениться». Полагаю, но не поручусь, что как-то в шутку, а может быть, и в минуту нашей близости, она спросила меня: «Ты ведь мне муж?» — на что я, возможно, ответил: «Да, конечно», — и эти слова она приняла за чистую монету. И вот мы поссорились. Серилас, отнюдь не воспользовавшийся моим отсутствием, застал ее более печальной, чем когда-либо. Конгрегация Креста тем временем изгнала его из своих рядов, и с тех пор он преклонялся только перед Девой Марией. Бедная девушка из Лиона умерла в пору нашего разлада, и Вдовушке, которую я уже почитал в душе капризницей, это было на руку, чтобы меня удержать; уже никого не любя, я пошел ради того, чтобы примириться с нею, на многое такое, чего бы никогда не сделал в ином случае.

Приобретая со временем опыт, я вздумал приударить за некоей девушкой, которой того очень хотелось. Она приходилась родственницей жене Лизиса и была камеристкой одной из теток. Все эти родичи, так же как и мой отец, жили неподалеку от Вдовы, где благодаря просторному саду мы развлекались больше, чем в любом другом месте. Я шутил с этой девушкой на глазах у моей дамы сердца; ту это окончательно со мной примирило, и все опять пошло на лад. Девушка звала меня своим муженьком и любила всем сердцем.

Я как-то уже упоминал о доме, куда мы частенько хаживали, хотя Вдова в этом нам компании не составляла. Все меня очень любили. Среди своих я слыл присяжным остряком, и меня чертовски уважали. Однажды с нами оказалась госпожа . . ., вдова Советника Парламента, высокая, прекрасно сложенная и весьма рассудительная женщина, но с кое-какими причудами по части своих родственных связей. Она была дочерью сестры хозяина дома, проживавшей со своим братом. Эта женщина всегда мне нравилась: ей свойственна была такая приятность, которую я редко встречал у других. Мой пылкий нрав, моя жизнерадостность тоже пришлись ей по вкусу. В шутку мы заключили с нею союз и тоже стали играть в мужа и жену. С той поры я стал навещать ее более усердно; но в доме ее приемного отца, где она жила, нельзя было позволять себе никаких вольностей. Девушка, упомянутая мною выше, заметив, что я всегда появляюсь в доме, когда у них обедает та, другая, стала меня немного ревновать и надулась. На завтра я отправляюсь в ее комнату и долго уговариваю сказать мне, в чем я перед нею провинился; в ответ она берет меня за руку и целует. «Полноте, — говорит она мне, — этого вы никогда не узнаете, но любить я вас буду от этого не меньше». Видя ее расположение ко мне, я попытался было воспользоваться сим благоприятным моментом. «Нет, — сказала она, — будь я способна на глупость, я пошла бы на нее из любви к вам; довольствуйтесь этим и любите меня такою, какова я есть, ежели вы на это способны». С нею у меня дальше дело так и не пошло, и мы еще по сей день связаны доброю дружбой.

Вдовушка сильно выговаривала мне за эти небольшие отлучки, а я в ответ спрашивал, не хочет ли она, чтобы я ради нее порвал со своими братьями, невесткой и всей ее семьей. Ее сестра не упускала случая всякий раз коварно обратить ее внимание на то, что я де никогда так не наряжаюсь, как в те дни, когда иду навестить другую вдову, которая в ту пору съехала от своего приемного отца и поселилась с матерью где-то неподалеку от Маре. Все, что она и ее муж говорили в мое осуждение, привело к тому, что на них стали смотреть как на шпионов.

Однажды мы присутствовали на музыкальном вечере у одной из родственниц Вдовы, где танцевали под песенки; Вдова держала меня за руку и вдруг запела:

Ах, я люблю Гийо,
Хоть он мишень издевок;
Сокровище мое
В любовных играх ловок!
Меня целует он — я хохочу,
О том, что дальше — умолчу. . .

По правде сказать, общество на этот раз вдоволь посмеялось, а мы оба были несколько смущены:

Вдова, которая по характеру была довольно капризна, стала еще более блажить из-за подозрений, которые ей внушали. Однажды я застал ее одну возле камина, но она убежала в небольшую комнатку за камином, на двери которой висела гирька, благодаря чему она быстро захлопывалась. Вот так щелчок по носу! Я нажимаю плечом, я умоляю — она не открывает. Я уйду, у выхода на улицу я передумываю, а затем, тихо возвратившись, спрячусь с другой стороны камина и хлопаю изо всех сил обитой сукном дверью, чтобы она подумала, будто я ушел: это удастся. Она выходит, я ее схватываю и Этот каприз придал нашему свиданию особую остроту. Женщина эта по природе своей была отнюдь не бесстыдной и уступала только порыву страсти, а потому никак не могла решиться назначить мне свидание: ею всегда приходилось овладевать силою; но обычно труден бывал лишь первый шаг, и как-то днем она отдавалась мне столь долго, что у меня, поскольку я все это время стоял, сильно перехватило поясницу. Коль скоро всякий раз приходилось все начинать сызнова, мы не могли постоянно соблюдать меры предосторожности, и ее горничной все было известно. Много женщин я видел, но никогда не встречал столь бескорыстной: по моему возвращении из Италии она не пожелала от меня принять даже пары перчаток.

Постепенно Вдова стала такой ревнивою, что ревновала меня ко всем знакомым женщинам, но особенно к одной моей родственнице. Она всегда ревновала меня больше к тем, кто мне не нравился, нежели к тем, кого я любил.

Тем временем я увлекся этой другой вдовушкой, ибо первая уж слишком часто меня журила. В доме ее матери все чувствовали себя более свободно. Однажды, когда мы сидели за столом, эта женщина угостила нас абрикосовым вареньем и рассказала, что, полагая его более вкусным, нежели варенье матушки, написала на банках «Абрикосовое варенье по моему рецепту». К сожалению, ее варенье засахарилось, между тем как варенье ее матушки отлично сохранилось; и вот в одно прекрасное утро она сменила все обертки на банках и сказала: «Взгляните, как хорошо сохранились мои абрикосы». У нее была дочь, которую нельзя было назвать хорошенькой. «Ей-ей, сударыня, — сказал я ей однажды, — ваша добрая матушка искуснее вас и по части дочерей, и по части абрикосового варенья: по сравнению с ней вы не более как миловидная служанка!».

Как-то на полу возле камина я заметил чьи-то плевки. «Боже мой, — воскликнул я, — что это?». — «Увы, — ответила она, — это г-н Местреза устроил здесь Женевское озеро».* Я часто дарил ей стихи; но когда она заметила, что я в нее влюблен, она со мной нарочно повздорила, чтобы не звать больше своим мужем; я разгадал ее хитрость и притворился,

* Он был родом из Женевы и всегда плевался.

будто немного этим встревожен. Так как она жила очень далеко, я не мог видеть ее достаточно часто и потому пришел в восторг, услышав, что ее уговаривают переселиться в наши края. Но это трудно было выполнить, потому что ее мать уже успела внести плату за полгода в том доме, где они жили, и, переезжая в другой, она бы эти деньги потеряла; а на это милая женщина никак не могла решиться. Я подослал к ней одного из своих друзей, который тайно условился с ней, что снимет этот дом на полгода, якобы для одной знакомой, коей будто бы негде жить. Мне удалось уведомить об этом мою даму, которая весьма этому обрадовалась, и устроить таким образом, что ее переезд не стоил ни гроша ни ее матери, ни мне, так как она уговорила домохозяина поселиться там самому. Тем не менее я оказался в дураках, ибо ее тетки и кухни постоянно находились подле нее и я мог говорить с этой дамой в десять раз реже, чем прежде. Наконец она решила выйти замуж за одного престарелого вдовца, знатного дворянина, уповая на то, что у нее не будет от него детей, поскольку первый его брак был бездетен: однако она рожала каждый год. Он был в числе моих друзей и называл меня своим питомцем; я стал даже наперсником в его любовных делах и иногда писал для него стихи. Она же долгое время выказывала ему суровость и даже презрение. «Увы! — восклицал я. — Бедняга! ему ничего не остается, как сесть!» Он был слишком стар для нее. Как только они поженились, я решил о ней больше не думать и однажды сказал: «Бьюсь об заклад, сударыня, что вы сожгли все стихи, которые я вам подарил». — «Отнюдь, — отвечала она, — я могу их вам все показать». — «Хранить их уж нет смысла, — сказал я, — вы стали женой моего друга; советую вам их сжечь». Она поняла, почему я так говорю, и ответила, краснея: «Я сделаю так, как вы желаете». Не знаю, что произошло потом, но мы с нею навсегда сохранили взаимное уважение.

Когда умерла моя родственница, я полагал, что первая Вдовушка не будет так безумствовать, как раньше, но все пошло хуже чем когда-либо. В ревности она доходила до такого безумства, что полагала, будто я сплю со всеми женщинами, которых вижу. «Как могут другие устоять перед вами, ежели я не устояла!» — восклицала она. В конце концов она дошла до того, что стала обвинять меня, будто я сплю с ее сестрами (их у нее было две, обе некрасивые),* а также с моими родными сестрами. «Да, — говорила она, — я не поручусь, что вы щадите даже ваших теток». — «Но как же это возможно? Вы же знаете, сколь я исправно служу вам». — «О! — откликнулась она, — я никогда еще не видела столь грубого животного, как вы; в своей чувственности вы не знаете границ». Она мне льстила больше, чем я того заслуживал.

Вот пример ее нелепых фантазий. Жена одного из моих кузенов скинула; Вдовушка вообразила, будто эта женщина была беременна

* Которые ненавидели меня смертельно. Одна из них умерла.

от меня — и, поняв, насколько я непостоянен, предпочла скинуть, нежели родить ребенка от такого дурного человека. А вот другой: дочь одной из моих добрых знакомых, вернувшись из небольшого путешествия, которое она проделала вместе со мною, заболела ветряной оспой. Вдовушка тотчас рассудила так: «Ничто так не предрасполагает к ветряной оспе, как чрезмерное волнение. Эта девица все ему позволила, и это ее и взволновало». Ежели бы самая плохонькая из трех девиц, с которыми, по словам моей дамы, я сожительствовал, вздумала мне уступить, я бы конечно бросил Вдову, ибо, по ее мнению, я только и делал, что спал с Лоло, с г-жой дю Кандаль и м-ль Демаре, ныне г-жой Делоне, не считая жены Лизиса и многих других.

Фантазия, которая пришла на ум Вдове по поводу ее сестры, с которой она вместе жила, возникла потому, что последняя заболела ужасающей истерией и стала говорить на каком-то нечленораздельном языке, которого никто не понимал; Вдова объяснила это тем, что я затуманил ей голову. Я уж не знал, куда и деваться. Я не хотел, однако, махнуть на все это рукой, ибо не собирался порывать со Вдовою до тех пор, пока не попрошу руки барышни, на коей впоследствии женился. Однажды Вдова мне предложила: «Успокойте мою совесть». — «Вы хотите, чтобы я на вас женился?». — «Нет». — «Чего же вы хотите?». — «А вы догадайтесь». Потом она мне сказала: «Ах, разве мало того, что вы насильовали меня пять лет подряд?». Она называла это насиллием потому, что каждый раз оказывала мне поначалу сопротивление; потом, внезапно меня топ, она восклицала: «О, будь я уверена, что вы меня любите, я бы не беспокоилась: но вы стыдитесь своей любви ко мне». И тут она требовала от меня разных сумасбродств в доказательство того, что я ее люблю. Все, что я мог сделать, это найти какой-нибудь предлог — и я его нашел — не видеться больше с ее сестрой, с которой она была в ссоре, ибо та весьма неучтиво заставляла ее выехать из своего дома. Чтобы она выкинула из головы, будто я страшусь на ней жениться, пришлось вести себя так, как ведут себя муж с женой. Никаких дурных последствий это не имело: восприимчивой она не была и за всю жизнь родила только одного ребенка.

Затем у нее появилась новая причуда. При ней жила какая-то компаньонка, которую она постоянно держала у себя в комнате. Однажды я ее в шутку подстерег. Когда она вышла проводить какую-то даму до двери в переднюю, я последовал за ней; ее компаньонка осталась возле камина, я подхватил Вдову, унес из передней в гардеробную, где заперся с нею и продержал ее там, сколько мне вздумалось. Я убедил ее немного позабыть свои сумасбродные выходки, а на следующий день, застав красавицу в постели, стал ее поглаживать (у нее было великолепное тело) и привел в столь прекрасное настроение, что, хотя горничные ее находились рядом, в чулане, смежном со спальнею, она накрыла меня пологом, придвинулась ко мне, и мы испытали большое наслаждение.

Она выехала из этого дома потому, что часы на особняке д'Эпернонэв били каждые пятнадцать и тридцать минут, а это, по ее словам, рас-секало ей жизнь на слишком много отрезков.

Когда аббат де Серизи написал «Жизнь кардинала де Берюлля», он послал Вдове экземпляр этой книги. Спустя несколько дней она любезно уведомила его, что никогда не подозревала за ним способности стать идиотом до такой степени, чтобы описывать столь нелепые чудеса. Книгу эту почти не покупали. Г-н де Грасс говаривал, что это жизнеописание состоит из одних эпиграмм: столько в ней было колкостей. Патрю утверждал, будто в этой книге пятьсот или шестьсот глав, ибо она то и дело начинается как бы заново. Издатель ее чуть было не разорился. У аббата де Серизи было больше остроумия, нежели здравого суждения.

Со Вдовою мы ссорились еще много-много раз и столько же раз мирились. В конце концов, устав от ее причуд и будучи вынужден по семейным соображениям просить руки младшей Рамбуйе, я обручился с ней, не сказав Вдове ни слова. Мой братец Аббат коварно сообщил ей об этом. Никогда она еще не бывала столь мудрой, как в этом случае, и восприняла это известие как нечто такое, что ее не касается. Я не переставал ее навещать, но всегда старался при этом видеться с нею на людях. Однажды, на свое несчастье, я застал ее одну; она вышла из своей комнаты в страшном гневе и сильно ударила меня кулаком. После этого я уже не отваживался с нею встречаться. Ее сестра и зять⁷ выказали странную радость, узнав, что я женюсь: с некоторых пор я с ними вновь поладил, с согласия Вдовы; да и она сама с ними примирилась. Когда же г-н Рамбуйе⁸ задумал вторично жениться, она возымела большие надежды, желая сделать более блестящую партию, нежели ее сестра, а также, быть может, и стремясь в свою очередь обозлить меня. Наш Рамбуйе о ней и слышать не хотел. Он был уже два дня как помолвлен, когда какая-то незнакомая девица пришла сообщить мне, что г-н Лефошер, протестантский священник, квартировавший в том же доме, что и Вдова, очень болен и желает поговорить со мной. Я велю запрячь карету и всем говорю, что бедному г-ну Лефошеру очень плохо. Я быстро еду к нему и у лестницы вижу ту же девицу; она говорит мне: «Сударь, вас желает видеть мадемуазель (Легу)».* Я поднимаюсь. Вдова сперва раздражается слезами и упреками и в конце концов заявляет, что мне следует жениться на ней или же сосватать ей моего тестя. «Что до меня, — ответил я, — мой брачный договор уже давно подписан, а тесть подписал свой контракт позавчера». Тогда она начала бушевать, заявила, что я раскаюсь, что настанет день, когда сын ее вырастет, что намерения мои тщетны, что младшая Рамбуйе всегда будет для меня не более как девкой и что, знай она это наперед, она бы уронила ее во время крестин. М-ль Рамбуйе

* (Это имя было вычеркнуто и не восстановлено).

была ее крестницей. Я говорил с ней ласково, насколько мог утешил ее и ушел, когда увидел, что она немного утомилась. Тем не менее я тревожился до самого дня свадьбы и успокоился лишь, узнав, что ее нет в церкви, ибо она была столь оскорблена, что я опасался, как бы она не пошла на какую-нибудь нелепую выходку, чтобы помешать свадебному обряду. Сестра ее довольно легкомысленно сказала мне впоследствии: «Мне кажется, что вам следовало выдать мою сестру за вашего тестя; это самое малое, что вы обязаны были для нее сделать». Бедная женщина до сей поры не может видеть меня без волнения. Мне было крайне досадно, что я не смог помочь ей в кое-каких ее делах; но к ней никогда нельзя подступиться. Она ненавидит Кардинала и говорит в шутку, что мартовское солнце — это Мазарини, ибо причиняет ей головную боль.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ И ПЕРЕВОДЧИКА

Настоящее издание «Занимательных историй» Таллемана де Рео, публикуемое на русском языке впервые, является неполным. Полный французский текст, с которого и делался перевод, выпущен в наши дни парижским издательством «Pléiade».¹ Мы сознательно пошли на сокращение текста, ибо среди «Занимательных историй» есть немало и таких, которые могут привлечь внимание, пожалуй, только французского читателя, специально интересующегося историей данной эпохи.

Однако и в отобранном нами материале мы допускаем некоторые купюры, обозначенные отточиями; в частности, опущены отдельные примечания автора, не имеющие прямого отношения к данному тексту, а также места грубо натуралистичные.

При отборе французского текста мы хотели прежде всего познакомить нашего читателя с зарисовками Таллеманом де Рео важнейших государственных деятелей Франции конца XVI—первой половины XVII столетия, таких как Генрих IV, Людовик XIII, Ришелье и др. В то же время желательно было включить в состав русского издания и те колоритные «Истории», которые, повествуя об обычных, рядовых людях тогдашней Франции, отразили быт и нравы эпохи. Сюда же относятся и отдельные эпизоды, объединенные общим названием, как например «Провансальцы и их супруги», «Вызовы на поединок и примирения» и т. д., где ярко проявилась особая манера письма автора, который пользовался не только вполне проверенными данными, но и не пренебрегал всевозможными толками, слухами, а порою и сплетнями.

Все примечания автора приводятся внизу соответствующей страницы. Пояснения и комментарий переводчика, равно как и перевод латинских и прочих иноязычных для французского языка цитат, даны в Примечаниях, отнесенных в конец книги. При составлении их мы наряду с другими источниками пользовались ценным комментарием, составленным для вышеназванного французского издания Антуаном Адамом.

¹ Tallemant des Réaux. Historiettes. 2 vol. Texte intégral établi et annoté par Antoine Adam. Bibliothèque de la Pléiade. [Paris], 1961—1967.

Ввиду огромного количества упоминаемых автором собственных имен (некоторые лица носят к тому же и одинаковое родовое имя: Гизы, Эстре и др.) мы, во избежание сложной системы отсылок, сочли целесообразным несколько разгрузить Примечания, снабдив, по возможности, прилагаемый к этой книге Указатель имен краткими биографическими справками, которые позволят читателю получить более обобщенное представление о том или ином историческом лице.

Во французском тексте ряд существительных, обозначающих титул, звание, достоинство или должность, пишутся с заглавной буквы. В этом случае мы следовали за подлинником, в частности, там, где заглавная буква указывает на то, что имеется в виду определенное лицо, о котором говорилось выше, и что не следует путать его с кем-либо другим.

ЖЕДЕОН ТАЛЛЕМАН ДЕ РЕО И ЕГО «HISTORIETTES»

В истории французской литературы XVII в. имя Таллемана де Рео занимает особое место. Оно довольно часто встречается и в современных ему мемуарах, и в исторических сочинениях, посвященных XVII в. Его «Занимательные истории», рисующие жизнь французского общества эпохи Генриха IV и Людовика XIII, наряду с другими мемуарами этого времени послужили источником для нескольких исторических романов эпохи французского романтизма, в частности, для «Трех мушкетеров» А. Дюма.

Относясь несомненно к мемуарному жанру, «Занимательные истории» отличаются, однако, от мемуаров Ларошфуко, кардинала де Реца или Сен-Симона. То были люди, принадлежавшие к верхним слоям потомственной аристократии и непосредственно участвовавшие в событиях, которые они в исторической последовательности воспроизводили в своих воспоминаниях, стремясь подвести какие-то итоги, доказать справедливость своих взглядов, опровергнуть своих политических врагов.

Таллеман де Рео был фигурой иного масштаба и иного социального облика. Выходец из буржуазных кругов, отказавшийся от какой-либо служебной карьеры, литератор, никогда не бывавший при дворе, Таллеман был связан дружескими отношениями с множеством самых различных людей своего времени. Наблюдательный и любопытный, он, по меткому выражению Сент-Бёва, рожден был «анекдотистом». В своих воспоминаниях он воссоздавал не только то, что видел сам, но и то, что слышал от других, широко используя и предоставленные ему письменные источники, и изустные рассказы современников, и охотно фиксируя имевшие в то время хождение различного рода слухи и толки.

«Записывать я намерен все, что мне довелось и доведется впредь узнать приятного и достойного внимания, — пишет он в маленьком предисловии к своей рукописи 1657 г., — и собираюсь говорить и о хорошем и о плохом, не скрывая правды. . . Поступаю я так с тем большей смелостью, что сии записки, по моему разумению, гласности не подлежат, хотя, пожалуй, от них может быть и некоторая польза».¹

¹ См. настоящее издание, стр. 5. — В дальнейшем страницы указываются в тексте.

Так же как и другие авторы мемуаров XVII в., Таллеман де Рео знакомит читателей с современной ему эпохой в различных ее аспектах, однако главное внимание он уделяет не описанию исторических событий, а характеристике своих современников. Что же касается исторических событий и тех изменений, которые происходят в это время в жизни государства и общества, то они, так сказать, лишь просматриваются через судьбы и характеристики изображаемых им людей.

Примечательно, что Таллеман назвал свои воспоминания не мемуарами, а *historiettes* (буквально: рассказы, короткие истории). Подлинный смысл слова *historiette* в данном случае ближе всего можно передать как «занимательная история». Широко используя исторические анекдоты, отбирая и перерабатывая их в явном соответствии со своим собственным отношением к тому или иному лицу, Таллеман воссоздает длинный ряд исторических фигур своего времени, главных и второстепенных — монархов, министров, полководцев, придворных, священнослужителей, поэтов, литераторов, фаворитов и куртизанок. Общая картина нравов французского общества XVII в., таким образом, оказывается как бы размещенной в своеобразных «медальонах». В этом отношении «Занимательные истории» в какой-то мере смыкаются с так называемой «промежуточной прозой» XVII в. — здесь использованы письма, портрет, здесь нащупывается жанр *характера*, получивший свое дальнейшее развитие у Лабрюйера. С другой стороны, «Истории» Таллемана с их грубыми выражениями, соленой галльской шуткой и натуралистическими описаниями несомненно перекликаются с французским бытовым романом XVII в. и опираются на традиции, выработанные в эпоху Возрождения в комических жанрах.

«Занимательные истории» Таллемана де Рео, рисующие жизнь французского общества, так сказать, «с заднего крыльца», явились своеобразным и существенным дополнением к другим мемуарам XVII в. Они приоткрывали такие стороны жизни французского двора и высшего общества эпохи Генриха IV и Людовика XIII, которые заставили взглянуть в несколько ином свете на эту блестящую эпоху с ее бурной политической жизнью, напряженными драматическими коллизиями, сильными страстями и характерами. За парадным фасадом обнаруживалась грубость нравов, сквозь изысканные манеры и придворный этикет проступало самодурство, жестокость, грубое распутство. «Без Таллемана и его нескромной болтливости многие работы о XVII веке были бы в наше время в сущности невозможными»,² — писал Сент-Бёв в 60-х годах XIX в.

Работа по изучению этого своеобразного памятника французской литературы продолжалась в течение всего XIX столетия, но подлинно на-

² Sainte-Beuve. *Tallemant et Bussy ou Le médisant bourgeois et le médisant de qualité.* — In: Sainte-Beuve. *Causeries du lundi*, t. 13, Paris, 1858, p. 185—186.

учные работы, посвященные творчеству Таллемана де Рео, появились только в XX в. Огромную роль в освоении его наследия сыграл один из крупнейших знатоков французской литературы XVII в. — Антуан Адам, подготовивший первое полное комментированное издание «Занимательных историй», с которого и сделан настоящий перевод.³

* * *

История семьи Жедеона Таллемана характерна для развития французской буржуазии, и прежде всего для буржуазии протестантской.

Таллеманы были выходцами из города Турне в южных Нидерландах (Бельгия). В середине XVI в., в период испанского владычества в Нидерландах, дед будущего мемуариста — Франсуа Таллеман — из-за преследований сторонников Кальвина вынужден был бежать из родного города. Подобно многим своим соотечественникам, он нашел приют во французском городе Ларошели, крупном порту на берегу Атлантического океана, бывшем в то время одним из центров кальвинизма во Франции. Женившись на богатой вдове, Франсуа открыл торговый дом. Торговля треской и мехами приносила ему огромные барыши. Корабли Таллемана доходили до берегов Америки. В деловых кругах Ларошели он пользовался большим авторитетом и был избран членом городского Совета.

Его сыновья — Пьер и Жедеон — приумножили богатства отца. Пьер продолжал развивать его торговое дело. Одновременно вместе с братом они открыли банк в Ларошели, а позднее в Бордо. Банк Таллеманов пользовался отличной репутацией и принес его владельцам огромный капитал. Пьер был женат вторым браком на сестре руанского банкира Мари Рамбуйе. От этого брака и родился в 1619 г. будущий автор «Занимательных историй».

Изданный в 1598 г. Нантский эдикт, предоставлявший протестантам не только свободу вероисповедания, но и значительные политические права, способствовал дальнейшему возвышению семьи Таллеманов. Наряду с торговцами и банкирами в ней появляются крупные чиновники. В 1612 г. дядя мемуариста покупает ряд должностей в финансовом ведомстве, сын последнего в 30-х годах становится советником в Парижском парламенте.

В 1634 г. Таллеманы переехали из Бордо в Париж и вскоре заняли среди парижской финансовой буржуазии положение, которое позволило им бывать в высшем обществе. Приобретенные Пьером Таллеманом земли давали возможность его сыновьям присоединить к своим именам названия этих поместий, вследствие чего Жедеон и смог в дальнейшем именоваться Таллеманом де Рео.

³ Tallemant des Réaux. Historiettes. 2 vol. Texte intégral établi et annoté par Antoine Adam. Bibliothèque de la Pléiade. [Paris], 1961—1967.

Юный Таллеман обучался сначала в Бордо, затем в Парижском университете, где изучал юриспруденцию. Отец настаивал, чтобы сын избрал судейское поприще, и собирался купить для него должность советника в Парижском парламенте. Но такое будущее не привлекало юношу. Его интересовала одна лишь литература. Он писал стихи, собирал книги и зачитывался пасторальными и рыцарскими романами. В 1638 г. ему представился случай совершить вместе с молодым аббатом де Рецом, будущим кардиналом, путешествие в Италию, и он несколько месяцев провел в Риме, где сблизился с секретарем французского посольства, врачом Клодом Кийе, многие забавные рассказы которого он и использовал впоследствии в «Занимательных историях».

По возвращении в Париж Таллеман женится на своей родственнице со стороны матери Элизабет Рамбуйе и окончательно отказывается от всякой деловой карьеры, предпочитая ей книги, светские удовольствия и посещение литературных салонов. Решению Таллемана де Рео в какой-то мере способствовало и его окружение. Младшему поколению этой деловой протестантской семьи вообще был свойствен интерес к литературе. Его родной брат Франсуа, впоследствии член Академии, принял католичество и священнический сан, чтобы иметь возможность беспрепятственно заняться изучением литературы. Его тезка и кузен Жедеон был известным меценатом, жена последнего — хозяйкой литературного салона. Шуриц Таллемана Антуан де Рамбуйе де Ла-Саблиер писал изящные стихотворения и тонкие мадригалы, а салон г-жи де Ла-Саблиер в 50-е годы пользовался репутацией одного из наиболее «философичных» салонов Парижа.

Значительную роль в формировании Таллемана де Рео как писателя сыграл салон маркизы де Рамбуйе, куда ввел его поэт Вуатюр, с которым он познакомился во время своего путешествия по Италии. Постоянными посетителями знаменитого «Отеля де Рамбуйе» были представители высшего света, политические деятели, ученые, литераторы, поэты. Здесь перебивали все известные писатели эпохи, начиная с Малерба и Геза де Бальзака. Здесь бывал Корнель, законодатель хорошего слога Вожда, его коллеги по Академии Менаж и Шаплен. Здесь обсуждались литературные новинки, спорили о вопросах языка, поэзии, морали, психологии. Это тесное соприкосновение светского общества и литературы многое дало будущему автору «Занимательных историй». С одной стороны, это расширяло его познания в области литературы, развивало его вкусы, вводило в курс современных литературных проблем; с другой — давало пищу его любознательности: здесь он воочию мог наблюдать французское общество своего времени, слушать рассказы очевидцев о прошлом и настоящем.

В салоне г-жи де Рамбуйе сын банкира-протестанта занимал не слишком заметное положение. Но он сумел завоевать особую симпатию самой маркизы де Рамбуйе, которая оценила его как интересного собеседника;

часто бывая в доме, он выслушал из ее уст множество рассказов о прошлом, в частности о дворе Генриха IV. «Именно от нее я почерпнул наибольшую и наилучшую часть того, что мною написано», — скажет впоследствии Таллеман де Рео в своих «Занимательных историях».

Таллеман пробует свои силы в литературе — пишет элегии, рондо, эпиграммы, даже трагедию; его первые поэтические опыты отмечены чертами «прециозного» стиля, процветавшего в салоне маркизы де Рамбуйе, но аристократическая поэзия, культивировавшая утонченную игру слов, привлекала его лишь своей формальной стороной — внешним изяществом, искусством остроумной шутки. По существу же он тяготел к иным традициям. Таллеман был прежде всего наблюдателем нравов и прекрасным рассказчиком. Эти его качества смогли получить свое развитие несколько позже, в иной литературной среде.

В середине 40-х годов Таллеман сближается с несколькими молодыми литераторами, группировавшимися вокруг известного в то время адвоката Оливье Патрю. Здесь были автор «Буржуазного романа» Фюртьер, писатель и переводчик Перро д'Абланкур, поэт Мокруа, будущий историк французской Академии Пелиссон, будущий баснописец Лафонтен. Это были образованные люди, главным образом незнатного происхождения. Отнюдь не симпатизируя Мазарини, они, однако, не питали никаких иллюзий и в отношении Фронды и всему предпочитали позицию насмешливых наблюдателей своей эпохи. В этой среде Таллеман де Рео пришелся как нельзя более ко двору. Патрю высоко ценил его ум и образованность и впоследствии назвал Таллемана «одним из первых людей своего времени».

По-видимому, в те же годы Таллеман де Рео сводит знакомство с братьями Жаком и Пьером Дююи, французскими историками, хранителями Королевской библиотеки, где им удалось сосредоточить огромный фонд редких книг и рукописей. Таллеман имел возможность пользоваться этим уникальным собранием исторических материалов. В доме Дююи, где бывали философы, историки, путешественники, он слышал много интересного; слышанным и прочитанным он охотно делился с другими. Он слыл превосходным рассказчиком. В кружке Патрю его постоянно уговаривали записывать свои рассказы. Отсюда, очевидно, и возник первоначальный замысел «Занимательных историй».

Еще раньше Таллеман стал составлять рукописные сборники, куда заносил наиболее любопытные произведения эпохи, не печатавшиеся по цензурным условиям. Предисловие к «Занимательным историям», в котором Таллеман подчеркивает, что они «гласности не подлежат» и он пишет их для друзей, датировано 1657 г. Есть основание предполагать, что к этому времени часть книги была уже написана. Последние записи относятся к 1659 г.

Вслед за «Занимательными историями» Таллеман собирался написать историю регентства Анны Австрийской, а тем самым историю правления

Мазарини. Успел ли он начать этот труд, остается неизвестным. Замыслу его не суждено было осуществиться.

Жизнь Таллемана де Рео, спокойная и наполненная любимыми литературными занятиями, в 60-х годах вдруг резко меняется. Банк, который давал возможность обеспеченного существования многочисленным членам семьи Таллеманов, потерпел крах. Таллеман де Рео оказывается перед лицом разорения. За этим последовал новый удар — добившись раздела имущества, от него уходит жена. В результате долгих судебных мытарств Таллеману все же удалось в конце концов вернуть себе часть состояния; вскоре и жена вернулась под его кров, однако прежнего безмятежного счастья не было.

Новые беды, обрушившиеся на Таллемана, окончательно заставили его отказаться от всякой надежды создать себе имя в литературе. С воцарением Людовика XIV начались преследования гугенотов. Жена Таллемана в 1665 г. поспешила принять католичество, за что получила от короля ежегодный пансион в 20 000 ливров. Хотя Таллеман и тяготел к религиозному вольномыслию, необходимость отречься от веры своих отцов очень угнетала его. В конце концов он все же вынужден был решиться на это и в 1685 г. перешел в католичество — за три месяца до отмены Нантского эдикта, которым почти за сто лет до этого Генрих IV даровал гугенотам свободу вероисповедания.

Однако отречение не спасло его от новой беды. В 1686 г. его младшая дочь Шарлотта, не пожелавшая изменить своей вере, была арестована и заключена в монастырь. Только в виде особой милости к их семье ей позволено было покинуть Францию; она переехала в Лондон, пополнив собой многочисленные ряды эмигрировавших протестантов, между тем как ее мать и старшая сестра продолжали всячески подчеркивать свою приверженность католической церкви и прославлять «Великого Людовика».

Все это чрезвычайно омрачило последние годы жизни Таллемана де Рео. Умер он в 1692 г.

Печатных работ после него не оставалось, и вскоре он был совершенно забыт. Если имя Таллемана и встречалось порой в литературе, то это было имя его брата — академика. Рукопись «Занимательных историй» пролежала в библиотеке наследников Таллемана более ста лет. В 1820 г. она была продана кем-то из его потомков за двадцать франков.

* * *

По счастливой случайности, рукопись привлекла внимание французского ученого Монмерке, члена французской Академии надписей, занимавшегося в то время изучением мемуаров XVII в. Первое издание «Historiettes» было выпущено им в 1834—1835 гг. Второе, немного дополненное, вышло в 1840 г. и несколько раз повторялось. В 50-х годах, вместе

с известным знатоком французской литературы средневековья Пóленом Парисом, он предпринял новое, расширенное издание, которое закончилось печатанием в 1860 г. Несмотря на значительные купюры и смягчение отдельных мест, книга Таллемана вызвала возмущение. Это вполне понятно. Слишком противоречил весь тон «Занимательных историй» тем представлениям, которые сложились в то время о XVII в. и о королевском дворе этой эпохи. Одни критики объявляли книгу очередным апокрифом, другие осыпали автора нелестными эпитетами, называя его клеветником и сплетником.

Первый, кто оценил своеобразие фигуры Таллемана как свидетеля своей эпохи, был французский критик Сент-Бёв. «Мир, который показывает нам Таллеман, — пишет он в конце 50-х годов — это Город в собственном смысле слова, Город в эпоху Мазарини... Это тот Париж, где снуют во все стороны богатые, дерзкие и свободные буржуа, чьи типы мы находим у Мольера...»⁴ Сент-Бёв объявил Таллемана «лучшим наблюдателем салона де Рамбуэй и всего этого утонченного общества», о котором «он судит с истинно французским остроумием того славного времени, как и подобает другу Патрю».⁵ Сент-Бёв в сущности был первым, кто ввел имя Таллемана в историю французской литературы, указав на органическую связь его литературной манеры с традицией Рабле и французских фавблио.

Работа по изучению книги Таллемана шла на протяжении всей первой половины XX в. Однако подлинно научное осмысление этого памятника стало возможным лишь после выхода в свет в 1960 г. полного издания «Historiettes», подготовленного Антуаном Аданом. Это издание, включающее в себе более тысячи страниц комментариев, открыло широкие возможности для более глубокого прочтения «Занимательных историй» как историками, так и литературоведами.

За минувшее десятилетие о Таллемане де Рео появился ряд работ, и не только французских, но и английских и американских ученых.

* * *

Не так давно в зарубежной научной прессе возникла небольшая дискуссия о том, следует ли считать Таллемана де Рео историком или писателем. Один из участников этого спора — Фелисьен Марсо, — сравнивая «Historiettes» Таллемана с мемуарами Сен-Симона, приходит к заключению, что, поскольку оба они в сущности не столько писали историю своего времени, сколько рисовали портреты своих современников, их и следует рассматривать как писателей, представляющих распространенный в XVII в. литературный жанр портрета.⁶ Спор этот в данном случае бес-

⁴ Sainte-Beuve. Op. cit., p. 188.

⁵ Ibidem, p. 186.

⁶ См.: Wortley W. V. Tallemant des Réaux. The man through his style. Naage—Paris, 1969, p. 16—17.

предметен. Так же как и мемуары Сен-Симона, «Historiettes» могут рассматриваться в различных аспектах — и как исторический источник, и как литературный памятник эпохи — и представляют большой интерес равно как для историков, так и для литературоведов.

Считал ли себя историком сам Таллеман? Думается, в той мере, в какой чувствует себя историком всякий мемуарист, так или иначе воспроизводящий современную ему действительность. То обстоятельство, что он так часто ссылается на задуманные им мемуары эпохи регентства Анны Австрийской, наводит на мысль, что свои «Historiettes», посвященные «домазариньевскому» периоду современной ему истории, он рассматривал как подступ к этой работе. Таллеман несомненно писал свои мемуары «pour servir à l'histoire» (ради пользы истории), если воспользоваться формулой, которую охотно употребляют французы в отношении подобного рода свидетельств современников. Очевидно, именно это он имеет в виду, когда говорит в своем предисловии, что от его записок «может быть некоторая польза».

В книге Таллемана де Рео упоминается огромное количество реально существовавших лиц. По приблизительным подсчетам, в ней содержатся более или менее подробные сведения о 376 исторических персонажах, живших в конце XVI и в первой половине XVII в. Наряду с королями и крупными государственными деятелями, полководцами и знаменитыми писателями в ней фигурируют и ничем особенно не примечательные человеческие типы того времени — дворяне и буржуа, мужчины и женщины, целые семьи и отдельные корпорации. Об одних Таллеман мог писать на основе собственных наблюдений, о других он писал, опираясь на свидетельства современников.

Воссоздавая образ Генриха IV, которого в живых Таллеман уже не застал, Людовика XIII и Ришелье, которых никогда не видел воочию, он широко пользовался данными, почерпнутыми из рассказов очевидцев — людей, бывших непосредственными свидетелями жизни и нравов двора. Это обстоятельство, которое сам Таллеман часто подчеркивает, ссылаясь на источник того или иного анекдота, положило начало легенде о том, будто он был всего лишь «сплетником», «собирателем слухов», по выражению Сент-Бёва.

Современные исследователи опровергают подобное представление о нем. Сопоставляя отдельные факты, приводимые в «Занимательных историях», с данными, полученными из других исторических источников, они доказали, что Таллеман весьма тщательно изучал основные труды историков своего времени, делая из них выписки (о чем свидетельствуют прямые совпадения с ними, обнаруженные в тексте «Historiettes»); в частности, он пользовался написанной по-латыни «Историей моего времени» известного историка Жака де Ту, а также ненапечатанными материалами к ней, так называемой «Туана», хранившейся в собрании братьев Дююи. Здесь же познакомился он с неопубликованными мемуа-

рами некоторых своих современников. Отдельные подробности, касающиеся взаимоотношений Рипелье и Анны Австрийской, явно заимствованы им из той части «Мемуаров» Ларошфуко, которые были напечатаны лишь в XIX в.; в «Занимательной истории» о Малербе Таллеман де Рео почти дословно пересказал записки его ученика — поэта Ракана.

«По правде говоря, к своей задаче он подошел как истинный историк и собирал воедино устные свидетельства, печатные работы и рукописные материалы, не пренебрегая ни одним из предоставлявшихся ему источников информации», — пишет Антуан Адап в своей вступительной статье к последнему изданию «Historiettes».⁷

В книге Таллемана встречаются отдельные фактические ошибки, касающиеся частностей — дат, имен, родственных связей; но, как это доказано исследователями, огромное большинство приводимых в ней фактов, — иной раз кажущихся невероятными, — подтверждается другими материалами. «Пусть же те, кто пренебрежительно относятся к исторической ценности „Занимательных историй“, — пишет Антуан Адап, — сохладоволят назвать другой подобный труд, в котором число ошибок было бы столь ничтожно, а число „правдивых фактов“ столь велико».⁸

* * *

В «Дневниках» Гонкуров встречается весьма примечательная характеристика «Занимательных историй». Говоря о том, как важно сохранить для истории еще уцелевшие кое-где в провинции человеческие типы былых времен, Гонкуры пишут: «Да, какой-нибудь современный Таллеман де Рео, который стал бы записывать то здесь, то там рассказы о всех этих причудливых характерах..., создал бы... новую драгоценную книгу... и пополнил бы прелюбопытными материалами историю Франции и человечества».⁹ Здесь не только дана опосредствованно высокая оценка «Занимательных историй», но и подчеркнута одна существенная особенность Таллемана — то, что облик своей эпохи он воспроизводил через человеческие характеры.

О ком бы ни писал Таллеман, будь то король или простой дворянин, он прежде всего рассматривает его как человека и судит о нем как о человеке, стараясь раскрыть его характер, особенности его психологии, его достоинства и недостатки с помощью выразительных эпизодов, анекдотов, шуток и т. п.

При этом Таллеман нередко касается подробностей интимной жизни своих героев, откровенно говоря о вещах, которые современному чита-

⁷ [Adam A.] Introduction, p. XXI—XXII. — In: Tallemant des Réaux. Historiettes, t. I.

⁸ Ibidem, p. XXIII.

⁹ Гонкур Эдмон и Жюль де. Дневник. Т. I. М., 1964, стр. 379.

телю могут показаться непристойными. Надо, однако, помнить, что для Таллемана, для его эпохи, для его окружения подобное отсутствие стыдливости было связано с той реабилитацией плоти, которая являлась реакцией на аскетизм средневековья. «Таллеман не смакует непристойные анекдоты, — замечает Антуан Адан, — он простодушно пересказывает их. Разумеется, он при этом смеется, но так же, как смеялись его друзья Патрю, Фюртьер, Мокруа, Лафонтен, пересыпая свои беседы вольными выражениями. Никто из них не отличался скромностью, и любимцами их были мэтр Клеман и мэтр Франсуа (т. е. Клеман Маро и Франсуа Рабле, — Т. Х.), которые тоже ею не отличались».¹⁰

Анекдоты, касающиеся интимной жизни, приводятся Таллеманом не ради любви к сплетням, а потому, что именно в этой сфере жизни больше чем где-либо проявляется, с его точки зрения, истинная сущность человека. Говоря о любовных шалостях Генриха IV, он с явной симпатией подчеркивает в нем раблезианское жизнелюбие, непосредственность, прямоту натуры, в то время как в перипетиях истории страсти кардинала Ришелье к королеве Анне в полной мере раскрывается его коварство и лицемерие.

Истории, посвященные монархам, правителям Франции, идут вперемжку с историями об их приближенных и подданных, независимо от какой бы то ни было «табели о рангах». Тем самым Генрих IV, Людовик XIII низводятся до уровня обыкновенных людей с их достоинствами и недостатками, с их человеческими слабостями и причудами.

«О Генрихе IV, Сюлли, Ришелье, о тех, кто был до него, он собирал лишь крохи»,¹¹ — писал Сент-Бёв с некоторым осуждением. Но «собираемые крохи» в какой-то мере носило у Таллемана программный характер. В предисловии к «Занимательным историям» он предупреждает, что не намерен касаться того, «что можно почерпнуть в опубликованных исторических сочинениях и мемуарах», а говорить будет «о хорошем и о плохом, не скрывая правды» (5). Таллеман, таким образом, как бы ставит своей целью дополнить официальную историографию своего времени такими материалами, которые «гласности не подлежат», и тем самым противопоставляет ей эту правду.

«Привычка видеть королей, сопровождаемых охраной, должностными лицами, барабанщиками и всем, что рождает у людей почтение и страх, приводит к тому, что когда подданные видят короля без этого окружения, они продолжают испытывать все то же почтение и страх, ибо уже не в состоянии отделить в своем сознании его личность от всего, что его обычно окружает».¹² Эти слова Паскаля не могли быть известны Таллеману, писавшему свои «Historiettes» почти за четверть века до выхода

¹⁰ [A d a m A.] Op. cit., p. XXIV.

¹¹ S a i n t e - B e u v e. Op. cit., p. 186.

¹² P a s c a l. Oeuvres complètes. Paris, 1954, p. 1163.

в свет «Мыслей» французского философа, но в своих «историях», посвященных Генриху IV или Людовику XIII, ему в полной мере удалось отделить личность короля от его парадного окружения, оставляя на виду лишь человеческую его сущность, чтобы судить о нем по законам, общим для всех. В таком низведении монархов до уровня обыкновенных людей открывалась и возможность их развенчания.

Таллеман не был особо склонен к каким-либо обобщениям. Он нигде прямо не высказывал своей точки зрения на вопросы, волновавшие его современников. Воссоздавая образы людей своей эпохи, он лишь иногда мимоходом касается их политических или религиозных воззрений, не выражая при этом своих собственных взглядов. Будучи сам протестантом, он начинает один из анекдотов о Генрихе IV такой фразой: «Незадолго до сдачи Парижа, в то время как Король мучился бессоницей, оттого что никак не мог решиться порвать со своею верою...» (13), — но далее ни единым словом не выказывает своего отношения к этой «бессоннице», предшествовавшей известному выводу о том, что «Париж стоит бедни». В «Занимательных историях» Таллемана нет какой-либо определенной политической направленности. Однако в «историях», посвященных Генриху IV, Людовику XIII, Ришелье, он ближе чем где-либо подходит к вопросам, связанным с политической жизнью современной ему Франции, и выражает свое отношение к деятельности этих правителей. Он не выражает его прямо, но оно ясно проступает сквозь оценки, которые даются Таллеманом человеческим качествам каждого из них.

С наибольшей симпатией он относится к Генриху IV. Это явствует уже из того, что, посвящая ему первую по порядку «*historiette*», он указывает в своем предисловии, что делает это не ради хронологии, а потому, что хочет начать «с чего-то действительно славного». Тем самым эпоха Генриха IV противопоставляется им «веку нынешнему», т. е. времени правления Мазарини, и в этом противопоставлении уже выражено и отношение к своему времени и оценка его.

В человеческом облике Генриха IV Таллемана привлекает то, что, с его точки зрения, отличает этого короля от всех последующих правителей, — простота, отсутствие аристократической снеси, прямодушие, непосредственность; ему импонирует полубогатый образ грубоватого короля-солдата, который, привыкнув к походной жизни, не может освоиться с этикетом, устанавливаемым двором. В ряде исторических анекдотов, включенных в историю о Генрихе IV, показывается его умение находить общий язык с «простым народом», его снисходительность, его чисто галльское остроумие; «... у него живой ум, и он понимает шутку» (7), — с явным одобрением отмечает Таллеман. Он охотно приводит анекдоты, характеризующие неуважительное отношение короля к священнослужителям и монахам. Таллеман не скрывает его недостатков: «Он был не слишком щедр и не очень-то умел быть благодарным. Он никогда никого не хвалил, а сам хвастался как гасконец» (7). Но эти человеческие

слабости даже как бы оживляют его образ, в котором на первый план выдвинуто здоровое, жизнерадостное начало.

Полной противоположностью этому образу предстает читателю фигура Людовика XIII. Таллеман с самого начала подчеркивает его физическую неполноценность, болезненность, противоестественные наклонности, его взбалмошность, жестокость и подозрительность. Таллеман при этом ясно дает понять, что самодурство и жестокость Людовика XIII — в большой мере плод его воспитания и окружения, результат того, что он «уже рожден был принцем». «Короля погубило безделье» (113), — пишет он. Фигура Людовика XIII рисуется на фоне сложной борьбы партий, придворных интриг, заговоров, дипломатических хитросплетений. И на этом фоне отталкивающий портрет, нарисованный Таллеманом, не только отражает человеческую сущность Людовика XIII, но и характеризует его как короля Франции. Этот взбалмошный, мстительный, мелкий человек, склонный ко всякому рода «не королевским» занятиям, вроде шпигования телятины, неспособен управлять государством.

Наиболее близко к вопросам современной ему политики Таллеман подходит в «historiette», посвященной Ришелье. Эта история — одна из самых больших в книге и несколько отличается от других по принципу своего построения. Она состоит не из отдельных, разрозненных «характерных» эпизодов, а в первой своей части представляет собой нечто вроде жизнеописания Ришелье, очевидно имеющего цель дать историю становления его характера; причем жизнеописание это выполнено с нескрываемым недоброжелательством. И последнее проявляется не только в подборе эпизодов, подчеркивающих отрицательные черты характера Ришелье, но и в тех комментариях, которые нередко сопровождают эти эпизоды. Так, рассказывая о том, как в начале своей карьеры молодой Ришелье снискал популярность, произнеся в Генеральных штатах несколько речей, «кои сочтены были превосходными», Таллеман ядовито прибавляет: «В ту пору в этом не очень-то разбирались» (64). Ряд эпизодов второй части, касающихся уже деятельности кардинала в качестве первого министра, сопровождаются более резкими и гневными инвективами по адресу «тирана». Тем самым Таллеман дает кардиналу Ришелье оценку не только как человеку, но и как государственному деятелю. Однако при этом он мало касается существа деятельности Ришелье, объясняя, как и многие его современники, политику кардинала почти исключительно его честолюбием и личными интересами.

Значение Ришелье для истории Франции было в полной мере понято лишь впоследствии, в исторической ретроспективе. Осмысление его исторической роли было неразрывно связано с установлением прогрессивной природы абсолютизма «как цивилизующего центра, как объединяющего начала французского общества».¹³ Ришелье способствовал превращению

¹³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. X, стр. 431.

Франции «из страны классического феодализма... в страну не менее классического абсолютизма».¹⁴ Благодаря его личным свойствам — твердости в достижении поставленных целей и политической гибкости — он сумел за восемнадцать лет своего правления окончательно объединить Францию и расчистить путь для ее дальнейшего буржуазного развития. Беспощадная борьба Ришелье против остатков феодализма, естественно, вызвала к нему бешеную ненависть аристократии, которую он лишил привилегий и былой политической роли. Но те жестокие методы, которыми он действовал для осуществления стоявших перед ним задач, — подкупы, угрозы, казни, уничтожение невинных людей — делали его фигуру ненавистной и для части той буржуазии, в интересах которой он объективно действовал. «Ришелье при жизни вызывал восхищение немногих и яркую ненависть большинства», — пишет советский историк.¹⁵ И у Таллемана де Рео Ришелье изображен таким, каким он представлялся ему на основании свидетельских показаний большинства очевидцев. В его образе нашло свое отражение непосредственное восприятие фигуры Ришелье множеством современников. Правда, Таллеман мимоходом отмечает существование «истинных друзей» кардинала; он признает и некоторые его заслуги, но в основном для него, как и для его друга Оливье Патрю, Ришелье — это прежде всего тиран, который «упразднил все законы и надел на Францию невыносимое ярмо» (94).

В истории, посвященной Ришелье, Таллеман воссоздает облик честолюбца, искусного интригана, всеми средствами добывающегося удовлетворения своих желаний, беспощадного в достижении своих целей. При этом образ, возникающий из множества эпизодов, характеризующих деятельность кардинала, его нрав и поступки, весьма многогранен. Рисуя его коварным, вероломным, жестоким, двуличным, Таллеман одновременно фиксирует и его человеческие слабости — неуравновешенность, болезненное самолюбие, любовь к лести, скупость, причуды, притязания на литературный талант, — и эти мелкие штрихи моментами придают злодейской фигуре Ришелье иной аспект. Он перестает быть страшным. Есть даже что-то жалкое и смешное в самом его внешнем облике, который возникает из рассказа Марион де Лорм о своем любовном свидании с кардиналом.

Из историй, посвященных Ришелье и Людовику XIII, вырисовывается сложная картина взаимоотношений членов королевской семьи, принцев крови, их соперничества, их борьбы, в которую различными путями оказываются втянутыми множество разных людей, чья судьба, а порой и сама жизнь зависит от перипетий и случайностей этой борьбы.

¹⁴ Люблинская А. Д. Французский абсолютизм первой трети XVII в. М.—Л., 1965, стр. 3.

¹⁵ Люблинская А. Д. Ришелье в исторической литературе XIX—XX вв. — Вопросы истории, 1946, № 10, стр. 112.

Истории этих судеб, иногда подробно рассказанные Таллеманом, как например трагическая история фаворита Людовика XIII — Сен-Мара, иногда только вскользь упомянутые, помогают ощутить ту особую атмосферу французского двора, с ее политическими интригами, тайными сговорами, секретными поручениями и любовными свиданиями, которая знакома нам по «Трем мушкетерам» Дюма, по «Сен-Мару» Виньи, по «Марион де Лорм» В. Гюго. Их авторы, обращаясь к этим драматическим и ярким страницам французской истории, по-своему осмыслили и освещали ее события — применительно к тем задачам, которые диктовала каждому из них собственная эпоха. Стремясь, в соответствии с принципами романтизма, воспроизвести «местный колорит» изображаемой эпохи, они создали несколько опозитизированную картину жизни французского двора, во многом определившую те представления, которые вот уже почти полтора столетия живут в сознании широкого читателя. «Занимательные истории» Таллемана де Рео разрушают эти представления. Жизнь двора показана в них без парадных одежд, более грубой, циничной и будничной — такой, какой она представлялась современнику, насмешливому парижскому буржуа XVII в.

* * *

Наряду с жизнью двора, которую Таллеман сам не наблюдал и описывал, основываясь на собранных им материалах, в его книге нашла свое отражение и жизнь современного ему Парижа, очевидцем которой он был сам. В историях, посвященных отдельным своим современникам, он нарисовал множество различных людей, характерных для своей эпохи и в какой-то мере определивших ее облик.

Таллеман де Рео наблюдал нравы французского общества в такой период его истории, когда для буржуазии характерно было отчуждение от народа и тяга к дворянству. Аренда земель, покупка должностей, назначение пенсий за интеллектуальный труд, выгодный брак — все это давало буржуа возможность рано или поздно получить право на дворянский титул, и буржуазия широко и охотно пользовалась этим правом. Проблема взаимоотношений обоих сословий несомненно стоит в центре внимания Таллемана де Рео, и оценка человеческих качеств чаще всего дается им применительно именно к этой проблеме. Самый факт принадлежности к дворянству или буржуазии еще ничего не определяет в его симпатиях или антипатиях. Но он всегда точно обозначает, является ли человек потомственным дворянином или выходцем из буржуазных кругов. Разумеется, он не склонен осуждать буржуа, добившегося дворянских привилегий и тем самым обеспечившего себе и своим детям положение в обществе. Но если он лишь язвительно подсмеивается над дворянами, кичащимися своим высоким родом, над теми, кто «презирает всех остальных людей на земле», то с нескрываемым сарказмом относится он

к буржуа, стыдящимся своего происхождения, прообразам будущего мольеровского господина Журдена. В его книге нередко возникают фигуры подобных мещан во дворянстве — так, мимоходом упомянет он о каком-нибудь аббате, «корчившем из себя знатную особу и бывшем всегонавсего сыном провинциального шапочника». Пересказывая слух о том, будто сын историка де Ту гордился своим происхождением от графов де Ту, Таллеман язвительно замечает, что этим графам следовало бы гордиться тем, что они «принадлежат к семье, снискавшей себе известность высокими постами и прославленными сочинениями. Ежели покопаться, то можно было бы обнаружить, что происходят они не бог весть от кого: насколько я слышал, от крестьянина из Атиса» (106).

В отдельных случаях у Таллемана явственно прорывается своеобразная гордость буржуа, чувство своего «третьесословного» достоинства. Так, описывая, как поэт Вуатюр, который, будучи по происхождению сыном вино торговца, не только этого не стыдился, но и всячески эпатировал своей невоспитанностью изысканных посетителей салона маркизы де Рамбуйе, однажды в присутствии принцессы де Конде снял с себя промокшую обувь, Таллеман заканчивает этот эпизод характерной фразой: «Но, право же, такое поведение — единственный способ заставить именитых господ считаться с тобой» (154).

Ряд «*historiettes*» Таллемана де Рео посвящен деятелям литературы, и главным образом тем из них, которые в пору его работы над книгой успели завоевать прочную литературную репутацию или уже сошли со сцены, как например Малерб, которому Таллеман посвятил одну из самых обширных своих «*historiettes*», широко используя в ней «*Mémoire sur Malherbe*» Ракана и уже собранные Конраром материалы об этом поэте. Таллеман нарисовал целую серию портретов современных ему поэтов и литературных деятелей — Вуатюра, Шаплена, Менажа, первого секретаря незадолго до того основанной Академии Конрара и других. Некоторые из этих имен в наши дни утратили свое значение, но рассказы об этих литераторах, их взаимоотношениях, их дружбе и вражде, их соперничестве, интригах, об их меценатах, их окружении живо воссоздают атмосферу той интенсивной литературной жизни Франции середины XVII в., очевидцем которой был Таллеман. Таллемана они прежде всего интересуют как человеческие характеры, как «герои» разного рода забавных историй и анекдотов — такие колоритные фигуры, как баловень салона маркизы де Рамбуйе Вуатюр, с его несносным характером, или рассеянный чудака Ракан, служившие в свое время предметом всяких толков и сплетен, представляли собой в этом отношении весьма благодарный материал. Однако в этих забавных историях и анекдотах рассеяно множество мелких, но чрезвычайно колоритных фактов и отдельных черточек, за которыми иной раз встает реальная действительность эпохи. Особый интерес они представляют для историков литературы. Отдельные вскользь упомянутые эпизоды иной раз могут оказаться убедительным аргументом

при определении некоторых спорных фактов литературной и театральной жизни того времени. Именно благодаря свидетельству Таллемана удалось точно установить, что трагедия Сирано де Бержерака «Смерть Агриппины» действительно была в 1654 г. представлена на сцене. Вообще в книге Таллемана содержится немало ценного материала для историков французской литературы XVII в. Так, английский исследователь Спинк¹⁶ первым обратил внимание на записанные Таллеманом на полях рукописи «богохульные» слова некоего математика, который, лежа на смертном одре, заявляет пришедшему исповедовать его священнику: «Я верую только в то, что дважды два — четыре, а четыре да четыре — восемь». В комедии Мольера «Дон Жуан» (1665) главный герой ее дословно повторяет эту фразу Сганарелю.

* * *

Сент-Бёв в подзаголовке уже упоминавшейся статьи назвал Таллемана «злоречивым буржуа» («le médisant bourgeois»), противопоставляя его «злоречивому дворянину» («le médisant de qualité») Бюсси-Рабютену, автору «Любовной истории галлов», скандальной хроники Двора, написанной в те же годы, что и «Занимательные истории» Таллемана. Справедливо подчеркивая в этом определении социальную природу мемуариста, Сент-Бёв вместе с тем скрепил своим именем неверное представление о «злоречии» Таллемана, которого интересовало якобы только плохое и уродливое. Между тем автор «Занимательных историй» твердо выполняет данное им в своем предисловии обещание «говорить и о хорошем и плохом». Рассказывая о неблагоприятном поведении Сюлли на посту суперинтенданта, он мимоходом упоминает и о г-не д'О, который, в отличие от Сюлли, «... вместо того чтобы нажиться на управлении финансами, проел на этой должности свое состояние» (29). Достаточно перечитать «historiette» о маркизе де Рамбуйе, чтобы убедиться, с каким доброжелательством фиксирует Таллеман мельчайшие штрихи, характеризующие ее высокие душевные качества. Наконец, мы находим в книге множество эпизодических фигур, полных высокого человеческого достоинства, людей глубоко принципиальных и мужественных, вроде аббата Сен-Сирана (86) или богослова Фильзака (86—87), о которых Таллеман отзывается с явным уважением. Но Таллеману в высшей степени присуще чувство смешного. В той же истории о маркизе де Рамбуйе, с подчеркнутой симпатией воссоздавая ее облик, он с добродушным юмором отмечает ее забавную, с его точки зрения, «старомодную» церемонность. Добродушно посмеивается он над рассеянностью и неряшливостью Ракана. Только при столкновении с человеческими пороками, которые Таллеман весьма зорко

¹⁶ Spink J. S. French Free-Thought from Gassendi to Voltaire. Univ. of London. 1960. стр. 27.

видит и беспощадно фиксирует, смех его становится безжалостным; рассказывая о казнокрадах, взяточниках, ханжах и лицемерах, он действительно «злойзычен». Здесь он временами поднимается до подлинно сатирических характеристик.

С особым вниманием и интересом относится Таллеман де Рео к вольнодумцам. Его явно привлекало религиозное вольномыслие. Правда, к вольнодумию аристократического толка, служившему прикрытием разнузданных прав, он относится с откровенным недоброжелательством и явно осуждает «либертенов» типа герцога Орлеанского и его приближенных. В своих «Занимательных историях» он нарисовал целую галерею портретов вольнодумцев различного толка и разного общественного положения, охотно воспроизводя их шутки и остроты, высмеивающие не только церковников, но и сами христианские догмы.

Этот интерес к теме вольнодумства, это широкое использование «богоульных» анекдотов несомненно связывает «Занимательные истории» Таллемана де Рео с раблезианской традицией французской литературы. Именно с этой традицией связан и язык Таллемана, его полунасмешливая интонация, его тяготение к просторечию и грубым выражениям, называющим вещи своими именами.

В XVII в. имя Рабле во Франции отнюдь не утратило своей популярности. Его роман «Гаргантюа и Пантагрюэль» много раз переиздавался. На Рабле ссылались, его цитировали. Имя его упоминается в комедиях Мольера «Скупой» и «Школа жен». Творчество Рабле, отпугивавшее своей грубостью изысканных блюстителей вкуса в аристократических салонах, оказывало глубокое влияние в первую очередь на те жанры французской литературы, которые не подвластны были никаким канонам и правилам, в частности на так называемый буржуазный бытовой роман.

Таллеман нигде не пишет о своем отношении к Рабле как к писателю, и, разумеется, нельзя делать выводов о каком-либо прямом влиянии на основании двух или трех упоминаний его имени в «Занимательных историях». Во всяком случае, Таллеман с явным удовольствием пересказывает анекдот, в котором автор «Гаргантюа и Пантагрюэля» оказывается хитрее кардинала дю Белле, и охотно воспроизводит его весьма вольную шутку насчет целования папской туфли (236).

В книге американского ученого Уортли приводится очень интересный анализ стилистических особенностей «Занимательных историй», позволяющий проследить связь Таллемана де Рео со стилистикой Рабле и французской литературы XVI в. На примере отдельных образов, метафор, сравнений, встречающихся у Таллемана, Уортли убедительно показывает, что последний временами выступает как своеобразное «стилистическое эхо» Рабле. Но даже независимо от этих установленных Уортли случаев прямого совпадения стилистических средств влияние стилистики Рабле на «Занимательные истории» совершенно очевидно. Возможно, что это влияние было воспринято Таллеманом в какой-то

мере опосредствованно, через современный ему буржуазный бытовой роман, в частности роман Шарля Сореля, с которым у Таллемана есть немало общего — прежде всего в манере письма. Как и Таллеману, Сорелю свойственны богатство словаря, большой стилистический диапазон, тяготение к просторечию, смелость выражений — т. е. все те черты, которые были привнесены во французскую литературу романом Рабле.

В своем романе «Правдивая комическая история Франсьона», вышедшем впервые в 1623 г. и на протяжении XVII в. неоднократно переиздававшемся под разными псевдонимами, Сорель стремился нарисовать широкую картину жизни французского общества и отобразить различные его слои. И самый этот замысел, и тяготение к изображению реальной жизни, включая самые отталкивающие ее подробности, несомненно сближают роман Сореля с «Занимательными историями».

Можно также говорить о несомненной связи «Занимательных историй» с традициями сатирической поэзии первых десятилетий XVII в., вновь обретшей свою силу после окончания религиозных войн и выражавшей протест как против проповедуемого церковью аскетизма, так и против неоплатонизма, процветавшего в салонах. В первую очередь здесь следует назвать имя Матюрена Ренье — поэта, сыгравшего значительную роль в становлении классической сатиры второй половины XVII в. Поэзия Ренье, на «кабацкую дерзость» которой сетовал Буало, выражая пожелания, чтобы поэт «не так бы часто муз водил в публичный дом», с ее красочным, грубоватым, подчеркнуто нелитературным языком, перекликается со многими страницами «Занимательных историй» и несомненно родственна натуралистической манере письма Таллемана.

Наконец, следует сказать также и о том, что своим интересом к человеческому характеру, своим умением увидеть во внешнем проявлении внутреннюю сущность человека и той неоднозначностью характеристик, которая свойственна иным его портретам, Таллеман в какой-то мере уже соприкасается с проблемой изображения противоречий внутреннего мира человека, оказывающейся в середине XVII в. в центре внимания Паскаля, Ларошфуко, а позднее Лабрюйера.

«Занимательные истории» Таллемана де Рео являются ценным историческим источником, который не может обойти ни один ученый, занимающийся французской историей и литературой XVII в.; недаром в знаменитом французском словаре «Большой Ларусс» ссылки на Таллемана встречаются почти в каждой статье, касающейся этой эпохи.

Написанная в конце семнадцатого столетия, открытая в начале девятнадцатого, но по-настоящему оцененная лишь в середине двадцатого, книга Таллемана в наши дни стала предметом подлинного научного изучения — не только как исторический, но и как литературный памятник.

Т. Хатисова

ПРИМЕЧАНИЯ

От автора

¹ Вторая Парижская война (1651—1652) — один из наиболее ярких периодов Дворянской фронды, или Фронды принцев (январь 1650—июль 1653), вызванной недовольством феодальных кругов Франции абсолютистской политикой кардинала Мазарини. Высшая знать под предводительством принца Луи де Конде попыталась использовать народные массы в своих реакционных интересах. В парижском парламенте произошел раскол, часть его членов стояла за принца Конде, другая — за кардинала Мазарини. Осенью 1651 г. Конде выехал из Парижа и стал готовиться к гражданской войне. В апреле 1652 г. его армия подошла к Парижу почти одновременно с королевскими войсками, и 2 июля того же года произошло сражение в Сент-Антуанском предместье, в котором Конде избежал окончательного поражения благодаря тому, что герцогиня де Монпансье велела открыть городские ворота и впустить армию принца в Париж. Тем временем шли переговоры между вождями Фронды и королевским двором. Раздираемые внутренними противоречиями, фрондеры вошли в соглашение с правительством. Сопротивление их было сломлено, и абсолютизм восторжествовал.

Генрих Четвертый

¹ Сражение при Кутра было выиграно Генрихом IV (в ту пору королем Наварры) 20 октября 1587 г. Протестантская армия под его командованием одержала первую крупную победу над католическими войсками.

² Осада Амьена длилась с июня по сентябрь 1597 г. Говоря о попытке кардинала Австрийского выручить осажденный Амьен, Таллеман ошибается, ибо на самом деле речь идет о взятии войсками кардинала в 1596 г. города Кале, за год до падения Амьена.

³ «История любовных проказ Алькандра», где под вымышленным именем главного героя выведен король Генрих IV, в течение долгого времени ходила в рукописи. Впервые она была издана в 1651 или 1652 г. с пометкой «Нельн». В одном из примечаний к этой рукописи говорится, что некоторые приписывают ее Марии-Луизе Лотарингской, принцессе де Конти, другие же считают ее автором маркизу де Муи дез Юрсен, что, по мнению А. Адана, комментатора французского издания Таллемана де Рео, более вероятно.

⁴ Имеется в виду Анри II, принц де Конде.

⁵ Речь идет о так называемой Священной Лиге, созданной во Франции в 1576 г. герцогом Генрихом де Гизом как оплот католицизма в его борьбе с протестантами. Возникшая на почве непримиримых религиозных разногласий, Лига вскоре сделалась могущественной политической партией, которая поставила себе целью низложить короля Генриха III и возвести при поддержке Испании на француз-

ский престол Генриха де Гиза, привлечшего на свою сторону многих приверженцев. Опасаясь его возрастающего влияния, Генрих III приказал убить герцога (1588). После смерти своего вождя Лига, которая к тому же дискредитировала себя тайным союзом с Испанией, быстро утратила свое бывшее могущество и окончательно распалась в 1593 г., в начале царствования Генриха IV.

⁶ Сомнительного дворянства (*лат.*).

⁷ Перевод А. А. Энгельке.

⁸ Делия — одна из героинь «Астреи», пасторального романа писателя Оноре д'Юрфе, действие которого происходит в VII в. на берегах Линьона, небольшого ручья во французской провинции Лионэ. В нем поветствуется о любви пастушка Селадона к пастушке Астрее.

⁹ Здесь имеется в виду осада Лаона войсками Генриха IV в 1594 г. Таллеман ошибается: на выручку осажденного Лаона шел не Великий командор Кастильский, а граф Мансфельд, губернатор Авенский и Люксембургский.

¹⁰ Покойный король — т. е. король Людовик XIII.

¹¹ Покойная королева-мать — т. е. Мария Медичи, мать Людовика XIII.

¹² Случай этот произошел в Нейи (у Таллемана — Ньюлли) 9 июня 1606 г.

¹³ Сарданапал — легендарный царь Ассирии, предававшийся различным излеществам, в частности непомерному чревоугодию.

Вителлий — римский император (15—69 н. э.), правивший всего восемь месяцев в 69 г. Известен распутством и жестокостью.

¹⁴ Речь идет о Карле де Гизе, сыне Генриха I, герцога де Гиза, по прозвищу «Меченого».

Гизы — боковая ветвь лотарингского герцогского дома, получившая в 1333 г. во владение поместье Гиз и впоследствии разделившаяся на линии Гизов и Эльбефов. Гизы принадлежали к одному из наиболее знатных родов Франции и были связаны кровными узами с рядом владетельных домов феодальной Европы. Наиболее известные в XVI—XVII столетиях представители этого рода приведены в указателе имен.

¹⁵ Суперинтендант — во Франции XIII—XV вв. должностное лицо, стоявшее во главе управления той или иной областью государственных дел и наделенное широкими полномочиями. Суперинтендант финансов (или просто — суперинтендант) — главный управляющий королевской казны.

¹⁶ Государь, я недостоин (*лат.*).

¹⁷ Эта Судебная палата была создана в декабре 1607 г.

¹⁸ Строго по книге (*лат.*).

¹⁹ Хлодвиг (465 или 466—511), из рода Меровингов, — с 481 г. король франков. Объединил под своим владычеством почти всю Галлию.

²⁰ Речь идет об известном в начале XVII в. итальянском актере Тристаке Мартинелли, который приезжал со своей труппой во Францию в царствование Генриха IV.

²¹ Имеется в виду Орден Подвязки — высший орден Британского королевства.

²² Предшественником Генриха IV был Генрих III Валуа.

²³ Эти слова герцогини де Бар относятся к ее двоюродному брату Генриху IV Шарлю де Бурбону, графу Суассонскому, которого она любила, но, будучи протестанткой, не могла стать его женой. Впоследствии она вышла замуж за Генриха Лотарингского, герцога де Бара.

²⁴ Сражение при Фонтэн-Франсэз было выиграно Генрихом IV 6 июня 1595 г. Эта победа довершила разгром сторонников Лиги.

Маршал де Бирон Младший

¹ Руан сдался Генриху IV после восьмимесячной осады в 1593 г.

² См. примечание 4 к Истории о Генрихе IV.

³ Генрих IV одержал победу над католической армией при Арке 21 сентября 1589 г.

Господин де Бельгард и многое о Генрихе Третьем

¹ Французское слово *Le Grand* (в данном случае фамилия советника) как имя нарицательное означает «Великий», «Главный». Как уже упоминалось выше, Главный шталмейстер Короля назывался сокращенно *Monsieur le Grand*, т. е. Господин Главный, отсюда и путаница.

² Герцог Ангулемский — Шарль де Валуа, побочный сын Карла IX и Марии Туше.

³ См. примечание 3 к Истории о маршале де Бироне Младшем.

⁴ См. примечание 24 к Истории о Генрихе IV.

⁵ Речь идет об осаде Ларошели войсками Людовика XIII в 1628 г.

⁶ Месье — титул брата короля.

⁷ Г-жа де Дампьер (мать) была фрейлиной королевы Луизы, жены Генриха III, а не королевы Елизаветы.

⁸ Губернатор Фужера Венсан Делоне умер в 1596 г.; герцог де Меркер отдал его пост маркизу де Белилю, обещав ему и должность коменданта крепости Мон-Сен-Мишель, если он сумеет добиться ее сдачи. При попытке овладеть крепостью маркиз де Белиль был убит.

⁹ Имеется в виду Луи де Бурбон, граф Суассонский, унаследовавший от отца должность первого гофмаршала Франции, т. е. главы всего дворцового штата короля. С юных лет участвовал во многих придворных интригах. После неудачного заговора, куда его вовлек Гастон Орлеанский (1636), бежал в Седан, переметнулся на сторону имперцев и погиб в бою 6 июля 1641 г. при Марфё с французскими войсками маршала Шатийона, потерпевшими поражение.

¹⁰ См. примечание 4 к Истории о Генрихе IV.

¹¹ Произошло это в 1620 г.

Принцесса де Конти

¹ См. примечание 5 к Истории о Генрихе IV.

² См. примечание 8 к Истории о Генрихе IV.

³ Французское *paillard* означает «распутник», «бабник».

⁴ Сложное непристойное слово, означающее что-то вроде «мешок дерьма».

⁵ См. примечание 3 к Истории о Генрихе IV.

⁶ Дариолетта — ловкая служанка, посредница в любовных делах своей госпожи Элизены в рыцарском романе «Амадис Галльский», изданном в 1508 г. испанским писателем Монтальво, который, быть может, заимствовал сюжет у португальца Лобейры, автора XIII в.

⁷ Французское *lan* и *Laon* произносятся одинаково.

⁸ Это сочинение появилось в 1620 г.

⁹ Желтой краской мазали входную дверь и порог дома, дабы, по словам Брантома, «указать всем на жилище изменника родины и короля».

¹⁰ По всей вероятности, имеется в виду одно из сочинений французского доминиканца и теолога Жана Парижского (ум. в 1304 г.).

Господин Депорт

¹ Путешествие это относится к 1564 г., когда Депорту было всего 18 лет. Двор покинул Фонтенбло 13 марта 1564 г., намереваясь остановиться на длительное время в юго-восточных провинциях Франции; в Авиньон двор прибыл 24 сентября того же года.

² Здесь, очевидно, идет речь о невестке епископа дю Пюи, Жанне де Лаваль, жене его брата Франсуа де Сенетерр.

³ Переход Депорта из стана короля Генриха III на сторону Гизов произошел в 1588 г.

- ⁴ Матюрен Ренье, сын Симоны Депорт, получил должность каноника в Шартре в 1609 г. Филипп Депорт, приходившийся ему дядей, умер за три года до этого.

⁵ Владыко (лат.).

Господин де Сюлли

¹ Один из родоначальников семьи де Бетюн — Жан I — женился в 1351 г. на Жанне де Куси.

² Г-н де Санси привел отряд швейцарцев Генриху III 26 июля 1589 г., а когда этот король был убит Жаком Клеманом, перешел на службу к королю Наварры Генриху IV и передал в его распоряжение отряд швейцарцев, нанятых для Генриха III.

³ Запретительное постановление — своего рода охранная грамота, избавлявшая ее обладателя от судебного преследования.

⁴ Французское *Pa la mort* представляет собою испорченное *par la mort*, слова эти звучали как клятва или божба и означают в буквальном переводе на русский «Клянусь смертью». Сына г-на де Санси звали Анри де Арле, барон де Мольтен, сеньер де Пальмор, стало быть, рассказ Таллемаана де Рео неточен, ибо Пальмор было одним из родовых имен этой семьи.

⁵ Ораторианец — член духовной конгрегации, основанной в 1564 г. в Риме Филиппом Нера и учрежденной по ее примеру во Франции в 1611 г. кардиналом де Бетюном.

⁶ «Наперсник» — это анонимный памфлет, которым был весьма задет коннетабль де д'Эдигьер, полагавший, что автор высмеял там именно его.

⁷ В подлиннике игра слов: *amande* «миндаль» и *amende* «штраф». «взыскание» звучат одинаково.

⁸ Здесь тоже игра слов: имя собственное *Ange* в нарицательном смысле означает «ангел».

⁹ О счастливицы осужденные! Вы не имеете дела с Рони (ит.).

¹⁰ Намек на то, что маршал Бирон был обезглавлен.

¹¹ См. примечание 4 к Истории о Генрихе IV.

¹² Как повелел Юпитер (лат.).

¹³ Сюлли действительно выступал посредником между правительством и финансистами; однако, вопреки обвинениям, которые выдвигает против него Таллемаан де Рео, Сюлли возмущался тем, что вследствие тайных происков судебная палата не могла довести до конца свое расследование и крупные мошенники, давшие взятки придворным дамам и фаворитам, избежали наказания, сумев переложить всю тяжесть обвинения на плечи мелких ворюшек.

¹⁴ В сражении под Иври Генрих IV победил сторонников Лиги в 1590 г.

¹⁵ Вильбонский замок, принадлежавший Сюлли и находившийся на небольшом расстоянии от Шартра, существует и поныне, тщательно охраняемый государством.

¹⁶ Рейтар (немецкое *Reiter* «всадник», «кавалерист») — солдат немецкой наемной конницы в средние века в странах Западной Европы.

Королева Маргарита

¹ Это сочинение было опубликовано Шарлем Сорелем в 1644 г. в «Nouveau recueil de piéces les plus agréables de ce temps», но без указания имени автора.

² По свидетельству С. Дюпле (1632), у королевы Маргариты было два сына: «Один от сьера де Шанвалона, который все еще жив и стал капуцином под именем отца Анжа; второй, ныне покойный, — от сьера д'Обиака».

³ См. примечание 11 к Истории о Генрихе IV.

⁴ См. примечание 10 к Истории о Генрихе IV.

⁵ Ахилл или Ахиллес (*миф.*) — один из героев «Илиады». Хирон — кентавр, которому было поручено воспитание Ахилла.

⁶ Французское *Oiseau* (здесь имя собственное) нарицательно означает «птица».

⁷ Французское *duc* означает одновременно «герцог» и «филин».

Малерб

¹ Великий приор — в духовно-рыцарских орденах второй сановник после Гроссмейстера (Великого Магистра).

² См. примечание 5 к Истории о Генрихе IV.

³ На основании новейших исследований можно предположить, что никаких данных об этой осаде не существует. Известно лишь, что в эту пору Малерб находился в Провансе.

⁴ Эти стансы Малерб написал не ранее 1600 г., когда ему было около 45 лет.

⁵ Это письмо напечатано в книге II окончательного издания «Lettres de M. de Balzac».

⁶ См. примечание 11 к Истории о Генрихе IV.

⁷ См. примечание 10 к Истории о Генрихе IV.

⁸ Пристал к схожим с Эвбейскими берегам Кумы (*лат.*).

⁹ Французское имя *Louis* (в современной орфографии *Louis*) произносится «Луи» и соответствует латинизированной форме «Людовик». Без третьей буквы во французской орфографии это имя звучало бы «Лои», а не «Луи».

¹⁰ Генеральные штаты — высшее сословно-представительное учреждение во Франции XIV—XVIII вв., состоявшее из депутатов от духовенства, дворянства и городов. Созывалось королем, обычно с целью получить их согласие на сбор налогов и денежных субсидий.

¹¹ Интердикт — в католической церкви в Средние века запрет совершать богослужения и религиозные обряды; налагался на города, области, страны, а также на отдельных лиц за отказ подчиниться решениям церкви.

¹² Обе формы среднефранцузского слова означают «ложка».

¹³ куропатка (*франц.*).

¹⁴ квашня (*франц.*).

¹⁵ море (*франц.*).

¹⁶ Среднефранцузское *depensé*, новофранцузское *dépensé* «израсходованный» связано с латинским *depensum* от глагола *dependo* «плачу», «трачу», слова же *pendi*, *dependi*, *rependi* «повешенный», «снятый с крюка» — переносно «зависимый», «вновь повешенный» — связаны с латинским глаголом *pendeo* «вишу».

¹⁷ В салоне королевы Марии Медичи.

¹⁸ Авель (древнеевр. *Габель*) — в библейской легенде сын Адама и Евы, убитый из зависти своим старшим братом Каином.

¹⁹ Ракан сообщает, что этого стихоплета звали Рене Бордье, он был известен своим участием в написании стихов к придворным балетам.

²⁰ Анри, принц де Конде, был арестован 1 сентября 1616 г. в результате интриг и открытого недовольства политикой Людовика XIII и помещен сначала в Бастилию. Жена его, принцесса Шарлотта-Мargarита, добилась 28 мая 1617 г. королевского разрешения разделить неволю мужа. Супруги были освобождены 20 октября 1620 г.

²¹ Маршал д'Анкр был убит 24 апреля 1617 г.

²² От латинского *miser* «жалкий», «ничтожный».

²³ Африканский диалект финикийского языка семитской семьи, на котором говорили древние карфагеняне.

²⁴ Давид — полулегендарный царь Израильско-Иудейского царства (XI в. до н. э.), по преданию является автором псалмов, отличающихся глубокой поэтичностью.

²⁵ Все святые мужи и жены, молитесь бога за нас (*лат.*).

²⁶ Как имя нарицательное французское *robin* (от *robe* «судейская мантия») — презрительная кличка судейских чиновников: «приказная строка», «крапивное семя».

²⁷ Как имя нарицательное французское *acier* значит «сталь».

²⁸ См. примечание 5 к Истории о Генрихе IV.

²⁹ Стихи Малерба, посвященные Калисте, действительно относятся к графине д'Оши. В томе его сочинений насчитывается более двенадцати стихотворений этого цикла.

³⁰ Имя Калист носили три римских папы.

³¹ Пародия Бертело была напечатана в «Cabinet Satyrique» в 1618 г., но впервые появилась еще в 1614 г. в дополнении к «Bigarrures».

³² Господи боже наш (*лат.*).

³³ В рукописи стоит «Аркан», тем не менее это ошибка. В ту эпоху такого поэтического имени не было, а было «Аркас»; это последнее имя и значится в мемуарах Ракана.

³⁴ Сын Малерба, Марк-Антуан, был убит 13 июля 1627 г.

³⁵ Малерб выехал из Парижа в Ларошель в июле 1628 г.

³⁶ Ларошель была взята королевскими войсками 28 октября 1628 г.

Маршал д'Эстре

¹ Вальтелин — область в Италии между озером Комо и рекой Аддой. В Тридцатилетнюю войну Ришелье помешал Испании занять эту промежуточную область между Ломбардией и южной Германией (1626).

² См. примечание 11 к Истории о Генрихе IV.

³ Орден Святого Духа был высшим, но не старейшим из королевских орденов. Он учрежден последним королем из дома Валуа — Генрихом III — в 1578 г.

⁴ Жене старшего сына маршала д'Эстре звали Катрин де Лозьер-Темин.

⁵ См. примечание 10 к Истории о Генрихе IV.

⁶ Имеется в виду Сезар де Бурбон, герцог де Вандом.

⁷ Суперинтендант финансов Ла-Вьевиль впал в немилость в 1624 г. Его падение знаменовало собою начало владычества Ришелье.

⁸ Речь идет о сыне Генриха де Гиза «Меченого», Карле де Гизе.

⁹ Господин мой, блюдо из семи голов — весьма лакомое блюдо; я не слышал, чтобы его подавали когда-нибудь какому-либо государю (*ит.*).

¹⁰ Герцога Пармского звали Одоардо Фарнезе, он принял сторону Франции в борьбе против Испании и ненавидел кардинала Барберини. Вблизи Рима Герцогу принадлежал городок Кастро, который 13 октября 1641 г. был занят папскими войсками. Это послужило началом войны, которая длилась почти три года и окончилась 31 марта 1644 г.

¹¹ Сиятельнейший господин драгун, жальтесь надо мною (*ит.*).

¹² Ганнибал у ворот (*лат.*). — Намек на тревожный крик, раздавшийся по свидетельству Цицерона и Тита Ливия, при известии о приближении карфагенского полководца Ганнибала к их столице после выигранного им сражения при Каннах (216 г. до н. э.).

Кардинал де Ришелье

¹ Главный прево Королевского дома, т. е. главный судья Королевского дома, юрисдикции которого подлежали все лица, входящие в штат королевского двора.

² См. примечание 3 к Истории о маршале д'Эстре.

³ См. примечание 6 к Истории о Генрихе IV.

⁴ Имеется в виду папа Павел V (1605—1621).

⁵ Согласно конкордату 1516 г. между королем Франциском I и папой Львом X, король Франции имеет право назначать епископа из числа докторов и лиценциатов канонического права, достигших по крайней мере двадцатисемилетнего возраста.

⁶ Этот мальчик будет со временем большим плутом (*ит.*).

⁷ Королева Мария Медичи была сослана в Блуа в 1617 г.

⁸ Стычка при Пон-де-Се произошла 8 августа 1620 г. между войсками Людовика XIII и сторонниками королевы Марии Медичи. После крайне слабого сопротивления войска, выступавшие на стороне королевы, рассеялись.

⁹ Барон де Фенест — главный герой сатирического романа Агриппы д'Обинья «Приключения барона де Фенеста», опубликованного в 1629 г.

¹⁰ См. примечание 6 к Истории о господине де Бельгарде.

¹¹ Имеется в виду Мишель де Марийак, будущий канцлер Франции.

¹² См. примечание 10 к Истории о Генрихе IV.

¹³ Кур-Ла-Рен — аллея между Тюильри и Шайо, обычное место прогулок знати

¹⁴ Речь идет о Первой Парижской войне, которая была вызвана Фрондой Фронда (от франц. *fronde* — буквально «праца») — общественное движение в XVII в. во Франции против абсолютизма, представленного правительством кардинала Мазарини. Главной силой Фронды были народные массы, выступавшие против гнета феодального господства и в первый период Фронды (так называемая Парламентская фронда — 1648—1649 гг.) поддержанные буржуазией, стремившейся расширить свои политические права. Испугавшись революционных выступлений парижских низов, буржуазия пошла на сделку с правительством. Второй период Фронды (так называемая Фронда принцев — 1650—1653 гг.) — см. примечание к вступительному слову «От автора».

¹⁵ Люксембургский дворец был построен для королевы Марии Медичи в 1615—1620 гг.

¹⁶ В 1630 г., в разгар Тридцатилетней войны, интересы Франции и Священной Римской империи сталкиваются в Италии, и возникает война без объявления названная впоследствии Мантуанской. Германский император Фердинанд II находился в описываемое Таллеманом время в Ратисбоне, куда для мирных переговоров были направлены два французских представителя.

¹⁷ Имеется в виду не столица Нормандии *Rouen*, а небольшой город на Луаре *Roanne*, который Таллеман называет *Rouane*; в передаче на русский названия обоих городов звучат одинаково.

¹⁸ Мир с германским императором был заключен 13 октября 1630 г.; однако не ратифицируя его, Людовик XIII 26 октября того же года приказывает своим уполномоченным объявить императору, что Франция этого договора не признает

¹⁹ Хранитель печати Мишель де Марийак был арестован 12 ноября 1630 г. и умер в Шатоденской тюрьме 7 марта 1632 г. Таллеман, видимо, путает Мишеля де Марийака с Шатонефом, который подвергся опале и был выслан в Ангулем.

²⁰ Событие, известное под названием Дня одураченных, произошло 11 ноября 1630 г. Таллеман неточен, когда пишет «после возвращения из-под Ларошели» Надо было бы сказать «по возвращении из Руана на Луаре».

²¹ Рюэль — летняя резиденция кардинала Ришелье.

²² В подлиннике игра слов: французское *Aigre* (название города) означает «кислый», «едкий», «колкий».

²³ Королева-мать, Мария Медичи, была арестована по приказу кардинала Ришелье 23 февраля 1631 г. в Комьене. В июле того же года бежала. До конца дней она прожила в изгнании. Умерла в Кельне в 1642 г.

²⁴ Короля Людовика XIV.

²⁵ Галион — старинное испанское торговое трехмачтовое судно.

²⁶ Здесь игра слов: герцог д'Эпернон одновременно был и кардиналом де Лавалетт (*la Valette*). Французское слово *valet* в нарицательном смысле значит «слуга».

²⁷ Французские короли якобы обладали даром исцелять от золотухи наложением руки.

²⁸ В битве при Нордлингене 3 августа 1645 г. французская армия под командованием маршала Тюренна и герцога Луи де Конде (в ту пору герцога Энгиенского) одержала победу над имперскими войсками графа Мерси, павшего в бою.

²⁹ См. примечание 3 к Истории о маршале д'Эстре.

³⁰ В 1636 г. испанцы, перейдя границу Пикардии, оставленную французам незащищенной, почти без потерь заняли города Ла-Капель, Катле и Корби.

³¹ Сражение при Авене было выиграно французами у испанцев 20 мая 1635 г. за год до неудачной кампании в Пикардии.

³² В нынешней орфографии — де Ла-Тремой.

³³ Мадемуазель — титул незамужних внучек, племянниц и двоюродных сестер короля, принцесс крови. Здесь имеется в виду Анна-Мария-Луиза, герцогиня де Монпансье.

³⁴ Датарий — начальник того отделения папской канцелярии, которое ведал делами о назначениях в церковные приходы, а также разрешает вопросы, касающиеся устранения препятствий к браку.

³⁵ Т. е. королевский дворец.

³⁶ Геденская крепость считалась самой укрепленной в Европе. Французская армия осадил ее 19 мая и, несмотря на упорное сопротивление испанского гарнизона, принудила его капитулировать 29 июня 1639 г.

³⁷ Фонтарабия — город в Испании в 17 километрах от Сан-Себастьяна, где французы потерпели поражение в 1638 г.

³⁸ Герцог Карл Лотарингский подписал 27 марта 1641 г. договор, в котором он отрекся от всех соглашений, подписанных им когда-либо с врагами Франции. Он принес присягу, торжественно поклявшись, что будет свято соблюдать статью договора. 21 апреля того же года он подтвердил свои слова; однако очень скоро о них забыл. В сентябре 1641 г. Королю пришлось отправить в Лотарингию войска под командованием графа де Грансе.

³⁹ Шатле — здание в Париже, где заседал Превотальный суд, ведавший уголовными делами, судивший сокращенным порядком и решавший дела без права подачи апелляции.

⁴⁰ К работе над Библией, изданной в 1645 г. на семи языках — древнееврейском, самаритянском, халдейском, сирийском, греческом, латинском и арабском, — Леже привлек шесть самых крупных ученых филологов своего времени, в том числе Габриеля Сионита. Работа заняла 17 лет и стоила Леже 300 000 франков.

⁴¹ «Желанный Галл» (лат.). Это сочинение Шарля Эрсана вышло в январе 1640 г. В нем утверждалось, что французская церковь готова отделиться от Римской. Книга эта была осуждена парижским Парламентом и предана сожжению, как еретическая.

⁴² См. примечание 9 к Истории о господине де Бельгарде.

⁴³ Т. е. кардиналу Мазарини, пришедшему к власти после смерти Людовика XIII.

⁴⁴ Низверг могущественного с его трона (лат.).

⁴⁵ Дважды (ит.).

⁴⁶ Французское *bouteiller* означает «виночерпий», «мундшенк» и происходит от *bouteille* «бутылка».

⁴⁷ История Марты Бросье вызвала большие толки в 1599 г. Этой девице удалось уверить всех, что она одержима дьяволом. Архиепископ Парижский велел осмотреть ее врачами, которые признали ее здоровой. В дальнейшем она отправилась в Рим, где надеялась найти поддержку, но Ватикан воздержался от принятия решения, и о ней забыли.

⁴⁸ Людовик XIII взял Аррас у испанцев в 1640 г. Позднее, во время Фронды принцев (1654), маршал Тюренн отбил здесь атаки принца Конде и испанцев.

- ⁴⁹ См. примечание 10 к Истории о маршале д'Эстре.
- ⁵⁰ Толстый Гийом, Готье-Гаргий и Тюрлюпен — комические актеры труппы Бургундского отеля первой четверти XVII в. Толстый Гийом играл роли слуг и пьяниц, Готье-Гаргий — смешных стариков, а Тюрлюпен — в костюме и маске итальянца Бригеллы — плута и мошенника.
- ⁵¹ Кардинал де Ришелье был сослан в Авиньон 7 апреля 1618 г.
- ⁵² «Босоногие» (франц. *va-nu-pieds*, — так называли себя восставшие) — участники народного восстания в Нормандии в августе 1639 г. Поводом к нему послужило введение соляного налога — габели. Ришелье был беспощаден и поручил усмирить мятеж канцлеру Сегье.
- ⁵³ Беспорядки в Корбь начались при вступлении в город испанских войск (1636).
- ⁵⁴ Таллеман имеет в виду «Мемуары о положении Франции в царствование Карла IX», опубликованные Симоном Гуларом в 1577 г.
- ⁵⁵ «Рассуждение о добровольном рабстве» Этьена де Ла-Бозси появилось впервые в третьем томе «Мемуаров», опубликованных Симоном Гуларом.
- ⁵⁶ Так называемый «Дневник» кардинала де Ришелье был опубликован во время Фронды. Речь идет о подлинных записках, которые, однако, никак не могут быть названы «Дневником» кардинала в точном смысле этого слова. Это лишь пометки, составленные на основании тайных донесений шпионов и некоторых высокопоставленных лиц, услугами которых кардинал пользовался.
- ⁵⁷ Псафон (*μυφ.*), желавший, чтобы его признали богом, завел большое количество птиц, которых научил говорить: «Псафон — бог». Становится понятной ирония Сен-Жермена, назвавшего Академию, которая восхваляла Ришелье, Псафоновым птичником.
- ⁵⁸ Содружество Пяти Авторов вначале состояло из шести членов: Корнеля, Ротру, Демаре, Гийома Кольте, л'Этуяля и Буаробера. Это были литераторы, привлеченные кардиналом Ришелье для совместной с ним работы над драматическими сочинениями. Написали они всего две пьесы: «Тюильри» и «Слепец из Смирны». Корнель, позволивший себе переделать третий акт «Тюильри», вызвал недовольство Ришелье и вышел из состава группы. Содружество Пяти Авторов распалось в 1642 г., после смерти кардинала.
- ⁵⁹ Перпиньян — город в северной Испании, занятый французами 9 сентября 1642 г. Говоря о катастрофе под Перпиньяном, Таллеман хочет сказать, что сведения о заключении тайного договора с Испанией, подписанного Сен-Маром, стали известны Ришелье и Людовику XIII в лагере под Перпиньяном.
- ⁶⁰ См. примечание 4 к Истории о Генрихе IV.
- ⁶¹ «Газетт» — вестник политических новостей, вышел впервые во Франции 30 мая 1631 г.
- ⁶² Один из самых первых кварталов Парижа, в котором сохранилось много старинных зданий.
- ⁶³ Первое упоминание о пьесе «Европа» принадлежит Шаплену: в одном из писем, помеченном 24 декабря 1638 г., он сообщает, что Демаре пишет аллегорическую пьесу, где выводится напоказ испанское тщеславие. Ришелье полагали соавтором Демаре.
- ⁶⁴ Казале — укрепленный город северной Италии. Здесь имеется в виду договор, привезенный Мазарини, который был подписан в 1629 г. французским комендантом крепости и испанскими генералами, в результате которого испанцы сняли осаду.
- ⁶⁵ См. примечание 33 к данной Истории.

Господин де Нуайе и епископ Мандский

¹ См. примечание 5 к Истории о господине де Бельгарде.

² Мадам — титул жены брата короля.

Людовик Тринадцатый

- ¹ См. примечание 10 к Истории о Генрихе IV.
- ² Губернатор Фужера в Бретани, барон Тома де Гемадек, убивший барона де Неве (1616), получил от короля Людовика XIII отказ в помиловании. Он пытался завладеть Фужером, чтобы спастись там от преследования, но, вынужденный сдаться, был арестован и казнен в Париже 27 сентября 1617 г.
- ³ Аркебузир — солдат, вооруженный аркебузой, старинным фитильным ружьем, применявшимся в XIV—XVI вв.
- ⁴ Осада Монтобана, одного из оплотов кальвинистов, войсками Людовика XIII происходила в 1621—1622 гг.
- ⁵ Бофор, один из военачальников герцога де Рогана, обезглавленный по приговору Тулузского суда в 1628 г.
- ⁶ Скапен — комический персонаж, подобно Арлекину и Доктору, известен во Франции с эпохи Людовика XIII. Здесь под именем Скапена Таллеман упоминает, по-видимому, о каком-то итальянском актере, не называя его по имени.
- ⁷ См. примечание 6 к Истории о господине де Бельгарде.
- ⁸ Францисканцы — один из католических монашеских нищенствующих орденов, основанный в начале XIII в. в Италии Францисканском Ассизским.
- ⁹ См. примечание 11 к Истории о Генрихе IV.
- ¹⁰ См. примечание 27 к Истории о кардинале Ришелье.
- ¹¹ См. примечание 23 к Истории о кардинале Ришелье.
- ¹² См. примечание 5 к Истории о господине де Бельгарде.
- ¹³ Итальянский грех одолел горы, одолеет их и [Триденский] Собор (*ит.*). — Смысл этого выражения в том, что Франция, вопреки всем усилиям реакционного католического духовенства, отказалась следовать решениям Триденского собора (Италия, 1545 г.), жестоко осудившего реформатскую ересь, и так и не ввела у себя инквизиции. Здесь шутливо утверждается, что ревностные католики Италии имеют, мол, все основания надеяться на распространение во Франции «итальянского благочестия», поскольку там получил широкое распространение «итальянский грех» (т. е. гомосексуализм), весьма обычный порок в XVI—XVII в. при французском дворе, проникший якобы тоже из Италии.
- ¹⁴ Т. е. было повешено его изображение.
- ¹⁵ См. примечание 30 к Истории о кардинале Ришелье.
- ¹⁶ Имеется в виду указ о запрещении дуэлей, подписанный Людовиком XIII в 1626 г. по настоянию кардинала Ришелье.
- ¹⁷ Шеволержеры — рота легкой конницы, входившая в состав личного эскорта короля.
- ¹⁸ *Conscius* означает по-латыни не только «сообщник», но и «тот, кто знает о чем-либо умысле».
- ¹⁹ Знаменитая соборная церковь, построенная в XI—XIII вв.; до революции 1789 г. — усыпальница французских королей.
- ²⁰ Победа при Рокруа была одержана французской армией под командованием Луи де Конде (в ту пору герцога Энгиенского) над испанскими войсками 19 мая 1643 г. Людовик XIII умер 10 мая 1643 г.; странно, что, приводя этот «вещий» сон короля, Таллеман никак его не комментирует.
- ²¹ См. примечание 4 к Истории о Генрихе IV.

Герцог Орлеанский

- ¹ Речь идет о будущем короле Людовике XIV.
- ² Второй женой герцога Гастона Орлеанского стала принцесса Маргарита Лотарингская, с которой он заключил тайный брак в Лотарингии в 1630 г. По возвращении во Францию герцогу пришлось повенчаться вторично, чтобы придать этому браку законность.

³ И ты тоже, сын мой! (*лат.*). — Слова Кая Юлия Цезаря, увидевшего Брута, которого считал своим приемным сыном, среди напавших на него заговорщиков.

⁴ См. примечание 6 к Истории о господине де Бельгарде.

⁵ Покойный король — здесь и далее король Людовик XIII.

Ракан и другие чудаки

¹ См. примечание 3 к истории о маршале д'Эстре.

² Жандармы — в ту пору род тяжелой конницы.

³ Блажен, кто... (*лат.*). — Начальные слова второго эпода Горация.

⁴ Один из стихотворных сборников м-ль де Гурне носит название «Тень».

⁵ Николь Жамен была дочерью Франсуа Жамена, торговца в Барбонне (Шампань), а не Амадиса Жамена, как утверждает Таллеман.

⁶ Посмотрим, что породит эта дева (*лат.*).

⁷ Сладкое вино, настоящее на корнице.

⁸ Парафраз — стихотворное подражание тексту Священного писания.

⁹ «Гусенок» — набор лент, бантов и кружев, украшавших в ту пору костюм пажа.

Маркиза де Рамбуэ

¹ Савелли, наравне с Орсини, Колонна и Конти, принадлежали к самой высокой итальянской аристократии.

² В 1600 г. маркиза де Пизани была в числе тех придворных дам, которых Генрих IV послал в Марсель встречать Марию Медичи, ставшую его второй женой.

³ Видам — временно управляющий землями епископства или аббатства с правом командовать войсками владельца этих земель и вершить от его имени суд.

⁴ Здесь Таллеман не точен. Катрин де Вивоня в 1599 г. приобрела старый особняк дю Альд, который велела сломать и построила на его месте новый дворец. Таким образом, неверно, что дворец Рамбуэ был домом отца маркизы.

⁵ Здание, называемое домом Валантена, находилось в четверти лье от Турина, на берегах реки По. Вуатюр, объясняя маркизе, как туда попасть, написал ей по этому поводу забавное письмо.

⁶ См. примечание 15 к Истории о кардинале Ришелье.

⁷ Имеются в виду плотно облегающие тело куртки, носившиеся в XVII в. под кафтанами.

⁸ Террак — распространенное в старину универсальное противоядие, особенно против змеиного укуса.

⁹ См. примечание 28 к Истории о кардинале Ришелье.

¹⁰ «Жеманницы» — название, связанное с литературным кружком, возникшим в салоне маркизы де Рамбуэ в конце 10-х годов XVII в. и состоявшим в основном из женщин. Участники кружка, который также посещали такие крупные поэты, как Малерб и Ракан, стремились избавиться французский язык от проникших в него грубостей и неуклюжих выражений. Однако постепенная забота о чистоте и изящности языка сменилась манерностью и слащавой сентиментальностью — характерными чертами так называемого «жеманного стиля», — и подлинные любители изящной словесности стали отходить от него. Окончательный удар кружку был нанесен Мольером, который высмеял сусальность и вычурность этого стиля в своей комедии «Смеждворные жеманницы».

¹¹ Больница «Трехсот слепых» основана в XIII в., при короле Людовике IX.

¹² Зирфея, королева Арженнская — одна из героинь рыцарского романа «Амадис Галльский» (см. примечание 6 к Истории о принцессе де Конти). Артениса — поэтическое имя, данное остроловами маркизе де Рамбуэ, которую звали *Catherine*. «Артениса» представляет собою по-французски анаграмму ее имени.

¹³ Имеется в виду день баррикад 27 августа 1648 г., когда на улицах Парижа появились баррикады, возвестившие начало так называемой Парламентской фронды и Первой Парижской войны, длившейся до 11 марта 1649 г. (см. примечание 14 к Истории о кардинале Ришелье).

Вуатюр

¹ *pitoable* и *gausser* — испорченные французские слова вместо *pitoyable* «жалкий» и *hausser* «повышать».

² Графиня де Боссю — жена герцога Генриха де Гиза, бывшего архиепископа Реймского.

³ Имеется в виду Марья-Луиза де Гонзаго, герцогиня де Невер.

⁴ Речь, очевидно, идет о неточностях и небрежностях, ибо в сочинениях Вуатюра никаких скабрзностей нет.

⁵ Трагедии Корнеля, которые не нравились Таллеману, — это «Отгон» (1664), «Атилла» (1667) и, вероятно, трагедии, написанные с 1670 по 1674 г.

⁶ Послание к маркизе де Монтозье было написано принцем Луи де Конде, Ламуссе и Арно после родов маркизы в 1647 г. В своем «Ответе» на это послание Вуатюр говорит о безразличном к нему отношении принца в довольно смелых и едких стихах.

⁷ Адонис (*миф.*) — финикийское божество, прекрасный юноша, любовник Афродиты — Венеры, смертельно раненный ведром. Афродита превратила его в анемону, цветок, называемый по-русски также ветреницей.

⁸ Поединки и любовные похождения (*ит.*).

⁹ Имеется в виду Луи II, принц де Конде.

¹⁰ Веттурий — вымышленное имя, которым поэт Саразен называл Вуатюра.

¹¹ Мартен де Пеншен — племянник Вуатюра, опубликовавший его сочинения в 1630 г.

¹² Августинцы — монашеский орден, включавший в себя монахов, каноников Блаженного Августина, делившихся на Обутых отшельников и Босоногих отшельников.

¹³ В подлиннике игра слов: среднефранцузское *mareschal* «маршал» и *mareschal de camp* — встарь (XVII—XVIII вв.) «бригадный генерал», ныне *général de brigade* (чин, соответствующий генерал-майору).

Шаплен

¹ «Поэма о Львице» была написана в 1633 г., стансы «Зирфее» были опубликованы в 1660 г., «Ода кардиналу Ришелье» написана в 1633 г.

² Имеется в виду эпическая поэма, написанная Шапленом, которая была опубликована в 1656 г. Из 24 песен, по 1200 строк каждая, напечатаны только первые 12; остальные хранятся в рукописи в Национальной библиотеке.

³ «Императорский венец» написан Шапленом в 1633 г.

⁴ Эта поэма написана осенью 1634 г. и опубликована в 1660 г. без имени автора.

⁵ Герцог де Лонгвиль был направлен в Мюнстер для ведения мирных переговоров с имперскими представителями в 1643 г.

⁶ «Ода кардиналу Мазарини» была опубликована в 1646 г.

⁷ Имеются в виду беспорядки, вызванные Фрондой.

⁸ В начале своей карьеры Жан-Батист Кольбер был управляющим у кардинала Мазарини.

⁹ Язон (*миф.*), сын Эзопа, воспитанник Кентавра Хирона, возглавил Аргонавтов в морском походе к берегам Колхиды за «Золотым руном». Женился на до-

чери царя Колхиды волшебнице Медее, которая, когда он ее бросил, убила рожденных от него детей.

¹⁰ Были бы, Флакк, Мecenаты — Мароны найдутся (Марциал, Эпиграммы, VIII, 56) (лат.). — Флакк, к которому здесь обращается автор, — это Квинт-Гораций Флакк, римский поэт. Мароны — здесь: Вергилий, от собственного имени другого известного римского поэта, Публия Вергилия Марона.

¹¹ Здесь под названием Академии подразумеваются литературные собрания у Менажа, происходившие каждую среду.

¹² Академия *della Crusca* была основана во Флоренции в 1582 г. с целью защиты чистоты итальянского языка.

¹³ Смысл этих итальянских стихов передан в вышеприведенном двустишии поэта Ренси на стр. 172.

Конрар

¹ Веста — у древних римлян богиня домашнего очага и огня. Весталка — девушка, жрица богини Весты. Латинское *fovebo* означает буквально «согрею», здесь это выражение следовало бы перевести «согрею дружбой».

² Академия виконтессы д'Оши — литературный салон, члены которого собирались по средам. Шаплен отзывался о нем крайне иронически, называя его «суматошным сборищем».

³ В любом случае (ит.).

⁴ «Беседы г-на Вуатюра с г-ном Костаром» опубликованы последним в 1654 г. и посвящены Конрару.

⁵ Здесь имеется в виду Жак Мюисон, старший брат жены Конрара.

⁶ Имя греческой поэтессы начала VI в. до н. э. Сапфо было дано м-ль де Скюдери ее почитателями.

⁷ Эрминий — персонаж из романа м-ль де Скюдери «Клелия». Под этим именем подразумевался Педиссон.

Маршал де Бассомпьер

¹ См. примечание 2 к Истории о Генрихе IV.

² Бой при Сабль-д'Олонн в Вандес происходили в 1622 г. Граф де Субиз набрал воинский отряд среди протестантов Западной Франции, против него выступили королевские войска. Он засел в укреплениях, возведенных на прибрежных косах. Королевская армия преодолела водные преграды, и войска Субиза рассеялись.

³ В раннюю пору дуэлей, в XVII—XVIII вв., сражались не только основные противники, но в ряде случаев и их секунданты.

⁴ В Мемуарах Гуля (т. II, стр. 367) значится, что молодой Латур-Бассомпьер умер не от болезни, а был убит на неаполитанском побережье, близ Салерно, в 1644 г.

⁵ «Роман о Розе» — средневековая поэма, состоящая из двух частей; первая часть, написанная в XIII в. Гийомом де Лорисом, представляет собою слащавую любовную историю; вторая — более длинная, по характеру дидактическая — принадлежит перу Жана де Мена (начало XIV в.).

⁶ См. Указатель имен: граф Шале, Анри.

⁷ Высокомерные — члены одноименного заговора, направленного против политики королевы-регентши и кардинала Мазарини. Он возник в сентябре 1643 г. и был раскрыт.

⁸ См. примечание 13 к Истории о кардинале Ришелье.

⁹ См. примечание 15 к Истории о кардинале Ришелье.

Маршал де Лопиталь

- ¹ См. примечание 5 к Истории о Генрихе IV.
² Французское слово *vilain* означает «дрянной», «гадкий», «мерзкий», «скверный» и т. д.
³ Неверный Бирен упоминается в песенке тех времен, навеянной эпизодом из поэмы Ариосто «Неистовый Роланд».
⁴ Во имя отца... (*lat.*) — Начальные слова известного вступительного возгласения перед молебствием и исповедью.
⁵ Здесь имеется в виду король Генрих IV.

Госпожа л'Эвек, Ла-Барр, госпожа Компен

- ¹ Великий Юбилей — день торжественного отпущения грехов, совершавшегося католической церковью — вначале через каждые сто лет, потом через пятьдесят лет, а затем через каждые двадцать пять лет.
² Минимы — монашеский орден, основанный Святым Франциском де Пауло в Италии в 1435 г.; члены Ордена давали обет смирения и милосердия.

Госпожа де Ментенон и ее невестка

- ¹ « *Mercure français* » (Французский Меркурий) — ежегодное историческое обозрение, выходившее во Франции с 1605 по 1638 г.

Кардинал де Рец

- ¹ Мальтийские рыцари — военно-монашеский орден, возникший в 1530 г. и просуществовавший до 1798 г. Ведет свое начало от духовно-рыцарского ордена Иоаннитов (Госпитальеров), основанного во время Крестовых походов в Палестине (XII в.), откуда в XIV в. они переселились на о. Родос, а оттуда в 1530 г. на Мальту. Последним гроссмейстером этого ордена был русский император Павел I (1798—1801).
² Это слово имеет несколько значений, в том числе «глупец», «дурак».
³ См. примечание 8 к Истории о Генрихе IV.
⁴ Речь идет о Помпео Франджипани, внуке итальянца Муртио Франджипани, обосновавшегося во Франции в царствование Екатерины Медичи. Этот итальянец занимался изготовлением духов и вел торговлю парфюмерией и перчатками.
⁵ Кoadьютор — духовное лицо, замещающее епископа или архиепископа, помогающее ему в его деятельности и заступающее на его место, если должность становится вакантной.
⁶ Речь идет о пьесе кардинала де Реца, опубликованной в 1665 г. и написанной на тему неудачного восстания генуэзцев под предводительством Джованни-Луиджи Фиско против тирании Андреа Дориа в 1547 г.
⁷ См. примечание 3 к Истории о маршале д'Эстре.
⁸ В подлиннике игра слов: *cheval mallié* означает «вьючная лошадь».
⁹ Вот что значит отправляться в путь по-французски (*ит.*).

Саразен

- ¹ Здесь Таллеман неправильно указывает имя казначея: его звали не Фуко, а Жан де Фоколье.
² Речь идет о Роже Саразене, родившемся в 1604 г., отце Жана-Франсуа Саразена, поэта.
³ См. примечание 5 к Истории о кардинале де Реце.
⁴ Т. е. с 1644 по 1648 г.
⁵ См. примечание 14 к Истории о кардинале Ришелье.

¹/₄19 Жеден Таллеман де Рео

⁶ Здесь имеется в виду мир, заключенный между фрондерами и правительством 11 марта 1649 г.

Нинон

¹ К чему убивать, коли потом воскресят? (*исп. прост.*).

² Сражение при Онкуре было дано и проиграно испанским войскам маршалом де Граммоном 26 мая 1642 г. Его армия понесла большие потери; мало кто остался в живых.

³ В 1642—1645 гг. вышел десяти томный роман «Кассандр» писателя Ла-Кальпренеда. Один из главных героев романа, царь скифов Орондат, отличался красотой, статностью, повышенной чувствительностью и безрассудным героизмом.

⁴ Сен-Жерменское предместье — аристократический квартал Парижа.

⁵ Аржанкур (*argent-court*) в условном переводе можно понять как «та, что бегает за деньгами».

⁶ Т. е. на острове Крите.

⁷ — Кто был первым монархом? — Немврод. — Кто муж Семирамиды? — Нин (*лат.*). — Латинское слово *Ninur* (Нин) произносилось в то время по-французски «Нинон». — Немврод — легендарный царь Халдеи (Священное писание говорит о нем как о «Могучем охотнике перед лицом всевышнего»). Семирамида — легендарная царица Ассирии-Вавилонии. Ей приписывается основание Вавилона и устройство знаменитых, «висячих садов». Истинный прототип Семирамиды — ассирийская царица Шаммурамат (конец IX в. до н. э.).

⁸ Главный персонаж одноименной комедии Мольера. Образец ханжи и лицемера.

⁹ Павел — один из мифических христианских апостолов. По церковному преданию жил в середине I в. н. э.

Провансальцы и их супруги

¹ Капуцины — католический монашеский орден, ветвь ордена Францисканцев. Основан в Италии (мужской — ок. 1525 г., женский — в 1538 г.) для борьбы с Реформацией.

² «Правдивое зеркало» — сочинение Ла-Серра, появилось в 1633 г.

³ См. примечание 1 к Истории о кардинале де Реце.

⁴ Заратустра (Заратустра) — предполагаемый создатель зороастризма, религии древних народов Средней Азии и Ирана.

⁵ Гермес-Трисмегист («Трижды Величайший») (*миф.*) — бог скотоводства, торговли и прибыли у древних греков; у римлян отождествляется с Меркурием.

⁶ Великий Турок — турецкий султан.

⁷ См. примечание 1 к Истории о г-же л'Эвек.

Различного рода любовники

¹ Небольшие книжки и брошюры популярного характера печатались в ту пору на голубой бумаге.

² Имеется в виду внучатый племянник кардинала Ришелье, Арман-Жан, герцог де Ришелье, носивший титул барона де Сожона.

³ См. примечание 2 к Истории о господине де Нуайе и епископе Мандском.

⁴ Имеется в виду селение Бонн, вблизи Этампа, к юго-западу от Парижа.

⁵ Бордоская война — один из этапов так называемой Фронды принцев (январь 1650—июль 1653), вызванной арестом принца де Конде и его единомышленников. Соединенные силы восставших направились в провинцию Гиень, избрав центром г. Бордо. Бой между мятежниками и королевскими войсками шли с переменным успехом, но последние оказались сильнее. Бордоская война закончилась миром 1 октября 1650 г.

Маленький Скаррон

¹ См. примечание 9 к Истории о Нинон.

² Пребенда — определенная плата духовным лицам, а также земельные владения и дома церквей и монастырей.

³ которого никто не перекатонит (*лат.*). — Здесь шуточный глагол «перекатонить» произведен от имени римского государственного деятеля, писателя и оратора Марка Порция Катона Старшего (234—149 до н. э.) и означает «презойти Катона в красноречии».

⁴ Пришел, увидел, победил (*лат.*). — Знаменитые слова Кая Юлия Цезаря, которыми, по свидетельству Плутарха, он сообщил своему другу Аманцию о победе над царем понтийским Фарнаком при Зеле в I в. н. э.

Сумасброды, фантазеры, чудачки и т. д.

¹ После издания королем Генрихом IV Нантского эдикта (1598) господствующей религией во Франции оставался католицизм, но гугенотам (протестантам) предоставлялась свобода вероисповедания. В Париже и в ряде провинциальных городов на севере и на юге Франции, в том числе в Кастре, были созданы особые судебные палаты, состоявшие из католиков и протестантов. В Кастрской судебной палате, в частности, тех и других было поровну. Нантский эдикт был отменен Людовиком XIV, в 1685 г.

² Ориген из Александрии (ок. 185—ок. 254) — раннехристианский богослов. В многочисленных произведениях он стремился обосновать христианство учениями античных философов, прежде всего идеализмом Платона. Желая избежать мирских соблазнов, Ориген дал себя оскотить. Официальная церковь осудила учение Оригена как ересь.

Вызовы на поединок и примирения

¹ Стикс — в древнегреческой мифологии одна из рек подземного царства.

Примеры хитроумия, ловкости и присутствия духа

¹ Дал бы ему сто фунтов алое в священных облатках (*лат.*).

Бесхитростные истории, рассказы, меткие словечки и т. д.

¹ Эскуриал — замок и монастырь в 40 км от Мадрида, строившиеся с 1562 по 1584 г.

² Имеется в виду штурм французского города Сен-Кантена испанскими войсками 27 августа 1557 г.

³ К брату Квинту (*лат.*); *quintum*, написанное со строчной буквы, означает «пятому».

⁴ Речь идет о Христине Французской — герцогине Савойской.

⁵ Провинциал гугенот коверкает слова, произнося «Монсю» вместо «Месье», «Сукрат» вместо «Сократ» и «Сантиппа» вместо имени его жены «Ксантиппа».

⁶ В Италии как поймают вора, так его и вешают (*ит.*).

⁷ Он вор? (*ит.*).

⁸ В подлиннике игра слов: *ladro* по-итальянски означает «вор»; *ladre* по-французски — «скряга».

⁹ Для проезжающих (*лат.*).

¹⁰ Французское имя Жан соответствует имени Иван.

¹¹ Женихи Пенелопы (*лат.*).

¹² Свиньи Пенелопы (*лат.*). — Пенелопа — в древнегреческом эпосе «Одиссея» жена Одиссея, ожидавшая возвращения мужа из странствований в течение двадцати лет.

Любовные увлечения автора

¹ Имеется в виду Мари Легу, см. Указатель имен.

² См. примечание 6 к Истории о принцессе де Конти.

³ Тирсис — мужское поэтическое имя. В «Любовных увлечениях автора» под Тирсисом Таллеман понимает сначала д'Агори, потом Филиппа Абера, затем снова д'Агори. Подобно этому, как видно из дальнейшего, Лизис — так вначале именуется Лувињи — становится условным именем для Аббата, т. е. Серизи, именовавшегося до той поры Сериласом.

⁴ Голиаф — по библейскому преданию филистимлянин — великан, убитый в единоборстве юным Давидом.

⁵ Дафнис — пастушок, герой пасторального романа «Дафнис и Хлоя», написанного греческим автором Лонгом (III в. н. э.).

⁶ Периандр и Мериндор — персонажи из рыцарского романа «Амадис Галльский».

⁷ Имеются в виду супруги д'Агори.

⁸ Здесь говорится о Николае Рамбуйе, тесте Таллемана де Рео.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абланкур, Никола Перро, сьер д' (1606—1664), французский литератор, переводчик греческих и латинских авторов — 94, 106, 146, 154, 170, 174, 175, 193, 242, 262.
- Аво, Клод де Мэм, граф д' (1595—1650), французский дипломат, друг Вуатюра по коллежу — 152, 157, 159, 163.
- Аламбон, маркиз д', убит в 1657 г., офицер армии Луи де Конде, комендант крепости Монмеди — 112.
- Алансон, Эркуль-Франсуа де Валуа, герцог д' (1554—1584), брат Генриха III — 9.
- Алансонский, герцог — см. Алансон.
- Александр Великий (356—323 до н. э.), царь Македонии — 9, 39, 154.
- Алигр, Этьен д' (1560—1635), президент в Шартре, в дальнейшем хранитель печати, с 1624 по 1626 г. — канцлер Франции — 65, 66.
- Аллегр, Ив д', барон де Мило, ум. в 1592 г. — 8.
- Алье, Никола — см. Лопиталь, Никола.
- Альберт, эрцгерцог и кардинал Австрийский (1559—1621), вице-король Португальский, впоследствии правитель Нидерландов, сын императора Максимилиана II — 7, 276.
- Альбре, маршал д' — см. Миоссанс.
- Альтовити, Филипп, барон де Кастелани, ум. в 1586 г., капитан королевского галерного флота и губернатор Марселя — 37.
- Алэ, Луи-Эмманюэль де Валуа, герцог Ангулемский, более известный под именем графа д'Алэ (1596—1653), губернатор Прованса, побочный внук Карла IX — 81, 103, 220, 221.
- Амиро, Моиз (1596—1664), французский богослов — 232.
- Английская королева — см. Генриетта-Мария Французская.
- Ангулем, Анри де Валуа, герцог д', ум. в 1586 г., великий приор Франции и губернатор Прованса, побочный сын Генриха II — 37, 38.
- Ангулем, Шарль, герцог д' (1573—1650), побочный сын Карла IX — 10, 19, 78, 81, 118, 278.
- Ангулемская, графиня — см. Монморанси, Диана.
- Ангулемский, герцог — см. Ангулем.
- Андийи, Робер д' — см. Арно, д'Андпий.
- Апжени, Анжелика-Кларисса д', в замужестве графиня де Гриньян, ум. в 1664 г., дочь Шарля и Катрин де Рамбуэ — 97, 143, 145, 148, 150—152; 158—160; 177, 241.
- Анжуйский, Филипп (1640—1701), второй сын Людовика XIII, после смерти своего дяди Гастона Орлеанского в 1660 г. — герцог Орлеанский, Месье, после смерти Людовика XIII получил титул «Монсеньер» — 127, 138.
- Анкр, Кончини или Кончино д', ум. в 1617 г., итальянский авантюрист; оказал большое влияние на королеву Франции Марию Медичи; известен под именем маршала д'Анкра; был убит герцогом де Витри — 11, 45, 64, 142, 188, 280.
- Анна, герцогиня Феррарская (1531—1607), первым браком за герцогом Франциском де Гизом, отцом Генриха де Гиза «Меченого», вторым — за Жаком Савойским, герцогом де Немуром — 24.
- Анна Австрийская (1601—1666), дочь короля Испании Филиппа III и Маргариты Австрийской, жена Людовика XIII, королева Франции с 1615 г.,

- по смерти Людовика XIII — регентша Франции (1643—1661) — 5, 19, 66—71; 80, 81, 105, 108, 112, 114—117; 120, 125—127; 138, 156, 185, 224, 231, 241, 262, 265—267, 288.
- Аннебо, Жан д', барон де Рец и де Ла-Гюноде, убит в сражении при Дрё в 1562 г., сын Клода Аннебо — 21.
- Аннебо, Клод, ум. в 1552 г., произведен в адмиралы в 1543 г. — 21.
- Антраг, Мари-Шарлотта д' — см. Бальзак д' Антраг, Мари-Шарлотта.
- Арди, Александр (ок. 1570—1632), французский драматург; способствовал утверждению во Франции форм классической трагедии — 133.
- Ариосто, Лодовико (1474—1533), итальянский поэт, автор поэмы «Неистовый Роланд» — 26, 102, 152, 159, 289.
- Аристотель (384—322 до н. э.), древнегреческий мыслитель — 222.
- Аркур, Генрих Лотарингский, граф д' (1601—1666), сын герцога д'Эльбефа; вначале сторонник Ришелье и Мазарини, впоследствии перешел в стан их врагов — 195, 199, 203.
- Арно, Анри (1597—1692), сперва адвокат, затем аббат церкви Сен-Никола (1624), епископ Анжерский (1649) — 167.
- Арно, Антуан (1612—1694), теолог, доктор Сорбоннского университета, брат Робера Арно д'Андийи — 165, 166.
- Арно, Пьер-Изаак д', ум. в 1651 г., племянник адвоката Антуана Арно, известный под именем Арно де Корбевиль — 147, 159, 160, 164, 166, 186, 287.
- Арно д'Андийи, Робер (1589—1674), придворный Людовика XIII; в 1644 г. ушел в монастырь Пор-Руаяль — 143, 165—167.
- Арну, Жан (ок. 1550—1636), духовник короля Людовика XIII; был отстранен от должности по настоянию коннетабля де Люиона — 65, 81, 108, 109.
- Арпажон, Луи, маркиз де Северак, герцог д' (ум. в 1679 г.), французский военный деятель — 234.
- Бабу, Филибер, впоследствии Бабу де Ла-Бурдзьер, родоначальник семьи де Ла-Бурдзьер — 9.
- Баланьи, Диана, г-жа де, сестра Габриели д'Эстре, вторая жена Жана де Баланьи — 9.
- Баланьи, Жан де Монлюк, сьер де (ок. 1545—1603), князь де Камбре, маршал Франции — 9.
- Бальзак, Жан-Луи Гез де (1597—1654), французский писатель; способствовал формированию писательской классической прозы, автор известных «Писем» — 38, 50, 169, 175, 261, 280.
- Бальзак д'Антраг, Мари-Шарлотта, м-ль де, ум. в 1664 г., сестра герцогини де Верней, прозванная г-жой де Бассомпьер — 181, 182.
- Баньи или Баньо, Джованни-Франческо-Гвидо дель, архиепископ, кардинал и папский нунций в Брюсселе, а затем в Париже в конце первой трети XVII в. — 58.
- Бар, Екатерина Бурбонская, принцесса Наваррская, герцогиня де (1558—1604), сестра Генриха IV, жена Генриха Лотарингского, герцога де Бара — 9, 15, 277.
- Барантен, Оноре, сьер де Шарон, ум. в 1639 г., государственный советник, секретарь Короля — 78, 80.
- Барберини, Антонио (1607—1671), кардинал, племянник папы Урбана VIII — 60, 79, 281.
- Барберини, Таддео, командующий папскими войсками; в результате преследований бежал во Францию, где и умер в 1647 г. — 204.
- Баррада, ум. в 1659 г., епископ Нуайонский, брат шевалье Франсуа де Баррада — 237.
- Баррада, Франсуа, шевалье де, первый шталмейстер Малой конюшни при Людовике XIII, фаворит Короля — 110, 116—118.
- Барро, Жак Вале, сьер де (1602—1673), французский поэт — 186.
- Бассомпьер, Франсуа де (1579—1646), маршал Франции, сподвижник Генриха IV, дипломат — 18, 19, 26, 31, 63, 116, 161, 178—185; 201, 288.
- Безансон де Базош, Шарль де (1595 или 1599—1669), французский дворянин, состоявший при коннетабле де л'Эдигьере, затем при Герцоге Гастоне Орлеанском — 131.
- Безон, Клод Базен, сьер де, королевский адвокат Верховного суда, государственный советник, двоюродный брат Конрара — 174.

- Бекингем, Джордж Вилье, герцог (1592—1628), английский государственный деятель, приближенный королей Иакова I и Карла I — 19, 67, 69, 70, 108, 117, 156.
- Белиль, Шарль — см. Гонди, Шарль.
- Белле, Жан дю (1492—1560), кардинал, покровитель Рабле — 143, 235, 236, 274.
- Белльевр, Помпони де (1529—1607), президент парижского парламента, затем канцлер при Генрихе IV — 31, 230, 241.
- Бельвиль или Тюрлюпен (подлинное имя Анри Легран), ум. в 1634 г., известный французский комический актер — 284.
- Бельгард, Анна дю Бюей, герцогиня де, ум. в 1631 г., жена главного шталмейстера — 45, 132, 135—137.
- Бельгард, Роже де Сен-Лари и де Терм, герцог де (1562—1646), фаворит Генриха III, занимавший при этом короле, а также при Генрихе IV различные высокие придворные должности; при Людовике XIII получил титул герцога; первый камергер Гастона Орлеанского; за противодействие кардиналу Ришелье сослан и возвращен ко Двору лишь после смерти кардинала — 9, 10, 13, 17—22, 24, 34, 38, 39, 41, 42, 44, 48, 51, 52, 72, 122, 132, 135, 278, 282—286.
- Беренген, Анри де (1603—1692), первый шталмейстер Малой конюшни при Людовике XIII — 71, 119.
- Бернгард, герцог Саксен-Веймарский (1604—1639), полководец, возглавил шведскую армию после смерти короля Густава-Адольфа в 1632 г. — 76.
- Берроль, Пьер, кардинал де (1575—1629), играл значительную роль в политических делах, начиная с 1615 г. — 66, 69, 254.
- Бертело, Пьер (ок. 1585—1615), французский сатирический поэт, соперник и друг Ренье — 52, 281.
- Берто, Жан (1570—1611), французский поэт, епископ Сейский, отец короля Генриха III (1583) — 20, 40.
- Бегюн, Мари де, ум. в 1658 г., племянница герцога де Сюлли, первая жена маршала д'Эстре — 59.
- Бирон, Арман де Гонто, барон де, маршал Франции (1524—1592), убит при осаде Эперне — 8, 16, 32.
- Бирон, Шарль, герцог де, маршал Франции (1562—1602); обезглавлен за участие в заговоре герцога Савойского и короля Испанского против Франции; сын предыдущего — 16, 17, 33, 182, 277—279.
- Блеранкур, Бернар Потье, г-н де, ум. в 1662 г., генерал-лейтенант кавалерии — 163.
- Бло, Сезар де Шавиньи, барон де Бло д'Эглиз, ум. в 1655 г., дворянин свиты герцога Гастона Орлеанского, сочинитель шуточных песенок — 131, 132, 161.
- Болейн, Анна (1507—1536), королева Англии, вторая жена Генриха VIII; казнена по обвинению в супружеской измене — 96.
- Бомарше, Венсан-Буйе, сьер де, королевский казначей при Людовике XIII — 116, 117.
- Бордо, Антуан де, ум. в 1660 г., посланник в Англии — 171.
- Боссю, графиня де — см. г-жа де Гиз.
- Боссюе, Жак-Бенинь (1627—1704), французский прелат, писатель и знаменитый проповедник — 164.
- Ботрю, Гийом, граф де Серан, сьер де (1588—1665), автор сатир, советник Большого Совета и докладчик у государственного канцлера — 52, 58, 59, 65, 90, 93, 95, 100, 181, 182.
- Ботрю, Никола, граф де Ножан, ум. в 1661 г., называемый обычно Ножан-Ботрю, капитан стражи королевских дверей — 90, 112, 113, 120, 124, 126.
- Ботрю-Шерель, Адан, двоюродный брат Ботрю Гийома — 95—96.
- Бофор, г-жа де — см. Эстре, Габриель д'.
- Бофор, Франсуа де Вандом, герцог де (1616—1669), внук Генриха IV и Габриели д'Эстре, один из вождей Фронды принцев — 185.
- Бозси, Этьен де Ла — см. Ла-Бозси.
- Бранка, Шарль де Виллар, граф де (ок. 1618—1681), дворянин свиты Анны Австрийской — 139, 140, 214.
- Брантом, Пьер де Бурдей, аббат и сеньер де (1540—1614), французский писатель, автор «Мемуаров» — 204, 278.
- Брев, Франсуа Савари, маркиз де (1560—1628), государственный советник, воспитатель принца Гастона Орлеанского, посланник в Риме и Константинополе — 127.

- Брезе, Жан-Арман де Майе, герцог де Фронсак и де Комон (1619—1646), адмирал Франции, племянник кардинала Ришелье — 101, 103, 116.
- Брезе, Юрбен де Майе, маркиз де (1597—1650), маршал Франции — 63, 77, 111.
- Бретань, граф де Вертю, барон д'Авогур, Клод (1582—1637) — 32.
- Бриенн, Анри-Огюст де Ломени, граф де (1595—1666), дипломат, государственный секретарь по иностранным делам — 191.
- Бриенн, Луи-Анри де Ломени, граф де (1635—1698), литератор, автор «Мемуаров», знаток новой латинской поэзии; сын предыдущего — 167.
- Брион, Франсуа-Кристоф де Леви-Вантадур, граф де, герцог д'Анвиль (1603—1661), первый шталмейстер Месье — 103, 129.
- Бриссак, Луи де Коссе, герцог де, ум. в 1661 г., один из друзей и единомышленников кардинала де Реца — 30, 186.
- Брут, Марк Юний (85—42 до н. э.), глава заговора против Юлия Цезаря и один из его убийц — 285.
- Буало, Жиль (1631—1669), французский прозаик и поэт, острый сатирик, автор эпиграмм, брат Никола Буало-Депрео — 171, 178, 241.
- Буало-Депрео, Никола (1636—1711), французский поэт и критик — 275.
- Буаробер, Франсуа ле Метель, аббат де (1589—1662), один из первых членов Французской академии — 75, 92, 96, 109, 115, 132, 135, 166, 169, 193, 217, 218, 219, 284.
- Буйон, Анри де Ла Тур д'Овернь, герцог де, известный вначале как виконт де Тюренн (1555—1623), маршал Франции — 27, 88.
- Буйон, Леонора-Катрин-Феброни де Берг, герцогиня де (1615—1657), жена герцога Фредерика-Мориса де Буйона — 88.
- Буйон, Фредерик-Морис де Ла-Тур д'Овернь, герцог де (1605—1652), участник заговора Сен-Мара против кардинала Ришелье, сын Анри-Робера герцога де Буйона — 88, 124.
- Буйон-Ламарк, Анри-Робер де, граф и маркиз де Брен (1565—1652), тесть Буйона, Анри де Ла-Тур д'Оверня — 69.
- Буйонская, герцогиня — см. Буйон, Леонора-Катрин-Феброни, герцогиня де.
- Буйонский, герцог — см. Буйон.
- Буйонский, Готфрид (1061—1100), один из французских военачальников, возглавлявших первый Крестовый поход (1096—1099) — 147.
- Бурбон, Анна-Женевьева — см. Лонгвиль, Анна-Женевьева.
- Бурбон, Мария де, герцогиня де Монпансье — см. Орлеанская, Мария де Бурбон-Монпансье.
- Бурбон, Никола (1574—1644), выдающийся гуманист первой половины XVII в. — 51.
- Бурбон, Шарль, граф де Монпансье и де Ламарш, герцог де (1490—1527), коннетабль короля Франциска I; смертельно ранен при штурме Рима знаменитым итальянским ювелиром и скульптором Бенвенуто Челлини — 25.
- Бурзе, Амабль де (1606—1672), дипломат, эрудит и теолог, секретарь кардинала де Ришелье, член Французской академии — 94.
- Бутейе или Бутийе, Виктор ле (1590—1670), архиепископ Турский, первый духовник Месье, брат Клода ле Бутийе — 90.
- Бутийе, Клод ле (1581—1652), суперинтендант финансов, отец Леона ле Бутийе графа де Шавиньи — 110, 128.
- Бюльон, Клод де, ум. в 1640 г., суперинтендант финансов при Людовике XIII, впоследствии хранитель печати — 76, 77, 89—91, 199.
- Валансе, Элеонор д'Этамп де (ок. 1589—1651), епископ Шартрский (1629), архиепископ Реймский (1641) — 86, 87.
- Вандом, Александр де Бурбон, шевалье де (1598—1629), великий приор Вандомский, сын Генриха IV и Габриели д'Эстре, младший брат герцога де Вандома; умер в тюрьме в Венсенском замке — 73, 112, 119.
- Вандом, Сезар де Бурбон, герцог де (1594—1665), старший сын Генриха IV и Габриели д'Эстре; легитимирован в 1595 г.; принимал участие во всех мятежах во времена регентства Марии Медичи, участник заговора в Шале, заключен в тюрьму

- в Венсенский замок, откуда вышел в 1629 г. — 9, 34, 38, 59, 119, 184, 281.
- Вандом, Франсуаза Лотарингская, г-жа де, придворная дама в царствование Людовика XIII — 219.
- Вандомский приор — см. Вандом, Александр де.
- Варенн, Гийом Фуке, маркиз де Ла (1560—1616), государственный советник и королевский наместник в Анжу — 32.
- Варикарвиль (точнее Валикьервиль), Шарль де (1600—1665), друг Сент-Ибара и Монтрезора, нормандский дворянин, один из противников Ришелье — 217.
- Вассе, Анри-Франсуа, маркиз де, ум. в 1684 г. — 215.
- Вдовушка — см. Легу, Мари.
- Веймарский, герцог — см. Бернгард.
- Великая герцогиня Тосканская — см. Магдалена Австрийская.
- Великий герцог Тосканский — см. Фердинанд II Медичи.
- Великий приор — см. Ангулем, Анри де Валуа.
- Вергилий Марон, Публий (70—19 до н. э.), римский поэт — 40, 51, 142, 288.
- Верне, Антуанетта д'Альбер, сестра коннетабля де Люина — 69.
- Верней, Генриетта де Бальзак д'Антраг, маркиза де, одна из фавориток Генриха IV — 10, 12, 181.
- Вертю д'Авогур, Клод, граф де — см. Бретань, граф де Вертю.
- Виалар, Феликс, епископ Шалонский с 1640 по 1680 г. — 240.
- Виллани, Никколо, ум. в 1640 г., итальянский историк, поэт, критик — 204.
- Виллар, Андре-Батист де Бранка, убит в 1595 г., адмирал де; сперва сторонник Лиги, затем помирился с Генрихом IV и стал одним из его военачальников — 27.
- Виллар, Жорж де Бранка, герцог де, ум. в 1657 г., генерал-губернатор Нормандии, Гавра и Онфлера, кавалер ордена Святого Духа — 139.
- Виллар, Жюльена-Исполита д'Эстре, жена герцога Жоржа де Виллара, сестра Габриели д'Эстре — 9.
- Виллар, Пьер, маркиз де (1623—1698); был в шутку прозван Орондатом за свою статность и красоту — 215.
- Вилларсо, Дениза де Лафонтен, урожденная м-ль д'Эш, жена Луи Вилларсо — 218, 231.
- Вилларсо, Луи де Морне, маркиз де (ок. 1619—1691), капитан-лейтенант шеволежеров герцога Анжуйского — 217, 218, 231.
- Вилдуань, аббат — см. Мароль, Мишель де.
- Вильгельм I Завоеватель (1027—1087), король Англии с 1066 г. — 37.
- Вилькье, г-н де — см. маршал д'Омон, Антуан.
- Винье, Клод, сеньер де Сен-Льебо, советник Бургундского парламента, в 1633 г. президент парламента в Меце — 56.
- Виривиль, Франсуа де Гроле, маркиз де, комендант Монтелимара ок. 1650 г. — 220, 221.
- Витре, Антуан (ок. 1595—1673), крупнейший парижский книготорговец — 72, 73.
- Витри, маршал де — см. Лопиталь, Никола.
- Витри, Жоржетт де Лопиталь, м-ль де, ум. в 1633 г., фрейлина и наперсница принцессы де Конти — 24.
- Витри, Луи-Галюсю де Лопиталь, маркиз де (сер. XVI в.—1611), французский полководец, отец Никола де Лопиталья — 188.
- Витри, Луиза де — см. Симье, г-жа де.
- Вожла, Клод Фавр, сьер де (1585—1650), известный французский грамматист, автор «Заметок о французском языке», член Французской академии — 94, 95, 163, 261.
- Воклен дез Ивето — см. Ивето.
- Вотье, Франсуа (1580—1652), первый медик королевы Марии Медичи; подвергался гонениям со стороны Ришелье, был арестован после Дня Одураченных — 71, 73.
- Вуатюр, Венсан (1598—1648), французский поэт, постоянный посетитель дворца Рамбуйе — 19, 51, 105, 142, 147, 151—164; 167, 170, 175, 213, 261, 272, 286, 287, 288.
- Вьевиль, Робер, маркиз де Ла, ум. в 1612 г., придворный короля Генриха IV — 12.
- Вьевиль, Шарль, маркиз, а затем герцог де Ла (ок. 1580—1653), был дважды

- суперинтендантом финансов (1623—1624 и 1651—1653) — 12, 50, 59, 95, 113, 116, 130, 281.
- Генриетта-Мария Французская (1609—1669), дочь Генриха IV и Марии Медичи, жена английского короля Карла I Стюарта (Мадам) — 69, 163.
- Генрих II Валуа (1519—1559), король Франции с 1547 г. — 29, 37, 205.
- Генрих III Валуа (1551—1589), король Франции с 1574 г.; убит монахом-доминиканцем Жаком Клеманом — 10, 16—22; 27, 37, 276—279; 281.
- Генрих IV Бурбон (1553—1610), король Франции с 1589 г.; убит католиком-фанатиком Равайяком — 5, 7—17; 25, 27—38; 39, 41, 42, 50, 53, 54, 64, 141, 142, 180, 181, 183, 190, 241, 256, 258, 259, 262, 263, 265, 267, 268, 276—278; 280—282; 284—286; 288, 289, 291.
- Генрих VIII (1491—1547), король Англии с 1509 г. — 96.
- Гершевиль, Антуанетта де Понс, маркиза де, род. в 1560 г., фрейлина королевы Екатерины и Марии Медичи — 42, 72.
- Гиз, м-ль де — см. Лотарингская, Мария.
- Гиз, м-ль де — см. принцесса де Конти.
- Гиз, Антуанетта Бурбонская, герцогиня де, ум. в 1583 г., жена Клода Лотарингского, герцога де Гиза, мать Франциска де Гиза — 22.
- Гиз, Генриетта-Катрин де, герцогиня де Жуайез (1585—1656), жена Карла Лотарингского, герцога де Гиза — 182.
- Гиз, Генрих I Лотарингский, герцог де, «Меченый» (1550—1588), сын Франциска де Гиза, один из организаторов Варфоломеевской ночи; убит по приказу Генриха III — 22—24; 179, 276, 277, 281.
- Гиз, Генрих II Лотарингский, кардинал де, архиепископ Реймский (1614—1664), сын Карла Лотарингского, внук Генриха I де Гиза «Меченого»; впоследствии снял сан — 13, 18, 110, 228, 287.
- Гиз, Карл Лотарингский, герцог де (1571—1640), сын Генриха I Лотарингского «Меченого» и Катрин де Клев, брат принцессы де Конти — 12—14; 25, 29, 60, 75, 88, 136, 182—184; 201, 223, 277, 281.
- Гиз, Катрин де Клев, герцогиня де (1548—1633), жена Генриха I Лотарингского «Меченого» — 23, 24, 141.
- Гиз, Людовик Лотарингский, кардинал де (1575—1621), сын Генриха I и Катрин де Клев — 18, 190.
- Гиз, Оноре де Берг, графиня де Боссю, род. ок. 1623 г., жена герцога де Гиза, Генриха II Лотарингского — 153, 287.
- Гиз, Роже Лотарингский, шевалье де (1624—1653), рыцарь Мальтийского ордена — 223.
- Гиз, Франциск Лотарингский, герцог де, «Меченый» (1519—1563), смертельно ранен Жаном Польтро под Орлеаном — 22.
- Гиз, Франциск-Александр-Парис Лотарингский, шевалье де (1589—1614), генеральный наместник короля в Провансе, брат Карла де Гиза и принцессы де Конти — 58.
- Гийе, Франсуа (1575—1655), известный французский философ и поэт, писавший на латинском языке — 93.
- Гийераг, Габриель-Жозеф де Лавернь, виконт де (1625—1685), дипломат и писатель — 235.
- Гимене, Анна де Роган, княгиня де (1604—1685), одна из самых образованных женщин своего времени — 30, 106, 202.
- Гито, Антуан, граф де Комменж, ум. в 1633 г., капитан гвардии королевы Анны Австрийской — 125.
- Гиш, Антуан III — см. Граммон, Антуан.
- Гиш, Диана д'Андуен, виконтесса де Лувины, графиня де (1554—1620), прозванная «Прекрасной Коризандой», одна из фавориток Генриха IV — 7.
- Годо, Антуан, епископ Грасский, затем Ванский (1605—1672) — 93, 118, 159, 160, 166, 167, 173, 254.
- Гомбо, Жан-Ожье де (1570—1666), литератор, поэт — 93, 96, 242.
- Гомен, Жильбер (1585—1665), один из выдающихся французских ориенталистов — 46.
- Гонди, Альбер де — см. Рец, Альбер де.
- Гонди, Антуан де, сьер дю Перрон, ум. в 1602 г., родоначальник французских Гонди — 204.
- Гонди, Жан-Батист де (1589—1664), или шевалье де Гонди, секретарь Государственного Совета и резидент в Тоскане — 204.

- Гонди, Жан-Франсуа-Поль де — см. Рец, Жан-Франсуа-Поль.
- Гонди, Жером де, откупщик, племянник маршала де Гонди; построил дворец, который в 1612 г. стал собственностью принцев Конде — 205.
- Гонди, Пьер де — см. Рец, Пьер де Гонди.
- Гонди, Филипп-Эмманюэль де (1582—1662), генерал галерного флота, в дальнейшем отец-Ораторианец, сын Альбера де Гонди, отец коадьютора — 183, 201, 203.
- Гонди, Шарль де, маркиз де Белиль (1569—1596), сын Альбера де Гонди — 21, 278.
- Гонди, Шарль де, сьер де Латур, ум. в 1574 г., генерал галерного флота — 205.
- Гонзаго, Мария-Луиза де (1612—1667), итальянская принцесса, дочь герцога де Невера, королева Польская, жена Владислава IV, по его смерти Казимира V — 89, 103, 124, 153, 287.
- Гораций Флакк, Квинт (65—8 до н. э.), римский поэт — 40, 51, 133, 286, 288.
- Горд, Гийом де Симпан, маркиз де, с 1611 г. капитан лейб-гвардии — 70.
- Господин Главный — см. Сен-Мар.
- Готье-Гаргий или Флешель, подлинное имя Гюг Герю (ок. 1574—1634), известный французский комический актер труппы Бургундского отеля — 245, 284.
- Гравель, Мари Кретон д'Этурнель, г-жа де, род. в 1598 г., пленница Бастилии в то же время, что и маршал де Баскомпьер — 127, 184.
- Граммон, Антуан II, граф де Гиш и де Лувины, затем герцог де, ум. в 1644 г., вице-король Наварры, зять Ришелье — 73.
- Граммон, Антуан III, герцог де (1604—1678), до 1644 г. граф де Гиш, с 1644 г. маршал Франции — 88, 144—146; 157, 164, 214, 219, 221, 290.
- Граммон, Франсуаза-Маргарита дю Плесси-Шивре, г-жа де, жена маршала Антуана III де Граммона — 219.
- Грамон, Аман де Бартеlemi, сьер де, дворянин свиты Месье — 226.
- Грамон, Филибер, шевалье, затем граф де (1621—1707), аббат; герой «Мемуаров» своего кузена Гамильтона — 146.
- Грансе, Жак Руксель де Медави, граф де (1603—1680), маршал Франции — 283.
- Грасс, г-н де — см. Годо, епископ Грасский.
- Григорий XV, римский папа (1621—1623) — 58.
- Гро-Гийом (Толстый Гийом), подлинное имя Робер Герен (ок. 1554—1634), известный французский комический актер — 90, 284.
- Гуарини, Баттиста (1538—1612), итальянский поэт — 173.
- Гулар, Симон (1543—1628), протестантский теолог, французский поэт и переводчик; оставил после себя «Мемуары о состоянии Франции в царствование Карла IX» (вышли в Гейдельберге в 1577 г. в трех томах) — 284.
- Гурне, Мари ле Жар, м-ль де (1565 или 1566—1645), названная дочь Монтея, издававшая его сочинения, французская поэтесса — 40, 133—135; 286.
- Густав-Адольф II (1594—1632), король Швеции с 1611 г. — 167.
- Дампьер, г-жа де — см. Рец, Клод-Катрин де Клермон.
- Дандело — см. Колиньи.
- Демаре, Жан, сьер де Сен-Сорлен (1595—1676), литератор, член Французской академии; с 1626 г. доверенное лицо кардинала де Ришелье — 67, 83, 93—97; 107, 111, 284.
- Демосфен (384—322 до н. э.), древнегреческий оратор — 154.
- Депорт, Филипп (1546—1606), французский поэт — 26—29; 39, 40, 46, 278, 279.
- Диоген (ок. 414—323 до н. э.), древнегреческий философ — 231.
- Диоде, Франсуаза де (1610—ок. 1667), ученая женщина — 222—224.
- Диофант (ок. 325—409 н. э.), знаменитый греческий математик — 46.
- Дофин — см. Людовик XIV.
- Довержье де Оранж, Жан (1581—1643), французский теолог, один из основателей монастыря Пор-Руаяль, где пользовался большим влиянием — 86.
- Дюмулен, Пьер (1568—1658), протестант, автор книги «Щит веры» (1618) — 45.
- Дюре — см. Шеври.

- Елизавета Австрийская (1554—1592), королева Франции с 1570 по 1574 г., жена Карла IX — 21, 278.
- Елизавета I (1533—1603), королева Англии с 1547 г. — 16.
- Елизавета, принцесса Палатинская (1618—1680), дочь короля Богемии Фридриха V и Елизаветы Стюарт; почитательница философии Декарта — 130.
- Елизавета Стюарт, Английская, королева Богемии (1596—1662); после поражения чешской армии имперцами (1620) жила в Нидерландах — 130.
- Епископ Экский — см. Сент-Сесиль, Микеле.
- Жамен, Николь, компаньонка м-ль де Гурне — 133, 134, 286.
- Живри, Анн д'Анжур, барон де (ок. 1560—1594), один из сподвижников короля Генриха IV, убит при осаде Лаона — 23—25.
- Жиро, Жан, ум. в 1683 г., секретарь Ж. Менажа — 229.
- Жозеф-Франсуа ле Клер дю Трамбле, известный как «отец Жозеф» (1577—1638), наперсник и советник кардинала Ришелье, прозванный «Серым преосвященством» — 72, 75, 87, 142, 143, 199.
- Жуайез, Анн, герцог де (1561—1587), адмирал Франции, фаворит Генриха III — 20, 21, 27.
- Жюи, Жак, ум. в 1658 г., знаменитый врач; часто упоминается в письмах Ги Патена — 107, 125.
- Заме, Жан, ум. в 1622 г., полковник, затем бригадный генерал; убит под стенами Монпелье, а не Монтобана, как полагает Таллеман; сын Себастьяна Заме — 116.
- Заме, Себастьян (ок. 1549—1614), итальянский финансист, приближенный короля Генриха IV — 7, 13, 116.
- Зиммерн, Людвиг-Филипп, герцог фон (1602—1655), представитель Баварского Палатинского дома — 88.
- Иаков I (1566—1625), король Шотландии с 1567, король Великобритании с 1603 г. — 14.
- Ивето, Никола Воклен, сьер дез (1570—1649), королевский паместник в Кане, наставник герцога де Вандома, затем Дофина, будущего короля Людовика XIII, поэт — 36, 38—40.
- Ивранд, паж, состоявший при Большой конюшне; друг Ракана, ученик Малерба — 18, 43, 47, 57, 133, 135.
- Иер, Клер-Диана д'Анжени де Рамбуе, аббатиса д' (1610—1669), дочь Шарля и Катрин Рамбуе — 145.
- Иль-д'Иер, Анри, маркиз дез (1610—1622), брат кардинала де Реца — 201.
- Иннокентий X, римский папа (1644—1655), до избрания кардинал Памфилио — 79.
- Ирвиль, маркиз д' — см. Виривиль, Франсуа.
- Испанская инфанта — см. Анна Австрийская.
- Испанский король — см. Филипп II.
- Испанский король — см. Филипп IV.
- Кавуа, Франсуа-Ожье, сьер де, капитан личной гвардии Ришелье — 85, 90.
- Камбре, князь де — см. Баланьи.
- Кан, г-жа де — см. Роган, Мария-Элеонора де.
- Кандаль, Луи-Шарль-Гастон де Ногаре и де Фуа, герцог де (1627—1658), маркиз де Лавалетт, французский генерал — 213, 216.
- Кандаль, Мари дю, в девичестве Косс, род. в 1614 г., вторым браком за Жаком д'Анженном, маркизом де Монлуэ — 253.
- Канцлер — см. Сегье, Пьер.
- Капель, Анж (1537—1623), сьер дю Люа, приближенный герцога Сюлли, литератор — 30.
- Кардинал Барберини — см. Барберини.
- Кардинал-инфант — см. Фердинанд Испанский.
- Карл I Великий (742—814), король Франции, император Запада — 43.
- Карл I Стюарт (1600—1649), король Великобритании с 1625 г., приговорен к смертной казни и обезглавлен во время английской буржуазной революции — 109.
- Карл V (1500—1558), король Испании с 1516 по 1556 г., император Германский с 1519 г. — 8, 76.
- Карл IX (1550—1574), король Франции из династии Валуа с 1560 г. — 10, 21, 81, 94, 99, 127, 205, 278, 284.

- Кассандр (354—297 до н. э), царь Македонии — 290.
- Кевр, Франсуа-Аннибаль, маркиз де, род. в 1623 г. — 59.
- Кийе, Клод (1602—1661), французский врач и поэт, писавший по-латыни; друг Таллемана де Рео — 61, 90, 91, 186, 204, 261.
- Клара-Духения, ум. в 1633 г., инфанта, дочь короля Испании Филиппа II, правительница испанских Нидерландов — 63, 109.
- Клеман, Жак (1567—1589), монах-доминиканец, убийца короля Генриха III — 279.
- Клерман-Людэв, Александр де Кастельно, маркиз де Сессак, впоследствии граф де; друг поэта Менара — 233.
- Климент VII, папа римский с 1523 по 1534 г. — 8.
- Кознак, Даниель де, с 1654 г. епископ Валанский — 211.
- Коллиньи, Морис, граф де, убит на дуэли в 1644 г. герцогом Генрихом де Гизом — 162.
- Коломби, Франсуа де Кувиньи, сьер де (ок. 1588—ок. 1648), член Французской академии, двоюродный брат Малерба — 40, 43, 47, 50, 52, 134.
- Колонна, Филипп (1578—1639), герцог Паллаино и Тальякотти, коннетабль Неаполитанского королевства — 206.
- Кольбер, Жан-Батист (1619—1682), министр финансов при Людовике XIV — 168, 287.
- Кольбер, Шарль, маркиз де Круаси (1625—1696), государственный советник, президент парламента в Меце, посланник в Англии, министр иностранных дел (1679) — 169.
- Кольте, Гийом (1598—1659), французский поэт, член Французской академии; один из группы *Пяти авторов* — 166, 284.
- Комац, Жаклина ле-Буайе, известная как Ла-Коман, свидетельница по делу об убийстве Генриха IV (1610) — 11.
- Конде, Анри II де Бурбон, принц де (1588—1646), именуемый Таллеманом «покойным принцем» — 8, 16, 21, 22, 33, 44, 83, 100, 126, 127, 276, 280.
- Конде, Луи I де Бурбон, принц де (1530—1569), глава кальвинистов («Горбатый») — 13.
- Конде, Луи II де Бурбон, герцог Энгийский, принц де (1621—1686), называемый Великим Конде; вначале один из предводителей Фронды, впоследствии полководец Французской армии — 101, 105, 107, 146, 155—157, 161, 169, 185, 202, 212, 234, 276, 283, 285, 287, 290.
- Конде, Франсуаза д'Орлеан-Лонгвиль, ум. в 1601 г., вдова Луи I, принца де Конде — 13.
- Конде, Шарлотта-Маргарита, принцесса де, род. в 1593 г., жена принца Анри II де Бурбона — 44, 53, 142, 143, 150, 154, 167, 180, 190, 272, 280.
- Конрар, Валантен (1603—1675), французский писатель, неперменный секретарь Французской академии — 132, 149, 160, 163, 167—169; 173—178; 272, 288.
- Конрар (ур. Мюисон), Мадлен, двоюродная сестра Конрара, ставшая его женой в 1634 г. — 175, 176, 178, 288.
- Контти, Луиза-Маргарита Лотарингская, принцесса де (1577—1631), дочь Генриха де Гиза «Меченого»; умерла в ссылке — 22—26; 28, 68, 72, 182, 184, 190, 197, 276, 278, 286, 292.
- Контти, Франсуа де Бурбон, принц де (1558—1614) — 8, 25, 169, 210—212; 235.
- Кончини — см. Анкр, маршал д'.
- Корд, Дени де, ум. в 1641 г., советник Шатле — 85.
- Корнель, Пьер (1606—1684), французский драматург — 120, 155, 261, 284, 287.
- Королева Богемии — см. Елизавета Английская.
- Королева Швеции — см. Христина.
- Королева-мать — см. Медичи Марья.
- Коссен, Никола, род. в 1583 г., иезуит, с 1637 г. духовник Людовика XIII — 81.
- Костар, Пьер (1603—1660), литератор; друг Вуатюра, Балзака и Менажа — 154, 158, 160, 175, 288.
- Креки, Шарль де Бланшфор, сьер де (1567—1638), маршал Франции, посланник в Риме, а затем в Венеции — 14, 63, 89, 180, 183.
- Крийон, Луп-Бальби де Бертон де (1543—1615), французский военачальник, друг и сподвижник Генриха IV — 13, 14.

- Ксантиппа, жена философа Сократа, известная своим сварливым характером — 239, 291.
- Куален, Мари Сегье, маркиза де, жена маркиза Пьера-Сезара де Комбу — 185.
- Куален, Сезар де Комбу, маркиз де, убит при Эре в 1641 г. — 185.
- Кулон, Жан, советник Парламента, участник Фронды — 214, 216.
- Кулон, Мари Корнюель (1607—после 1664), жена Жана Кулона — 214.
- Курбе, Себастьян, один из наиболее известных парижских книготорговцев в XVII в. — 171.
- Куртене, Пьер де, граф д'Оксерр, император Константинопольский с 1216 г., казнен в 1218 г. — 198.
- Ла-Бозси, Этьен де (1530—1563), французский писатель, приверженец философии стоиков — 94, 284.
- Ла-Бурдэзер — см. Эстре, Франсуаза д', старшая.
- Лавалетт, Габриель-Анжелика Французская (м-ль де Верней), герцогиня д'Эпернон, ум. в 1627, сестра герцога де Бурбон, епископа Мецского — 68.
- Лавалетт, Жан-Луи де Ногаре, герцог д'Эпернон, кардинал де (1593—1639), архиепископ Тулузский; в 1627 г. снял сан и поступил на военную службу — 9, 64, 65, 71, 73, 75, 93, 102, 105, 142, 143, 156, 197, 198, 221, 222, 237, 238, 282.
- Лаваль, Фредерик де Ла-Тремуй, граф де; умер от ран, полученных на дуэли в 1642 г. — 206.
- Лаварден, Шарль де Бомануар де, ум. в 1637 г., епископ Манский — 82.
- Ла-Клавель — см. Шавиньи.
- Ла-Коссе, Жан — см. Эстре, Жан д'.
- Ламбер, Жан де, маркиз де Сен-Бри (1586—1665), французский генерал — 82.
- Ламбер, Жан-Батист (ок. 1607—1644), чиновник королевского казначейства — 77.
- Ламбуа, Вильгельм фон, ум. ок. 1670 г., фельдмаршал Священной Римской империи — 88.
- Ламейре, Шарль де Лапорт, герцог де (1602—1664), капитан гвардии, в дальнейшем генерал-инспектор артиллерии, маршал Франции — 68, 76, 82, 83, 84, 88, 99, 100, 103, 124, 187.
- Ла-Менардьер, Ипполит-Жюль Пилле де (1610—1663), доктор медицины, личный врач принца Гастона Орлеанского и кардинала де Ришелье; забросил медицинскую практику и занялся литературой; с 1655 г. член Французской академии — 97, 170—172.
- Ламотт-Левайер, Франсуа де (1588—1672), французский писатель и философ — 165.
- Ламотт-Уданкур, Анри де, аббат де Суйак, ум. в 1684 г., епископ Реннский (1642), архиепископ Ожский (1662) — 203.
- Ламотт-Уданкур, Даниель де, ум. в 1628 г., епископ Мандский — 110.
- Ламотт-Уданкур, Филипп де (1606?—1657), герцог де Кардона, маршал Франции и вице-король Каталонии — 99, 102.
- Ламуссе, Амори де Гойоц, маркиз де (1601—1650), губернатор Ренна в 1637—1638 гг. — 78, 214, 287.
- Ланглуа, Мишель, ум. в 1668 г., адвокат Парламента с 1624 г. — 100, 101.
- Лангрский епископ — см. Ларивьер.
- Луи Барбье де.
- Ланкло, Анна или Нинон де (1620—1705), французская куртизанка — 186, 213—219; 231, 290.
- Ланкло, Анри, сьер де Ладуардьер де, род. ок. 1592—1593 г., отец Нинон де Ланкло — 213.
- Лансак, Франсуаза де Сувре, г-жа де (1601—1657), с 1638 г. воспитательница дофина — 105.
- Лапер, Жак д'Озоль, сьер де — см. Озоль, Жак д'.
- Лапорт, Амадор де (1568—1644), великий приор Франции с 1640 г., дядя Ришелье — 76.
- Лапорт, Пьер де, род. в 1603 г., офицер свиты королевы Анны Австрийской; арестован в 1624 г., восстановлен в своей должности в 1631 г. — 67.
- Ларивьер, Луи Барбье де (1595—1670), сначала преподаватель в коллеже дю Плесси, затем первый духовник Гастона, герцога Орлеанского — 51, 89, 103, 129.
- Ла-Рок, Симеон-Гийом (1551—1611), поэт, член литературного салона Маргариты де Валуа — 37.

- Ларош-Гийон, Франсуа де Силли, граф де, ум. в 1628 г., маркиз де Гершевиль, в 1615 г. обергермейстер короля — 42, 72, 113, 201.
- Ларошфуко, Франсуа, герцог де (1613—1680), князь де Марсийак, участник Фронды, автор Мемуаров и Максимумов — 67, 76, 184, 258, 266, 275.
- Ла-Серр, Жан де Пюже, сьер де (ок. 1593—1594—1665), французский драматург, автор пьесы «Томас Мор», поставленной на сцене в 1642 г. — 96, 97, 222, 290.
- Лафайетт, Луиза-Анжелика Мотье де (1618—1665), фрейлина королевы Анны Австрийской — 81, 98, 115, 121.
- Лафайетт, Мадлена Пьеш де Ла-Вернь, графиня де (1634—1693), французская писательница, автор романа «Принцесса Клевская» — 229.
- Лафайетт, Франсуа Мотье де, епископ Лиможский с 1627 по 1676 г. — 230.
- Лаффема, Изаак, французский юрист, заместитель главного судьи с 1639 по 1645 г. — 83, 97.
- Лаферте, Эмери-Марк, аббат, после смерти Шарля де Бомануара (1637) епископ Манский — 82.
- Лаферте-Сенетерр, Анри де — см. Сенетерр, Анри де Сен-Нектер.
- Лафонтен, Жан де (1621—1695), французский поэт, баснописец — 140, 141, 262, 267.
- Лафорс, Арман де Комон, герцог (ок. 1580—1675), с 1632 по 1638 г. гардеробмейстер короля Людовика XIII — 119, 121.
- Лафорс, Жак-Номпар де Комон, герцог и маршал де (1558—1652) — 77.
- Лё, Поль Ивон, сьер де л'Юмо, Леплон, Сен-Морис, Лозьер и де Ла, дядя Таллемана де Рео — 225, 246.
- Лев X (Джованни Медичи), римский папа в 1513—1521 гг. — 282.
- Легу, Мари, в девичестве Лувиньи, род. в 1600 г. (Вдовушка) — 242—255; 292.
- Леже, Ги-Мишель (1588—1674), французский филолог, издавший в 1645 г. Библию на семи языках — 86, 283.
- Леколье, Жак (1598—1651), председатель Парламента в Дижоне, сторонник герцога Гастона Орлеанского — 73.
- Ле-Местр, Антуан (1608—1658), один из самых известных адвокатов Парижа — 166.
- Ле-Местр, Катрин (1590—1651), сестра Антуана Арно — 165, 166.
- Ленжанд, Жан де (1580 или 1582—1616), литератор, переводчик «Посланий Овидия» (1615) — 41.
- Лене, Пьер, ум. в 1671 г., французский историк, сторонник принца Луи де Конде, участник Фронды — 212.
- Ле-Норман, Жак, ум. в 1667 г., аббат прихода Мон-Сент-Элуа (подле Арраса) — 193.
- Леско, Жак, епископ в Шартре в первой половине XVII в. — 93, 94, 109.
- Лефощер, Мишель (ок. 1595—1657), видный протестантский священник в Монпелье — 86, 254.
- Лванкур, Роже де Плесси, маркиз де, с 1620 г. первый шталмейстер; в дальнейшем подвергся опале — 42, 77, 119.
- Ливий, Тит (59 до н. э.—17 н. э.), римский историк, автор «Римской истории от основания города» — 49, 281.
- Ливис — см. Лувиньи.
- Лизьё, Филипп Копо, г-н де (1571—1646), епископ в Эре (1607), в Нанте (1621), в Лизьё (1635), доктор теологии — 92, 143, 144.
- Лимож, Франсуа Мотье де Лафайетт, епископ, духовник Анны Австрийской — 81.
- Линьер, Франсуа Пейо, шевалье де, род. в 1626 г.; опубликовал в 1656 г. «Письмо Эраста к Фемиде» по поводу «Девственницы» Шаплена — 171, 178.
- Лионн, Гюг де, сеньер де Берни (1611—1671), доверенное лицо Мазарини; в 1654 г. чрезвычайный посол в Италии; с 1659 г. государственный министр при Людовике XIV — 108, 168.
- Липс, Юст (1547—1606), бельгийский ученый латинист — 134.
- Лож, Мари Брюно, г-жа де (ок. 1585—1641), одна из самых образованных женщин своего времени — 45, 49, 135, 154.
- Лонгвиль, Анна-Женевьева де Бурбон-Конде, герцогиня де (1619—1679), сестра герцога Энгиенского, вторая жена Генриха Орлеанского, герцога де Лонгвиля; участница Фронды — 103, 130, 210, 212, 242.

- Лонгвиль, Генрих II Орлеанский, герцог де (1595—1663), военный деятель; участник Фронды — 103, 165, 166, 168, 170, 184, 232, 287.
- Лонгвиль, Луиза де Бурбон, ум. в 1637 г., первая жена Генриха Орлеанского, герцога де Лонгвиля, сестра графа Суассонского — 165.
- Лопиталь, Луи Галюсю — см. Витри, Луи.
- Лопиталь, Никола, маршал де, герцог де Витри (1581—1644), политический деятель; заключен в тюрьму в 1637 г., освобожден после смерти кардинала де Ришелье — 60, 98, 116, 188—191; 289.
- Лорис, Гийом де, род. ок. 1235 г., французский поэт — 288.
- Лорм, Марлон де (1613—1650), французская куртизанка — 89, 122, 186, 187, 270, 271.
- Лорм, Шарль де (1580—1678), один из самых известных врачей своего времени — 72.
- Лотарингская, Мария де Гиз, герцогиня, дочь Карла де Гиза — 206.
- Лотарингский, герцог Карл — см. Эльбеф д'.
- Лувиньи, Анри де (1606—1647), известный также под именем Лизис, советник короля Людовика XIII — 242—244; 246, 249, 253, 292.
- Луиза, королева Франции (1553—1601), жена Генриха III — 21, 278.
- Луиза, принцесса Палатинская, род. в 1622 г.; отеклась от протестантизма в 1658 г., стала настоятельницей Мобюиссонского аббатства в 1644 г. — 130.
- Люд, Анри де Дайон, граф дю, ум. в 1685 г., герцог и пэр (1675) — 231.
- Людовик IX Святой (1214—1270), король Франции с 1226 г. — 43, 163, 286.
- Людовик XI (1423—1483), король Франции с 1461 г. — 124.
- Людовик XIII (1601—1643), король Франции с 1610 г., сын Генриха IV и Марии Медичи — 10, 11, 18, 31, 35, 36, 39, 41, 57, 59, 65, 66, 68, 70, 71, 73—75; 77, 78, 80—82; 84, 85, 87—89; 92, 93, 97—105; 107, 108, 112—129; 132, 150, 152, 165, 183—185; 190, 210, 237, 238, 256, 258, 259, 265, 267—271; 277—279; 282—286.
- Людовик XIV Великий (1638—1715), король Франции с 1643 г. — 60, 73, 80, 105, 115, 116, 127, 263, 282, 291.
- Люшье, Клод-Эммануэль — см. Шапель.
- Люпи, Шарль д'Альбер, герцог де (1578—1621), коннетабль, фаворит Людовика XIII — 48, 49, 65, 112.
- Люсон, г-н де — см. Ришелье.
- Магдалена Австрийская, великая герцогиня Тосканская, вдова Козимо Медичи, умершего в 1621 г. — 206.
- Мадам (покойная) — см. Орлеанская, Мария де Бурбон-Монпансье.
- Мадемуазель — см. Монпансье, Анна-Мария-Луиза Орлеанская.
- Мазарини, Джулио (1602—1661), итальянец по рождению, кардинал и первый министр Франции после смерти кардинала де Ришелье — 5, 80, 83, 88, 89, 105, 108, 109, 124, 126, 127, 168, 193, 212, 255, 262—264; 268, 276, 282—284; 287, 288.
- Майенн, Генриетта Савойская, маркиза де Виллар, графиня де Танд и де Сомрив, герцогиня де; жена Карла Лотарингского, герцога де Майенна — 23.
- Майенн, Карл Лотарингский, герцог де (1554—1611), брат герцога Генриха де Гиза «Меченого», после смерти последнего стал главой Лиги — 9, 23.
- Макьявелли, Никколо (1469—1527), флорентиец, политический деятель, историк и писатель — 204.
- Малерб, Франсуа де (1555—1628), французский поэт, оказал большое влияние на развитие поэтического языка, установив строгие правила стихосложения — 35, 37—58; 132—135; 137, 159, 261, 266, 272, 280, 281, 286.
- Мальвиль, Клод де (1597—1647), поэт, один из первых членов Французской академии (1634) — 66, 154, 174.
- Малье, Клод, сьер де Уссе, советник Парламента (1624), президент палаты по приему прошений (1631), позднее государственный советник и посол в Венеции; умер в сане епископа Тарбского — 206.
- Мандский, епископ — см. Ламотт-Уданкур, Даниель де.
- Мантуанский, Шарль де Гонзаг-Клев, герцог де Невер и де Ретель. с 1627 г.

- герцог М., ум. в 1637 г — 12, 14, 15, 23, 190.
- Маргарита Наваррская (1553—1615), дочь Генриха II и Екатерины Медичи, первая жена Генриха IV, с которой он развелся в 1599 г.; автор «Мемуаров» — 28, 34—37; 279.
- Маргарита, принцесса Лотарингская — см. Орлеанская, Маргарита.
- Марийак, Луи де (1573—1632), маршал Франции; обвинен в злоупотреблениях по должности и казнен — 66, 71.
- Марийак, Мишель де (1563—1632), хранитель печати и канцлер Франции, один из главных противников Ришелье; был арестован, посажен в тюрьму, где и умер — 66, 71, 282.
- Марино, Джованни-Батиста (1569—1625), итальянский поэт, известный во Франции под именем кавалера Марино — 47.
- Мария, королева Польская — см. Гонзаго, Мария-Луиза.
- Мария Лотарингская, герцогиня де Гиз (1615—1688), дочь Карла де Гиза — 206.
- Мароль, Мишель де, аббат де Виллуань; глава враждебного Шаплену кружка (1657), в котором критиковали его «Девственницу» — 178.
- Марсеи или Маршен, Жан-Гаспар-Фердинанд, граф де, ум. в 1673 г, бельгийский генерал, служивший вначале под командованием Луи де Конде; участник Фронды; перешел на службу Испании, затем Англии; умер в Нидерландах — 212.
- Марсийак, князь де — см. Ларошфуко.
- Марциал (ок. 40—ок. 104 н. э.), латинский поэт, автор эпиграмм — 170, 287.
- Маскарди, Аугустино (1591—1640), итальянский историк и оратор — 204.
- Мев де, инженер-изобретатель, казнен по приказу Ришелье — 84.
- Медичи, Екатерина (1519—1589), королева Франции, жена французского короля Генриха II, мать Франциска II, Карла IX и Генриха III — 27, 58, 205, 289.
- Медичи, Мария (1573—1642), из рода Медичи, игравшего во Флоренции значительную политическую роль с начала XIII в., королева Франции, вторая жена (1600) Генриха IV, мать Людовика XIII — 10, 11, 35, 36, 39, 42, 58, 64—68; 70—74; 81, 112, 114, 116, 117, 126, 128, 141, 142, 180—184; 193, 277, 280, 282, 286.
- Мезериак, Клод-Гаспар Баше, сьер де (1581—1638), поэт, переводчик и филолог — 46.
- Мезре, Франсуа-Эд де (1610—1683), ученый, автор трехтомной «Истории Франции» (1643—1651) — 120, 174.
- Мен, Жан де, по прозвищу Жан Клопнель (ок. 1240—ок. 1305), французский писатель — 288.
- Менаж, Жиль (1613—1692), французский филолог и грамматист — 171—174; 209, 210, 230, 261, 272, 283.
- Менар, Франсуа (1582 или 1583—1646), французский поэт, автор прекрасных од — 40, 50, 52, 54, 233, 234.
- Ментенон, Мари де-Клер дю Трамбле, г-жа де, жена Луи д'Анженна — 197, 199, 289.
- Ментенон, Луи д'Анженн де Рошфор де Сальвер, маркиз де, сын Шарля-Луи д'Анженна — 199.
- Ментенон, Франсуаза-Жюли де Рошфор, г-жа де, ум. в 1647 г. (а не в 1650 г., как полагает Таллеман), жена Шарля-Луи д'Анженна — 197—199; 289.
- Ментенон, Шарль-Луи д'Анженн де Рошфор де Сальвер, маркиз де — 197.
- Мере, Жорж Броссен, шевалье де, камергер герцога Гастона Орлеанского (Месье) — 214.
- Меркер, Филипп-Эммануэль Лотарингский, герцог де, род. в 1558 г., губернатор Бретани в царствование Генриха III; один из последних руководителей Лиги — 200, 278.
- Мерси, Франц, барон де (конец XVI в.—1645), лотарингский генерал, разбитый герцогом Конде при Нордлингене, где был смертельно ранен — 283.
- Местреза, Жан (1592—1657), протестантский священник — 86, 251.
- Месье — см. Орлеанский, Гастон-Жан-Батист.
- Миоссанс, Сезар-Фебюс, граф де (1614—1676), маршал д'Альбре; во времена Фронды был на стороне Анны Австрийской и Мазарини — 156, 186, 214, 216, 218, 231.
- Миромениль, Пьер Диель, сьер де, докладчик по приему прошений; один из судей на процессе Сен-Мара и де

- Ту; интендант юстиции Нормандии в 1638—1639 и 1644—1645 гг. — 125.
- Мобюссон, Анжелика д'Эстре — 9.
- Моле, Матье (1584—1656), генеральный прокурор (1614), первый председатель парижского парламента (1641); отличался большой эрудицией — 68.
- Мольер, Жан-Батист Поклен (1622—1673), знаменитый французский комедиограф и актер — 264, 273, 274, 286, 290.
- Монбазон, Эркуль де Роган, герцог де (1568—1654), губернатор и королевский наместник Парижа и Иль-де-Франс — 129.
- Монлюк, Жан де (1508—1579), епископ Валанский и дипломат — 9.
- Монморанси, Анн де (1492 или 1493—1567), коннетабль Франции — 69.
- Монморанси, Анри I, герцог де (1534—1614), второй сын коннетабля Анн де Монморанси, с 1593 г. коннетабль Франции — 69.
- Монморанси, Анри II, герцог де (1595—1632), маршал Франции и адмирал; казнен за участие в заговоре против Ришелье — 75, 117.
- Монморанси, Диана — побочная дочь Генриха II; с 1582 г. по указу Генриха III — герцогиня Ангулемская; замужем за маршалом Франции Франсуа де Монморанси, овдовела в 1579 г. — 37.
- Монморанси, Маргарита, княгиня де (1572—1660) — 140.
- Монморанси, Франсуа, герцог де (ок. 1530—1579), маршал Франции — 37.
- Монпансье, Анна-Мария-Луиза Орлеанская, герцогиня де (1627—1693), дочь герцога Гастона Орлеанского, более известная как «Великая мадмуазель»; активная участница Фронды — 79, 109, 131, 138, 148, 225, 276, 283.
- Монпансье, Анри, герцог де (1573—1608), губернатор Дофине, Нормандии, Бретани; сражался против Лиги — 29.
- Монпансье (Хромуша), Екатерина-Мария Лотарингская, герцогиня де (1552—1596), жена Луи де Бурбона, герцога де Монпансье — 15, 188.
- Монпуйан, Жан де Комон, маркиз де Ла Форс (ок. 1601—1622), камер-юнкер при Людовике XIII — 112.
- Монтатер, Изаак де Мадайн, сеньер де, впоследствии маркиз де Лассе — 77, 78.
- Монтень, Мишель-Эйкем де (1533—1592), французский писатель, философ — 134, 216.
- Монтеспан, Антуан-Арман де Пардайн, маркиз де, в дальнейшем герцог де Бельгард, ум. в 1687 г. — 21.
- Монтозье, Жюли-Люсин д'Анженн, герцогиня де (1607—1671), дочь Катрин и Шарля Рамбуе — 145—148; 150, 156, 160, 163, 165—167; 169—171; 177—287.
- Монтозье, Шарль де Сент-Мор, маркиз, затем герцог де (1616—1690), воспитатель дофина, сына Людовика XIV — 94, 146—148, 150, 160, 161, 165, 169, 287.
- Монтрей, Жан де (1613—1651), академик, посланник Франции в Риме — 210, 211.
- Монтрей, Матье де (1620—1692), аббат, поэт, секретарь принца де Конти — 178.
- Мор, Томас (1478—1535), английский мыслитель-гуманист, один из основоположников утопического социализма — 96.
- Морг или Мург, Матье де — см. Сен-Жермен, Матье.
- Моро, Мишель-Жером (1633—1655), член большого Совета (1652) — 215, 216.
- Морье, Бенжамен Обри, сеньер дю, ум. в 1636 г., секретарь Сюлли, затем посол в Голландии — 29.
- Мутье, вернее Монтье, Даниель дю (1574—1646), художник — 20, 44.
- Мюи, Симеон де (1587—1644), профессор древнееврейского языка, занимавшийся изучением Библии — 86.
- Мюю, аббат (1568—1653), один из духовников кардинала Ришелье — 91, 92.
- Навай, Филипп де Монто-Бенак, впоследствии герцог де (1619—1684), маршал Франции, командующий армией в Каталонии в 1674 г.; автор Мемуаров — 214.
- Наваррская, Маргарита — см. Маргарита Наваррская.
- Нан, Маргарита д'Эстре, г-жа, сестра Габриели д'Эстре — 9.
- Невер, де — см. Мантуанский герцог.
- Немур, Жак Савойский, герцог де, вто-

- рой муж Франсуаза де Конти, бабушки принцессы де Конти — 24.
- Немур, Шарль-Эммануэль Савойский, герцог де (1567—1595), губернатор Парижа, сын герцога Жака де Немура — 24.
- Ноай, Франсуа де, граф д'Эйен, посол Франции при Дворе папы Урбана VIII в начале 1636 г. — 166, 248.
- Пожан — см. Ботрю, Никола.
- Пуайе, Фрэнсуа Сюбле, сеньер де (1578—1645), казначей Франции в Руане, затем интендант армии и суперинтендант финансов; доверенное лицо Ришелье — 101, 104, 105, 108, 110—112, 119, 121, 125, 126, 203, 284, 290.
- О. Франсуа, маркиз д' (ок. 1535—1594), суперинтендант финансов при Генрихе III — 29, 51, 273.
- Обижу, Франсуа д'Амбуаз, граф д', ум. в 1656 г., наместник короля в Лангедоке, придворный принца Гастона Орлеанского — 214, 216.
- Обишье или Обишья, Теодор-Агриппа д' (1552—1630), французский писатель, соратник Генриха IV, автор «Всемирной истории» и сатирического романа «Приключения барона де Фенеста» — 15, 229, 232.
- Овидий, Публий-Назон (43 до н. э.—17 н. э.), римский поэт — 40, 45.
- Озоль, Жак д', сьер де Лапер (1571—1642), секретарь герцога де Монпансье; посвятил свою жизнь изучению хронологии; написал книгу «Мельхисидек», основанную на невероятных парадоксах — 95.
- Озье, Пьер д', сеньер де Ла-Гард (1592—1660), известный знаток генеалогии — 115.
- Оливарес, Гаспар де Гусман, граф, затем герцог де (1587—1645), испанский государственный деятель, министр при короле Филиппе IV — 69.
- Омон, Антуан д', маркиз де Нолэ, граф де Шатору, барон д'Эстрабон (ок. 1562—1635) — 121, 189, 224.
- Омон, Луиза-Изабелла д'Анженн, г-жа д' (1584—1666), вторая жена Антуана д'Омона — 200, 231.
- Оранский, Мориц Нассауский, принц, ум. в 1625 г. — 131.
- Орлеанская, Маргарита, принцесса Лотарингская, герцогиня, ум. в 1672 г., вторая жена Гастона Орлеанского — 73, 128, 131, 157, 225, 285.
- Орлеанская, Марья де Бурбон-Монпансье, герцогиня, ум. в 1627 г., первая жена Гастона Орлеанского (покойная Мадам) — 110, 151.
- Орлеанский, Гастон-Жан-Батист (1608—1660); герцог, брат Людовика XIII — 19, 39, 65, 66, 71, 73, 79, 80, 88, 103, 105, 108, 113, 118, 119, 124, 127—132, 157, 161, 285.
- Орнано, Жан-Батист, граф де Монлор (1581—1626), маршал Франции; воспитатель Гастона Орлеанского; возмущенный интригами придворных, добровольно сел в Бастилию (1626), откуда был выпущен по приказу Людовика XIII; в том же году за участие в заговоре Шале заключен по настоянию Ришелье в Венсенский замок, где и умер — 65, 73, 113, 127, 232.
- Оруа или Уруа, Мари-Франсуаза де Гемадек, г-жа д' — 112.
- Отфор, Мари де (1616—1691), герцогиня де Шомбер, жена маршала де Шомбера, фрейлина Анны Австрийской — 67, 114, 115, 121, 129, 203.
- Оши, Шарлотта дез Юрсен, виконтесса д' (ок. 1570—1646), образованная женщина своего времени — 51, 54, 174, 281, 288.
- Павел V Боргезе — римский папа (1605—1620) — 58, 281.
- Патен, Ги (1601—1672), знаменитый вольнодумец, литератор и врач; известен как автор сатирических писем — 89.
- Патрис, Пьер де, сеньер де Сент-Мари (1583—1671), ученик Малерба, дворянин свиты Месье — 49.
- Патрю, Оливье (1604—1681), адвокат, впоследствии член Французской академии; друг Буало — 94, 138, 139, 146, 170, 174—177; 191—195; 254, 262, 267.
- Пелиссон-Фонтанье, Поль (1624—1693), французский писатель, автор первой части «Истории Французской академии» — 95, 161, 171, 178, 262, 288.
- Перрашон, Марк-Антуан, секретарь-советник короля (1653) — 215.
- Перро, Сиприен, советник Парламентской палаты, отец Никола Перро, сьера д'Абланкура — 106.

- Перрон, Жан Дави, сьер дю П. и де Ла-Гетт (1565—1621), кардинал дю — 14, 28, 38, 39, 41, 45.
- Петрарка, Франческо (1304—1374), итальянский поэт, историк, археолог — 40.
- Пизани, Катрин-Шарлотта д'Анженн, г-жа де, дочь Шарля и Катрин де Рамбуэе — 145.
- Пизани, Леон-Помпе д'Анженн, маркиз де (1615—1645), убит в сражении при Нордлингене, сын Шарля и Катрин де Рамбуэе — 79, 145—147; 150, 157, 158, 164.
- Пизьё или Пюизьё, Пьер Брюлар, маркиз де Силери, виконт де (1583—1640), суперинтендант финансов в 1623—1624 гг. — 113.
- Пикколомини, Октав (1600—1656), фельд-маршал; во время Тридцатилетней войны командующий войсками Священной Римской империи — 77.
- Пилл, Маргарита, г-жа дю, жена поэта Жана-Франсуа Саразена — 209, 213.
- Пиндар (ок. 522—ок. 442 до н. э.), древнегреческий поэт — 40.
- Платон (427—347 до н. э.), древнегреческий философ — 222.
- Плесси-Базансон де Базош, Шарль дю (1595 или 1599—1669), дворянин на службе у коннетабля де л'Эдигьера — 119.
- Плесси-Прален, Шарль де Шуазель, маркиз де, ум. в 1626 г., капитан Первой лейб-гвардейской роты; маршал Франции при Людовике XIII с 1619 г. — 9, 88, 89, 203.
- Плиний, Кай Секунд (старший) (23—79 н. э.), знаменитый римский натуралист — 107.
- Плутарх (ок. 46—ок. 126) древнегреческий писатель — 291.
- Плювинель, Антуан, сеньер дю Плесси Сент-Антуан и де Фешроль, сьер де (1552—1620), камер-юнкер короля Генриха IV и воспитатель дофина — 35, 36.
- Покойный король Англии — см. Карл I.
- Поле, Анжелика (ок. 1591—1650), приятельница поэта Вуатюра и писательницы м-ль Скудерн — 144, 145, 156, 158—162; 166, 209.
- Польеро де Мере, Жан (ок. 1537—1563), гугенот, убивший герцога Франциска де Гиза под Орлеаном (1563) — 22.
- Прален, Роже де Шуазель, маркиз де, ум. в 1641 г., полковник легкой кавалерии, затем генерал-майор, наместник короля в Шампани — 88, 89.
- Принцесса Маргарита — см. Орлеанская, Маргарита.
- Пфальсбургская, принцесса, урожд. Генриетта Лотарингская (1567—1607), сестра герцога и кардинала Карла Лотарингского — 73.
- Пьемонтский, принц — см. Савойский, Виктор Амедей I.
- Пюп — см. Сенетерр, Антуан де.
- Пюплорен, Антуан де Лаж, герцог де, арестован по приказу Ришелье, умер в тюрьме в 1635 г. — 73.
- Рабле, Франсуа (ок. 1494—1553), французский писатель, автор романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» — 91, 143, 197, 235, 236, 264, 267, 274.
- Равайак, Франсуа (1578—1610), убийца Генриха IV — 11, 90.
- Ракан, Оноре де Бюей, маркиз де (1589—1670), французский поэт, член Французской академии — 13, 17, 39, 40, 43—45, 47, 49, 50, 52—57; 132—139; 272, 273, 280, 281, 286.
- Рамбуэе, м-ль — см. Анженн, Анжелика-Кларпса д'.
- Рамбуэе, м-ль де — см. Моштозье, герцогиня де.
- Рамбуэе, Катрин де Влвонн, маркиза де (1588—1665), хозяйка литературного салона, жена Шарля д'Анженна, маркиза де Рамбуэе — 20, 24, 54—56; 73, 80, 92—94; 120, 141—152; 155—164; 167—169; 174, 240, 241, 261, 272, 273, 286.
- Рамбуэе, Луиза-Изабелла д'Анженн (ок. 1617—1707), аббатиса Сент-Этьен, дочь Шарля и Катрин Рамбуэе — 145, 148, 160, 200.
- Рамбуэе, Никола, сьер дю Плесси де (ок. 1576—1664), тесть Таллемана де Рео — 228, 254, 292.
- Рамбуэе, Пьер де, сьер де Лансе, род. в 1635 г., сын Никола Рамбуэе, получивший по не выясненным до сих пор причинам фамилию Рамбуэе-Кандалъ. зять Таллемана де Рео — 214—216; 218.
- Рамбуэе, Шарль д'Анженн де Пизани, маркиз де (ок. 1577—1652), дипломат, государственный советник, затем

- Главный гардеробмейстер (1610) — 31, 56, 71, 73, 80, 120, 142, 148, 150, 151, 167, 174.
- Рамбуйе, Элизабетт, г-жа де Рео, род. в 1633 г., жена Таллемана де Рео — 254, 261, 263.
- Раре, Анри де Ланси, шевалье де, камергер герцога Гастона Орлеанского (Месье) — 213.
- Ренси, Жак Бордые, сьер де, ум. в 1666 г., королевский советник, поэт; друг Менажа — 172, 173, 288.
- Ренье, Матюрен (1573—1613), французский поэт-сатирик — 28, 39, 50, 233, 275, 279.
- Рец, Альбер де Гонди, маршал, герцог де, ум. в 1602 г.; родоначальник семьи Гонди; придворный и доверенное лицо королей Генриха II, Франциска II, Карла IX, Генриха III — 21, 204, 205.
- Рец, Анри де Гонди, кардинал де (1572—1622), сын Альбера де Гонди, дядя коадьютора — 232.
- Рец, Жан-Франсуа-Поль де Гонди, кардинал де (1613—1679), политический деятель, участник Фронды, коадьютор архиепископа Парижского — 76, 161, 163, 195, 200—207; 209—211; 231, 258, 289, 290.
- Рец, Клод-Катрин де Клермон, герцогиня де, ум. в 1603 г., жена Альбера де Гонди, герцога де Реца — 21, 36, 204.
- Рец, Пьер де Гонди, герцог де, епископ Парижский (1533—1616), сын Альбера де Гонди — 203, 205.
- Рец, Пьер де Гонди (1606—1676), генерал галерного флота, старший брат кардинала де Реца — 187, 201, 203.
- Ришелье, Арман-Жан дю Плесси, кардинал де (1585—1642), французский государственный деятель, первый министр Франции при Людовике XIII с 1624 г. — 21, 26, 59—61; 63—113; 115—126; 128, 142, 143, 164, 166, 168, 182, 184, 186, 198, 203, 207, 211, 225, 256, 265—267; 269, 270, 281, 282, 284—290.
- Ришелье, Франсуа дю Плесси (1548—1590), французский военачальник, отец кардинала — 63.
- Роган, Анри, герцог де (1579—1638); глава протестантов, после 1629 г. по-ступил на королевскую службу; умер от ран, полученных в сражении при Рейнфельде — 32, 180, 285.
- Роган-Шабо, Анри сьер де Сент-Оле и де Фонтене, герцог де Р. (1616—1655), губернатор и наместник короля в провинции и герцогстве Анжуйском — 5.
- Роже де Ла Марбельер, Луиза, род. ок. 1621 г., дочь заместителя председателя президиального суда в Туре — 129—131.
- Роклор, Антуан, барон де (1543—1625), гардеробмейстер, наместник короля в Гвепи, маршал Франции с 1605 г. — 13.
- Роклор, Гастон, маркиз де (ок. 1615—1683), капитан шеволежеров, затем полковник и генерал; герцог и цэр Франции (1652), участник сражения при Рокруа — 200, 218.
- Рони, г-н де — см. Сюлли.
- Рони, Максимилиен-Франсуа де Бегюн, маркиз де, ум. в 1634 г., старший сын герцога Сюлли — 184.
- Ронсар, Пьер де (1524—1585), французский поэт, глава «Плеяды» — 47, 134.
- Роспильоль, Антуан, род. в 1600 г., знаток тайнописи; поступил на службу к кардиналу Ришелье во время осады Ларошелли — 83.
- Ростэн, Шарль, маркиз де (1573—1660) — 241.
- Ротру, Жан де (1609—1650), французский поэт-драматург, автор ряда трагедий; один из членов группы «Пяти авторов» — 284.
- Руччеллац, Аннибале, итальянский аббат; в тридцатипятилетнем возрасте в начале XVII в. обосновался во Франции, пользуясь покровительством Кончини — 64, 65, 240, 241.
- Рювиньи, Анри Массюе (Мапасес), маркиз де, род. ок. 1605 г., дворянин на службе у семьи Роганов, двоюродный брат Таллемана де Рео — 99, 101, 103—105; 122.
- Сабле, Мадлен де Сувре, маркиза де (1599—1678), хозяйка салона, в котором родился Максимилиан Ларошфуко — 152, 154, 159, 177.
- Саблнер, Антуан де Рамбуйе, сьер де Ла, род. в 1624 г., сын Никола Рамбуйе, зять Таллемана де Рео — 228, 261.

- Савойская, Христина Французская, герцогиня, жена Виктора-Амедея Савойского — 163, 238, 291.
- Савойский, Виктор-Амедей I, принц Пьемонтский (1587—1637); по смерти отца, Карла-Эммануэля I (1635), владетельный герцог — 76.
- Савойский, Карл-Эммануэль I (Горбун), владетельный герцог (1580—1630) — 238.
- Салиньяк, Жан де Гонто, барон де (1533—1610), посол в Константинополе (1605—1610) — 36, 37.
- Саломон, Франсуа-Анри (1620—1670), генеральный адвокат Верховного суда, писатель, член Французской академии — 174.
- Санзе, Франсуаза д'Эстре, графиня де, сестра Габриеллы д'Эстре — 8, 9.
- Санси, Ашпль де Арле, сьер де, ум. в 1646 г., посол при Османской Порте с 1611 по 1618 гг.; в дальнейшем отец-ораторианец и епископ в Сен-Мало — 30, 94, 95.
- Санси, Никола де Арле, барон де Моль, сеньер де (1546—1629), суперинтендант финансов до назначения на этот пост герцога де Сюлли — 29, 30.
- Саразен, Жан-Франсуа (1603—1654), французский поэт — 162, 164, 208—213, 235, 287, 289.
- Сарро, Жан, сьер де Брц, ум. в 1637 г., отец советника — 17.
- Сарро, Клод, ум. в 1651 г., советник парламента в Руане, затем в Париже (1635); принимал участие в литературной жизни Франции — 17.
- Сегье, Пьер (1588—1672), канцлер Франции при Людовике XIII и Людовике XIV, убежденный сторонник политики Ришелье, видный государственный деятель — 32, 67, 89, 95, 105, 123, 124, 172, 284.
- Сенека, Луций Анней (между 6 и 3 до н. э.—65 н. э.), римский философ-стоик, политический деятель, писатель; наставник Нерона — 40, 54, 238.
- Сенетерр, Анри де Сен-Нектер, маркиз де Лаферте-Набер, г-н де (1600—1681), маршал Франции с 1651 г. — 90, 186, 187, 190.
- Сенетерр, Антуан де, ум. в 1592 г., епископ гор. Пюи (1561—1592) — 26, 204.
- Сен-Жермен, Матье де Морг, аббат де (1582—1670), автор памфлетов, направленных против Ришелье — 70, 74, 95, 284.
- Сен-Люк, Тимолон д'Эпине, сьер де (1580—1644), вице-адмирал и маршал Франции (1628) — 232.
- Сен-Люк, Франсуа д'Эпине, маркиз де, ум. в 1670; сын предыдущего — 184.
- Сен-Мар, Анри-Кюфье де Рюзе, маркиз де (1620—1642), главный шталмейстер, главный гардеробмейстер Людовика XIII; казнен за участие в заговоре против Ришелье — 88, 98, 99, 101—107, 113, 121—125, 186, 271, 284.
- Сен-Мегрэн, Жак д'Эстюе де Коссад, маркиз де (1614—1652), генерал, командующий армией в Каталонии; убит в бою в Сент-Антуанском предместье 2 июля 1652 г. — 97.
- Сен-Мегрэн, Поль д'Эстюе де Коссад, граф де, убит в 1578 г.; фаворит Генриха III — 23.
- Сен-Никола — см. Арно, Анри.
- Сен-Прей, Франсуа де Жюссак, сьер де (1601—1641), военный и административный деятель; в результате тайной интриги был арестован, судим и казнен — 111, 195, 228.
- Сенсе, Мари-Катрин де Ларошфуко-Равдан, г-жа де, фрейлина королевы Анны Австрийской — 81, 105.
- Сен-Симон, Клод, герцог де (1607—1693), генерал, первый шталмейстер Малой конюшни; фаворит короля Людовика XIII; отец автора знаменитых Мемуаров — 60, 77, 110, 117, 258, 264, 265.
- Сен-Сирак, Жан — см. Дювержье де Оранн, Жан.
- Сент-Аман, Марк-Антуан-Жерар, сьер де (1594—1660), французский поэт — 172.
- Сент-Ибар, Анри д'Эскар де Сен-Боно, сеньер де; стоик и вольнодумец, враг тирании; сторонник Месье — 88.
- Сенто, Маргарита Вюи, возлюбленная поэта Вуатюра — 152—154; 162—164.
- Сент-Сесиль, Микеле Мазарини (1607—1648), с 1645 г. архиепископ Экский, затем кардинал де; грубый и ограниченный, был обязан возвышением своему брату Джулио Мазарини — 222.
- Сент-Этьен, Луиза-Изабелла — см. Раббуйе, Луиза-Изабелла.

- Сен-Шомон, Мельшиор Митт де Шевриер, маркиз де, королевский наместник в Лангедоке — 70, 73.
- Сервьен, Абель (1593—1659), суперинтендант финансов; после выполнения ряда важных поручений был сослан в Анжер (1636—1643) — 95, 163.
- Серизи, Жермен Абер, аббат де (Серилас); играл известную роль в литературной жизни Парижа при Людовике XIII; в 1646 г. опубликовано его «Жизнеописание кардинала де Берюлля» — 243—246; 254.
- Спигонь, Шарль-Тимолон де Бозонкль, сенер де (ок. 1560—1611), поэт; в начале сторонник Лиги, затем перешел на сторону Генриха IV — 7, 180.
- Симье, Луиза де Лопиталь-Витри, г-жа де, ум. в 1608 г., фрейлина королевы Марии Медичи, сестра Жоржетты де Витри; перевела с итальянского «Жизнь Марии Магдалины», написанную Л. Тонсилло — 16, 27.
- Сионшта, Габриель, ум. в 1648 г., сириец-католик, с 1615 г. профессор арабского и сирийского языков в Парижском королевском коллеже; переводчик Библии, изданной Леже, на арабский и сирийский языки — 86, 283.
- Сирмон, Жак (1559—1651), иезуит и ученый гуманист — 51, 126.
- Скаррон, Поль (1610—1660), французский писатель, автор шуточных стихотворений и «Комического романа» — 171, 228—232; 290.
- Скаррон, Тома, сьер де Вор и де Мариньи (1613—1699), кузен писателя — 224.
- Скаррон, Франсуаза д'Обинье, г-жа (1635—1719), в первом браке за Полем Скарроном, вторым — за маркизом де Ментеноном, с 1684 г. морганатическая жена Людовика XIV — 229—231.
- Скюдерв, Жорж де (1601—1667), французский драматург и автор романов «жеманного» (прецюзного) стиля — 223.
- Скюдерв, Мадлен де (1607—1701), писательница, типичная представительница «жеманного» (прецюзного) стиля, автор романов «Клеппа», «Артамен или Великий Кпр» — 169, 177, 178, 223, 224, 288.
- Сократ (469—399 до н. э.), греческий философ — 239, 291.
- Спада, Бернардино (1594—1661), нунций в Париже в 1624 г., кардинал (1626) — 69.
- Спинола, Амброзио де (1569—1630), итальянский полководец на испанской службе — 16.
- Стаций (ок. 40—96 н. э.), латинский поэт — 40.
- Суассонский, Луп де Бурбон, граф (1604—1641), французский военачальник — 77, 87, 88, 117, 118, 165, 203, 278.
- Суассонский, Шарль де Бурбон, граф (1566—1612), отец графа Луи Суассонского — 8, 29, 66, 277.
- Субиз, Бенжамен де Роган, граф де (1583—1642), французский полководец, глава протестантской партии при Людовике XIII — 288.
- Сувре, Жак де (1600—1670), командор военно-монашеского Ордена св. Иоанна Иерусалимского, в 1667 г. великий приор Франции — 112.
- Сувре, Жан де, в 1611 г. один из первых трех камер-юнкеров короля Людовика XIII — 35, 36.
- Суйак, де, аббат — см. Ламонтт-Уданкур, Анри де.
- Сурди, Франсуа д'Экубло де (1575—1628), архиепископ Бордосский в 1591 г., кардинал в 1599 г. — 9, 58.
- Суфран, или Суфрен, иезуит, проповедник Собора Парижской богородицы, духовник Марии Медичи, с 1625 г. духовник Людовика XIII — 65, 114.
- Сюбле, Франсуа — см. Нуайе, Франсуа Сюбле.
- Сюз, Генриетта де Колиньи, графиня д'Адингтон, затем графиня де Ла (1618—1673), поэтесса — 219.
- Сюз, Шарлотта де Руа, графиня де (покойная), свекровь поэтессы графини Генриетты де Ла-Сюз — 183.
- Сюлли, Максимилиен де Бегюн, барон де Ронц, герцог де (1559—1641), суперинтендант финансов и генерал-инспектор артиллерии при Генрихе IV — 8, 29—34; 37, 184, 267, 273, 279.
- Танд, Рене Савойский, граф де, ум. в 1525 г., называемый бастардом Савойским, побочный сын Филиппа II, герцога Савойского, камергер и главный сенешаль короля Франции Франциска I — 23.

- Тассо, Торквато (1544—1595), итальянский поэт — 40, 172, 173.
- Тевнен, Франсуа, ум. в 1652 г., советник и личный врач короля Людовика XIII — 49, 217.
- Темпи, Шарль де Лозьер, маркиз де, с 1616 г. первый шталмейстер герцога Гастона Орлеанского — 64, 184.
- Теренций, Публий (ок. 190—159 до н. э.), римский комедиограф, родом из Карфагена; получили прозвище «Африканец», автор комедий «Свекровь», «Мавр» и др. — 93.
- Терм, Катрин Шабо де Мпрбо, г-жа де, жена Сезара-Огюста де Сен-Лари, барона и маркиза де Терма — 55, 56.
- Терм, Сезар-Огюст де Сен-Лари, барон и маркиз де, ум. в 1621 г., рыцарь Мальтийского ордена, великий приор Овернский; снял сан в 1615 г.; младший брат герцога де Бельгарда — 24, 50, 132, 183.
- Тит Ливий — см. Ливий, Тит.
- Толстый Гийом — см. Гро-Гийом.
- Тотт, Клауднус, граф (1616—1674), неоднократно представитель королевского правительства Швеции во Франции — 174.
- Трамбле, Шарль ле Клер дю, комендант Бастлии при Людовике XIII — 184, 199.
- Тревилль, Арман-Жан де Пер, граф де, ум. в 1672 г., капитан-лейтенант роты конных мушкетеров; в 1636 г. получил патент на чин бригадного генерала — 107, 108, 115, 125.
- Тремуй (Тремой или Трпмуй), Анри, герцог де Ла, ум. в 1599 г.; протестант, перешедший в католичество под влиянием Ришелье — 78.
- Тренель, Франсуа Жувнель дез Юрсен, маркиз де, барон де Нейи, сеньер де Ла-Шапель и де Дон (1569—1650), соратник Генриха IV, чрезвычайный посол в Англии в 1619 г. — 16.
- Трусс, Себастьян ле Арди, сеньер де Ла, великий приор Франции при Людовике XIII — 164.
- Ту, Франсуа-Югюст де (1607—1642), политический деятель, государственный советник; казнен вместе с Сен-Маром за участие в заговоре против Ришелье — 102, 105, 106, 123—125, 203, 204.
- Туван, Шарль де Пиар, сьер д'Энфревиль де Т., ум. в 1613 или 1614 г., один из учеников и друзей Малерба — 40, 52.
- Туше, Мари (1549—1638), вначале фаворитка короля Карла IX, затем жена Франсуа де Бальзака д'Антрага; отец М. Т. был не булочником, а судьей в Орлеане — 10, 278.
- Тюрени, Анри де Ла Тур д'Овернь, виконт де (1611—1675), маршал Франции; «Великий Тюрени», самый блестящий полководец XVII столетия; младший брат герцога Фредерика-Мориса де Буйона — 106, 283.
- Тюрлюпен — см. Бельвиль.
- Урбан VIII, римский папа с 1623 по 1644 г., в миру Матео Барберини — 79, 204.
- Фабер, Абраам де, маркиз д'Эстене (1599—1662), капитан гвардии, впоследствии маршал Франции, знаменитый полководец — 101—103; 105.
- Фаржи, Мадлена де Силли, г-жа дю, ум. в 1639 г., фрейлина при дворе Анны Австрийской; в 1630 г. отстранена Ришелье от должности — 66, 71, 114.
- Фердинанд Испанский (1609—1641), сын короля Испании Филиппа III, архиепископ Толедский, кардинал, губернатор Нидерландов, так назыв. «Кардинал-Инфант» — 74, 83.
- Фердинанд II (1578—1637), германский император с 1619 г. — 282.
- Фердинанд II Медичи (1610—1670), великий герцог Тосканский с 1620 г. — 204.
- Феррарская, герцогиня — см. Авина, герцогиня Феррарская.
- Филипп II (1527—1598), король Испании с 1556 г. — 120, 167, 179, 236.
- Филипп IV (1605—1665), король Испании с 1621 г. — 100.
- Флорентийский, герцог — см. Фердинанд II Медичи.
- Фонтене-Марей, Франсуа дю Валь, маркиз де, род. ок. 1596 г., дипломат и военный деятель; был трижды посланником в Риме (1641, 1643, 1647) — 31, 69.
- Фонтрай, Луи д'Астарак, виконт де, маркиз де Марестан, (нач. XVII в. — 1667), участник заговора Сен-Мара,

- автор «Мемуаров» — 99, 103, 104, 105, 123, 124.
- Франциск I (1494—1547), французский король с 1515 г., из династии Валуа — 8, 22, 282.
- Франциск Сальский (1567—1622), епископ Женеvский — 219.
- Фуа, Поль Дюэз, сеньер Кармен, ум. в 1584 г., архиепископ Тулузский с 1577 г. — 56.
- Фуке, Никола, виконт де Мелен и де Во (1615—1680), суперинтендант финансов — 178, 229.
- Фуко, Луи де, граф Доньон (ок. 1616—1659), вице-адмирал (1640), маршал Франции (1653) — 122.
- Фурро, Леон, ум. в 1677 г., доверенное лицо Нинон де Ланкло — 216.
- Фьебе, Гаспар, сеньер дю Кастане и де Сандре (1626—1694), советник Тулузского Парламента, затем государственный советник, поэт; один из наиболее образованных людей своего времени — 77.
- Фьебе, Поль, сьер де Сандре, ум. в 1654 г., советник парламента, затем чиновник по приему прошений (1653) — 200.
- Фюртьер, Антуан (1619—1688), французский писатель — 171, 178, 262, 267.
- Хейлброн (Хеброн), шотландец, полковник, затем бригадный генерал, смертельно ранен при Саверне в 1636 г. — 75.
- Христина (1626—1689), королева Швеции (с 1632 г.) — 174.
- Цицерон, Марк Туллий (106—43 до н. э.), знаменитый оратор, адвокат, писатель и политический деятель Древнего Рима — 146, 237, 281.
- Шабан, Луи дю Мен, барон де, французский писатель XVII в., камер-юнкер при дворе Людовика XIII; в дальнейшем военный инженер и артиллерийский генерал на венецианской службе; убит в 1632 г. Анри де Ланкло — 213.
- Шабо, г-н — см. Роган, Анри, герцог де.
- Шаван, Анри Рамбуйе, сьер де, сын Никола Рамбуйе — 238.
- Шаварош, Жан де, вначале наставник маркиза де Пизани, затем управляю-
- щий у маркизы Катрин де Рамбуйе — 150, 159, 160, 161, 167.
- Шавиньи или Шевиньи, Леон ле Бутийе, граф де Ш. и Бюзансе (1608—1652), государственный советник по иностранным делам; по завещанию Людовика XIII член Совета Регентства — 33, 81, 90, 103—105; 107, 108, 117, 123, 124, 126, 128, 163.
- Шале, Анри де Талейран, граф де (1599—1626), фаворит Людовика XIII, казнен по обвинению в заговоре против кардинала Ришелье — 183, 288.
- Шапель, Клод-Эммануэль Люплье, известный под именем Ш. (1626—1686), французский поэт — 152, 165, 177.
- Шапель-оз-Юрсен — см. маркиз де Трешель.
- Шаплен, Жан (1595—1674), французский поэт, сторонник классицизма, автор поэмы «Девственница», член Французской академии — 47, 93, 94, 96, 138, 147, 160, 163—172; 173—175; 177, 178, 184, 261, 272, 284, 287, 288.
- Шаплен, Себастьян, ум. ок. 1630 г., нотариус в Шатле, отец поэта — 164.
- Шарлевалль, Шарль Фокоп де Рпе, сеньер де (ок. 1613—1693), французский поэт — 214, 215, 216.
- Шарпантье, Дени, первый секретарь Ришелье в 30—40-х годах XVII в. — 98, 103, 104.
- Шатийон, Гаспар де Колиньи, маркиз Дандело, герцог де, маршал Франции, сын маршала Колиньи, правнук адмирала Колиньи, погибшего в Варфоломеевскую ночь (1572); отрекся от протестантизма и сражался в рядах королевских войск; убит в бою под Шарантоном (1649) — 77, 78, 88, 186, 214, 278.
- Шатле, Поль Э, сьер дю (1592—1636), чиновник по приему прошений, затем ординарный государственный советник; один из первых членов Французской академии; ревностный сторонник Ришелье — 71.
- Шатонеф, Шарль де Лобепин, маркиз де (1580—1653), советник парижского парламента, хранитель печати; в 1633 г. отстранен от должности и арестован; в 1650—1651 гг., во время Фронды принцев, снова хранитель печати — 71, 282.
- Шеврез, Клод Лотарингский, князь де

- Жуевиль, затем герцог де (1578—1657), обер-камергер, чрезвычайный посол в Англии (1625) — 147, 148, 183.
- Шеврез, Мари де Роган-Монбазон, герцогиня де (1600—1679), вдова коннетабля герцога де Люпна, участница заговоров против Ришелье и Мазарини; в 1622 г. замужем за Клодом Лотарингским, герцогом де Шеврезо — 67—69.
- Шеври, Шарль Дюре, сьер де Ш. и де Ла-Гранж, ум. в 1636 г., генеральный контролер финансов и председатель Счетной палаты — 33.
- Шеври, Шарль, сьер де Ла-Гранж (1614—1700), советник парламента в Меце, затем в Париже; сын предыдущего — 187.
- Шемро, Франсуаза де Барбезьер де; в замужестве г-жа де Ла-Базиньер; по приказанию Ришелье следила за Анной Австрийской, в 1639 г. встала в немплость и сослана — 122.
- Шерель-Ботрю — см. Ботрю, Адап.
- Шверни или Шеверни, Филипп Гюро, граф де (1528—1599), при Карле IX — советник Парламента, при Генрихе III — канцлер, при Генрихе IV — хранитель печати — 25, 29.
- Шодбонн, Клод Дюрре дю Пюи Сент-Мартин, сьер де Ш. (ум. в 1644 г.), офицер свиты герцогини Орлеанской и старший сержант Гвардейских швейцарцев — 144, 145, 152.
- Шомбер, Анна де Меньёле, ум. в 1641 г., жена Шарля де Шомбера, герцога д'Аллюэна, двоюродная сестра кардинала де Реца — 202.
- Шомбер, Шарль, герцог д'Аллюэн, г-н де (1600—1656), маршал Франции (1637) — 120, 156.
- Шуазель, Шарль де — см. Плесси-Прален, Шарль.
- Шупп, Эмар, маркиз де, пехотный полковник, перешел во время дворянской Фронды (1650—1653) на сторону прицев — 212.
- Эвек, г-жа л', в девичестве Тюрпен, род. ок. 1610 г. — 191—196; 289, 290.
- Эгийон, Мари-Мадлена де Виньеро, герцогиня д' (1604—1675), племянница кардинала Ришелье — 65, 67, 68, 80, 93, 94, 96—98; 106, 108, 109, 148, 186, 225.
- Эдигьер (Ледигьер), Анна де Ла-Мадлен, ум. в 1656 г., вторая жена Франсуа де Бонн-Креки, герцога де Ледигьера — 163, 202.
- Эдигьер (Ледигьер), Мари Виньон, г-жа де л', ум. в 1657 г., вторая жена коннетабля де Ледигьера — 43.
- Эдигьер (Ледигьер), Франсуа де Бонн, сьер де л' (1543—1626), маршал и коннетабль Франции — 30, 43.
- Эльбен, Ги, д', камергер принца Гастона Орлеанского — 216, 231.
- Эльбеф, Карл II Лотарингский, граф д'Аркур, герцог д' (1596—1657), участник заговора Гастона Орлеанского — 18, 67, 73, 84, 179, 213, 283.
- Энгленская, Клер-Клеманс де Майе-Брезе, герцогиня, сестра герцога де Брезе, жена Луи II де Бурбона, принца де Конде — 97.
- Энгленский герцог — см. Конде, Луи II.
- Энкарвиль, Шарль Саданьи, сьер д' (ум. в 1599 г.), интендант и ревизор финансового ведомства — 31.
- Эпернон, г-н д' — см. Лавалетт, Жан-Луи.
- Эппие, Жак д', сьер де Во и де Мезьер, егермейстер принца Гастона Орлеанского, капитан Шатийонского полка, убит в Нидерландах в 1646 г. — 129—131.
- Эрсан, Шарль (род в конце XVI в., ум. после 1660 г.), французский проповедник, автор книги «Желанный Галл» — 87, 283.
- Эруар, точнее Эроар, Жан (1551—ок. 1628), французский анатом, лейб-медик короля Людовика XIII — 116.
- Эсепан, Роже де Буассе (Бюссолье), барон дю Люк, граф д', ум. в 1646 г., губернатор Филиппсбурга — 100.
- Эспри, Жак (1611—1676), член Французской академии с 1639 г. — 123, 125.
- Эстре, Антуан д', сын Жана д'Эстре, защитник Нуайона (1593), генерал-инспектор артиллерии (1597—1600) — 8, 9.
- Эстре, Габриель д' (1573—1599), маркиза де Монсо, герцогиня де Вофор, фаворитка короля Генриха IV — 7—10; 29—31; 35, 42.
- Эстре, Жан I, маркиз д' (1486—1571), генерал-инспектор артиллерии; родоначальник семьи Эстре — 8.
- Эстре, Жан II, граф д', затем герцог и пэр Франции (1624—1707) — 59.

- Эстре, Луи, маркиз д' (1637—1656), сын маршала Эстре от второго брака — 59.
- Эстре, Сезар д' (1628—1714), епископ Лаонский, кардинал с 1671 г. — 59.
- Эстре, Франсуа-Аннибаль, маркиз де Кевр, герцог д' (1573—1670), маршал Франции с 1626 г. — 8, 9, 28, 31, 58—61; 90, 234, 281, 283, 286, 289.
- Эстре, Франсуаза д' (младшая) — см. Санзе, Франсуаза.
- Эстре, Франсуаза (старшая), в девичестве Бабу де Ла-Бурдэзьер, ум. в 1592 г., мать Габриели д'Эстре — 8, 9, 29.
- Этуаль, Клод л' (1597—1652), литератор, автор известного «Дневника», член Французской академии; входил в группу «Пяти авторов» — 96, 284.
- Эффия, Анри д' — см. Сен-Мар.
- Эффия, Антуан Куафье (Рюзе), маркиз д'Э и де Шглли, барон де Маси и де Лонжюмо (1581—1632), маршал Франции, затем суперинтендант финансов, отец Сен-Мара — 57, 75, 98, 132.
- Эффия, Жан Куафье (1632 или 1633—1698), аббат, брат Сен-Мара — 122.
- Эффия, Мари де Фурси, г-жа д', жена Антуана Куафье, маркиза д'Э, маршала Франции, мать Сен-Мара — 106, 122.
- Ювенал, Децим Юний (60-е годы I в. — после 127 г. н. э.), римский сатирический поэт — 40.
- Юрфе, Оноре д' (1567—1625), французский писатель, автор пасторального романа «Астрейя» — 22, 202, 277.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Генрих Четвертый	7
Маршал де Бирон младший	16
Господин де Бельгард и многое о Генрихе Третьем	17
Принцесса де Конти	22
Господин Депорт	26
Господин де Сюлли	29
Королева Маргарита	34
Малерб	37
Маршал д'Эстре	58
Мужья — рогоносцы по собственной вине	61
Рогоносцы благоразумные и равнодушные	62
Кардинал де Ришелье	63
Г-н де Нуае и епископ Мандский	110
Людовик Тринадцатый	112
Герцог Орлеанский	127
Ракан и другие чудаки	132
Маркиза де Рамбуйе	141
Вуатюр	151
Шаплен	164
Конрар	173
Маршал де Бассомьер	178
Марион де Лорм	186
Маршал де Лопиталь	188
Госпожа д'Эвек, Ла-Барр, госпожа Компен	191
Госпожа де Ментенон и ее невестка	197
Кардинал де Рец	200
Госпожа де Ла-Грий. Менийе	207
Саразен	208
Нанон	213
Провансальцы и их супруги	220
Различного рода любовники	224
Маленький Скаррон	228
Сумасброды, фантазеры, чудаки и т. д.	232
Вызовы на поединок и примирения	233
Примеры хитроумия, ловкости и присутствия духа	235
Бесхитростные истории, рассказы, меткие словечки и т. д.	236
Любовные увлечения автора	242
Приложения	
От составителя и переводчика	256
Жедеон Таллеман де Рео и его «Historiettes». <i>Т. Г. Хагисова</i>	258
Примечания	276
Указатель имен	293

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
49	10 сверху	до «Z» дотянул	до «L» дотянул
65	15—16 »	Камбале	Комбале
155	20 снизу	пишет, серьезно,	пишет серьезно,
277	11 »	к ее двоюродному брату Генриху IV Шарлю де Бурбону	к ее двоюродному брату Шарлю де Бурбону
312 слева	6 »	Ту, Франсуа-Югюст де	Ту, Франсуа-Огюст де.

Жедеон Таллеман де Рео

